
Истории из вселенной Эндера
ЗВЕЗДНЫЕ ДОРОГИ
Орсон Скотт Кард
АЗБУКА

Звездные дороги. Истории из вселенной Эндера

Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Звездные дороги. Истории из вселенной Эндера
Первые встречи
  Маленький поляк
  Выскочка
  Игра Эндера
  Советник по инвестициям
Война даров
  1. Святой Ник
  2. Чулок Эндера
  3. Дьявольские вопросы
  4. Канун Синтерклааса
  5. День Синтерклааса
  6. Священная война
  7. Носки
  8. Мир
  9. Виггин
  10. Милосердие
Рассказы
  Подающий надежды юноша

Обманщик
Золотой жук
Губернатор Виггин
Тюрьма Мэйзера
Красавчик
Ренегат

Аннотация

В настоящее издание вошли рассказы и повести о героях и событиях вселенной «Игры Эндера», одного из величайших фантастических произведений XX века. Они будут интересны читателю и сами по себе, будучи вполне самостоятельными произведениями, вышедшими из-под пера признанного мастера жанра; и как элементы расширенной вселенной, добавляющие многослойности главному повествованию; и как возможность увидеть варианты, которые рассматривал автор, создавая мир Эндера. Многие из этих коротких историй позже выросли в полноценные романы, некоторые вошли главами, а другие растворились в них, расплелись сюжетными линиями и мотивами. Читатель, внимательно следящий за творчеством Орсона Скотта Карда, наверняка заметит множество несоответствий и разночтений с главными романами саги, которые были написаны позже. Так что эти истории – своего рода апокрифы, порою довольно далеко отходящие от того, что впоследствии стало

считаться каноном. Читателю представляется уникальная возможность не только еще раз соприкоснуться с миром Эндера Виггина, но и проследить путь, по которому шел автор в процессе его созидания.

Орсон Скотт Кард
Звездные дороги. Истории из вселенной Эндера

Orson Scott Card
THE POLISH BOY
Copyright © 2002 by Orson Scott Card
TEACHER'S PEST
Copyright © 2003 by Orson Scott Card
ENDER'S GAME (NOVELLA)
Copyright © 1977 by Orson Scott Card
INVESTMENT COUNCELLOR
Copyright © 1999 by Orson Scott Card
A WAR OF GIFTS
Copyright © 2007 by Orson Scott Card
A YOUNG MAN WITH PROSPECTS
Copyright © 2007 by Orson Scott Card
CHEATER
Copyright © 2006 by Orson Scott Card
THE GOLD BUG
Copyright © 2007 by Orson Scott Card
GOVERNOR WIGGIN
Copyright © 2017 by Orson Scott Card
MAZER IN PRISON
Copyright © 2005 by Orson Scott Card
PRETTY BOY
Copyright © 2006 by Orson Scott Card
RENEGAT
Copyright © 2017 by Orson Scott Card

© Б. М. Жужунава, перевод, 2019

© К. П. Плешков, перевод, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Первые встречи[1]

Юджину Ингланду и Ричарду Кракрофту, двум пастырям литературы Святых последних дней, с уважением и благодарностью от одного из их паствы

[1] Примечания: 1

Этот сборник — действительно первые встречи с героями Вселенной Эндера. Первые — для автора. Читатель, внимательно следящий за творчеством Орсона Скотта Карда, уже знаком с большинством из них и, разумеется, заметит множество несоответствий с романами саги, которые были написаны позже (но на русском изданы намного раньше). Эти рассказы — своего рода апокрифы, порой довольно далеко отходящие от того, что впоследствии стало считаться каноном. *(Примеч. ред.)*

Маленький поляк[2]

Ян Павел терпеть не мог учебу. Мама старалась изо всех сил, но как она могла чему-то научить его, когда у нее было еще восемь детей, шестерым из которых приходилось помогать с уроками, а за двоими, еще совсем малышами, ухаживать?

Больше всего Ян Павел досадовал, что мать пыталась учить его тому, что он и так уже знал. Она давала ему задание раз за разом выводить прописи в тетради, пока сама рассказывала другим детям о куда более интересных вещах, и Ян Павел изо всех сил пытался разобраться в мешанине информации, которую успевал уловить из ее разговоров со старшими. Обрывки географии — он узнал названия десятков государств и их столиц, но не понимал в точности, что такое «государство». Кусочки математики — мать раз за разом вдалбливала в голову Анне науку о многочленах, поскольку та, похоже, даже не пыталась в нее вникнуть, зато Ян Павел научился всем операциям, но скорее как машина, не сознавая, что это означает на самом деле.

---

[2] Примечания: 2
Перевод К. Плешкова.

Задать вопрос он тоже не мог — любая подобная попытка вызывала у матери лишь раздражение, и она заявляла, что все это он узнает, когда придет время, а пока ему следует сосредоточиться на своих уроках.

На своих уроках? Никаких уроков ему не давали — лишь утомительные задания, почти сводившие его с ума. Неужели мама не понимала, что он уже умеет читать и писать не хуже своих старших братьев и сестер? Она заставляла его читать наизусть страницы из букваря, хотя он вполне был способен прочесть любую из имевшихся в доме книг. Он пытался говорить: «Я могу прочесть эту книжку, мама», но та лишь отвечала: «Ян Павел, это все игра, а я хочу, чтобы ты научился читать по-настоящему».

Возможно, если бы он не листал книги для взрослых так быстро, мама бы поняла, что он действительно читает. Но когда книга была ему интересна, он не мог заставить себя читать медленнее, чтобы произвести впечатление на мать. Да и какое ей было дело до его умения читать? Это касалось только его самого — единственная часть учебы, которая ему всерьез нравилась.

— Ты никогда ничему не научишься, — не раз повторяла мама, — если вместо того, чтобы

читать букварь, будешь тратить время на эти толстые книжки. Смотри, в них даже картинок нет — и чего ты с ними постоянно забавляешься?

— И вовсе он не забавляется, — возразил двенадцатилетний Анджей. — Он читает.

— Да-да, пожалуй, мне стоило бы проявить терпение и слегка ему подыграть, — кивнула мама. — Вот только у меня нет времени на…

Тут заплакал один из малышей, и разговор закончился.

За окном шли дети в школьной форме, смеясь и толкаясь.

— Они идут в школу, в то большое здание, — объяснил Анджей. — Сотни ребят в одну и ту же школу.

— Но почему их не учат мамы? — удивился Ян Павел. — Как они вообще могут чему-то научиться, если их сотни?

— У них же не один учитель, дурачок, а по одному на каждых десять или пятнадцать учеников. Но в каждом классе все дети одного возраста и учат одно и то же, так что учитель весь день преподает одни и те же уроки, а не ходит от старших к младшим и обратно.

— И для каждого возраста свой учитель? — немного подумав, спросил Ян Павел.

— Да, и учителям не нужно кормить младенцев и менять им пеленки, так что им вполне хватает времени, чтобы учить по-настоящему.

Но какая была бы с того польза для Яна Павла? Его посадили бы в класс вместе с другими пятилетками, заставили бы целый день читать дурацкий букварь, и он не смог бы слушать учителя, преподающего десяти-, двенадцати- и четырнадцатилетним, так что точно сошел бы там с ума.

— Это настоящий рай, — печально проговорил Анджей. — Если бы у папы с мамой было только двое детей, мы могли бы ходить в школу. Но как только родилась Анна, нас наказали за нарушение закона.

Ян Павел уже устал постоянно слышать это слово, не понимая его смысла.

— Что такое «нарушение закона»?

— В космосе идет большая война, — сказал Анджей. — Высоко в небе.

— Я знаю, что такое космос, — раздраженно бросил Ян Павел.

— Ладно. В общем, идет большая война и все такое. Так что всем странам мира приходится сотрудничать и оплачивать постройку сотен космических кораблей, и они поставили во

главе всего мира человека, которого называют Гегемоном. Гегемон говорит, что мы не можем допустить проблем из-за перенаселения, поэтому каждая пара, у которой больше двух детей, нарушает закон.

Анджей замолчал, решив, что в достаточной степени все объяснил.

— Но у многих больше двух детей, — сказал Ян Павел. У половины соседей было точно так же.

— Потому что мы живем в Польше, — ответил Анджей. — Мы католики.

— Что, ксендз приносит лишних детей? — не понял связи Ян Павел.

— Католики считают, что детей должно быть столько, сколько пошлет Бог. И ни одно правительство не вправе требовать от человека отвергнуть дар Божий.

— Какой еще дар? — спросил Ян Павел.

— Тебя, глупыш, — сказал Анджей. — Ты — дар Божий номер семь в этом доме. А малыши — дары восьмой и девятый.

— Но при чем тут школа?

Анджей закатил глаза.

— Ты и правда тупой, — заявил он. — Школами заведует правительство. Правительство вынуждено вводить наказания за неподчинение закону.

И одно из наказаний состоит в том, что только первые двое детей в семье имеют право ходить в школу.

— Но Петр и Кася не ходят в школу, — возразил Ян Павел.

— Потому что папа с мамой не хотят, чтобы они учились всяким антикатолическим вещам, которые преподают в школе.

Ян Павел хотел спросить, что значит «антикатолический», но сообразил, что это наверняка означает что-то против католиков, так что спрашивать, рискуя, что в ответ Анджей снова назовет его тупым, не имело смысла.

Однако его не оставляли мысли о том, как из-за войны все государства отдали власть одному человеку, который потом сказал всем, сколько детей им можно иметь, и запретил всем лишним детям ходить в школу. Но ведь это даже лучше — не ходить в школу? Как мог Ян Павел чему-то научиться, если бы не сидел в одной комнате с Анной, Анджеем, Петром, Катажиной, Миколаем и Томашем, подслушивая их уроки?

Больше всего его озадачивало, что в школе могли преподавать нечто антикатолическое.

— Все люди — католики? — спросил он как-то раз отца.

— В Польше — да. Или, по крайней мере, так говорят. В свое время так оно и было.

Глаза отца были закрыты — он почти всегда закрывал их, стоило ему присесть. Даже за едой вид у него был такой, словно он вот-вот свалится и заснет. И все потому, что он работал на двух работах — на легальной днем и нелегальной ночью. Ян Павел почти его не видел, кроме как по утрам, но тогда отец валился с ног от усталости, и мама не разрешала с ним разговаривать.

Она и сейчас на него шикнула, хотя отец уже ответил на его вопрос.

— Не приставай к папе, он думает о важных вещах.

— Ни о чем я не думаю, — устало проговорил отец. — Скоро вообще думать разучусь.

— Все равно, — сказала мама.

Но у Яна Павла имелся еще один вопрос, который он не мог не задать.

— Если все католики, то почему в школах учат антикатолическому?

Отец уставился на него словно на сумасшедшего.

— Слушай, тебе сколько лет?

Он явно не понял, о чем спрашивал Ян Павел, поскольку возраст тут был совершенно ни при

чем.

— Мне пять, папа, ты что, забыл? Но почему в школах учат антикатолическому?

Отец повернулся к матери.

— Ему всего пять, зачем ты его этому учишь?

— Это ты его научил, — ответила мама. — Постоянно брюзжишь по поводу правительства.

— Это не наше правительство, это военная оккупация. Очередная попытка задавить Польшу.

— Ну да, болтай больше — и тебя опять накажут, потеряешь работу, и что мы тогда будем делать?

Стало ясно, что никакого ответа не последует, и Ян Павел сдался, оставив вопрос на потом, когда у него будет побольше информации и он сможет связать ее воедино.

Так и шла их жизнь в тот год, когда Яну Павлу было пять, — мама постоянно трудилась, готовя еду и заботясь о малышах, даже когда пыталась вести занятия в гостиной; отец уходил на работу еще до восхода солнца, и всех детей будили, чтобы они могли видеть отца хотя бы раз в день.

Вплоть до того дня, когда отец не пошел на работу, оставшись дома.

За завтраком отец с матерью напряженно молчали, а когда Анна спросила, почему папа еще с ними, мама лишь бросила: «Сегодня он на работу

не пойдет», таким тоном, словно говоря: «Не задавай лишних вопросов».

С двумя учителями уроки в тот день могли бы пройти и получше, но отцу явно не хватало терпения, и в итоге он едва не довел до слез Анну и Катажину, которые сбежали к себе в комнату, а сам отправился в сад полоть грядки.

Когда в дверь постучали, матери пришлось послать Анджея, чтобы тот привел отца. Пока отец шел назад, стряхивая землю с рук, стук повторился еще дважды, все более настойчиво.

Отец открыл дверь и встал на пороге, заполнив своей рослой крепкой фигурой дверной проем.

— Что вам нужно? — требовательно спросил он на общем вместо польского, и дети сразу поняли, что пришел какой-то иностранец.

Последовал негромкий ответ, который Ян Павел отчетливо расслышал. Голос принадлежал женщине.

— Я представляю программу тестов Международного флота. Как я понимаю, у вас трое мальчиков в возрасте от шести до двенадцати лет?

— Наши дети никак вас не касаются.

— Как вам известно, господин Вечорек, предварительные тесты обязательны по закону, и

моя задача — исполнить его требования. Если предпочитаете, могу вызвать военную полицию, которая вам все объяснит.

Ее слова звучали так спокойно, что до Яна Павла не сразу дошло, что это вовсе не предложение, а угроза.

Отец мрачно отступил назад.

— И что вы мне сделаете — в тюрьму посадите? Вы приняли законы, которые запрещают моей жене работать, нам приходится учить детей дома, а теперь вы вообще лишаете мою семью куска хлеба?

— Я не определяю правительственную политику, — ответила женщина, окидывая взглядом полную детей комнату. — Все, что меня интересует, — тестирование детей.

— Петр и Катажина уже прошли правительственные тесты, — вмешался Анджей. — Всего месяц назад. Уровень их знаний подтвержден.

— Речь не об уровне знаний, — сказала женщина. — Я не представляю ни систему образования, ни польское правительство…

— Нет никакого польского правительства, — заявил отец. — Только оккупационная армия, требующая подчинения диктатуре Гегемонии.

— Я представляю Флот, — продолжала женщи-

на. — По закону нам запрещено даже высказываться по поводу политики Гегемонии, пока мы в форме. Чем раньше я начну тестирование, тем раньше вы сможете вернуться к своим обычным делам. Они все говорят на общем?

— Конечно, — с некоторой гордостью ответила мама. — Уж точно не хуже, чем по-польски.

— Я понаблюдаю за тестами, — сказал отец.

— Прошу прощения, сэр, — ответила женщина, — но такой возможности у вас не будет. Предоставьте мне комнату, где я смогу побыть наедине с каждым из детей, а если в вашем жилище только одна комната — уведите всех на улицу или к соседям. Проводить тесты буду я одна.

Отец попытался ее припугнуть, но понял, что в этом бою он безоружен, и отвел взгляд.

— Мне все равно, пройдут ли они тесты. Даже если пройдут — я не позволю вам их забрать.

— Не будем загадывать заранее, — сказала женщина. Вид у нее был грустный, и Ян Павел вдруг понял почему: потому что она знала, что никакого выбора у отца не будет, но ей не хотелось говорить об этом прямо. Ей просто хотелось сделать свое дело и уйти.

Ян Павел понятия не имел, откуда он это знает, — порой знание просто приходило к нему

само. Не так, как с историческими фактами, географией или математикой, когда, чтобы что-то узнать, требовалось этому научиться, — ему достаточно было посмотреть на кого-то или кого-то послушать, и вдруг он узнавал о них нечто новое. Чего они хотели или почему поступали именно так, а не иначе. К примеру, когда ссорились его братья и сестры, он обычно отчетливо понимал, что стало причиной ссоры, и, как правило, даже не задумываясь, находил подходящие слова, чтобы эту ссору прекратить. Иногда он молчал, поскольку ему было все равно, ссорятся они или нет, но когда кто-то начинал злиться по-настоящему и уже готов был полезть в драку, Ян Павел говорил то, что следовало сказать, и ссора тут же заканчивалась.

С Петром обычно срабатывало нечто вроде: «Делай, что Петр говорит, он тут главный», после чего лицо Петра заливалось краской и он выходил из комнаты, на чем спор завершался, поскольку Петр терпеть не мог, когда кто-то заявлял, будто он считает себя главным. Но с Анной это не работало, и, чтобы повлиять на нее, требовалось сказать нечто вроде: «Да уже красная как рак», после чего Ян Павел смеялся, а она с воплем вылетала за дверь и носилась по всему дому,

но ссора все равно заканчивалась — поскольку Анна ненавидела даже мысль о том, что может показаться кому-то смешной или глупой.

И даже теперь Ян Павел знал, что, если бы он просто сказал: «Папа, мне страшно», отец вытолкал бы эту женщину взашей и потом у него была бы куча проблем. Но если бы Ян Павел спросил: «Папа, а можно мне тоже пройти тест?» — отец бы рассмеялся и больше не выглядел таким пристыженным, несчастным и злым.

Именно так он и сделал.

— Это наш Ян Павел, — рассмеялся отец. — Все время хочет чего-то большего.

Женщина посмотрела на Яна Павла.

— Сколько ему?

— Еще нет шести, — резко бросила мать.

— Ясно, — кивнула женщина. — Что ж, как я понимаю, это Миколай, это Томаш, а это Анджей?

— А меня вы тестировать не будете? — спросил Петр.

— Боюсь, ты уже слишком большой мальчик, — ответила она. — К тому времени, когда Флот смог получить доступ к неподчинившимся государствам… — Она не договорила.

Петр встал и угрюмо вышел.

— А девочки? — спросила Катажина.

— Девочки не хотят быть солдатами, — ответила Анна.

Внезапно Ян Павел понял, что это вовсе не обычные правительственные тесты. Это был тест, который хотелось пройти Петру, а Катажина завидовала, что его не могут проходить девочки[3].

Если суть теста заключалась в проверке на пригодность к военной службе, глупо было считать Петра слишком большим мальчиком — он был единственным, кто уже достиг роста взрослого мужчины. Они что, считали, будто Анджей или Миколай могли бы носить оружие и убивать людей? Может, Томаш и смог бы, но он был несколько полноват, несмотря на рост, и не был похож ни на кого из виденных Яном Павлом солдат.

— Кого хотите первым? — спросила мама. — И не могли бы вы заняться этим в спальне, чтобы я могла продолжить уроки?

— Правила требуют, чтобы тесты проводились в помещении с выходом на улицу и с открытой дверью, — ответила женщина.

— Господи, да ничего мы вам не сделаем, — ска-

---

[3] Примечания: 3

По крайней мере, во время действия романа «Игра Эндера» (то есть спустя тридцать лет) девочки проходили тесты и поступали в Боевую школу. *(Примеч. ред.)*

зал отец.

Женщина лишь коротко взглянула на него, потом на мать, и оба они, похоже, сдались. Ян Павел понял, что, вероятно, во время такого же теста кто-то пострадал. Кого-то, вероятно, завели в комнату на задах и ранили, а может, даже убили. Тестирование было опасным делом — некоторых оно могло разозлить даже больше, чем отца и мать.

Но почему у них вызывало ненависть и страх то, чего так хотелось Петру и Катажине?

Устроить обычные занятия в спальне девочек оказалось невозможно, хоть кроватей там было меньше. Вскоре мама предложила всем почитать, что захочется, а сама занялась кормлением одного из младенцев. И когда Ян Павел спросил, можно ли ему пойти почитать в другую комнату, мама возражать не стала.

Естественно, она предполагала, что он имел в виду другую спальню, поскольку, когда кто-то в семье говорил про «другую комнату», подразумевалась другая спальня. Но туда Ян Павел вовсе не собирался, а вместо этого отправился на кухню.

Отец с матерью запретили детям входить в гостиную, пока там шли тесты, но это нисколько не мешало Яну Павлу сидеть на полу у самой двери,

читая книгу и прислушиваясь к происходящему.

Он то и дело замечал, что женщина бросает на него взгляд, но она ничего ему не говорила, и он просто продолжал читать книгу о жизни святого Иоанна Павла Второго, великого римского папы, поляка по происхождению, в честь которого назвали его самого. Книга увлекла мальчика с головой, поскольку в ней он наконец получил ответы на свои вопросы о том, почему католики не такие, как все, и почему Гегемон их не любит.

Даже читая, он продолжал прислушиваться. Тесты ничем не напоминали правительственные экзамены с вопросами о разных фактах, математическими задачами и проверками на знание частей речи. Вместо этого женщина задавала мальчикам вопросы, на которые на самом деле не было ответов, — про то, что им нравится и не нравится и почему люди поступают так, а не иначе. Лишь минут через пятнадцать она начала письменный тест, состоявший из более привычных задач.

Сперва Ян Павел даже подумал, что эти вопросы — вообще не часть теста. Лишь когда женщина спросила каждого мальчика в точности об одном и том же, а затем начала задавать дополнительные вопросы в зависимости от их ответов, он

понял, что это одна из главных причин, по которой она вообще сюда пришла. И судя по тому, с каким сосредоточенным и напряженным видом она спрашивала, Ян Павел сообразил, что вопросы эти для нее на самом деле куда важнее, чем письменная часть.

Яну Павлу хотелось ответить на ее вопросы. Ему хотелось пройти тест. Ему нравилось проходить тесты. Он всегда отвечал про себя, когда тесты проходили старшие дети, — просто чтобы выяснить, сумеет ли он ответить на те же вопросы, что и они.

Так что, когда женщина закончила с Анджеем, Ян Павел уже собирался спросить, можно ли и ему пройти тест, но тут она обратилась к маме:

— Сколько лет этому малышу?

— Мы же вам говорили, — ответила мама. — Всего пять.

— Взгляните, что он читает.

— Он просто листает страницы. Для него это игра — он просто подражает старшим.

— Нет, он читает, — настаивала женщина.

— Слушайте, вы здесь всего несколько часов, но уже знаете о моих детях больше меня, хотя я учу их каждый день?

Женщина не стала спорить.

— Как его зовут?

Мама промолчала.

— Ян Павел, — ответил за нее он сам.

Мама яростно уставилась на него. Как и Анджей.

— Я хочу пройти тест, — сказал Ян Павел.

— Ты еще слишком мал, — заявил Анджей по-польски.

— Мне через три недели уже будет шесть, — продолжал Ян Павел на общем. Ему хотелось, чтобы женщина его поняла.

— У меня есть право протестировать его раньше времени, — кивнула она.

— Право, но не обязанность, — сказал отец, входя в комнату. — Что он тут делает?

— Он говорил, что пойдет в другую комнату почитать, — ответила мама. — Я думала, он имел в виду другую спальню.

— Я на кухне, — сказал Ян Павел.

— Он никому не мешал, — заметила женщина.

— Очень жаль, — заявил отец.

— Мне бы хотелось его протестировать, — сказала женщина.

— Нет, — отрезал отец.

— Все равно кто-то придет через три недели и сделает это вместо меня, — пожала она плеча-

ми. — И в очередной раз испортит вам весь день. Почему бы не покончить с этим прямо сейчас?

— Он уже слышал ответы, — сказала мама. — Раз уж сидел тут и подслушивал.

— Суть теста не в этом, — возразила женщина. — Даже если и слышал, ничего страшного.

Ян Павел уже понял, что папа с мамой готовы сдаться, так что никак не пытался на них повлиять. Ему не хотелось чересчур часто прибегать к своему умению находить нужные слова, иначе кто-нибудь мог сообразить, в чем дело, и его метод перестал бы работать.

Разговор занял еще несколько минут, но в конце концов Ян Павел оказался на диване рядом с женщиной.

— Я в самом деле читал, — сказал он.

— Знаю, — ответила женщина.

— Откуда? — поинтересовался Ян Павел.

— Потому что ты листал страницы в равномерном ритме. Ты ведь очень быстро читаешь?

— Когда книжка интересная — да, — кивнул Ян Павел.

— А святой Иоанн Павел — интересный человек?

— Он поступал так, как считал правильным, — сказал Ян Павел.

— Тебя ведь назвали в его честь?

— Он был очень смелый, — продолжал Ян Павел. — И он никогда не делал того, чего хотели от него плохие люди, если считал, что это важно.

— Какие плохие люди?

— Коммунисты, — ответил Ян Павел.

— Откуда ты знаешь, что они были плохими? Так говорится в этой книге?

«Не прямо», — сообразил Ян Павел.

— Коммунисты заставляли людей делать то, что им не хотелось. Они пытались наказывать людей за то, что они были католиками.

— И это плохо?

— Бог — католик, — сказал Ян Павел.

— Мусульмане считают, что Бог — мусульманин, — улыбнулась женщина.

Ян Павел переварил услышанное.

— Некоторые думают, будто Бога вообще нет.

— Так и есть, — кивнула женщина.

— Что именно?

— Что некоторые думают, будто его нет, — усмехнулась она. — Я даже сама этого не знаю. У меня нет мнения на этот счет.

— Значит, вы не верите в Бога, — сказал Ян Павел.

— Что, правда?

— Так говорил святой Иоанн Павел Второй. Если кто-то заявляет, будто он не знает о Боге или Бог его нисколько не волнует, это то же самое, как если бы он не верил в Бога, потому что, если ты хотя бы надеешься, что Бог есть, тебя это будет волновать, и даже очень.

— Вот, значит, как ты просто страницы листаешь! — рассмеялась женщина.

— Я могу ответить на все ваши вопросы, — сказал мальчик.

— Еще до того, как я их задала?

— Я не стал бы его бить, — сказал Ян Павел, отвечая на вопрос, что бы он стал делать, если бы друг попытался у него что-то отобрать. — Потому что тогда он не был бы моим другом. Но я и не позволил бы ему что-то у меня отнять. — Дальше должен был следовать дополнительный вопрос: «И как бы ты ему помешал?», так что Ян Павел тут же продолжил: — Я бы просто сказал ему: «Забирай. Я отдаю эту вещь тебе, она теперь твоя. Потому что я хочу, чтобы ты остался моим другом, больше, чем чтобы эта вещь осталась у меня».

— Где ты этому научился? — спросила женщина.

— Это не вопрос из теста, — заметил Ян Павел.

— Нет, — покачала она головой.

— Мне кажется, иногда приходится делать другим больно, — сказал Ян Павел, отвечая на следующий вопрос: «Бывает так, что ты считаешь себя вправе причинить кому-то боль?»

Мальчик отвечал на каждый вопрос, включая дополнительные, не дожидаясь, пока они прозвучат, — в том же порядке, в каком они задавались его братьям.

— А дальше — письменная часть, — сказал он, закончив. — Этих вопросов я не знаю, потому что я их не видел, а вы не читали их вслух.

Все оказалось проще, чем он думал. Вопросы касались геометрических фигур, проверки памяти, выбора нужных фраз, решения примеров и тому подобного. Женщина все время смотрела на часы, и он спешил.

Когда все закончилось, она просто молча уставилась на него.

— Я все правильно сделал? — спросил Ян Павел.

Она кивнула.

Ян Павел наблюдал за ее лицом, за ее позой, за ее неподвижными руками, за ее взглядом, за ее дыханием. Ему стало ясно, что она крайне взволнована, хотя изо всех сил старается сохранять спокойствие. Именно потому она молчала — ей

не хотелось, чтобы он все понял.

Но он понял.

Именно он оказался тем, кого она искала.

— Некоторые могли бы счесть, что это одна из причин, по которым женщинам нельзя проводить тесты, — сказал полковник Силлаайн.

— В таком случае эти некоторые умственно неполноценны, — ответила Хелена Рудольф.

— Женщины порой неадекватно реагируют на симпатичные детские рожицы, — объяснил Силлаайн. — Сразу начинают ахать и охать, толкуя все сомнения в пользу ребенка.

— К счастью, в отношении меня у вас подобных подозрений нет, — заметила Хелена.

— Да, — кивнул Силлаайн. — Поскольку я знаю, что у вас нет сердца.

— Ну вот, — усмехнулась Хелена. — Наконец-то мы поняли друг друга.

— И вы утверждаете, что этот пятилетний поляк не просто не по годам развит?

— Бог свидетель, в конце концов, в том и состоит суть наших тестов — выявлять раннее развитие.

— Разрабатываются тесты и получше, сосредоточенные исключительно на выявлении военных способностей у детей даже младше, чем

вы могли бы предположить.

— Жаль, что уже почти слишком поздно.

— Существует теория, что нет никакой необходимости подвергать их полному курсу обучения, — пожал плечами полковник Силлаайн.

— Да-да, я читала о том, насколько молод был Александр. Ему, однако, помогло то, что он был сыном царя и сражался с войсками лишенных какой-либо мотивации наемников.

— То есть вы считаете, что у жукеров есть мотивация?

— Жукеры — мечта любого командира, — ответила Хелена. — Они не оспаривают приказы, а просто их исполняют. Каковы бы те ни были.

— Но они и кошмар командира, — заметил Силлаайн. — Они не мыслят самостоятельно.

— Ян Павел Вечорек вполне реален, — сказала Хелена. — И через тридцать пять лет ему будет сорок. Так что теорию Александра проверять не придется.

— Вы так говорите, словно уверены, что это будет именно он.

— Этого я не знаю, — возразила Хелена. — Но он — в самом деле нечто. То, что он говорит…

— Я читал ваш доклад.

— Когда он сказал: «Я предпочел бы, чтобы у

меня остался друг, а не какая-то вещь», у меня аж дыхание перехватило. В смысле — ему же всего пять лет!

— И это никак вас не насторожило? Такое впечатление, будто его специально готовили.

— Вовсе нет. Его родители не хотели, чтобы их дети проходили тесты, а тем более он слишком маленький и все такое прочее.

— Это они так говорили.

— Отец даже на работу не пошел, чтобы попытаться мне помешать.

— Или чтобы вы подумали, будто он хотел вам помешать.

— Он не может себе позволить лишиться дневной зарплаты. Родителям, нарушающим закон, оплаченных отгулов не дают.

— Знаю, — кивнул Силлаайн. — Хороша будет ирония судьбы, если этот Ян Павел Как-его-там…

— Вечорек.

— Да, он самый. Хороша будет ирония судьбы, если после всех наших усилий по строгому контролю за рождаемостью — имейте в виду, исключительно по причине войны, — окажется, что командиром флота стал седьмой ребенок не подчинившихся закону родителей.

— Да уж, весьма хороша.

— Кажется, по одной из теорий все определяется порядком рождения, и только первенцы обладают подходящими нам чертами личности.

— При условии равенства остальных параметров. Что вовсе не так.

— Мы слишком опережаем события, капитан Рудольф, — сказал Силлаайн. — Как я понимаю, родители вряд ли согласятся?

— Да, вряд ли, — кивнула Хелена.

— Так что на самом деле вопрос носит чисто академический характер?

— Нет, если…

— Да уж, весьма разумно было бы устраивать из-за этого международный инцидент. — Он откинулся на спинку кресла.

— Не думаю, что это вызвало бы международный инцидент.

— В договоре с Польшей четко обусловлена власть родителей, уважение к семье и прочее.

— Поляки страстно желают объединиться с остальным миром. И вряд ли они станут ссылаться на эту статью, если мы объясним им, насколько важен для нас этот мальчик.

— Важен ли? — заметил Силлаайн. — Вот в чем вопрос. Стоит ли ради него ворошить осиное гнездо?

— Если дело начнет серьезно вонять, мы всегда можем дать обратный ход.

— Вижу, у вас немалый опыт в области пиара.

— Познакомьтесь с ним сами, — предложила Хелена. — Через несколько дней ему исполнится шесть. Познакомьтесь с ним, а потом расскажете, стоит ли ради него рисковать международным инцидентом.

Свой день рождения Ян Павел представлял себе совсем иначе. Мама целый день делала леденец из сахара, который выпросила у соседей, и Яну Павлу хотелось его сосать, а не жевать, чтобы растянуть удовольствие, но отец велел либо выплюнуть леденец в мусорное ведро, либо проглотить, так что леденец давно исчез в его желудке, — и все из-за этих людей из Международного флота.

— Предварительная проверка дала несколько спорные результаты, — сказал мужчина. — Возможно, потому что мальчик слышал три предыдущих теста. Нам просто нужна точная информация, только и всего.

Естественно, он врал — это было видно по тому, как он двигался, как смотрел, не мигая, прямо в глаза отцу. Он знал, что врет, и изо всех сил пытался делать вид, будто это не так. Так же всегда

поступал Томаш, которому удавалось одурачить отца, но никогда — маму, и уж тем более Яна Павла.

Но почему этот человек врал? Зачем на самом деле понадобился еще один тест?

Мальчик вспомнил мысль, которая возникла у него, когда та женщина тестировала его три недели назад, — мысль о том, что она нашла того, кого искала. Но потом ничего не произошло, и он решил, что, наверное, ошибся. А теперь она вернулась вместе с мужчиной, который врал.

Всю семью выставили в другие комнаты. Наступил вечер, папе пора было идти на вторую работу, но он не мог уйти, пока здесь находились эти люди — иначе они узнали бы, или догадались, или заинтересовались, чем он занимается. Так что чем дольше все это будет продолжаться, тем меньше сегодня ночью заработает папа, и тогда у них будет меньше еды и одежды.

К досаде Яна Павла, мужчина выставил из комнаты даже пришедшую с ним женщину. И уж совсем ему не нравилось то, как мужчина разглядывал их дом, других детей, маму с папой — будто считал себя чем-то лучше их.

Мужчина задал вопрос.

Ян Павел ответил на польском вместо общего.

Мужчина тупо уставился на него.

— Я думал, он говорит на общем! — крикнул он.

Женщина снова заглянула в комнату — видимо, ждала на кухне:

— Говорит, и весьма бегло.

Мужчина опять посмотрел на Яна Павла, но уже без прежнего презрения во взгляде.

— И в какую игру ты тут со мной играешь?

— Мы бедны только потому, что Гегемон наказывает католиков за послушание воле Божьей, — ответил Ян Павел по-польски.

— На общем, пожалуйста, — сказал мужчина.

— Этот язык называется английским, — сказал Ян Павел по-польски. — И почему я вообще должен с вами разговаривать?

— Простите, что зря потратил ваше время, — вздохнул мужчина и встал.

Женщина вернулась в комнату. Они думали, что шепчутся достаточно тихо, но, как и большинство взрослых, полагали, что их разговоры детям все равно непонятны, так что не особо заботились о том, чтобы не быть услышанными.

— Он бросает вам вызов, — сказала женщина.

— Я догадался, — раздраженно буркнул мужчина.

— Так что, если вы уйдете, он окажется победителем.

«Неплохо», — подумал Ян Павел. Женщина была совсем не глупа. Она знала, что сказать, чтобы убедить мужчину поступить так, как нужно ей.

— Или победителем окажется кто-то другой. — Она подошла к Яну Павлу. — Полковник Силлаайн считает, что я соврала ему, когда сказала, что ты отлично справился с тестами.

— И насколько я справился? — спросил Ян Павел на общем.

Слегка улыбнувшись, женщина бросила взгляд на полковника Силлаайна, который снова сел.

— Ладно, — сказал он. — Ты готов?

— Готов, если вы будете говорить по-польски, — ответил по-польски Ян Павел.

Силлаайн рассерженно повернулся к женщине:

— Чего он хочет?

— Скажите ему, — обратился к ней на общем Ян Павел, — что я не хочу, чтобы меня тестировал тот, кто считает моих родных отбросами.

— Во-первых, — сказал полковник, — я так не считаю…

— Вранье, — заявил Ян Павел по-польски и взглянул на женщину, которая беспомощно по-

жала плечами.

— Я тоже не говорю по-польски.

— Вы правите нами, — сказал ей Ян Павел на общем, — но даже не желаете выучить наш язык. Вместо этого нам приходится учить ваш.

— Это не мой язык, — рассмеялась она. — И не его. Общий — всего лишь упрощенный вариант английского, а я немка. — Женщина показала на Силлаайна. — Он финн, но никто больше не говорит на его языке. Даже сами финны.

— Послушай, — сказал Силлаайн Яну Павлу. — Я больше не собираюсь играть с тобой в игры. Ты говоришь на общем, а я не говорю на польском, так что отвечай на мои вопросы на общем.

— И что вы мне сделаете? — спросил Ян Павел по-польски. — В тюрьму посадите?

Забавно было смотреть, как все сильнее багровеет физиономия Силлаайна, но тут в комнату вошел отец, вид у которого был крайне усталый.

— Ян Павел, — велел он. — Делай то, что тебе говорят.

— Они хотят меня у вас забрать, — сказал Ян Павел на общем.

— Ничего подобного, — возразил полковник.

— Он врет, — ответил Ян Павел. Полковник слегка покраснел. — И он нас ненавидит. Он ду-

мает, что мы бедные и что иметь столько детей — просто отвратительно.

— Неправда, — сказал Силлаайн.

Отец не обратил на него никакого внимания.

— Мы в самом деле бедные, Ян Павел.

— Только из-за Гегемонии, — ответил Ян Павел.

— Не читай мне мои собственные проповеди. — Отец перешел на польский. — Если не станешь делать то, что тебя просят, они могут наказать маму и меня.

Порой отец тоже умел найти подходящие слова. Ян Павел снова повернулся к Силлаайну.

— Я не хочу оставаться один с вами. Хочу, чтобы она тоже была здесь.

— Часть теста заключается в том, — сказал Силлаайн, — чтобы выяснить, насколько хорошо ты умеешь исполнять приказы.

— Значит, я его провалил, — ответил Ян Павел.

Женщина и отец рассмеялись, но Силлаайн оставался серьезен.

— Очевидно, что этого ребенка учили неподчинению, капитан Рудольф. Идемте.

— Никто его не учил, — сказал отец.

Ян Павел заметил тревогу в его взгляде.

— Никто меня не учил, — подтвердил маль-

чик.

— Мать даже не знала, что он умеет читать на уровне колледжа, — тихо проговорила женщина.

Уровень колледжа? Яну Павлу это показалось забавным. Если знаешь буквы, чтение — это просто чтение. Какие тут могут быть уровни?

— Она хотела, чтобы вы так подумали, — возразил Силлаайн.

— Моя мама не врет, — заявил Ян Павел.

— Нет-нет, конечно, — кивнул Силлаайн. — Я вовсе не имел в виду…

Теперь стала ясна правда: он боялся. Боялся, что Ян Павел может не пройти этот тест. И страх его означал, что власть в данной ситуации принадлежала Яну Павлу — даже в большей степени, чем он мог предположить.

— Я отвечу на ваши вопросы, — сказал Ян Павел, — если она останется здесь.

На этот раз он знал, что Силлаайн скажет «да».

В конференц-зале в Берлине собралось около десятка экспертов и военных чинов. Все уже читали доклады полковника Силлаайна и Хелены, видели результаты теста Яна Павла, смотрели видеозапись разговора Силлаайна с Яном Павлом Вечореком до, во время и после теста.

Хелену забавляло недовольство полковника,

вынужденного наблюдать, как им манипулирует шестилетний поляк. Тогда, естественно, это было не столь очевидно, но после нескольких просмотров видео становилось ясно до боли. И хотя все сидевшие за столом вели себя достаточно вежливо, некоторые не удержались от приподнятых бровей, кивка или легкой улыбки, услышав слова Яна Павла: «Значит, я его провалил».

Когда видео закончилось, русский генерал из ведомства Стратега спросил:

— Он что, блефовал?

— Ему всего шесть, — пожал плечами молодой индиец, представлявший Полемарха.

— Именно это больше всего и пугает, — заметил преподаватель Боевой школы. — Как, собственно, и во всех детях в Боевой школе. Вряд ли многим за всю свою жизнь доводилось встретить хотя бы одного такого.

— Значит, капитан Графф, — спросил индиец, — по вашему мнению, он не представляет собой ничего особенного?

— Они все особенные, — ответил Графф. — Но этот… У него выдающиеся результаты тестов, на высшем уровне. Может, и не самые лучшие из всех, что нам встречались, но тесты не настолько хорошо предсказывают будущее, как нам бы хо-

телось. Что меня впечатлило, так это его умение вести переговоры.

«Или отсутствие подобного умения у полковника Силлаайна», — хотела сказать Хелена, но поняла, что это было бы нечестно. Силлаайн пытался блефовать, но мальчик раскрыл его. Кто мог предположить, что у ребенка хватит на это ума?

— Что ж, — сказал индиец. — Это определенно подтверждает, что мы поступили разумно, открыв Боевую школу для неподчинившихся наций.

— Есть только одна проблема, капитан Чамраджнагар, — заметил Графф. — Во всех этих документах, в этой видеозаписи, в нашем разговоре никто даже не предположил, что мальчик готов туда отправиться.

За столом наступила тишина.

— Нет, конечно же, — сказал полковник Силлаайн. — Это всего лишь первое знакомство. Его родители повели себя несколько враждебно — отец даже не пошел на работу и остался дома, когда Хелена… капитан Рудольф пришла протестировать троих старших братьев. Думаю, могут быть проблемы. Прежде чем заводить разговор, нам следует оценить, какие рычаги давления я могу получить.

— В смысле — чтобы силой принудить родителей? — спросил Графф.

— Или чем-то соблазнить их, — сказал Силлаайн.

— Поляки — упрямый народ, — заявил русский генерал. — Это в их славянском характере.

— Еще немного, и у нас появятся тесты, — сообщил Графф, — способные с точностью в девяносто процентов предсказать военные способности.

— У вас есть тест для определения лидерских качеств? — спросил Чамраджнагар.

— Это один из компонентов, — ответил Графф.

— Потому что у этого мальчика они явно есть, причем выходящие за все пределы. Я даже не знаю, каковы эти пределы, но сомнений у меня нет.

— По-настоящему лидерские качества познаются в Игре, — сказал Графф. — Но — да, полагаю, мальчик отлично с ней справится.

— Если он вообще согласится, — буркнул русский.

— Мне кажется, — сказал Чамраджнагар, — что следующий шаг должен совершить не полковник Силлаайн.

Силлаайн возмущенно фыркнул. Хелена хотела было улыбнуться, но вместо этого заметила:

— Полковник Силлаайн — глава команды, и в соответствии с протоколом…

— Он уже скомпрометировал себя, — возразил Чамраджнагар. — Я вовсе не критикую полковника — не знаю, кто из нас подошел бы на эту роль лучше. Но мальчик заставил его отступить, и вряд ли это поможет установлению близких отношений.

Будучи опытным карьеристом, Силлаайн знал, когда стоит преподнести собственную голову на блюде.

— Конечно — лишь бы это способствовало достижению цели.

Хелена знала, что он злится на Чамраджнагара, хотя и не показывает виду.

— И тем не менее вопрос, заданный полковником Силлаайном, остается в силе, — сказал Графф. — Какие полномочия будут даны переговорщику?

— Любые, какие только потребуются, — заявил русский генерал.

— Но мы как раз не знаем, какие именно, — ответил Графф.

— Думаю, мой коллега имеет в виду, что любые средства побуждения, которые сочтет необходимыми переговорщик, будут поддержаны

Стратегом, — сказал Чамраджнагар. — Уверяю, ведомство Полемарха считает так же.

— Вряд ли этот мальчик настолько важен, — заметил Графф. — Боевая школа существует из-за необходимости начинать военное обучение в детстве, чтобы выработать соответствующий образ мышления и действий. Но мы располагаем достаточным количеством данных, которые…

— Мы знаем эту историю, — сказал русский генерал.

— Давайте не начинать дискуссию заново, — предложил Чамраджнагар.

— После того как ученики достигают зрелости, наблюдается четко выраженное падение показываемых ими результатов, — сказал Графф. — Это факт, независимо от того, нравится он нам или нет.

— Они знают больше, но справляются хуже? — спросил Чамраджнагар. — Странно. В это трудно поверить, а поверив, столь же трудно объяснить.

— Это значит, что нам вовсе не обязательно заполучить этого мальчика, поскольку нам не придется ждать, пока ребенок вырастет.

— Поручить нашу войну детям? — насмешливо бросил русский генерал. — Надеюсь, до такой отчаянной ситуации никогда не дойдет.

Последовала долгая пауза, а затем заговорил Чамраджнагар, похоже получавший указания через наушник.

— Ведомство Полемарха считает, что, поскольку данные, о которых говорит капитан Графф, неполны, благоразумно действовать так, как если бы мальчик в самом деле был нам нужен. Время поджимает, и никто не может сказать, не станет ли он нашим последним шансом.

— Стратег придерживается того же мнения, — подтвердил русский генерал.

— Да, — кивнул Графф. — Как я уже говорил, результаты не окончательны.

— Значит, любые полномочия, — подытожил полковник Силлаайн. — Для того, кто будет вести переговоры.

— Думаю, — сказал Чамраджнагар, — директор Боевой школы уже продемонстрировал, кому он больше всех доверяет в данный момент.

Все взгляды обратились к капитану Граффу.

— Был бы рад, если бы мне составила компанию капитан Рудольф. Насколько я понимаю, в наших записях зафиксировано, что этот польский мальчик предпочитает, чтобы она была рядом.

На этот раз отец с мамой приготовились к визиту офицеров Флота получше. Между ними на

диване сидела их подруга Магда, которая была адвокатом, хотя и лишенным практики за нарушение закона о регулировании рождаемости.

Яна Павла, однако, в комнате не было.

— Не позволяйте им запугивать ребенка, — сказала Магда, и мама с папой тотчас же выгнали его за дверь, так что он даже не видел, как пришли посетители.

Тем не менее с кухни ему все было слышно. Он сразу же понял, что мужчины-полковника, который ему так не понравился, теперь нет, зато женщина была все та же. С ней был другой мужчина, в голосе которого не было лжи. Его звали капитаном Граффом.

После обмена любезностями и предложения сесть и выпить Графф быстро перешел к делу.

— Вижу, вы не желаете, чтобы я увидел мальчика.

— Его родители сочли, что ему лучше не присутствовать, — высокомерно заявила Магда.

Наступила долгая пауза.

— Магдалена Тэчло, — мягко проговорил Графф, — никто не запрещает этим людям пригласить подругу. Но мне крайне не хотелось бы, чтобы вы играли роль их адвоката.

Если Магда что-то и ответила, Ян Павел этого

не расслышал.

— Я бы хотел увидеть мальчика, — сказал Графф.

Отец начал объяснять, что этого никогда не будет, так что если это единственное его желание, то он с тем же успехом может встать и уйти.

Снова последовала пауза. Капитан Графф никак не мог подняться со стула, не издав ни звука, так что он наверняка продолжал сидеть, не собираясь уходить, но и не пытаясь убедить родителей.

Жаль — Яну Павлу очень хотелось узнать, что тот мог бы им сказать, чтобы заставить их поступить по его воле. То, как Графф заставил замолчать Магду, поразило мальчика, к тому же ему не терпелось выяснить, что вообще происходит, и он выглянул из-за разделявшей комнаты перегородки.

Графф ничего не делал. Во взгляде его не было угрозы, он не пытался к чему-то принуждать родителей — лишь весело смотрел то на маму, то на папу, полностью игнорируя Магду, как будто ее вообще не существовало.

Повернув голову, Графф взглянул прямо на Яна Павла.

Ян Павел подумал, будто тот собирается сказать что-то такое, отчего у него будет куча проблем, но

Графф смотрел на него лишь мгновение, а затем снова повернулся к родителям.

— Естественно, вы понимаете… — начал он.

— Нет, не понимаю, — ответил отец. — Вы не увидите мальчика, пока так не решим мы, и для этого вы должны согласиться на наши условия.

Графф бесстрастно посмотрел на отца:

— Он не кормилец вашей семьи. На какие трудности вы можете сослаться?

— В подачках мы не нуждаемся, — гневно бросил отец. — И не требуем компенсации.

— Все, чего я хочу, — сказал Графф, — это переговорить с мальчиком.

— Но не наедине, — заявил отец.

— В нашем присутствии, — добавила мама.

— Вполне устроит, — ответил Графф. — Но, думаю, Магдалена занимает его место.

Мгновение поколебавшись, Магда встала и вышла, хлопнув дверью чуть громче обычного.

Графф поманил к себе Яна Павла. Тот вошел и сел на диван между родителями.

Капитан начал рассказывать ему про Боевую школу — про то, что он полетит в космос и станет учиться на солдата, чтобы помочь сражаться с жукерами, когда случится очередное их вторжение.

— Однажды ты сможешь повести флот в бой, —

сказал Графф. — Или возглавить отряд морпехов, врывающихся на вражеский корабль.

— Я не могу, — сказал Ян Павел.

— Почему? — спросил Графф.

— Я пропущу уроки, — ответил мальчик. — Мама учит нас прямо тут, в этой комнате.

Графф не ответил. От его пристального взгляда Яну Павлу стало не по себе.

— Но у тебя там будут учителя, — заговорила женщина с Флота. — В Боевой школе.

Ян Павел даже на нее не взглянул, продолжая наблюдать за Граффом. Сегодня вся власть была в руках капитана.

— Ты считаешь нечестным, что, пока ты будешь в Боевой школе, твоя семья будет все так же прозябать здесь? — наконец спросил Графф.

Ян Павел об этом не думал. Но теперь, когда Графф об этом сказал…

— Нас у родителей девять детей, — объяснил мальчик. — Маме очень трудно учить нас всех сразу.

— Что, если Флот сумеет убедить правительство Польши…

— В Польше нет правительства, — заявил Ян Павел и улыбнулся отцу, который в ответ тоже расплылся в улыбке.

— Нынешние власти Польши, — охотно поправился Графф. — Что, если мы сумеем убедить их снять санкции с твоих братьев и сестер?

Ян Павел попытался представить, как бы было, если бы все они могли ходить в школу. Маме точно стало бы легче. Не так уж и плохо.

Он посмотрел на отца.

Отец моргнул. Ян Павел понял, что означает выражение его лица — отец пытался скрыть разочарование. Что-то пошло не так.

Ну конечно же — наказание распространялось и на отца. Анджей как-то раз объяснял, что отцу не разрешают заниматься его настоящей работой — преподавать в университете. Вместо этого отец вынужден целый день трудиться клерком, сидя за компьютером, а по ночам заниматься нелегальной работой для католического подполья. Если они могли освободить от наказания детей, то почему заодно и не родителей?

— Почему нельзя поменять все эти дурацкие правила? — спросил Ян Павел.

Графф посмотрел на капитана Рудольф, затем на родителей мальчика.

— Даже если бы мы могли, — ответил он, — нужно ли это делать?

Мама слегка погладила Яна Павла по спине.

— Ян Павел желает всем добра, но, разумеется, согласиться мы не можем. Даже ради образования других наших детей.

Ян Павел тут же разозлился. Что значит — «разумеется»? Если бы родители потрудились ему все объяснить, он не совершал бы дурацких ошибок — но нет, даже после того, как пришли люди с Флота, чтобы доказать, что Ян Павел вовсе не глупый малыш, они продолжали относиться к нему как к несмышленышу.

Но он ничем не выдал своей злости. От отца в любом случае ничего хорошего ждать не приходилось, а мама начинала волноваться и хуже соображать.

И потому в ответ он лишь с невинным видом широко раскрыл глаза:

— Почему?

— Поймешь, когда станешь постарше, — сказала мама.

«А когда ты хоть что-то поймешь насчет меня? — хотелось ему крикнуть. — Даже после того, как тебе стало ясно, что я умею читать, ты до сих пор думаешь, будто я ничего не знаю!»

Но с другой стороны, он, видимо, и в самом деле пока не знал всего — иначе понял бы то, что казалось очевидным взрослым.

Если ему не хотят ничего говорить родители — может, скажет капитан?

Ян Павел выжидающе посмотрел на Граффа.

И тот все ему объяснил.

— Все друзья твоих родителей — неподчинившиеся католики. Если твои братья и сестры вдруг пойдут в школу, если твой отец вдруг вернется в университет — что они подумают?

Значит, дело было в соседях? Ян Павел с трудом мог поверить, что родители готовы пожертвовать собственными детьми и даже собой, лишь бы соседи не стали их презирать.

— Мы можем переехать, — сказал Ян Павел.

— Куда? — спросил отец. — Есть неподчинившиеся вроде нас, и есть те, кто отрекся от своей веры. Других вариантов нет. И я предпочту жить, как мы живем сейчас, чем пересечь эту черту. Речь вовсе не о соседях, Ян Павел. Речь о наших убеждениях. О нашей вере.

Ян Павел понял, что ничего не выйдет. Он думал, что идею насчет Боевой школы можно обратить на пользу семье. Ради этого он готов был отправиться в космос и не возвращаться много лет — лишь бы помочь родным.

— Ты все равно можешь полететь, — сказал Графф. — Даже если твоя семья не хочет освобо-

диться от санкций.

И тут отец взорвался. Хотя он и не кричал, но в голосе его чувствовались горячность и напор:

— Мы хотим освободиться от санкций, идиот! Мы просто не хотим стать единственными! Мы хотим, чтобы Гегемония перестала твердить католикам, что они должны совершить смертный грех, отрекшись от Церкви. Мы хотим, чтобы Гегемония перестала вынуждать поляков вести себя как… как немцы!

Подобные речи были Яну Павлу хорошо знакомы, и он знал, что отец частенько завершал свою тираду словами: «вынуждать поляков вести себя как евреи, атеисты и немцы». Отец явно хотел избежать последствий, которые могли бы возникнуть, выскажись он перед людьми с Флота так же, как высказывался перед другими поляками. Ян Павел прочел достаточно книг по истории, чтобы понять почему. И ему вдруг пришло в голову, что, хотя отец и немало страдал от санкций, возможно, гнев и обида превратили его в человека, который больше не годился для работы в университете. Отец знал другой набор правил и предпочел не жить в соответствии с ними. Но отец также не хотел, чтобы образованные иностранцы знали, что он не живет по этим

правилам. Он не хотел, чтобы они знали, что он обвиняет во всем евреев и атеистов. Однако обвинять немцев было вполне допустимо.

Внезапно Яну Павлу захотелось только одного — покинуть родной дом. Отправиться в школу, где ему не придется слушать предназначенные для других уроки.

Единственная проблема заключалась в том, что война нисколько не интересовала Яна Павла. Читая книги по истории, он пропускал эти главы. Тем не менее школа называлась Боевой, и он не сомневался, что там ему придется учиться воевать. А потом, если он успешно ее закончит, — служить во Флоте. Подчиняться приказам таких же мужчин и женщин, как эти офицеры. Всю жизнь делать то, что велят другие.

Ему было всего шесть, но он уже знал, что терпеть не может делать то, чего требовали другие, когда понимал, что они ошибаются. Ему не хотелось быть солдатом. Ему не хотелось убивать. Ему не хотелось умирать. Ему не хотелось подчиняться глупцам.

И в то же время ему не хотелось торчать почти весь день в тесной квартире. Мама очень уставала, и никто из детей не учился столько, сколько мог бы. Им никогда не хватало еды, все носили

старую, потрепанную одежду, зимой недоставало тепла, а летом всегда стояла жара.

«Они все думают, будто мы герои, — размышлял Ян Павел, — как святой Иоанн Павел Второй во времена нацистов и коммунистов. Будто мы защищаем нашу веру от всей лжи и зла этого мира, так же как папа Иоанн Павел Второй.

Но что, если мы просто глупые упрямцы? Что, если все остальные правы и нам не следует иметь больше двух детей в семье?

Но тогда я бы просто не родился.

В самом ли деле я живу на свете, потому что этого хочет Бог? Может, Бог хотел, чтобы рождались любые дети, а весь остальной мир не позволяет им родиться за их грехи, из-за законов Гегемона? Может, это как в истории про Авраама и Содом, когда Бог готов был спасти город от разрушения, если найдутся двадцать праведников или даже десять? Может, мы и есть праведники, которые спасают мир самим своим существованием, служа Богу и отказываясь кланяться Гегемону?

Но я хочу не просто существовать, — подумал Ян Павел. — Я хочу что-то делать. Я хочу всему научиться, все знать и творить добрые дела. Я хочу, чтобы у меня был выбор. А еще я хочу, чтобы такой же выбор был у моих братьев и сестер.

У меня никогда больше не будет подобной возможности изменить мир. Как только эти люди с Флота решат, что я им больше не нужен, у меня уже не будет другого шанса. Нужно что-то делать, и прямо сейчас».

— Я не хочу здесь оставаться, — сказал Ян Павел.

Он почувствовал, как напрягся рядом с ним на диване отец, а мать едва слышно судорожно вздохнула.

— Но и в космос я тоже не хочу, — продолжал он.

Графф не пошевелился, лишь моргнул.

— Я никогда не учился в школе. Я не знаю, понравится ли мне там, — объяснил мальчик. — Все мои знакомые — поляки и католики. Я не знаю, каково это — жить среди других.

— Если ты не поступишь в Боевую школу, — сказал Графф, — мы ничем не сможем помочь остальным.

— А мы не можем уехать куда-нибудь и попробовать? — спросил Ян Павел. — Куда-нибудь, где мы могли бы ходить в школу и никого бы не волновало, что мы католики и нас девять детей?

— В мире нигде нет таких мест, — горько проговорил отец.

Ян Павел вопросительно посмотрел на Граффа.

— Твой папа отчасти прав, — ответил тот. — Семью с девятью детьми всегда будут презирать, куда бы вы ни уехали. А здесь, где так много других неподчинившихся семей, вы поддерживаете друг друга. В этом проявляется солидарность. В каком-то отношении будет даже хуже, если вы уедете из Польши.

— Во всех отношениях, — заявил отец.

— Но мы могли бы поселить вас в большом городе, а потом отправить в одну и ту же школу не больше двух твоих братьев и сестер. И если они будут вести себя достаточно осторожно, никто не узнает, что их семья нарушает закон.

— То есть если они станут *лжецами*? — спросила мама.

— О, простите, — сказал Графф. — Я не знал, что в вашей семье никто никогда не лгал, защищая ее интересы.

— Вы пытаетесь нас соблазнить, — сказала мама. — Разлучить семью. Отправить наших детей в школы, где их будут учить отрицать веру, презирать Церковь.

— Мэм, — заметил Графф, — я пытаюсь убедить весьма многообещающего мальчика поступить в Боевую школу, поскольку миру угрожает кош-

марный враг.

— В самом деле? — спросила мама. — Я постоянно слышу про этого кошмарного врага, про этих жукеров, про чудовищ из космоса — но где они?

— Вы не видите их потому, — терпеливо объяснил Графф, — что мы отразили первые два их вторжения. И если вы когда-либо их увидите, то только потому, что в третий раз мы проиграем. Хотя даже тогда вы их не увидите, поскольку они сотворят на поверхности Земли такой кошмар, что на ней не останется в живых ни одного человека, чтобы увидеть, как на нее ступит нога первого жукера. Мы хотим, чтобы ваш сын помог нам это предотвратить.

— Если Бог насылает этих чудовищ, чтобы убить нас — может, это в чем-то подобно временам Ноя? — сказала мама. — Может, мир настолько погряз во зле, что должен быть уничтожен?

— Что ж, если это действительно так, — ответил Графф, — то мы проиграем войну, несмотря на все наши усилия, и на том конец. Но что, если Бог желает нашей победы, чтобы у нас осталось время раскаяться в совершенном зле? Вам не кажется, что следует рассматривать и такой вариант?

— Не спорьте с нами на богословские темы, — холодно проговорил отец, — как будто вы

верующий.

— Вы не знаете, во что я верю, — ответил Графф. — Вам следует знать только одно: мы пойдем на многое ради того, чтобы ваш сын попал в Боевую школу, поскольку верим в его выдающиеся способности и считаем, что в этом доме они пропадут впустую.

Мать резко наклонилась вперед, а отец вскочил на ноги.

— Да как вы смеете! — крикнул отец.

Графф тоже встал, и в гневе он был страшен.

— Я думал, это вам не нравится ложь!

На мгновение наступила тишина. Отец и Графф не сводили друг с друга взгляда.

— Я сказал, что его жизнь пропадет впустую, и такова простая истина, — спокойно проговорил Графф. — Вы даже не знали, что он на самом деле умеет читать. Вы вообще понимаете, что делал этот мальчик? Он читал и прекрасно понимал книги, с которыми возникли бы проблемы у ваших студентов, профессор Вечорек. Но вы этого не знали. Он читал у вас на глазах и прямо говорил об этом, но вы отказывались верить, поскольку это не вписывалось в вашу картину мира. И в этом доме вынужден получать образование столь выдающийся разум? Может, в вашем списке

грехов это мелочь? Получить от Бога такой дар и потратить его впустую? Что там говорил Иисус насчет метания бисера перед свиньями?

Этого отец уже выдержать не мог. Он бросился на Граффа, намереваясь его ударить, но Графф, будучи солдатом, легко отразил удар. Отвечать он не стал, лишь приложил ровно столько усилий, чтобы остановить отца, пока тот не успокоился сам. Но даже при этом отец оказался на полу, корчась от боли, а мама с плачем опустилась рядом с ним на колени.

Однако Ян Павел понял, что сделал Графф: он нарочно подобрал такие слова, которые разозлят отца и выведут его из себя.

Но зачем? Чего этот военный пытался добиться?

И тут он сообразил: Графф хотел продемонстрировать мальчику эту сцену — униженного, побитого отца и рыдающую над ним мать.

— Война — отчаянная борьба, — заговорил Графф, пристально глядя Яну Павлу в глаза. — Они едва не сломили нас. Они едва не победили. Нам едва-едва удалось выиграть лишь потому, что нашелся гений, командир по имени Мэйзер Рэкхем, который сумел перехитрить врагов, найти их слабое место. Кто станет этим командиром

в следующий раз? Окажется ли он на своем месте? Или он останется где-то в Польше, вкалывая на двух жалких работах намного ниже его интеллектуального уровня, и все потому, что в возрасте шести лет не захотел полететь в космос?

Ах вот оно что! Капитан хотел показать Яну Павлу, как выглядит поражение.

«Но я уже знаю, как выглядит поражение, — подумал мальчик. — И я не позволю вам меня победить».

— За пределами Польши тоже есть католики? — спросил он. — Неподчинившиеся?

— Да, — ответил Графф.

— Но не каждой страной правит Гегемония, как Польшей?

— В подчинившихся государствах сохраняется их традиционная система правления.

— Значит, есть такая страна, где мы могли бы жить вместе с другими неподчинившимися католиками, но без всяких санкций, из-за которых нам не хватает еды, а папа не может работать?

— Все подчинившиеся ввели санкции против перенаселения, — сказал Графф. — Именно это и означает подчинение закону.

— А есть страна, — спросил Ян Павел, — где мы могли бы стать исключением и никто бы об

этом не знал?

— Канада, — ответил Графф. — Новая Зеландия. Швеция. Америка. Неподчинившиеся, которые об этом не разглагольствуют, живут там вполне пристойно. Вы были бы не единственными, чьи дети ходят в разные школы, — власти делают вид, будто этого не замечают, поскольку им не хочется наказывать детей за грехи родителей.

— И где лучше всего? — спросил Ян Павел. — Где больше всего католиков?

— В Америке. Там больше всего поляков и больше всего католиков. И американцы всегда считали, что международные законы писаны не для них, так что воспринимают правила Гегемонии не слишком серьезно.

— Мы могли бы туда уехать? — спросил Ян Павел.

— Нет, — заявил отец, который теперь сидел на полу, склонив голову от боли и унижения.

— Ян Павел, — сказал Графф, — нам не нужно, чтобы ты уехал в Америку. Нам нужно, чтобы ты поступил в Боевую школу.

— Только если моя семья уедет туда, где мы не будем голодать и где мои братья и сестры смогут ходить в школу. Иначе я просто останусь тут.

— Никуда он не поедет, — заявил отец. — Что

бы вы ни говорили, что бы вы ни обещали и что бы ни решил он сам.

— Кстати, о вас, — сказал Графф. — Вы только что совершили преступление, напав на офицера Международного флота, за что полагается наказание в виде тюремного заключения на срок от трех лет, — но вам не хуже моего известно, что суды наказывают неподчинившихся намного серьезнее. Так что вы, полагаю, получите лет семь или восемь. Естественно, все происшедшее записано на видео.

— Вы явились в наш дом как шпион, — бросила мама. — Вы его спровоцировали.

— Я сказал вам правду, но вам она не понравилась, — ответил Графф. — Я не поднял руку ни на профессора Вечорека, ни на кого-либо из вашей семьи.

— Пожалуйста, — попросил отец. — Не отправляйте меня в тюрьму.

— Естественно, не отправлю, — сказал Графф. — Я не хочу, чтобы вы оказались за решеткой. Но я не хочу также, чтобы вы делали дурацкие заявления о том, чему быть, а чему нет, — что бы я ни говорил, что бы я ни обещал и что бы ни решил Ян Павел.

Теперь Ян Павел понял, зачем Графф раздраз-

нил отца — чтобы у того не осталось выбора, кроме как согласиться с тем, что решат между собой Ян Павел и Графф.

— Как вы заставите меня поступить так, как нужно вам? — спросил мальчик. — Так же, как папу?

— Если ты не полетишь со мной добровольно, — ответил Графф, — мне не будет от этого никакого толку.

— Я не полечу с вами добровольно, пока моя семья не окажется там, где они смогут жить счастливо.

— В мире, которым правит Гегемония, такого места не существует, — заявил отец.

Но на этот раз уже мама заставила его замолчать, мягко коснувшись щеки мужа.

— Мы можем быть добропорядочными католиками и в другом месте, — сказала она. — Уехав отсюда, мы не отберем хлеб у наших соседей. Никому не будет от этого вреда. Только взгляни, на что готов ради нас Ян Павел. — Она повернулась к сыну. — Прости, что я не знала про тебя всей правды. Прости, что оказалась такой плохой учительницей.

Мама расплакалась, и отец привлек ее к себе. Они сидели на полу, утешая друг друга.

Графф посмотрел на Яна Павла, слегка приподняв брови и словно говоря: «Я убрал все препятствия, так что… делай так, как хочу я».

Но все было еще не совсем так, как хотелось Яну Павлу.

— Вы меня обманете, — сказал он. — Вы увезете нас в Америку, но потом, если я все-таки решу не лететь в Боевую школу, вы будете угрожать отправить всех обратно, и станет еще хуже, чем сейчас. И все равно заставите меня полететь с вами.

Графф молчал.

— Так что никуда я не полечу, — закончил Ян Павел.

— Ты меня обманешь, — сказал Графф. — Ты убедишь меня перевезти твою семью в Америку и обустроить им лучшую жизнь, а потом все равно откажешься лететь в Боевую школу, полагая, будто Международный флот позволит твоей семье пользоваться благами нашего договора, даже если ты не выполнишь свою часть.

Ян Павел не ответил, поскольку отвечать было нечего — именно так он и планировал поступить. Графф это знал, и Ян Павел не собирался возражать — тем более что данное знание ничего, по сути, не меняло.

— Вряд ли он так поступит, — заметила женщина.

Но Ян Павел знал, что она лжет. Ее беспокоило, что он может так поступить. Но еще больше ее беспокоило, что Графф отступит от договора, о котором просил Ян Павел. Это лишь подтвердило его догадку — для этих людей было крайне важно отправить его в Боевую школу. И потому они готовы были соглашаться на любые условия, пока у них оставалась хоть какая-то надежда, что он полетит с ними.

Или же они знали, что вне зависимости от любых договоренностей могут взять свои слова назад, когда пожелают. В конце концов, они представляли Международный флот, а Вечореки были лишь неподчинившейся закону семьей в неподчинившейся стране.

— Чего ты точно обо мне не знаешь, — сказал Графф, — так это того, что я думаю на много ходов вперед.

Яну Павлу это напомнило слова Анджея, когда тот учил его играть в шахматы: «Нужно думать наперед над каждым ходом, и над следующим, и над следующим, чтобы понять, к чему это приведет в итоге». Ян Павел понял принцип, как только Анджей его объяснил, но в шахматы иг-

рать перестал: его не волновало, что случится с маленькими пластиковыми фигурками на доске из шестидесяти четырех клеток.

Графф играл в шахматы, но не маленькими пластиковыми фигурками. Его шахматной доской был весь мир. И хотя Графф был только капитаном, полномочий — и ума — у него имелось куда больше, чем у полковника, который приходил в прошлый раз. Когда Графф говорил, что думает на много ходов вперед, он подразумевал, что готов в любой момент пожертвовать фигурой, чтобы выиграть партию, совсем как в шахматах.

Возможно, это означало, что он готов сейчас солгать Яну Павлу, а потом его обмануть. Но нет — тогда ему вообще незачем было что-то говорить. Причина могла быть только одна: в намерения Граффа не входило его обманывать. Графф готов был сам оказаться обманутым, сознательно пойдя на сделку, в которой другая сторона могла выиграть, и выиграть полностью, — пока ему был известен способ обратить себе на пользу даже поражение.

— Вам придется дать нам обещание, которое вы никогда не нарушите, — сказал Ян Павел. — Даже если я все-таки не полечу в космос.

— У меня есть полномочия дать такое обеща-

ние, — кивнул Графф.

Женщина явно так не думала, хотя и промолчала.

— Америка — хорошее место? — спросил Ян Павел.

— Множество живущих там поляков считают именно так, — ответил Графф. — Но это не Польша.

— Я хочу увидеть весь мир, прежде чем умру, — сказал Ян Павел. Раньше он никому никогда этого не говорил.

— Прежде чем умрешь? — пробормотала мама. — С чего ты задумался о смерти?

Как обычно, она попросту его не поняла. Он вовсе не думал о смерти. Он думал о том, чтобы научиться всему на свете, но этому мешал очевидный факт — ограниченный запас имевшегося у него времени. Почему люди так огорчались, когда кто-нибудь упоминал о смерти? Неужели они полагали, что смерть кого-то пощадит, позволит жить вечно, если о ней не упоминать? И насколько на самом деле мама верила в Христа, если боялась смерти настолько, что не могла даже говорить или слышать о ней от своего шестилетнего сына?

— Переезд в Америку — только начало, — отве-

тил Графф. — У американских паспортов намного меньше ограничений, чем у польских.

— Мы об этом еще поговорим, — сказал Ян Павел. — Приходите позже.

— Вы что, с ума сошли? — спросила Хелена, как только они вышли за дверь и никто уже не мог их услышать. — Разве не ясно, что замышляет мальчишка?

— Нет, не сошел. И да, ясно.

— Похоже, видеозапись нашей встречи повергнет вас в еще большее замешательство, чем предыдущая — Силлаайна.

— Не думаю, — покачал головой Графф.

— Что, все-таки намерены обмануть мальчика?

— Тогда я точно буду сумасшедшим.

Он остановился на краю тротуара, явно собираясь закончить разговор до того, как сесть в микроавтобус вместе с остальными. Неужели Графф забыл, что все, что он сейчас говорил, продолжало записываться?

Нет, он помнил об этом. И обращался не только к ней.

— Капитан Рудольф, — сказал он, — вы сами видели, и каждому понятно, что добровольно заставить этого мальчика отправиться в кос-

мос невозможно. Он просто этого не хочет. Его не интересует война. Вот чего мы добились дурацкой репрессивной политикой в отношении неподчинившихся наций. Перед нами самый выдающийся ребенок из всех, кого мы когда-либо встречали, но мы не можем его использовать, поскольку многие годы создавали культуру, которая ненавидит Гегемонию, а вместе с ней и Флот. Мы настроили против себя миллионы людей во имя каких-то дурацких законов об ограничении рождаемости, бросив вызов их вере и социальной идентичности, а поскольку вселенная статистически склонна к иронии, естественно, лучший кандидат на роль командира, подобного Мэйзеру Рэкхему, появился среди тех, кого мы настроили против себя. Я лично тут ни при чем, и только идиоты могут меня в этом обвинять.

— Тогда что все это значит? Тот уговор, на который вы согласились? В чем суть?

— Естественно, в том, чтобы вытащить Яна Павла Вечорека из Польши.

— Но какая разница, если в Боевую школу он все равно не пойдет?

— Он обладает разумом, который обрабатывает человеческое поведение так же, как некоторые гении-аутисты обрабатывают числа или слова.

Вам не кажется, что ему пойдет на пользу, если он окажется там, где у него будет возможность получить настоящее образование, а не там, где ему постоянно внушают ненависть к Гегемонии и Флоту?

— Мне кажется, это не входит в ваши полномочия, — ответила Хелена. — Мы представляем Боевую школу, а не комитет по организации лучшего будущего для детей путем переселения их в другие страны.

— Я постоянно думаю о Боевой школе, — заверил ее Графф.

— В которую, как вы сами только что заметили, Ян Павел Вечорек никогда не попадет?

— Вы забываете о проведенных нами исследованиях. Возможно, с формальной научной точки зрения их результаты не окончательны, но уже вполне убедительны. Люди достигают пика своих способностей к военному командованию намного раньше, чем мы полагали. Большинство — еще до двадцати лет, в том же возрасте, когда поэты создают свои самые страстные и революционные произведения. И математики тоже. Они достигают вершины, а затем их способности ослабевают, и они держатся на плаву за счет того, чему научились, когда были еще достаточно молоды, чтобы

учиться. Нам с точностью примерно до пяти лет известно, когда нам потребуется наш командир, но к тому времени Ян Павел Вечорек будет уже слишком взрослым, давно миновав свой пик.

— Похоже, вы получили информацию, которой нет у меня, — заметила Хелена.

— Или сообразил сам, — сказал Графф. — Как только стало ясно, что Ян Павел никогда не пойдет в Боевую школу, моя миссия изменилась. Теперь самое главное для нас — вывезти Яна Павла из Польши в одну из подчинившихся стран, и мы сдержим данное ему слово до последней буквы, дав ему понять, что мы выполняем свои обещания, даже когда знаем, что нас обманывают.

— И какой в том смысл? — спросила Хелена.

— Капитан Рудольф, вы говорите, не подумав.

Он был прав. И она подумала.

— Поскольку наш командир потребуется нам еще не скоро, — сказала она, — то хватит ли нам времени, чтобы он женился и завел детей, а потом эти дети успели подрасти как раз к нужному времени?

— Едва-едва, но хватит — если он женится молодым и на какой-нибудь девушке с выдающимся умом, чтобы получилась хорошая комбинация генов.

— Но вы же не станете этому способствовать?

— Между прямым воздействием и ничегонеделанием есть множество промежуточных точек.

— Похоже, вы и впрямь думаете на много ходов вперед.

— Можете считать меня Румпельштильцхеном.

— Ладно, я поняла, — рассмеялась Хелена. — Сегодня вы исполняете его самое сокровенное желание, а потом, когда он уже обо всем забудет, появитесь и потребуете себе его первенца.

Графф обнял ее за плечи, и они вместе направились к ожидавшему микроавтобусу.

— Вот только я не оставил ему дурацкой лазейки, которая позволила бы ему выкрутиться, если он сумеет угадать мое имя.

Выскочка[4]

Джон Пол Виггин вовсе не пытался записаться на курс теории человеческих сообществ. Даже не рассматривал его как третьестепенный вариант. Его отправил туда университетский компьютер на основе некоего алгоритма, оценивавшего уровень подготовки, количество пройденных основных курсов и множество прочих ничего не значащих соображений. В результате вместо изучения одного из интересовавших Джона Пола предметов, ради которых он сюда и поступал, ему приходилось страдать, выслушивая беспомощный лепет какой-то аспирантки, которая мало разбиралась в предмете и еще меньше в том, как его преподавать.

Возможно, алгоритм просто учел, насколько Джон Пол нуждался в прохождении данного курса для получения диплома, и его направили сюда просто потому, что знали: отказаться он все равно не сможет.

Так что теперь он сидел на своем обычном месте в первом ряду, таращась на зад преподава-

---

[4] Примечания: 4
Перевод К. Плешкова.

тельницы, которой на вид было лет пятнадцать, и одежда на ней выглядела как из мамочкиного платяного шкафа. Похоже, этим нарядом она пыталась замаскировать фигуру — но сам факт того, что она знала, что ей есть что скрывать, подтверждал, что она не настоящий ученый. Может, даже не аспирант.

«У меня нет времени на то, чтобы помогать тебе решить свои пубертатные проблемы, — мысленно сказал он девушке у доски. — Или воплотить в жизнь тот странный метод преподавания, который ты намерена на нас испытать. Чего нам ждать? Метода Сократа? Адвоката дьявола? „Дискуссии“, как в групповой терапии? Агрессивной жесткости? Лучше уж усталый измученный профессор на пороге пенсии, чем аспирантка».

Ладно — оставался лишь этот семестр, за ним следующий, дипломная работа, а затем, наконец, захватывающая карьера в правительстве. Предпочтительно на должности, где он смог бы внести свой вклад в падение Гегемонии и восстановление суверенитета всех государств.

В том числе, конечно же, Польши — хотя он никогда даже не упоминал, что провел там первые шесть лет своей жизни. По документам он и вся его семья являлись урожденными американ-

цами. Неизбежный польский акцент родителей свидетельствовал, что это ложь, но, поскольку в Америку их переселила Гегемония, снабдив всеми необходимыми поддельными бумагами, вряд ли кто-то стал бы затрагивать эту тему.

«Так что рисуй свои графики на доске, мисс Будущий Профессор. Я сдам свои экзамены на отлично, и тебе даже в голову не придет, что в твоей аудитории учился самый высокомерный, амбициозный и умный студент во всем кампусе».

По крайней мере, так его назвали, когда он сюда поступал — разве что высокомерие вслух не озвучили. Но выражение лиц у членов приемной комиссии было крайне недвусмысленным.

— Я написала все на доске, — сказала аспирантка с куском мела в руке, — поскольку хочу, чтобы вы это запомнили, а если повезет, и поняли, потому что это основа всего того, что мы будем с вами обсуждать.

Джон Пол, естественно, все запомнил, как только увидел. Поскольку в тех материалах, что он читал сверх программы, подобной информации не обнаружилось, ему стало ясно, что в своей «методике» она будет руководствоваться данными новейших — и, скорее всего, ошибочных — исследований.

Она посмотрела прямо на него.

— Похоже, вам чрезвычайно скучно и неинтересно, мистер… Виггин — так, кажется? Надо полагать, вам уже все известно об эволюционной модели общественного отбора?

Великолепно. Она оказалась одним из тех преподавателей, кому требовался в аудитории козел отпущения, чтобы доказать свое превосходство.

— Нет, мэм, — ответил Джон Пол. — Я надеялся, что вы меня всему этому научите.

Хоть он и тщательно скрывал любые следы сарказма, это лишь добавило яда и пренебрежения его словам. Он ожидал увидеть недовольство, но она лишь повернулась к другому студенту и завела разговор с ним. Так что либо Джон Пол чем-то ее напугал, либо она не поняла сарказма и, соответственно, до нее не дошло, что он бросает ей вызов.

Аудитория не представляла интереса даже в качестве арены для петушиных боев. Жаль.

— «Эволюцией человечества движут потребности общества», — прочитала она с доски. — Как такое возможно, если генетическая информация передается лишь от индивидуума к индивидууму?

Ответом ей стало обычное молчание студентов.

Они что, боялись показаться дураками? Боялись проявить чрезмерный интерес или показаться подлизами? Естественно, некоторые из молчавших действительно были дураками, или им было все равно, но большинство жило в атмосфере страха.

Наконец поднялась неуверенная рука.

— Общество… э… как-то влияет на сексуальный отбор? Вроде предпочтения раскосых глаз?

— Да, — кивнула мисс Аспирантка, — и хороший пример тому — преобладание эпикантуса в Восточной Азии. Но в конечном счете это несущественная мелочь, не имеющая реальной ценности для выживания. Речь о старом добром выживании сильнейшего. Каким образом может на него воздействовать общество?

— Убивая неприспособленных? — предположил другой студент.

Джон Пол откинулся на спинку скамьи и уставился в потолок. Неужели даже на последнем курсе им непонятны базовые принципы?

— Похоже, мистеру Вигтину наскучила наша дискуссия, — заметила мисс Аспирантка.

Открыв глаза, Джон Пол снова пробежал взглядом доску. Ага, она еще и написала там свое имя — Тереза Браун.

— Да, мисс Браун, — ответил он.

— Потому что вы знаете ответ или потому что вам все равно?

— Ответа я не знаю, — сказал Джон Пол, — но его точно так же не знает никто в этой аудитории, кроме вас, так что, пока вы не решите нам его сообщить вместо того, чтобы отправляться в увлекательное путешествие по миру открытий, в котором кораблем правят пассажиры, можно и подремать.

Послышалось несколько удивленных вздохов и смешков.

— То есть вы понятия не имеете, почему написанное на доске истинно или ложно?

— Судя по всему, — ответил Джон Пол, — предлагаемая вами теория состоит в том, что, поскольку жизнь в сообществе резко увеличивает вероятность выживания, увеличивая шансы найти пару и вырастить детей, в конечном счете последующим поколениям будут переданы именно те черты, которые это сообщество укрепляют.

— Да, — моргнув, ответила она. — Совершенно верно.

Она снова моргнула, — похоже, он нарушил план ее урока, сразу же дав ответ на вопрос.

— Но вот что мне интересно, — продолжал

Джон Пол. — Если благоденствие человеческого сообщества зависит от приспособляемости, значит его укреплению способствует вовсе не какой-то один конкретный набор черт. Соответственно, жизнь общества должна поощрять разнообразие, а не узкий набор характеристик.

— Это могло бы быть правдой, — сказала мисс Браун, — и в основном так оно и есть, не считая того, что существует лишь несколько типов человеческих сообществ, проживших достаточно долго, чтобы увеличить шансы выживания индивидуума.

Подойдя к доске, она стерла материал, обсуждению которого только что положил конец Джон Пол, и написала вместо него два заголовка: «Племенное общество» и «Гражданское общество».

— Это две модели, которым следуют все успешные человеческие сообщества, — сказала она и повернулась к Джону Полу. — Как бы вы определили успешное сообщество, мистер Виггин?

— То, в котором для его членов максимально реализована возможность выживать и размножаться, — ответил он.

— Если бы только это было правдой, — улыбнулась она. — Но это не так. Большинство человеческих сообществ требуют от немалого числа

своих членов поведения, имеющего мало общего с задачей выживания. Очевидным примером может служить война, в которой члены сообщества рискуют погибнуть — обычно в том самом возрасте, когда они готовы начать семейную жизнь. Большинство из них умирают. Как можно передать готовность умереть до того, как оставишь потомство? Для тех, кто обладает данной чертой, это наименее вероятно.

— Но только для мужчин, — заметил Джон Пол.

— В армии служат и женщины, мистер Виггин.

— Их крайне мало, — сказал Джон Пол, — поскольку черты, свойственные хорошим солдатам, намного меньше распространены среди женщин и столь же редка их готовность отправиться на войну.

— Женщины яростно сражаются и готовы умереть ради того, чтобы защитить своих детей, — возразила мисс Браун.

— Именно — своих детей, а не сообщество в целом, — ответил Джон Пол. Он импровизировал на ходу, но дискуссия его заинтересовала, так что он был не прочь поддержать сократовскую игру в вопросы и ответы.

— И тем не менее женщины формируют самые

крепкие общественные связи, — сказала она.

— И наиболее жесткие иерархии, — кивнул Джон Пол. — Но они действуют методами убеждения, а не принуждают кого-то силой.

— То есть вы хотите сказать, что общественная жизнь способствует агрессии со стороны мужчин и цивилизованному поведению со стороны женщин?

— Не агрессии, — ответил Джон Пол, — но готовности пожертвовать собой ради некоей цели.

— Иными словами, — сказала мисс Браун, — мужчины верят в сказки, которые рассказывает им общество, и им этого вполне достаточно, чтобы умирать и убивать? А женщины — нет?

— Они верят в них достаточно, чтобы… — Джон Пол замолчал, вспоминая то, что было ему известно о различиях полов. — Женщины должны быть готовы растить сыновей в сообществе, которое может потребовать их гибели. Так что верить в сказки приходится всем — и мужчинам, и женщинам.

— И одна из них состоит в том, что женщины незаменимы, а мужчины — расходный материал?

— Во всяком случае, до определенной степени.

— И почему вера в подобные сказки полезна

для общества? — обратилась она с вопросом ко всей аудитории.

Ответы последовали достаточно быстро, поскольку студенты, по крайней мере некоторые, следили за их разговором: «Потому что даже если умрет половина мужчин, все женщины так же смогут размножаться», «Потому что это дает выход мужской агрессии», «Потому что нужно защищать ресурсы сообщества».

Джон Пол наблюдал, как Тереза Браун фиксирует и анализирует каждую реплику.

— Отказываются ли сообщества, понесшие ужасные потери в войне, от моногамии или позволяют большому числу женщин жить без шанса оставить потомство? — Она привела пример Франции, Германии и Британии после кровавой Первой мировой войны. — Является ли мужская агрессия причиной войн? Или мужская агрессия — черта, которую сообщества вынуждены поощрять, чтобы выигрывать войны? Существует ли общество благодаря агрессии, или агрессия благодаря обществу? — (Джон Пол понял, что это ключевой момент излагаемой ею теории, и вопрос ему понравился.) — И каковы ресурсы, которое вынуждено защищать сообщество? — наконец спросила она.

«Еда, — отвечали студенты. — Вода. Кров». Но похоже, она ждала вовсе не столь очевидных ответов.

— Все это, конечно, важно, но вы упустили самое существенное.

К его собственному удивлению, Джон Пол вдруг обнаружил, что ему хочется дать верный ответ. Он даже не ожидал, что у него возникнет подобное желание на уроке какой-то аспирантки.

Он поднял руку.

— Похоже, мистер Виггин считает, что знает ответ. — Она посмотрела на него.

— Утробы, — сказал он.

— Как общественный ресурс? — уточнила она.

— Как сообщество, — ответил Джон Пол. — Женщины и есть сообщество.

— В том и состоит великая тайна, — улыбнулась она.

Со стороны других студентов послышались протесты — мол, большинство сообществ всегда возглавляли мужчины, а к женщинам относились как к собственности.

— Далеко не все мужчины, — ответила мисс Браун. — К большинству мужчин относятся как к собственности в намного большей степени, чем к женщинам. Женщин почти никогда не воспри-

нимают как расходный материал, в то время как на войне это случается с тысячами мужчин.

— Но все равно правят мужчины, — возразил какой-то студент.

— Да, — кивнула мисс Браун. — Правит горстка альфа-самцов, прочим отведена роль орудий. Но даже правители знают, что самый жизненно важный ресурс сообщества — женщины, и любое сообщество, которое хочет выжить, вынуждено тратить все свои усилия на основную задачу — дать женщинам возможность размножаться и растить детей, пока те не станут взрослыми.

— Как насчет сообществ, где избирательно абортируют или убивают детей женского пола? — настаивал студент.

— В таком случае эти сообщества решили вымереть, разве не так? — заметила мисс Браун.

В аудитории началось замешательство, послышался ропот.

Модель выглядела интересной: в сообществах, где убивают девочек, меньше женщин достигнут репродуктивного возраста и, соответственно, им намного сложнее будет поддерживать высокую численность населения. Джон Пол поднял руку.

— Просветите нас, мистер Виггин, — предложила мисс Браун.

— Я только хотел спросить, — сказал он. — Разве избыток мужчин не может быть преимуществом?

— Вряд ли настолько важным, — ответила мисс Браун, — поскольку подавляющее большинство человеческих сообществ — особенно тех, что просуществовали дольше всего, — проявляет готовность отправить в расход мужчин, а не женщин. К тому же убийство младенцев женского пола увеличивает пропорцию мужчин, но уменьшает их абсолютную численность, так как женщин, которые могли бы их родить, меньше.

— А если не хватает ресурсов? — спросил другой студент.

— И что? — спросила мисс Браун.

— В смысле, разве тогда не придется сокращать население?

Внезапно в аудитории стало очень тихо.

Мисс Браун рассмеялась.

— Кто-нибудь хочет попробовать ответить?

Ответа не последовало.

— И с чего вы все вдруг замолчали? — спросила она.

Молчание затягивалось.

— Законы о рождаемости… — наконец пробормотал кто-то.

— Ах, это, — кивнула она. — Политика. Мы всем миром приняли решение сократить численность человечества, ограничив число рождений до двух на пару. И вам, конечно же, не хочется об этом говорить.

Судя по продолжавшейся тишине, им не хотелось говорить даже о том, почему им не хочется об этом говорить.

— Человечество борется за выживание, сражаясь с инопланетным вторжением, — продолжала она, — и в связи с этим мы решили ограничить собственное воспроизводство.

— Некто по фамилии Браун, — заметил Джон Пол, — должен понимать, как опасно противиться законам о рождаемости.

— У нас тут учебные занятия, а не политические дебаты. — Она холодно взглянула на него. — Есть черты сообщества, способствующие выживанию индивидуума, и черты индивидуума, способствующие выживанию сообщества. На данных занятиях нам незачем бояться воспринимать реальность такой, какая она есть.

— А если в итоге мы лишимся шансов получить работу? — спросил кто-то.

— Я преподаю студентам, которые хотят научиться тому, что знаю я, — ответила она. — Если

вы принадлежите к числу этих счастливчиков, значит нам обоим повезло. Если нет — мне, в общем-то, все равно. Но я не собираюсь отказываться учить вас чему-то лишь потому, что эти знания могут каким-то образом помешать вам устроиться на работу.

— Значит, это правда? — спросила девушка в первом ряду. — Он в самом деле ваш отец?

— Кто? — спросила мисс Браун.

— Сами знаете. Хинкли Браун.

Хинкли Браун. Военный стратег, чья книга до сих пор являлась библией Международного флота, который подал в отставку и удалился в добровольное изгнание, отказавшись подчиняться законам о рождаемости.

— И какое это имеет для вас значение? — спросила мисс Браун.

— Потому что мы имеем право знать, — последовал воинственный ответ, — что именно вы нам преподаете — науку или вашу религию.

Верно, подумал Джон Пол. Хинкли Браун был мормоном, и они не подчинялись закону — как и родители самого Джона Пола, польские католики.

Джон Пол тоже не собирался подчиняться закону, как только найдет ту, на ком ему захочется

жениться. Ту, которой тоже будет глубоко наплевать на Гегемонию и ее принцип «не больше двух детей в семье».

— Что, если научные открытия случайно совпадут с религиозными верованиями? — спросила мисс Браун. — Мы отвергнем науку, чтобы отвергнуть религию?

— А если на науку оказывает влияние религия? — возразила студентка.

— К счастью, — ответила мисс Браун, — ваш вопрос не только глуп и оскорбителен, но и носит сугубо гипотетический характер. В каких бы кровных отношениях я ни состояла со знаменитым адмиралом Брауном, значение имеет лишь одно: моя наука, а если у вас вдруг есть какие-то подозрения, то и моя религия.

— И какова же ваша религия? — спросила студентка.

— Моя религия, — сказала мисс Браун, — состоит в том, чтобы пытаться опровергнуть любые гипотезы, включая вашу гипотезу о том, что преподавателей следует оценивать в зависимости от их происхождения или принадлежности к некоей группе. Если вы считаете, будто я преподаю вам нечто, что не подтверждается доказательствами, — можете подать жалобу. А поскольку

для вас, похоже, крайне важно избежать любых идей, зараженных убеждениями Хинкли Брауна, я исключаю вас из числа моих слушателей. Прямо сейчас. — К концу фразы она уже набирала инструкции на компе. — Ну вот и все. — Она подняла взгляд. — Можете покинуть аудиторию и идти в деканат, чтобы вас направили на другой курс.

— Но я не хочу… — ошеломленно пробормотала девушка.

— Не помню, чтобы я интересовалась вашим мнением, — отрезала мисс Браун. — Фанатики и смутьяны на моем курсе мне не нужны. То же касается и всех остальных. Мы будем следовать доказательствам, мы будем анализировать идеи — но не личную жизнь преподавателя. Кто-нибудь еще хочет покинуть аудиторию?

В это мгновение Джон Пол Виггин понял, что влюбился.

Тереза еще несколько часов не могла унять охватившее ее волнение. Занятия начались не лучшим образом — тот мальчишка, Виггин, походил на настоящего возмутителя спокойствия. Но, как оказалось, ума у него не меньше, чем высокомерия. К тому же он заставил напрячь мозги самых сообразительных в аудитории, а именно

это больше всего нравилось Терезе в преподавании — когда группа людей думает об одном и том же, постигая одну и ту же вселенную и, пусть хотя бы на несколько мгновений, становясь единым целым.

Мальчишка Виггин. Тереза невольно рассмеялась, — вероятно, она сама была моложе его, хотя и чувствовала себя чуть ли не старухой. Она уже несколько лет училась в аспирантуре, и ей казалось, будто на ее плечах лежит тяжесть всего мира. Мало того что приходилось беспокоиться о собственной карьере — на нее постоянно давило бремя известности отца. Любые ее поступки воспринимались всеми так, будто ее устами говорил отец, каким-то образом управлявший ее разумом и душой.

С другой стороны, почему бы им так не считать, если так же считал и он сам?

Тереза, однако, гнала мысли о нем прочь. Она была ученым, пусть даже в некотором смысле теоретиком, и давно уже перестала быть ребенком. Более того, она не была солдатом его армии — чего он никогда не понимал и не понял бы. Особенно теперь, когда его «армия» стала столь малочисленной и слабой.

А потом ее вызвали к декану.

Аспирантов обычно к декану не вызывали, к тому же секретарша заявила, что понятия не имеет, какова тема встречи и кто еще будет на ней присутствовать, так что у Терезы тут же возникли дурные предчувствия.

Погода в конце лета стояла довольно теплая, даже далеко на севере, но поскольку Тереза вела затворническую жизнь, то редко обращала на это внимание. Она оделась чересчур тепло, так что к тому времени, когда добралась до корпуса аспирантуры, уже обливалась потом, но секретарша не дала ей даже нескольких минут, чтобы немного остыть под кондиционером, и поспешно загнала в кабинет декана.

Все хуже и хуже.

Присутствовали декан и весь диссертационный совет, а также доктор Хоуэлл, которая была уже на пенсии, но, похоже, явилась именно по данному случаю, в чем бы тот ни состоял. Даже не тратя времени на формальные любезности, они тут же обрушили на нее новость:

— Фонд решил отозвать финансирование, если мы не исключим вас из проекта.

— На каком основании? — спросила она.

— В первую очередь на основании вашего возраста, — ответил декан. — Вы слишком молоды

для того, чтобы вести такой масштабный исследовательский проект.

— Но это мой проект. Он существует лишь потому, что я его придумала.

— Знаю, это выглядит нечестно, — кивнул декан. — Но мы не позволим, чтобы это помешало вам защититься.

— Помешало защититься? — горько рассмеялась Тереза. — Чтобы получить тот грант, потребовался год, хотя, учитывая ситуацию в мире, проект представляет очевидную ценность. Даже если бы у меня был в запасе другой проект, вряд ли вы стали бы утверждать, что моя защита не отложится на несколько лет.

— Мы понимаем вашу проблему, но готовы присвоить вам степень на основе другого, не столь… масштабного проекта.

— Помогите мне разобраться, — попросила она. — Вы настолько доверяете мне, что готовы присвоить мне степень, не интересуясь моей диссертацией, но не настолько, чтобы позволить мне принять участие в жизненно важном проекте, который разработала я сама? Кто будет его вести? — Тереза взглянула на председателя, и тот покраснел. — Это даже не ваша область. Вообще ничья, только моя.

— Вы сами сказали, что разработали проект, — ответил председатель совета. — Мы в точности будем следовать вашему плану. Какие бы новые данные ни появились, их ценность останется той же, кто бы ни руководил исследованиями.

— Естественно, я ухожу. — Тереза встала. — Вы не вправе так со мной поступать.

— Тереза… — сказала доктор Хоуэлл.

— Вы что, пришли специально для того, чтобы меня утешить? — спросила Тереза.

— Тереза, — повторила старуха. — Вы прекрасно понимаете, в чем причина.

— Нет, не понимаю.

— Никто за этим столом в этом не признается, но… Ваша молодость — лишь одна из причин, причем далеко не основная.

— А основная? — спросила Тереза.

— Думаю, — сказала доктор Хоуэлл, — что если бы ваш отец вернулся из отставки, все возражения против того, чтобы важным исследовательским проектом руководила такая юная девушка, внезапно исчезли бы.

— Вы серьезно? — Тереза взглянула на других.

— Никто прямо этого не говорил, — сказал декан, — но нам намекнули, что основное давление исходит со стороны главного клиента фонда.

— Гегемонии, — уточнил председатель совета.

— Значит, я заложница политики моего отца?

— Или его религии, — кивнул декан. — Или того, что им движет.

— И вы позволите, чтобы вашей академической программой кто-то манипулировал, ради… ради…

— Университет зависит от грантов, — вздохнул декан. — Только представьте, что с нами станет, если наши заявки на гранты начнут одна за другой получать отказ. Гегемония обладает чудовищным влиянием. Во всех областях.

— Иными словами, — заметила доктор Хоуэлл, — вам на самом деле некуда больше идти. Мы — один из самых независимых университетов, но даже мы не свободны. Именно потому мы готовы присвоить вам докторскую степень, несмотря на отсутствие у вас возможности заниматься научной работой, — ибо вы ее заслуживаете и все понимают, что иное выглядело бы крайне нечестно.

— Что может помешать им заодно запретить мне преподавать? Кто вообще меня возьмет? Доктора, который не может продемонстрировать результаты своей работы? Вы что, издеваетесь?

— Мы вас возьмем, — сказал декан.

— Зачем? — спросила Тереза. — Из благотворительности? Чего я смогу достичь в университете, если мне не дадут заниматься наукой?

— Затем, — вздохнула доктор Хоуэлл, — что вы, естественно, продолжите вести свой проект. Кто еще смог бы с этим справиться?

— Но моего имени на нем стоять не будет, — кивнула Тереза.

— Ваша работа крайне важна, — сказала доктор Хоуэлл. — На кону стоит выживание человечества. Как вам известно, идет война.

— Тогда объясните это фонду, и пусть они убедят Гегемонию, что…

— Тереза, — прервала ее доктор Хоуэлл. — Да, вашего имени в проекте не будет. Как тема вашей диссертации он тоже упомянут не будет. Но все, кто работает в данной области, сразу же поймут, кто его создатель. Вы получите постоянную должность, докторскую степень и диссертацию, авторство которой ни для кого не будет секретом. Все, о чем мы просим, — стиснув зубы, согласиться с дурацкими требованиями, к которым нас принудили. И — нет, сейчас мы не станем выслушивать ваше решение. Собственно, мы не станем обращать внимание на любые ваши слова и поступки в течение ближайших трех дней. По-

говорите с отцом. Поговорите с кем хотите, но не отвечайте, пока у вас не появится возможность остыть.

— Не считайте меня ребенком.

— Нет, моя дорогая, — покачала головой доктор Хоуэлл. — Мы намерены считать вас человеком, которого мы слишком ценим, чтобы… какой там ваш любимый термин?.. Отправить в расход?

Декан встал.

— На этом закончим нашу кошмарную встречу в надежде, что вы останетесь с нами в данных жестоких обстоятельствах.

Он вышел. Члены совета пожали ей руку, на что она почти никак не отреагировала, а доктор Хоуэлл обняла ее и прошептала:

— Война вашего отца потребует еще немало жертв, прежде чем закончится. Можете пролить за него кровь, но, ради всего святого, прошу вас — не умирайте за него. В профессиональном смысле.

На этом встреча — а с ней, возможно, и карьера Терезы — закончилась.

Заметив идущую через двор Терезу, Джон Пол сделал вид, будто небрежно прислонился к перилам лестницы у входа в здание факультета общественных наук.

— Не слишком жарко в свитере? — спросил он.

Она остановилась, глядя на него, и он понял, что она, похоже, пытается вспомнить, кто он такой.

— Виггин? — сказала она.

— Джон Пол, — добавил он, протягивая руку.

Она взглянула на его ладонь, затем на лицо.

— Да, жарковато в свитере, — рассеянно проговорила она.

— Забавно, я как раз только что об этом подумал, — сказал Джон Пол. Мысли девушки явно были заняты чем-то другим.

— Это что, некий ваш метод? Говорить девушке, что она одета не по погоде? Или просто намек, что ей следует раздеться?

— Ого, — покачал головой Джон Пол. — Вы прямо мне в душу заглянули. И — да, с большинством женщин это работает. Приходится от них чуть ли не отбиваться.

Снова последовала пауза, но на этот раз он не стал ждать, пока она ответит ему очередной колкостью. Если он не хотел лишиться шанса, требовался быстрый отвлекающий маневр.

— Простите, что вслух высказал мысль, которая пришла мне в голову, — сказал Джон Пол. — Я спросил: «Не слишком жарко в свитере?», потому что в свитере действительно слишком жарко. И

еще мне хотелось узнать, не найдется ли у вас минутки поговорить.

— Нет, — ответила мисс Браун, направляясь мимо него к входу в здание.

Он последовал за ней.

— Собственно, сейчас ведь середина вашего рабочего дня?

— Я иду к себе в кабинет, — сказала она.

— Вы не против, если я пойду с вами?

Она остановилась.

— Сейчас не мое рабочее время.

— Так и знал, что надо было уточнить, — ответил он.

Толкнув дверь, она вошла в здание. Джон Пол продолжал идти следом.

— Послушайте, вряд ли к вам будет стоять очередь.

— Я преподаю непрестижный курс теории человеческих сообществ, к тому же не в лучшее время дня, — сказала мисс Браун. — Ко мне никогда не стоит очередь.

— Хватило для того, чтобы я в итоге там оказался, — заметил Джон Пол.

Они стояли у подножия лестницы, ведшей на второй этаж. Мисс Браун снова повернулась к нему:

— Мистер Виггин, уровень вашего интеллекта явно выше среднего. Возможно, в другое время мне бы и понравилась наша пикировка.

Он улыбнулся. Женщины, употребляющие слово «пикировка» в разговоре с мужчиной, встречаются редко — намного реже, чем женщины, которые вообще его знают.

— Да-да, — кивнула она, словно в ответ на его улыбку. — Сегодня не слишком удачный день. В своем кабинете я вас не приму. У меня есть дела.

— Зато у меня никаких, — ответил Джон Пол. — Еще я хорошо умею слушать и не болтаю лишнего.

Она направилась вверх по лестнице.

— С трудом могу поверить.

— Еще как можете, — сказал он. — К примеру, практически все в моем личном деле — ложь, но я никому об этом не рассказывал.

Шутка опять дошла до нее не сразу, но на этот раз она издала короткий смешок. Прогресс.

— Мисс Браун, — продолжал Джон Пол. — Я в самом деле хотел поговорить с вами о сегодняшних занятиях. Что бы вы там ни думали, я вовсе не собирался умничать — меня просто удивило, что вы, похоже, преподаете какую-то нестандартную версию теории сообществ. В смысле, про это

ничего нет в учебнике, где говорится только о приматах, общественных связях, иерархии…

— Все это нам еще предстоит пройти.

— У меня давно не было преподавателей, которые знали бы то, что я не успел изучить сам, читая книги.

— Я ничего не знаю, — ответила она. — Я пытаюсь узнать. Вот в чем разница.

— Мисс Браун, — сказал Джон Пол. — Я все равно не уйду.

Она остановилась у двери своего кабинета:

— И почему же? Не считая того, что я бы могла подумать, будто вы меня преследуете?

— Мисс Браун, мне кажется, вы будете поумнее меня.

Она рассмеялась ему в лицо:

— Естественно, я умнее вас.

— Вот видите? — торжествующе заявил он. — Вы тоже не лишены высокомерия. У нас немало общего. Неужели вы в самом деле хлопнете дверью у меня перед носом?

Дверь захлопнулась перед его носом.

Тереза пыталась готовиться к следующей лекции, читать научные журналы, но никак не могла сосредоточиться. Все мысли ее занимал проект, которого ее лишали — не самой рабо-

ты, но доверия. Она старалась убедить себя, что главное — наука, а не престиж, и что она вовсе не принадлежит к кругу тех жалких молодых ученых, которых не интересовало ничего, кроме карьеры, и для которых научная работа служила лишь средством достижения карьерных высот. Именно научная работа волновала ее больше всего. Так почему бы не признать политическую реальность, принять их квислинговское[5] предложение и успокоиться?

Дело вовсе не в доверии. Дело в Гегемонии, превратившей науку в извращенное орудие принуждения. Впрочем, науку можно назвать незапятнанной разве что в сравнении с политикой.

Она вдруг обнаружила, что выводит на экран компа данные о своих студентах, вызывая их фотографии и досье. Подсознательно она понимала, что ищет Джона Пола Виггина, заинтригованная его словами, что вся имеющаяся о нем в университете информация — ложь. Найти его оказалось столь тривиальной задачей, что ей не

---

[5] Примечания: 5

Видкун Квислинг (1887–1945) — глава марионеточного правительства Норвегии в годы нацистской оккупации. После окончания Второй мировой войны казнен по обвинению в государственной измене. В послевоенной Европе имя Квислинга стало синонимом предателя. *(Примеч. ред.)*

помешали даже переживания из-за того, как с ней поступили.

Джон Пол Виггин. Второй ребенок Брайана и Энн Виггин, старшего брата зовут Эндрю. Родился в Расине, штат Висконсин, так что, видимо, и впрямь прекрасно разбирался, в какую погоду стоит носить свитер, а в какую — нет. Сплошные пятерки в средней школе, которую он окончил на год раньше обычного. Выступал с речью на выпускном вечере, член многих клубов, три года играл в футбол. Именно тот, кого ищут члены приемных комиссий. В университете его успехи были ничуть не хуже: сплошь отличные оценки и ни одного легкого курса в послужном списке. На год младше ее самой. И тем не менее… Специализацию он так и не выбрал, из чего следовало, что, несмотря на достаточное количество прослушанных часов и возможность получить диплом к концу года, он так и не определился со своим будущим.

Смышленый дилетант, впустую тратящий время.

Вот только он говорил, будто все это ложь.

В чем именно? Уж точно не в оценках — ему явно хватало ума, чтобы их заслужить. Но что тут еще могло быть неправдой? В чем суть?

Он всего лишь пытался ее заинтриговать, заметив, что она чересчур молода для преподавательницы, в то время как в его ориентированной на учебу жизни преподаватель обладал наивысшим престижем. Возможно, ему хотелось втереться в доверие ко всем своим преподавателям. Если он и впрямь начнет доставлять проблемы, придется порасспросить других и выяснить, так ли это на самом деле.

Комп пискнул, сообщая о вызове.

Тереза нажала клавишу «Без видео», затем «Ответ», сразу же поняв, кто это, хотя не появилось ни имени, ни телефонного номера.

— Привет, папа, — сказала она.

— Включи видео, милая, хочу увидеть твое лицо.

— Придется порыться в памяти, — ответила она. — Папа, мне сейчас не хочется говорить.

— Эти сволочи не могут так с тобой поступить.

— Увы, могут.

— Прости, милая, я никогда не думал, что мои собственные решения могут повлиять на твою жизнь.

— Если жукеры взорвут Землю, — сказала Тереза, — потому что ты не сумел им помешать, — то точно повлияют.

— А если мы победим жукеров, но потеряем все, ради чего стоит оставаться людьми…

— Хватит дурацких речей, папа, я их наизусть знаю.

— Милая, я просто хотел сказать, что не поступил бы так, если бы знал, что тебя попытаются лишить карьеры.

— Ну да, конечно, ты готов подвергнуть опасности все человечество, но не карьеру дочери.

— Я никого не подвергаю опасности. Им и так уже известно все, что известно мне. Я теоретик, а не командир, — а сейчас им нужен командир, причем с совершенно другими способностями. Так что на самом деле… их злость из-за моего ухода только уронила их в глазах общества, и…

— Папа, ты не заметил, что не я тебе позвонила?

— Только сейчас сообразила?

— Да, и кто тебе все рассказал? Кто-то из университета?

— Нет, Грасдольф — у него есть друг в фонде, и…

— Ну, ясно.

Отец вздохнул.

— Цинизма тебе не занимать.

— Какой смысл брать заложника, если не посы-

лаешь требования выкупа?

— Грасдольф — мой друг, его просто используют, и я в самом деле имел в виду…

— Папа, возможно, тебе кажется, что ты готов отказаться от своего донкихотского крестового похода ради того, чтобы облегчить мне жизнь, но на самом деле ты никогда этого не сделаешь, о чем мы оба прекрасно знаем. Я даже не хочу, чтобы ты от него отказывался. Мне все равно. Ладно? Так что твоя совесть чиста, их попытка принуждения обречена на провал, университет по-своему обо мне позаботится — да и вообще, у меня тут есть на курсе умный, симпатичный и чертовски заносчивый парень, который пытается за мной приударить, так что жизнь почти прекрасна.

— Да ты прямо благородная мученица.

— Вот видишь, как быстро мы поругались?

— Потому что ты не желаешь со мной разговаривать, а просто несешь всякую чушь в надежде, что я от тебя отстану.

— Похоже, пока все-таки не получается. Но уже близко к тому?

— Зачем ты это делаешь? Зачем ты хлопаешь дверью перед каждым, кому ты небезразлична?

— Насколько я знаю, я пока что хлопала дверью

лишь перед теми, кто чего-то от меня хочет.

— И чего, по-твоему, хочу я?

— Чтобы тебя знали как самого выдающегося военного теоретика всех времен, но чтобы при этом твоя семья была предана тебе так же, как если бы она знала тебя по-настоящему. И знаешь что? Я не желаю продолжать этот разговор, и когда я отключусь, что я сейчас собираюсь сделать, пожалуйста, не звони больше и не оставляй на моем компе трогательных сообщений. И — да, я тебя люблю, у меня все в полном порядке, и на этом все, точка, до свидания.

Она прервала связь, и только после этого смогла заплакать.

Слезы разочарования — вот что это было, и ничего больше. Ей требовалось дать выход своим чувствам. И ей было все равно, услышит ли кто-то, что она плачет, — главное, чтобы ничто не мешало объективности ее научных исследований, а остальное не важно.

Перестав плакать, Тереза опустила голову на руки и, кажется, немного вздремнула. Даже наверняка — была уже вторая половина дня, она успела проголодаться, и ей хотелось в туалет. Тереза ничего не ела с самого завтрака, а стоило ей пропустить обед, как к четырем часам у нее

всегда начинала кружиться голова.

На экране ее компа по-прежнему были данные студентов. Закрыв их, Тереза расправила пропотевшую одежду, подумав: «И впрямь жарковато для свитера, особенно столь толстого и мешковатого». Но футболки под свитером не было, так что ей ничего не оставалось, кроме как идти домой, обливаясь потом.

Если бы она хоть когда-нибудь возвращалась домой в дневные часы, возможно, она научилась бы одеваться более приемлемо. Но сейчас у нее не было никакого желания работать допоздна. Если на любых ее трудах будет стоять чужое имя — может, послать подальше их всех вместе с их грантами?

Она открыла дверь…

И увидела того самого мальчишку Виггина, который сидел спиной к двери, раскладывая пластиковые вилки и ножи на бумажных салфетках. Запах горячей еды едва не заставил ее отступить назад.

Виггин взглянул на нее, но без тени улыбки.

— Блинчики из «Хунаня», — сказал он, — куриный сатай из «Май-Тая», салаты из «Зеленого сада», а если подождете еще несколько минут, будут фаршированные грибы из «Тромп Л’Эф».

— Я хочу только одного, — ответила она. — Отлить. А поскольку мне вовсе не хочется делать это прямо на сумасшедшего студента, разбившего лагерь у меня под дверью, не будете ли вы так любезны отойти…

Он отошел.

Мóя руки, она подумала о том, чтобы больше не возвращаться к себе в кабинет. Дверь за ней захлопнулась. Сумочка была с собой. И этому мальчишке она ничем не была обязана.

Но любопытство взяло верх. Есть она ничего не собиралась, но ей требовался ответ на один вопрос.

— Откуда вы знали, когда я выйду? — спросила она, стоя над приготовленным им пикником.

— А я и не знал, — ответил он. — Пицца и буррито отправились в мусорный бак полчаса и пятнадцать минут тому назад.

— Хотите сказать, что периодически заказывали еду, чтобы…

— Чтобы, когда бы вы ни вышли, вас ждало что-нибудь горячее и/или свежее.

— И/или?

— Не нравится — ладно. — Он пожал плечами. — Естественно, бюджет мой ограничен, поскольку живу я на то, что мне платят за работу

сторожем на физическом факультете, так что если вам вдруг не понравится — считайте, я спустил в унитаз половину моей недельной зарплаты.

— Да вы и в самом деле лжец, — усмехнулась Тереза. — Я знаю, сколько платят сторожам на полставки, так что на оплату всего этого вам пришлось бы трудиться две недели.

— Значит, даже жалость не заставит вас сесть и поесть со мной?

— Заставит, — ответила она. — Но не жалость к вам.

— Тогда к кому?

— К себе самой, конечно, — сказала она, садясь. — К грибам я не притронусь — у меня аллергия на шиитаке, а в «Эфе», похоже, считают, будто других настоящих грибов не существует. А сатай наверняка холодный, поскольку его никогда не подают горячим, даже в ресторане.

Постелив на скрещенные ноги Терезы бумажную салфетку, он протянул ей нож и вилку.

— Так ка́к, хотите знать, что в моем досье неправда? — спросил он.

— Мне все равно, — ответила она, — и я в него не заглядывала.

Он показал на свой комп.

— Я давно уже подключил к базе данных соб-

ственную следящую программу. И знаю, когда и кто получает доступ к информации обо мне.

— Чушь, — бросила она. — Университетскую систему дважды в день проверяют на вирусы.

— На известные вирусы и аномалии, которые можно обнаружить, — поправил он.

— Но при этом вы хотите поделиться со мной своей тайной?

— Лишь потому, что вы мне солгали, — ответил Виггин. — Те, кто привык врать, друг на друга не доносят.

Тереза хмыкнула, явно спрашивая, в чем же заключается ее ложь, но потом попробовала блинчик и хмыкнула еще раз — уже явно имея в виду, что еда не так уж плоха.

— Рад, что понравилось. Я обычно прошу убавить имбиря, чтобы лучше чувствовался вкус овощей. Хотя, естественно, потом я макаю их в невероятно крепкий соево-чили-горчичный соус, так что на самом деле понятия не имею, каковы они на вкус.

— Дайте попробовать соус, — попросила она.

Виггин оказался прав — соус был настолько хорош, что она даже подумала, полить ли им салат или просто отхлебнуть из пластикового стаканчика.

— А если хотите знать, какие сведения обо мне ложны, могу привести полный список: все. Истинны только знаки препинания.

— Абсурд. Кто стал бы это делать? Какой в том смысл? Вы что, свидетель какого-то чудовищного преступления, попавший под защиту?

— Я не родился в Висконсине — я родился в Польше. Я жил там до шести лет и провел в Расине всего две недели до того, как приехать сюда, так что, если бы я встретил кого-то оттуда, я мог бы рассказать о местных достопримечательностях и убедить его, что в самом деле там жил.

— Польша, — проговорила она. Благодаря крестовому походу отца против законов о рождаемости она не могла не знать, что данная страна этим законам не подчиняется.

— Угу, мы нелегальные эмигранты из Польши. Просочились сквозь сеть охранников Гегемонии. Или, может, стоит сказать — полулегальные.

Для подобных ему людей Хинкли Браун был героем.

— Ясно, — разочарованно сказала она. — Весь этот пикник — не ради меня, а ради моего отца.

— А кто ваш отец? — спросил Джон Пол.

— Да бросьте, Виггин, вы же слышали ту девушку в аудитории сегодня утром. Мой отец

— Хинкли Браун.

Джон Пол пожал плечами, будто и правда никогда о нем не слыхал.

— Перестаньте, — продолжала она. — Все это показывали по видео в прошлом году. Мой отец ушел в отставку из Международного флота из-за законов о рождаемости, а ваша семья родом из Польши. И не пытайтесь убедить меня, что это совпадение.

— Вы и впрямь весьма подозрительны, — рассмеялся он.

— Не могу поверить, что вы не взяли вонтоны из «Хунаня».

— Не знал, понравятся ли они вам. Они на любителя. Решил не рисковать.

— Устроив пикник на полу перед дверью моего кабинета и выкидывая всю остывшую еду, пока я не выйду? И в чем тут риск?

— Так, продолжим, — проговорил Виггин. — Очередная ложь. Моя фамилия на самом деле не Виггин, а Вечорек. И у меня куда больше братьев и сестер.

— А речь на выпускном вечере? — спросила она.

— Я должен был с ней выступать, но убедил администрацию обойтись без меня.

— Почему?

— Не хочу никаких фотографий. И не хочу, чтобы меня невзлюбили другие.

— А, так вы затворник? Что ж, это все объясняет.

— Но не объясняет, почему вы плакали у себя в кабинете, — ответил Виггин.

Тереза вынула изо рта последний кусочек блинчика.

— Прошу прощения, что не могу вернуть остальное, — сказала она, кладя обслюнявленный кусок на салфетку. — Но мою личную жизнь за цену еды навынос вам не купить.

— Думаете, я не заметил, как поступили с вашим проектом? — спросил Виггин. — Уволить вас, когда это была ваша и только ваша идея? Я бы тоже разрыдался.

— Меня не уволили, — возразила она.

— Scuzi, belladonna[6], но документы не лгут.

— Что за ерунда… — И тут она поняла, что он улыбается. — Ха-ха.

— Я вовсе не собираюсь покупать вашу личную жизнь, — сказал Виггин. — Я просто хочу узнать все, что вам известно о человеческих сообще-

---

[6] Примечания: 6
Извините, красавица *(ит.).*

ствах.

— Тогда приходите на занятия. И в следующий раз приносите угощение туда, чтобы поделиться со всеми.

— Я ни с кем не намерен делиться угощением, — заявил Виггин. — Это все для вас.

— Зачем? Чего вы от меня хотите?

— Хочу, чтобы от моих телефонных звонков вы никогда не плакали.

— В данный момент вы вызываете у меня единственное желание — заорать во все горло.

— Это пройдет, — заверил ее Виггин. — Да, и мой возраст — тоже неправда. На самом деле я на два года старше, чем указано в документах. Я поздно пошел в американскую школу, потому что пришлось учить английский, и… возникли некоторые сложности с договором, который, как они утверждали, я не намерен исполнять. Но в конце концов им пришлось сдаться, и мне поменяли возраст, чтобы никто не догадался, насколько я ему не соответствую.

— Им? Кому?

— Гегемонии, — ответил Виггин.

И тут она поняла, что он не просто мальчик, но мужчина. Джон Пол Виггин. Отчего-то ей казалось, что думать так непрофессионально и к

тому же опасно.

— Вам в самом деле удалось заставить Гегемонию сдаться?

— Не уверен, что они полностью сдались. Думаю, у них просто поменялась цель.

— Ладно… Теперь меня и впрямь мучает любопытство.

— То есть уже не злость и не голод?

— Уже не только они.

— И что же вам любопытно узнать?

— Из-за чего вы поссорились с Гегемонией?

— На самом деле — с Международным флотом. Они считали, что я должен поступить в Боевую школу.

— Они не могли заставить вас силой.

— Знаю. Но в качестве условия моего поступления я потребовал, чтобы сперва всю мою семью вывезли из Польши и сделали так, чтобы санкции за превышение количества детей к нам не применялись.

— В Америке эти санкции тоже действуют.

— Да, если многодетность афишировать, — ответил Джон Пол. — Как ваш отец, и как вся ваша церковь.

— Это не моя церковь.

— Ну конечно, вы единственная в истории,

кто полностью невосприимчив к религиозному воспитанию.

Ей хотелось ему возразить, но она знала, что его утверждение основано на науке, в соответствии с которой невозможно избежать базового мировоззрения, которое внушают детям родители. Хотя Тереза давно от него отреклась, оно все так же сидело внутри ее, и ей постоянно приходилось мысленно спорить с родителями.

— Закон карает даже тех, кто растит лишних детей втайне, — заметила она.

— Мои старшие братья и сестры воспитывались у родственников, и в доме никогда не бывало одновременно больше двоих детей. Когда мы приходили в «гости», нас называли племянниками и племянницами.

— И все так и осталось, даже после того как вы отказались пойти в Боевую школу?

— Более-менее, — ответил Джон Пол. — Меня пытались заставить учиться, но я устроил забастовку. А потом они начали говорить, что отправят нас назад в Польшу или применят против нас санкции здесь, в Америке.

— Так почему же они этого не сделали?

— У меня с ними был письменный договор.

— С каких пор это останавливало правитель-

ство, если уж оно что-то решило?

— Дело было вовсе не в каких-то формулировках — достаточно того, что договор вообще существовал. Я всего лишь пригрозил сделать его достоянием гласности. Вряд ли они смогли бы отрицать, что нарушали законы о рождаемости, поскольку примером этому служили мы — те, для кого они сделали исключение.

— Правительство умеет избавляться от неудобных свидетельств.

— Знаю, — ответил Джон Пол. — Потому мне и кажется, что у них до сих пор есть какой-то план. Они не сумели отправить меня в Боевую школу, но позволили остаться в Америке вместе со всей семьей. Они явно хотят что-то от меня получить, словно дьявол из старых историй о продаже души.

— И это вас нисколько не беспокоит?

— Когда их план будет ясен — тогда и стану беспокоиться. Так что насчет вас? В вашем отношении их план как раз вполне понятен.

— Не совсем, — возразила она. — Внешне это выглядит как типичное поведение Гегемонии — наказать дочь, чтобы ее прославленный отец прекратил бунтовать против законов о рождаемости. К несчастью, мой отец вырос на фильме

«Человек на все времена» и считает себя Томасом Мором[7]. Думаю, его разочаровало лишь то, что головы лишилась я, а не он сам.

— Но вы полагаете, что речь о чем-то большем?

— Декан и диссертационный совет все так же намерены присвоить мне степень и позволить возглавлять проект — просто всю славу получит кто-то другой. Что ж, меня это злит, но в конечном счете все это мелочи. Согласны?

— Может, они считают вас такой же карьеристкой, как и они сами?

— Им ведь известно, что мой отец не таков. Вряд ли они полагают, что могут заставить его уступить. Или даже вынудить меня на него надавить.

— Не стоит недооценивать глупость правительства.

— Идет война, — сказала Тереза. — Они всерьез верят, что сейчас чрезвычайное время, и идиотов на высших постах в данный момент вряд ли

---

[7] Примечания: 7

Томас Мор (1478–1535) — английский писатель и философ, святой Римской католической церкви. Был лордом-канцлером короля Англии Генриха VIII. Отказался отступиться от веры по королевскому приказу и был казнен. Стал символом самопожертвования во имя убеждений. «Человек на все времена» — биографический фильм Фреда Циннеманна (1966 г.), посвященный Томасу Мору. *(Примеч. ред.)*

потерпят. Нет, вряд ли они так уж глупы. Думаю, они просто не до конца понимают свой собственный план.

— Значит, будем оба ждать, пока не поймем, что у них на уме, — кивнул Джон Пол.

— Пожалуй.

— А вы останетесь и возглавите проект?

— Пока да.

— Стоит вам начать, и никто вас не отпустит, пока не получите результаты.

— Некоторых результатов не будет еще лет двадцать.

— Такие долгие исследования?

— Скорее, наблюдения. И в каком-то смысле абсурдно применять к истории математическую модель. Но я определила критерии для измерения ключевых компонентов долгоживущих гражданских обществ, а также факторы, приводящие к упадку гражданского общества и превращению его обратно в племенное. Способны ли гражданские общества существовать вечно? Или упадок — неизбежный результат их развития? А может, со временем всегда дает о себе знать потребность в племенном обществе? В данный момент перспективы человечества оставляют желать лучшего. По моей предварительной оценке, ко-

гда гражданское общество достигает зрелости и успеха, его граждане становятся чересчур самодовольными и, чтобы удовлетворить свои разнообразные потребности, вновь изобретают племенной строй, который в конечном счете разрушает его изнутри.

— То есть как поражение, так и успех ведут к упадку?

— Вопрос лишь в том, насколько это неизбежно.

— Полезная информация, ничего не скажешь.

— В данный момент могу лишь сказать, что глупее контроля над рождаемостью ничего не придумаешь.

— Зависит от цели, — заметил Джон Пол.

Тереза ненадолго задумалась.

— В смысле — их может не интересовать судьба Гегемонии?

— Что есть Гегемония? Всего лишь сборище наций, которые объединились против общего врага. Что, если мы победим? Какой смысл в дальнейшем существовании Гегемонии? Зачем нациям подчиняться единой власти?

— Вполне могли бы и подчиняться, если бы Гегемония хорошо управлялась.

— Этого они и боятся. Если только несколько

наций захотят выйти, другие смогут их удержать, так же как Север удержал Юг во время американской гражданской войны. Так что, прежде чем разрушить Гегемонию, нужно убедиться, что большинство наций и племен ненавидят ее и воспринимают как угнетателя.

«Ну и дура же я, — подумала Тереза. — За все эти годы ни отец, ни я ни разу не задавались вопросом о том, каковы истинные мотивы законов о рождаемости».

— Вы всерьез полагаете, что в Гегемонии найдется хоть кто-то столь искушенный, чтобы подобное могло прийти ему в голову?

— Для этого не нужны многие — достаточно нескольких ключевых игроков. Как по-вашему, почему вызывающая столько разногласий система стала основой военной программы? Законы о рождаемости никак не помогают экономике. У нас полно ресурсов, и мы наверняка добились бы большего, если бы население мира постоянно росло. Подобное контрпродуктивно во всех отношениях. И тем не менее это догма, которую никто не смеет оспаривать. Вспомните реакцию аудитории, когда вы сегодня утром всего лишь коснулись этой темы.

— В таком случае, если судьба Гегемонии их

не волнует, почему они позволили продолжать работу над моим проектом?

— Возможно, те, кто выступает за законы о рождаемости, и те, кто позволяет вашему проекту продолжаться, — совершенно разные люди.

— А если бы мой отец не вышел из игры, он мог бы даже знать, кто именно.

— Или нет. Он служил во Флоте, а эти люди могут не иметь никакого отношения к военным. Возможно, они из различных национальных правительств, а вовсе не из Гегемонии. Что, если ваш проект тайно поддерживает американское правительство, лишь делая вид, будто оно обеспечивает исполнение принятых Гегемонией законов о рождаемости?

— Так или иначе, я не более чем орудие в чьих-то руках.

— Да бросьте, Тереза, — усмехнулся Джон Пол. — Мы все — чьи-то орудия. Но это вовсе не означает, будто мы не в состоянии сделать орудиями других. Или найти интересное применение для себя самих.

Ее слегка разозлило, когда он назвал ее по имени, — вернее, это была не злость, а какое-то другое чувство, от которого ей стало не по себе.

— Спасибо вам за пикник, мистер Виггин, но,

боюсь, вам отчего-то кажется, будто в наших отношениях что-то изменилось.

— Конечно, изменилось, — ответил Джон Пол. — Раньше их у нас не было, а теперь есть.

— Они были и до этого — отношения преподавателя и студента.

— В аудитории они таковыми и остаются.

— И больше никаких.

— Не совсем, — возразил Джон Пол. — Поскольку, когда заходит речь о вещах, которые я знаю, а вы — нет, я тоже становлюсь преподавателем, а вы — студенткой.

— Я вам сообщу, когда такое случится. И запишусь на ваш курс.

— Мы интеллектуально дополняем друг друга, — сказал он. — Вместе мы умнее. А если представить, насколько невероятно умны мы по отдельности, становится страшно при мысли, что будет, если нас объединить.

— Интеллектуальная ядерная реакция? — пошутила она.

Вот только вполне возможно, что это была не шутка, а самая настоящая правда.

— Естественно, наши отношения крайне несбалансированны, — продолжал Джон Пол.

— В каком смысле? — спросила Тереза, пред-

полагая услышать в ответ очередную умную реплику, будто он сообразительнее или проницательнее, чем она.

— В таком, что я вас люблю, — ответил Джон Пол, — а вы до сих пор считаете меня выскочкой-студентом.

Сколь бы приятными и сладостными ни казались ей знаки его внимания, Тереза понимала, что поступить она может лишь единственным образом: немедленно заявить, что, хоть она и польщена его чувствами, они ни к чему не приведут, поскольку ничего подобного она к нему не испытывает и испытывать не собирается.

Вот только в последнем она совсем не была уверена. От его признания слегка захватывало дух.

— Мы только сегодня познакомились, — сказала Тереза.

— Ну так и я ощущаю лишь первый любовный трепет, — ответил он. — Если и дальше будете ко мне относиться как к досадной помехе — переживу. Только мне этого совсем не хочется. Мне хочется узнавать вас все больше и больше, чтобы все больше и больше любить. Думаю, вы для меня вполне подходящая пара, даже сверх того. Где еще я найду женщину, которая может оказаться умнее меня?

— С каких это пор мужчины ищут именно таких?

— Глупые женщины нужны лишь дуракам, пытающимся казаться умными, как покорные — слабакам, корчащим из себя сильных. Наверняка в теории человеческих сообществ об этом что-то говорится.

— То есть вы увидели меня сегодня утром, и…

— Я слышал вас сегодня утром, я говорил с вами, вы заставили меня задуматься, как и я вас… И между нами проскочила искра. Точно так же, как и сейчас, когда мы сидели, обсуждая, как перехитрить Гегемонию. Думаю, они перепугались бы до смерти, если бы знали, что мы вдвоем замышляем против них заговор.

— Что, в самом деле?

— Мы оба их ненавидим, — сказал Джон Пол.

— Я точно этого не знаю, — ответила Тереза. — В отличие от моего отца. Но я — не мой отец.

— Вы ненавидите Гегемонию, потому что она вовсе не то, чем пытается казаться, — объяснил Джон Пол. — Будь она в самом деле правительством всего человечества, преданным идеалам демократии, справедливости, развития и свободы, никто из нас бы не возражал. Но это всего лишь некий временный альянс, который объ-

единяет под своей эгидой множество порочных режимов. И теперь, когда мы знаем, что эти режимы занимаются различными манипуляциями, прилагая все усилия к тому, чтобы Гегемония никогда не стала такой, как хотелось бы нам, — что остается двум умникам вроде нас, кроме как строить заговор с целью свержения нынешней Гегемонии и замены ее на нечто лучшее?

— Меня не интересует политика.

— Вы живете и дышите политикой, — сказал Джон Пол. — Вы просто называете ее «теорией сообществ» и делаете вид, будто вам интересно только наблюдать за происходящим, пытаясь его понять. Но когда-нибудь у вас будут дети, которым предстоит жить в этом мире, и вас уже заботит, каким он к тому времени станет.

Эти слова ей всерьез не понравились.

— С чего вы взяли, будто я собираюсь заводить детей? — (Джон Пол лишь усмехнулся в ответ.) — И уж точно я сделаю это не в пику законам о рождаемости.

— Да бросьте, — улыбнулся Джон Пол. — Я уже прочел учебник. Это один из базовых принципов теории сообществ. Даже те, кто считает, что не собирается размножаться, все равно принимают большинство решений так, будто активно этим

занимаются.

— Есть исключения.

— Разве что патологические, — заметил Джон Пол. — Но вы здоровы.

— Неужели все поляки так самонадеянны, назойливы и грубы?

— О да, в той или иной степени! Но мало кто может сравниться со мной.

— Значит, вы решили тогда на занятии, что я должна стать матерью ваших детей?

— Тереза, — сказал Джон Пол, — мы оба молоды и здоровы, поэтому оцениваем каждого встречного как потенциального партнера.

— Возможно, я оцениваю вас несколько иначе, чем вы меня.

— Знаю, — ответил Джон Пол. — Но я намерен приложить все усилия, чтобы стать для вас неотразимым.

— Вам не приходило в голову, что подобные слова могут только оттолкнуть?

— Да брось, — усмехнулся Джон Пол. — Ты с самого начала понимала, о чем я. К чему мне было притворяться?

— Может, мне хочется, чтобы за мной немного поухаживали. У меня нормальные потребности обычной человеческой женщины.

— Прошу прощения, — сказал Джон Пол. — Но некоторые женщины сочли бы, что у меня чертовски здорово получается ухаживать! Тебе сообщают дурные известия, потом у тебя случается тяжелый телефонный разговор, ты плачешь у себя в кабинете, а когда выходишь оттуда — я тут как тут, с угощением, ради которого добровольно пошел на массу лишений. И прямо заявляю, что люблю тебя и намерен стать твоим партнером в науке, политике и семейной жизни. Полагаю, это чертовски романтично.

— Что ж… пожалуй. Но чего-то все-таки не хватает.

— Знаю. Я просто ждал подходящего момента, чтобы сказать, насколько мне хочется стащить с тебя этот дурацкий свитер. Однако я все же решил дождаться, пока ты сама не захочешь этого настолько, что не сможешь выдержать.

Тереза невольно рассмеялась и покраснела.

— Долго же тебе придется ждать, приятель.

— Столько, сколько потребуется. Я поляк и католик. Мы женимся на таких девушках, которые не дают молока, пока не купишь всю корову.

— Лестное сравнение, ничего не скажешь.

— Как насчет «не даст яиц, пока не купишь курицу»?

— Может, попробуешь «не даст ветчины, пока не купишь свинью»?

— Бррр, — пробормотал Джон Пол. — Но если настаиваешь — постараюсь представить тебя хрюшкой.

— Надо полагать, сегодня ты меня не поцелуешь?

— Кому бы захотелось? У тебя салат в зубах застрял.

— У меня чересчур расшатаны нервы, чтобы что-то разумно решать.

— Я на это рассчитывал.

— И у меня есть мысль, — добавила она. — Что, если в этом и состоит их план?

— Чей план?

— Тех самых, о ком мы говорили. Что, если они не отправили тебя обратно в Польшу потому, что им хотелось, чтобы ты женился на по-настоящему умной девушке — возможно, дочери ведущего военного теоретика мира. Естественно, они никак не могли гарантировать, что ты окажешься на моем курсе теории сообществ.

— Могли, — задумчиво проговорил он.

— Ах вот как, — кивнула она. — Значит, мой курс тебя не интересовал?

Он уставился на остатки еды.

— Интересная мысль. Возможно, мы часть чьей-то программы по евгенике.

— С тех пор как парни и девушки стали учиться вместе, — сказала она, — учебные заведения превратились в брачную ярмарку для богачей, желающих создать семью с кем-то, у кого есть мозги.

— И наоборот.

— Но иногда встречаются двое с мозгами.

— А когда у них появляются дети — берегись!

Оба расхохотались.

— Довольно-таки самонадеянно даже для меня, — заметил Джон Пол. — Будто мы с тобой настолько ценны, что они готовы на все, лишь бы мы друг в друга влюбились.

— Может, они знали, что мы оба настолько неотразимы, что любая наша встреча попросту не могла привести к иному?

— Со мной так и произошло, — сказал Джон Пол.

— А со мной — нет.

— Обожаю, когда мне бросают вызов.

— Что, если это в самом деле правда? Что нас действительно пытаются свести друг с другом?

— И что с того? — пожал плечами Джон Пол. — Какая разница, если по велению собственного

сердца я заодно исполняю чей-то план?

— А если этот план нам не понравится? — спросила она. — Что, если это вроде сказки о Румпельштильцхене? И нам придется отдать самое любимое взамен самого желанного?

— Или наоборот.

— Я не шучу.

— Я тоже, — ответил Джон Пол. — Даже в тех культурах, где молодоженов сводят родители, никому не запрещено влюбиться по-настоящему.

— Я вовсе не влюблена, мистер Виггин.

— Ладно, — бросил он. — Только скажи, и я уйду.

Она промолчала.

— Так что, не скажешь?

— Стоило бы, — ответила она. — Собственно, я уже несколько раз пыталась, но ты не уходил.

— Мне хотелось убедиться, что ты в точности понимаешь, от чего отказываешься. Но теперь, когда ты отведала мое угощение и выслушала мои признания, я готов услышать «нет» — если ты действительно этого хочешь.

— Что ж, говорить «нет» я не стану. Надеюсь, ты понимаешь, что отсутствие «нет» не означает «да».

— Понимаю, — рассмеялся он. — И точно так же

понимаю, что отсутствие «да» не означает «нет».

— При определенных обстоятельствах. И в некоторых ситуациях.

— Так ка́к насчет поцелуя — однозначное «нет»? — спросил Джон Пол.

— У меня же салат в зубах застрял, забыл?

Встав на колени, он наклонился и легко поцеловал ее в щеку.

— Нет зубов — нет и салата.

— Ты еще даже понравиться мне не успел, — сказала она, — а уже позволяешь себе такие фамильярности.

Он поцеловал ее в лоб.

— Надеюсь, ты понимаешь, что три десятка людей видели, как мы сидели тут за едой. И любой мог увидеть, как я тебя целую.

— Скандал, — усмехнулась Тереза.

— Катастрофа, — ответил Джон Пол.

— О нас доложат властям, — сказала она.

— Возможно, власти только обрадуются.

Поскольку день был полон эмоций, Джон Пол в самом деле ей нравился, а чувства ее пребывали в таком беспорядке, что она уже не понимала, что хорошо и разумно, а что — нет, она поддалась охватившему ее порыву и поцеловала его в ответ. В губы. Коротко и по-детски, но все же это был

поцелуй.

Потом принесли грибы, и, пока Джон Пол расплачивался с девушкой-курьером, Тереза прислонилась к двери кабинета, пытаясь осмыслить то, что произошло сегодня, что все еще происходит между ней и этим мальчишкой Виггином и что может произойти в будущем с ее карьерой, с ее жизнью и с ним.

Ничего было не ясно. И ничто не было предопределено.

И все же, несмотря на все случившиеся неприятности и пролитые ею слезы, она не могла избавиться от мысли, что день все-таки удался.

Игра Эндера[8]

— Подходя к двери, вы должны помнить одно — вражеские ворота внизу. Если вы выйдете так, словно собрались на прогулку, вы будете отличной мишенью и вам тут же нанесут удар.

Эндер Виггин замолчал и оглядел свое воинство. Большинство явно нервничали. Некоторые смотрели на него понимающе. Другие — угрюмо и недовольно.

То был первый день занятий с новой армией, составленной исключительно из учебных групп, только-только со школьной скамьи. Эндер уже успел позабыть, какими маленькими могут быть такие ребята. Он занимался в Боевой школе уже три года, они — всего шесть месяцев, и в их группе не было никого старше девяти лет. А теперь он — их командир, назначенный на полгода раньше обычного срока, ведь ему самому всего одиннадцать с половиной. Да, он командовал взводом и знал несколько полезных трюков, но в его новой армии было сорок солдат. Неопытных. Все они меткие стрелки, все в прекрасной форме — иначе

---

[8] Примечания: 8
Перевод Б. Жужунавы.

они бы здесь и не очутились, — однако они еще никогда не участвовали в боевых сражениях.

— Помните, — продолжал Эндер, — вас не увидят, пока вы не выйдете за дверь. Но стоит вам появиться, и на вас нападут. Поэтому, выходя, вы должны принять самую удобную позу. Лучше всего вниз головой. — Он указал на угрюмого мальчика, которому на вид было не больше семи, самого младшего из всех. — А почему вниз головой, новобранец?

— Потому что вражеские ворота внизу, — последовал быстрый ответ.

У-у, какой сердитый.

— Имя, парень?

— Боб.

— Тебя так прозвали за маленький рост или за маленькие мозги?

Боб не ответил, остальные сдержанно засмеялись. Эндер сделал правильный выбор. Парнишка был младше остальных и все же оказался здесь, значит башковитый. Остальные не питают к нему нежных чувств и счастливы увидеть, как его шпыняют. В точности так, как Эндера шпынял его первый командир — не слишком сильно.

— Что ж, Боб, ты все правильно понял. Теперь вот что. Любой, выходя из двери, имеет крупный

шанс схлопотать удар. И что тогда случится? Тогда та часть тела, на которую пришелся удар, замерзнет, потеряет чувствительность — вот что. Хорошо, если это будут ноги. Если удар придется по ногам и они замерзнут, при нулевой гравитации это не страшно. — Эндер повернулся к одному из ошеломленных новичков. — Скажи, для чего нужны ноги? А?

Непонимающий взгляд. Смятение в глазах. Ни бе, ни ме…

— Ладно, не мучайся. А что ответит на мой вопрос Боб?

— Ноги нужны, чтобы отталкиваться от стены, — со скучающим видом ответил тот.

— Спасибо, Боб. Все усвоили? — (Похоже, усвоили, и не только из ответа Боба.) — Все верно. Вы не можете видеть ногами, вы не можете стрелять ногами, по большей части они только помеха. Но если они будут торчать на виду и замерзнут, вы превратитесь в дирижабль, не сможете скрыться. Ну, так куда нужно девать ноги?

На этот раз ответили сразу несколько человек, явно торопясь показать, что не один Боб тут что-то сечет.

— Их надо поджать.

— Согнуть.

— Правильно. Это — щит. Вы сгибаете колени, и тогда ваши ноги служат щитом. А теперь усвойте вот что: даже если ваши ноги замерзли, вы все равно можете уйти. Никто не знает этого трюка, кроме меня, — но я вас научу.

Эндер Виггин достал «пистолет»; конечно, никакой это был не пистолет, а нечто вроде фонарика, который вспыхнул бледно-зеленым светом. Потом Эндер всплыл вверх в невесомости Боевого зала, подогнув ноги так, словно стоял на коленях, и выстрелил в них из «пистолета». Луч заставил задеревенеть его штанины от ступней до колен; теперь он не мог разогнуть ноги.

— О'кей, я заморожен, видите?

Эндер проплыл над головами своих учеников, которые в замешательстве смотрели на него. Потом ухватился за поручень за своей спиной и подтянулся к стене.

— Я прижался к стене, видите? Если бы у меня работали ноги, я бы выстрелил собой, как бобом из духовой трубки, верно?

Ребята засмеялись.

— Однако ног у меня сейчас все равно что нет, и это даже к лучшему, понимаете? Сейчас покажу почему. — Эндер согнулся, с силой выпрямился, мгновенно перелетел через весь Боевой зал и

обратился к ним уже от противоположной стены. — Дошло? Руки у меня в порядке, поэтому я могу стрелять. И ноги не тащатся за мной, растянувшись на пять футов. Посмотрите еще раз.

Он проделал все заново и ухватился за поручень на стене рядом с учениками.

— И я хочу, чтобы вы делали это не только тогда, когда у вас не действуют ноги. Я хочу, чтобы вы делали это, даже когда с ногами у вас все в порядке. Потому что так удобнее. И потому что враги этого не ожидают. Давайте, взлетайте и сгибайте колени.

Большинство взлетели спустя несколько секунд, замешкавшихся Эндер заморозил, и те беспомощно повисли в воздухе. Остальные рассмеялись.

— Если я отдаю приказ, его нужно выполнять немедленно, ясно? Когда настанет пора выходить за дверь, я буду отдавать приказы каждые две секунды. И когда вы услышите приказ, вам лучше тут же очутиться снаружи, ведь тот, кто окажется первым, победит, если он, конечно, не дурак. Я, например, не дурак. И вам лучше не быть дураками, не то я отправлю вас обратно в учебные классы. — (Некоторые нервно сглотнули, замороженные испуганно смотрели на него.) — Я

обращаюсь к тем, кто сейчас висит и не может двинуться. Внимание! Вы разморозитесь через пятнадцать минут, и тогда посмотрим, сможете ли вы догнать остальных.

Следующие полчаса ученики тренировались сгибаться и отталкиваться от стены. Эндер остановил их, когда увидел, что они ухватили идею. Кажется, ему досталась неплохая группа. А со временем она станет еще лучше.

— Разминка закончена, — объявил он. — Приступаем к работе.

После занятий Эндер вышел последним: он задержался, помогая отрабатывать технику самым нерасторопным. Его бойцы прошли хорошую школу, но, как и бойцы всех других армий, имели разные способности. Некоторые могли стать в сражении настоящей помехой.

А ведь никто не мог сказать, когда будет их первый бой — может, через несколько недель, а может, завтра. Расписания никто никогда не знал, командир просто просыпался поутру и находил у своей койки записку, где указывалось время сражения и имя противника. Поэтому первое время Эндеру придется гонять своих парней и в хвост и в гриву, пока они не придут в форму, причем все до единого. Они должны быть готовы ко всему и в

любое время суток. Стратегия — штука хорошая, но грош ей цена, если бойцы не могут вынести тягот войны.

Направляясь в жилой отсек, Эндер столкнулся с Бобом, тем самым семилетним парнишкой, которого успел приметить сегодня. Похоже, с ним будет непросто, а сейчас Эндер был не в настроении разбираться с проблемами.

— Привет, Боб.

— Привет, Эндер!

Пауза.

— Сэр, — мягко поправил Эндер.

— Сейчас мы не на службе.

— В моей армии, Боб, все и всегда на службе. — С этими словами Эндер прошел мимо.

За его спиной прозвенел тонкий голосок Боба:

— Я знаю, чего вы добиваетесь, Эндер… сэр, и хочу вас предостеречь.

Эндер медленно повернулся.

— Предостеречь меня?

— Я самый лучший солдат вашей армии, поэтому и обращаться со мной нужно лучше.

— Не то — что? — В улыбке Эндера появилась угроза.

— Не то я стану самым худшим вашим солдатом. Третьего не дано.

— И чего ты от меня ждешь? Любви и поцелуев? — Эндер начал злиться.

Боба, похоже, ничуть это не взволновало.

— Я хочу получить под командование взвод.

Эндер подошел к нему и заглянул в глаза.

— Я дам под командование взвод тому, кто докажет, что он чего-то стоит, — сказал он. — Тому, кто будет хорошим солдатом, сумеет выполнять приказы, в сложной ситуации будет думать самостоятельно и завоюет уважение остальных. Именно так я сам и сделался командиром. И именно так ты получишь под командование взвод, и никак иначе. Тебе понятно?

Боб улыбнулся.

— Это справедливо. Если вы сдержите слово, я буду командовать взводом не позже чем через месяц.

Эндер ухватил его за форму и прижал к стене.

— Если я говорю «да», Боб, это значит «да».

Боб только улыбнулся.

Эндер отпустил его и ушел не оглядываясь. Он и без того знал, что Боб смотрит ему вслед со слегка пренебрежительной улыбкой. Может, из парня и впрямь получится хороший взводный, с этого дня Эндер будет очень внимательно за ним следить.

Капитан Графф, шести футов ростом, склонный

к полноте, откинулся в кресле, поглаживая живот. Напротив него сидел лейтенант Андерсон, стараясь привлечь внимание капитана к пикам диаграммы.

— Вот, смотрите, капитан, — говорил Андерсон. — Эндер уже использует тактику, которая позволит ему одолеть любого противника. Он добился того, что его солдаты передвигаются вдвое быстрей.

Графф кивнул.

— И вам известны результаты его теста — он отлично соображает.

Графф улыбнулся.

— Верно, верно, Андерсон. Он прекрасный, многообещающий ученик.

Они помолчали.

Графф вздохнул.

— И чего же вы от меня хотите?

— Эндер именно тот, кто нам нужен. Наверняка.

— Ему всего одиннадцать лет, лейтенант. Ради бога, чего вы хотите — чуда?

— Я хочу, чтобы начиная с завтрашнего дня он сражался каждый божий день. Я хочу, чтобы за месяц он приобрел такой опыт сражений, какой обычно приобретают за год.

Графф покачал головой.

— Его солдаты слягут.

— Нет, сэр. Они в прекрасной форме. И нам нужен Эндер.

— Позвольте поправить вас, лейтенант. Вы думаете, что Эндер — тот, кто нам нужен.

— Хорошо, я думаю именно так. Но кто же еще, если не он?

— Не знаю, лейтенант. — Графф провел рукой по почти лысой, покрытой редким пушком голове. — Они ведь дети, Андерсон. Вы отдаете себе в этом отчет? В армии Эндера нет ни одного солдата старше девяти лет. И вы хотите бросить их против старших? И целый месяц гонять через ад?

Лейтенант Андерсон еще ниже согнулся над столом.

— Вспомните о результатах тестов Эндера, капитан!

— Да видел я эти проклятущие результаты, черт побери! Я наблюдал его в сражении, прослушивал записи его занятий. Я даже следил, как он спит, слушал записи его разговоров в коридорах и душевых. Я знаю об Эндере Виггине больше, чем вы можете себе вообразить! И всем накопленным фактам, свидетельствующим о его несомненных талантах, могу противопоставить лишь одно

соображение. Как вы думаете, каким будет Эндер через год, если я с вами соглашусь? Мне сдается, он полностью выдохнется и станет ни на что не годен, потому что ему придется выкладываться больше, чем любому из его солдат. Однако это не довод, лейтенант, ведь война продолжается, мы потеряли самого талантливого нашего командующего, и самые тяжелые бои еще впереди. Поэтому я даю согласие на то, чтобы Эндер сражался каждый день всю следующую неделю. Потом доложите мне, что из этого вышло.

Андерсон встал и отдал честь.

— Спасибо, сэр.

Он был уже у двери, когда услышал оклик Граффа, и обернулся.

— Андерсон, — сказал Графф, — вы выходили наружу? В последнее время, я имею в виду?

— Нет, с тех пор как вернулся из отпуска полгода назад, не выходил.

— Да? Странно. Впрочем, не важно. Вы бывали в Бимен-парке, здесь, в этом городе? А? Прекрасный парк. Деревья. Трава. Никакой нулевой гравитации, никаких сражений, никаких тревог. И знаете, что еще есть в Бимен-парке?

— Что, сэр? — спросил лейтенант Андерсон.

— Дети.

— Это само собой.

— Я имею в виду ребятишек, которых матери будят каждое утро. Эти дети встают, отправляются в школу, а после идут в Бимен-парк и играют. Они счастливы, они часто улыбаются, смеются, забавляются. Так?

— Ясное дело, сэр.

— Это все, что вы можете сказать, Андерсон?

Лейтенант откашлялся.

— Хорошо, когда дети имеют возможность забавляться, сэр. Я сам так делал, когда был ребенком. Однако сейчас миру нужны солдаты. И другого способа получить их у нас нет.

Графф кивнул и закрыл глаза.

— Вы правы — если судить по статистическим выкладкам и умным теориям. Они, черт побери, срабатывают, и с системой тоже все в порядке, но ведь Эндер старше меня! Он уже больше не ребенок. Он теперь вряд ли даже человек.

— Если это правда, сэр, то, по крайней мере, у нас нет никаких сомнений — Эндер делает все возможное, чтобы его сверстники могли играть в парке.

— Конечно, Иисус тоже умер, чтобы спасти человечество… — Графф выпрямился и грустно посмотрел на Андерсона. — Но мы… Мы ведь те,

кто забивает гвозди в крест.

Эндер Виггин лежал, глядя в потолок. Он никогда не спал больше пяти часов, хотя лампы выключали в 22:00 и не включали до 06:00. Он просто смотрел в потолок и думал.

Он занимался со своей армией уже три с половиной недели. Армия Драконов — такое название она получила, не слишком удачное. Судя по отчетам, девять лет назад какая-то Армия Драконов выступила довольно успешно, однако все последующие годы армии с таким названием оказывались самыми слабыми, и в конце концов, просто из суеверия, армии перестали так называть. До недавнего времени.

«Однако теперь, — с улыбкой подумал Эндер, — Армия Драконов удивит всех».

Дверь открылась.

Эндер не шевельнулся.

Он слышал, как кто-то вошел, как дверь снова закрылась, когда посетитель покинул комнату. Едва негромкие шаги в коридоре стихли, Эндер повернулся на бок и, увидев на полу листок бумаги, поднял его.

«Армия Драконов против Армии Кроликов, Эндер Виггин и Карн Карби, 07:00».

Первое сражение.

Эндер выбрался из постели и быстро оделся. Пройдя по комнатам взводных, он велел им поднять ребят, и через пять минут все собрались в коридоре, сонные и вялые.

— Первое сражение будет с Армией Кроликов в семь ноль-ноль, — негромко заговорил Эндер. — Я уже дважды с ними сражался, но теперь у них новый командир, о котором я ничего не знаю. Они старше нас, зато мне известны кое-какие их уловки. Взбодритесь. Побегайте, вдвое быстрей, чем обычно. Разогреваться будем в третьем Боевом зале.

Полтора часа они вкалывали как проклятые. Провели три учебных сражения, позанимались гимнастикой в коридоре, вне зоны нулевой силы тяжести. Потом пятнадцать минут полежали в невесомости, отдыхая.

В 06:50 Эндер всех поднял, ребята высыпали в коридор. Эндер побежал во главе своей армии, время от времени подпрыгивая и дотрагиваясь до световой панели на потолке. Мальчишки повторяли его движения.

В 06:58 они собрались у своих ворот в Боевом зале.

Взводы C и D ухватились за первые восемь поручней на потолке коридора. Взводы A, B и E

припали к полу. Эндер сунул ноги под два поручня в центре потолка, чтобы никому не мешать.

— Где вражеские ворота? — прошипел он.

— Внизу! — прошептали все в ответ и засмеялись.

— Включить оружие!

«Пистолеты» вспыхнули зеленым. Им пришлось подождать еще несколько минут, а потом серая стена впереди растаяла, и перед ними открылся Боевой зал.

Эндер мгновенно оценил обстановку. Сейчас зал смахивал на знакомую по ранним играм крупноячеистую решетку с разбросанными по ней семью-восемью большими кубами, так называемыми «звездами». Позиции перед ними были очень удобны.

— Летите к ближайшим «звездам», — прошептал Эндер, мгновенно приняв решение. — Взвод Е — за мной!

Четыре взвода ворвались в Боевой зал через силовое поле дверного проема. Враги еще не успели появиться из ворот на противоположной стене, а армия Эндера уже летела от своей двери к ближайшим «звездам».

В зале показались вражеские солдаты, и им сразу пришлось круто, поскольку они еще не

успели сориентироваться, к тому же пролетали сквозь дверной проем стоя, представляя собой отличные мишени.

— Взвод E, огонь! — прошипел Эндер, стреляя из «пистолета», зажатого между коленями согнутых ног.

Пока взвод Эндера плыл по комнате, остальная Армия Драконов поливала врагов заградительным огнем, в результате чего взвод E вырвался на передовую позицию, потеряв лишь одного солдата — его полностью заморозили, в то время как остальным ничуть не мешали передвигаться замороженные ноги.

Потом наступила недолгая передышка, пока Эндер и его противник, Карн Карби, оценивали положение. Если не считать тех, кого вывели из строя возле дверей, у Кроликов было мало пострадавших, и обе армии сохраняли боевую готовность. Однако Карн не отличался оригинальностью мышления — он просто расставил своих солдат по всем четырем углам зала, до чего додумался бы любой пятилетка в учебных классах. Эндер отлично знал, как нанести поражение при такой расстановке сил.

— Взвод E прикрывает, — громко скомандовал он. — Взводы A и C — вниз. Взводы B и D — к

восточной стене.

Под прикрытием взвода E взводы B и D ринулись прочь от своих «звезд». Взводы A и C тоже оставили позиции и переместились к ближайшей стене. Достигнув цели, обе группы одновременно проделали трюк с отталкиванием от стены. Летя вдвое быстрее обычного, они неожиданно возникли позади вражеских «звезд» и открыли огонь. Спустя несколько секунд сражение было закончено — почти все враги оказались заморожены, включая командира, а остальные разбежались по углам. В течение следующих пяти минут, разбившись группами по четыре человека, Армия Драконов очистила темные углы Боевого зала от врагов и согнала пленных в центр, где те плавали, сталкиваясь друг с другом, замороженные в самых невероятных позах.

Потом Эндер с тремя мальчиками подлетел к вражеским воротам. Они одновременно прижали свои шлемы к четырем углам ворот противника, что привело к одностороннему реверсированию поля и дало сигнал к формальному завершению боя.

Наконец Эндер собрал своих бойцов возле замороженных солдат Армии Кроликов.

У Драконов только трое бойцов оказались

полностью выведены из строя. Конечный счет — тридцать восемь—ноль — был таким ошеломляющим, что Эндер расхохотался. Армия Драконов присоединилась к его смеху и хохотала громко и долго. Мальчики все еще веселились, когда из учительских ворот на южном конце Боевого зала появились лейтенанты Андерсон и Моррис.

Лейтенант Андерсон не улыбался, но Эндер заметил, как тот подмигнул, сохраняя обычное строгое выражение лица и протягивая руку, чтобы, как всегда, поздравить победителя.

Моррис нашел Карна Карби и разморозил его. Тринадцатилетний мальчик подошел к Эндеру, который беззлобно рассмеялся и протянул руку. Карн, склонив голову, пожал руку своему победителю; если бы он этого не сделал, его заморозили бы снова.

Лейтенант Андерсон отпустил Драконов, и они молча покинули Боевой зал через вражеские ворота; это тоже было частью ритуала. На северной стороне квадратных ворот замигал свет, показывая, где в расположенном за ними коридоре находится «низ».

Эндер первым перевернулся и прошел, а не пролетел через силовое поле. Его солдаты поступили

точно так же и бегом вернулись в тренировочный зал. Там они построились по отделениям, а Эндер повис в воздухе, разглядывая их.

— Для первой битвы неплохо, — сказал он. В ответ раздались радостные возгласы, но он быстро восстановил тишину. — Армия Драконов действовала правильно. Однако враг не всегда будет таким слабым, как сегодня. Если бы против нас сражалась сильная армия, мы бы не отделались так легко. Да, мы бы все-таки победили, но понесли бы куда бóльшие потери. Теперь давайте посмотрим, как действовали взводы B и D. Вы летели от «звезд» слишком медленно. Если бы Кролики умели как следует стрелять, вас заморозили бы еще до того, как взводы A и C добрались бы до стены…

Весь остаток дня они тренировались.

Этим вечером Эндер впервые пошел в командирскую столовую. Туда позволялось ходить только тем, кто одержал хотя бы одну победу, и Эндер оказался самым молодым командиром, добившимся такой чести. Поначалу на его появление мало кто обратил внимание, но потом некоторые заметили на его нагрудном кармане изображение Дракона и принялись разглядывать новичка. Когда Эндер получил свой поднос и сел

за пустой столик, в столовой стояла тишина, все смотрели на него.

Он взглянул на дверь, через которую только что вошел: над ней во всю стену висело огромное табло рейтингов. Табло показывало, с каким счетом проиграл или победил каждый командир; сражения сегодняшнего дня светились красным. Их было всего четыре. Остальные армии одержали победу с огромным трудом — лучший из командиров к концу игры сохранил только двух не замороженных вовсе и лишь одиннадцать замороженных частично. Счет армии Драконов — тридцать восемь полностью боеспособных солдат — выглядел блистательным до неправдоподобия.

Других новеньких встречали в командирской столовой приветственными криками и поздравлениями. Но другие новенькие не победили со счетом тридцать восемь—ноль.

Эндер нашел на доске Армию Кроликов — и с удивлением выяснил, что к сегодняшнему дню Карн Карби одержал восемь побед и потерпел всего три поражения. Был ли он и в самом деле хорошим полководцем или просто сражался против более слабого противника? Как бы то ни было, кроме сегодняшнего, у Карна бывали и

другие поражения, после которых весь его состав оказывался замороженным, и Эндер, усмехаясь, опустил глаза.

Никто не улыбнулся в ответ, и Эндер понял, что здесь его боятся, а следовательно, ненавидят. Что ж, значит, все, кому впредь придется сражаться с Армией Драконов, будут напуганы, злы и, стало быть, более уязвимы.

Эндер поискал глазами Карна Карби и увидел его в толпе неподалеку. Он не сводил с Карби пристального взгляда, и в конце концов другие мальчики стали подталкивать командира Кроликов, указывая на Эндера. Эндер снова улыбнулся и помахал рукой, а когда Карби покраснел, с довольным видом склонился над столом и стал есть.

К концу недели Армия Драконов имела на счету семь сражений и столько же побед. Ни в одной игре у Эндера не заморозили больше пяти человек. Остальные командиры уже не могли делать вид, что не замечают новенького; некоторые подсаживались к его столу и спокойно обсуждали стратегию его противников, другие — большинство — предпочитали разговаривать с побежденными, пытаясь выведать, что такого особенного в тактике Эндера.

Однажды во время обеда учительская дверь распахнулась, и все смолкли, когда в комнату вошел лейтенант Андерсон. Оглядев собравшихся и заметив Эндера, он быстрым шагом пересек комнату и что-то прошептал мальчику на ухо. Эндер кивнул, допил воду и ушел вместе с лейтенантом, который мимоходом вручил одному из старших листок бумаги. Едва Андерсон и Эндер покинули комнату, все снова зашумели.

Эндера провели по коридорам, где он еще никогда не бывал. Их, в отличие от солдатских коридоров, не озарял мерцающий голубой свет; на полу лежали ковры, стены были обшиты деревянными панелями. Двери тоже оказались деревянными, на каждой висела табличка, и табличка на той, перед которой они остановились, гласила: «Капитан Графф, инспектор».

Андерсон негромко постучал, низкий голос изнутри ответил:

— Войдите.

Они вошли. Капитан Графф сидел за письменным столом, сложив руки на объемистом животе. Он кивнул, а когда Андерсон сел, откашлялся и сказал:

— Со времени твоего первого сражения, Эндер, прошло семь дней.

Эндер промолчал.

— И ты одержал семь побед, по одной каждый день.

Эндер кивнул.

— Ты одержал эти победы с необычайно высоким счетом.

Эндер сощурился.

— Как ты добиваешься такого результата? — спросил Графф.

Эндер покосился на Андерсона и ответил:

— Я придумал два новых тактических приема, сэр. Ноги сгибаются в коленях и служат щитом, поэтому в случае попадания только они и теряют подвижность. Второй трюк — умение отталкиваться от стены. Высшая стратегия, как учил лейтенант Андерсон, состоит в том, чтобы думать о месте, а не о расстоянии. У меня пять взводов по восемь человек вместо четырех по десять. Прекрасные взводные, хорошие солдаты. К тому же некомпетентные противники.

Графф бесстрастно смотрел на Эндера.

«Чего он ждет?» — удивился Эндер.

— Эндер, в каком состоянии сейчас твоя армия? — спросил лейтенант Андерсон.

«Они хотят, чтобы я попросил передышку? — подумал Эндер. — Не дождутся!»

— Немного устали, но моральное состояние высокое, и учатся они быстро. Жаждут сразиться снова.

Андерсон посмотрел на Граффа, тот слегка пожал плечами и перевел взгляд на Эндера.

— Ты ни о чем не хочешь спросить?

— Когда вы выставите против нас сильную армию?

Смех Граффа раскатился по всей комнате. Отсмеявшись, капитан вручил Эндеру листок бумаги.

— Прямо сейчас, — ответил он.

Эндер прочел на листке: «Армия Драконов против Армии Леопардов, Эндер Виггин и Пол Слейтери, 20:00».

Эндер поднял глаза на капитана.

— Осталось всего десять минут, сэр.

— В таком случае тебе лучше поторопиться, мальчик, — улыбнулся Графф.

На обратном пути Эндер вспомнил, что Пол Слейтери — тот самый парень, которому лейтенант вручил предписание, уходя из командирской столовой.

Спустя пять минут Эндер был у себя в казармах. Трое взводных уже легли, он поднял их и послал будить остальных. Некоторые мальчики продол-

жали на ходу одеваться, когда все собрались в коридоре.

— Бой будет жарким, — обратился к своим солдатам Эндер, — а времени у нас мало. Когда мы доберемся до выхода, они уже успеют развернуться перед нашими воротами. Иначе чем засадой это не назовешь. Никогда не слышал, чтобы так поступали прежде. Значит, мы должны наверстать упущенное время. Взводы А и В, слегка распустите пояса и отдайте «пистолеты» другим взводам.

Солдаты подчинились, хотя явно не понимали, что он задумал. Потом Эндер повел всех к воротам. Когда они рысцой прибыли на место, ворота были уже открыты, а некоторые солдаты Эндера дышали часто и тяжело. Они уже вынесли сегодня одно сражение, остаток дня тренировались и сильно устали.

Остановившись у выхода, Эндер оценил позиции противника. Несколько Леопардов ждали всего в двадцати футах от ворот Драконов. Не было ни решетки, ни «звезд», просто большое пустое пространство. Где же остальные враги? Их должно быть еще человек тридцать.

— Они распластались у той стены, — сказал Эндер, — где мы не можем их видеть.

Он велел взводам A и B встать на колени, положив руки на бедра, и полностью заморозил мальчиков.

— Вы — наши щиты, — пояснил он.

Потом солдаты взводов C и D устроились позади замороженных, просунув руки под их пояса и держа в каждой руке по «пистолету». Так, парами, Эндер и бойцы взвода E начали поднимать своих товарищей и швырять в Боевой зал.

Конечно, враги немедленно открыли огонь, но чаще всего попадали в тех, кто был уже заморожен, и спустя несколько мгновений Боевой зал превратился в ад кромешный. Все солдаты Армии Леопардов, распластавшись у стены или паря в центре комнаты, представляли собой хорошие мишени, и солдаты Эндера, каждый из которых был вооружен двумя «пистолетами», легко расправлялись с ними. Пол Слейтери среагировал быстро, приказав своим людям отойти от стены… И все же недостаточно быстро. Немногие из Леопардов все еще могли двигаться, и не успели они пересечь и четверти Боевого зала, как тоже оказались заморожены.

К концу сражения в Армии Драконов уцелело всего двенадцать мальчиков, что было для них самым низким счетом. И во время формальной

капитуляции Пол Слейтери нарушил привычный ритуал — пожимая противнику руку, спросил:

— Почему вы так долго не появлялись?

Эндер искоса взглянул на Андерсона, парящего неподалеку.

— Мне слишком поздно сообщили о сражении, — сказал он. — Наверняка намеренно.

Слейтери ухмыльнулся и снова пожал руку Эндеру.

— Это была отличная игра.

Эндер без улыбки посмотрел на Андерсона. Он уже понял, что теперь расстановка сил будет не в его пользу, даже наоборот — ему станут мешать победить. И это ему не нравилось.

Было 21:50, вскоре должны были выключить свет, когда Эндер постучал в дверь комнаты, где жили Боб и еще три солдата. Ему распахнули дверь, и Эндер, помедлив, спросил, можно ли войти. Получив ответ — дескать, входи, конечно! — он приблизился к верхней кровати, с которой, отложив книгу, на него смотрел Боб.

— Боб, можешь уделить мне двадцать минут?

— Скоро погасят свет, — ответил тот.

— Поговорим у меня в комнате, — сказал Эндер. — Я тебя прикрою.

Боб соскользнул с койки, они бесшумно зашага-

ли по коридору, и, первым войдя в свою комнату, Эндер закрыл за гостем дверь.

— Присядем, — пригласил он, и оба мальчика уселись на постель. — Помнишь, четыре недели назад ты уговаривал меня назначить тебя командиром взвода, Боб?

— Да.

— С тех пор я назначил пятерых взводных, так? И тебя среди них не было.

Боб спокойно встретил его взгляд.

— Как думаешь, я правильно поступил?

— Да, сэр.

Эндер кивнул.

— Расскажи, как ты действовал в минувших сражениях.

Боб склонил голову набок.

— Меня ни разу не заморозили, сэр, а я вывел из строя сорок три врага. Я всегда быстро исполнял приказы, командовал отделением, очищающим захваченную территорию от противника, и не потерял при этом ни одного солдата.

— Тогда ты меня поймешь. — Эндер помолчал и решил сперва испробовать обходной путь. — Ты сам знаешь, Боб, что по возрасту не дотягиваешь до установленного срока добрых полгода. Со мной тоже так было, я стал командиром на полгода

раньше, чем следует. А теперь они каждый день посылают меня сражаться, хотя за спиной моих солдат всего три недели учений. Восемь сражений за семь дней. У меня на счету уже больше битв, чем у мальчиков, ставших командирами четыре месяца назад. Я выиграл больше сражений, чем многие командиры с годовым стажем. А сражение, в котором мы победили этим вечером… Ты знаешь, как все было.

Боб кивнул.

— Они слишком поздно дали тебе знать.

— Я понятия не имею, что задумали учителя. Но моя армия устала, я сам устал, а они вдруг изменяют правила игры. Послушай, Боб, я видел старые отчеты. За всю историю игры никто не уничтожил столько врагов и не сохранил столько своих солдат. Я не такой, как все, и со мной обращаются не как со всеми.

Боб улыбнулся.

— Ты самый лучший, Эндер.

Эндер покачал головой.

— Может быть. Но я не случайно получил именно этих солдат. Самые слабые из моих бойцов могут стать взводными в любой другой армии. Мне дали лучших. Они снарядили меня с учетом моих возможностей — а теперь собираются сло-

мать. Не знаю почему. Но знаю, что должен быть готов ко всему. И мне нужна твоя помощь.

— Почему именно моя?

— Потому что в Армии Драконов есть солдаты и получше — немного, но есть, — но думать быстрее и лучше тебя не может никто.

Боб промолчал. Они оба знали, что это правда.

— Я должен быть готов ко всему, но не могу обучить всю армию, — продолжал Эндер. — Поэтому собираюсь взять по солдату из каждого взвода, включая твой, и составить новое подразделение, командовать которым будешь ты. Это будет особый отряд, и я научу его кое-чему новому. Большую часть времени вы будете в своих обычных взводах, в тех же, что и сейчас. Но в любой момент сможете мне понадобиться. Понимаешь?

Боб улыбнулся и кивнул.

— Да, хорошо. Только могу я отобрать людей сам?

— Бери по одному из каждого взвода, только не трогай взводных. И человека в твоем собственном отделении выберу я.

— Чем мы станем заниматься?

— Боб, я не знаю. Понятия не имею, что еще они выдумают. Вдруг все наши «пистолеты» внезапно выйдут из строя, а вражеские нет? Вдруг на нас

пошлют две армии вместо одной? Я знаю одно — нас могут поставить в такие условия, когда победа станет просто невозможна. Тогда нам придется пойти в атаку на вражеские ворота. Это называется «техническая победа» — четыре шлема по углам ворот. Я хочу, чтобы вы в любой момент были готовы и к такому варианту. Понимаешь? Ты будешь ежедневно по два часа тренировать отобранных тобой людей, но только не во время обычных тренировок. А потом мы с твоими солдатами будем работать еще и вечером, после ужина.

— Мы выдохнемся.

— Похоже, мы с тобой не знаем, что такое усталость. — Эндер сжал руку младшего мальчика. — Даже если против нас будут играть нечестно, Боб, мы победим.

Не сказав больше ни слова, Боб вышел из комнаты и на цыпочках двинулся по коридору.

Теперь не только Армия Драконов тренировалась больше положенного. В конце концов и другие командиры поняли, что им нужно осваивать новые приемы. С раннего утра и пока не зажигался свет, солдаты, среди которых не было ни одного старше четырнадцати, учились отталкиваться от стен и использовать друг друга как

живые щиты.

Однако пока остальные командиры отрабатывали тактику, которую прежде использовал против них Эндер, он сам вместе с Бобом думал, как справиться с еще не встречавшимися раньше проблемами.

Ежедневные сражения продолжались, и некоторое время все было как обычно: решетки, «звезды», внезапное выскакивание из ворот. А после битв Эндер, Боб и еще четыре солдата покидали основную группу и упражнялись в очень странных маневрах. Они нападали без «пистолетов», часто используя ноги, чтобы разоружить или ошеломить противника. Прикрываясь четырьмя замороженными солдатами, учились меньше чем за две секунды захватывать вражеские ворота. А однажды Боб пришел на тренировку с огромным мотком веревки.

— Зачем тебе это?

— Пока не знаю.

Боб рассеянно вертел конец шнура, который был не толще одной восьмой дюйма, но мог выдержать вес десяти взрослых людей.

— Где ты это взял?

— На складе. Они спросили, зачем он мне нужен. Я сказал — чтобы учиться вязать узлы. — Боб

сделал петлю на конце веревки и просунул в нее руку по плечо. — Эй, вы, двое, повисните вон там на стене! Теперь держите конец веревки, да покрепче.

Они так и сделали. Боб обмотал второй конец вокруг пояса, оттолкнулся от стены и полетел вперед. Наконец шнур рывком натянулся. Он был настолько тонок, что его трудно было заметить, но спружинил так, что Боб согнулся пополам и направление его полета изменилось почти под прямым углом. Мальчик описал великолепную дугу, пролетел через весь зал и врезался в стену. Никто и понять не успел, что же произошло, как Боб, словно мячик, отскочил от стены и полетел туда, где его ждали Эндер и остальные.

Солдаты не заметили шнура; со всех сторон посыпались требования объяснить, как Боб проделал эдакий трюк, ведь в невесомости так резко изменять направление движения невозможно. Боб только рассмеялся.

— Подождите, пока не начнется очередная игра без решетки! Враги в жизни не догадаются, как мы их победили.

Враги и вправду не догадались. Следующее сражение началось всего через пару часов, однако Боб и еще двое солдат успели здорово наловчить-

ся целиться и стрелять, совершая невероятные маневры на конце шнура. Как только Эндеру доставили листок с вызовом, Армия Драконов бросилась к воротам, чтобы сразиться с Армией Грифонов; по дороге Боб сматывал веревку.

Едва ворота открылись, все увидели большую коричневую «звезду» на расстоянии всего пятнадцати футов, полностью загораживающую вражеские ворота.

Эндер немедленно принял решение.

— Боб, отмотай футов пятьдесят шнура и лети вокруг «звезды».

Боб и четыре его солдата вырвались из ворот, и спустя мгновенье Боб уже летел к «звезде». Шнур натянулся, Боб обогнул «звезду», и, когда достиг дальней грани куба, направление его движения снова изменилось. По мере того как шнур наматывался на «звезду», круги, по которым летал Боб, становились все меньше, а скорость выше. В конце концов он врезался в стену всего в нескольких футах от ворот, позади куба, и тут же замахал руками и зашевелил ногами, показывая остальным, что враг его не заморозил.

Эндер подлетел к нему, и Боб быстро описал позицию Армии Грифонов.

— У них восемь «звезд», расставленных вокруг

ворот. Все солдаты прячутся за «звездами», и подстрелить кого-то из них невозможно, пока мы не прорвемся к нижней части стены. Но на это у нас нет никаких шансов.

— Они передвигаются? — спросил Эндер.

— Зачем?

— По-моему, глупо торчать на одном месте. — Эндер задумался. — Круто. Придется захватить ворота, Боб.

Грифоны принялась дразнить Драконов.

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

— Проснитесь, у нас идет война!

— Идите сюда, мы вас живо слопаем!

Они все еще выкрикивали дразнилки, когда армия Эндера появилась из-за своей «звезды», выставив перед собой щит из четырнадцати замороженных солдат. Уильям Би, командир Армии Грифонов, не отдавал приказа стрелять, пока враги приближались, — его люди дожидались момента, когда можно будет разглядеть тех, кто прячется за живым щитом. На расстоянии около десяти ярдов от противника щит внезапно рассыпался, и прятавшиеся за ним полетели вперед вдвое быстрей, открыв ураганный огонь. В тот же миг часть Армии Драконов вырвалась из-за своей «звезды» и бросилась в атаку, тоже

бешено стреляя.

Остальные мальчики Уильяма Би, конечно, тут же включились в битву, но сам он гораздо больше интересовался солдатами противника, которых увидел, когда щит распался. Четверо замороженных бойцов Армии Драконов по инерции летели головой вперед к воротам Армии Грифонов; они держались вместе потому, что еще один замороженный солдат просунул ноги и руки под их пояса. Шестой солдат уцепился за пояс последнего и летел за остальными, как хвост воздушного змея. Полагая, что Армия Грифонов легко выиграет сражение, Уильям Би стал рассматривать эту приближающуюся к воротам группу.

Внезапно солдат, который тащился сзади, шевельнулся — оказывается, он вовсе не был заморожен! Уильям Би тут же «застрелил» его, но время было уже упущено. Остальные солдаты тоже только притворялись выведенными из строя, и, подплыв к воротам Армии Грифонов, четверо из них одновременно коснулись шлемами углов ворот. Послышался вой зуммера, ворота опрокинулись, и находившийся в центре группы и впрямь замороженный солдат влетел прямо в них. Оружие перестало работать, игра закончилась.

Открылись учительские ворота, из них появился лейтенант Андерсон. В центре Боевого зала он остановился и, нарушая протокол, позвал:

— Эндер!

Один из замороженных солдат попытался что-то сказать, но не смог разжать челюсти. Андерсон подплыл к нему и разморозил.

— Я снова побил вас, сэр, — с улыбкой сказал Эндер.

— Глупости, Эндер, — негромко ответил Андерсон. — Ты сражался с Армией Грифонов Уильяма Би.

Эндер поднял бровь.

— Отныне правила изменяются, — продолжал лейтенант. — Ворота противника будут считаться захваченными только в том случае, если все солдаты побежденной армии не смогут шевелиться.

— Ясно, — сказал Эндер. — Такое могло сработать только один раз.

Андерсон кивнул и уже отвернулся, собираясь двинуться прочь, когда Эндер добавил:

— А вы не собираетесь ввести еще одно новое правило — чтобы армии начинали бой с равными шансами?

Андерсон снова посмотрел на него.

— Та армия, которой командуешь ты, всегда

будет иметь преимущество. Так о каких равных шансах ты говоришь?

Подсчитывая уцелевших и выведенных из строя бойцов, Уильям Би недоумевал — как он мог проиграть, если ни один из его солдат не был заморожен, а у Эндера уцелели только четверо?

Тем вечером, стоило Эндеру появиться в командирской столовой, его встретили приветственными возгласами и аплодисментами. Его столик обступили полные уважения командиры, многие из которых были на два-три года старше его. Он дружески ответил на приветствия, но во время еды все гадал, что же учителя придумают в следующий раз. Однако он зря беспокоился. Следующие два сражения он выиграл легко и после этого навсегда распрощался с Боевым залом.

Было уже 21:00, и Эндер ощутил легкую досаду, услышав стук в дверь. Его солдаты вымотались до предела, и он велел им лечь спать в 20:30. Последние два сражения были самыми обычными, и Эндер ожидал, что на следующий день их ждет что-нибудь похуже.

Оказалось, явился Боб. Он смущенно вошел и отдал честь.

Эндер тоже отдал честь и сердито сказал:

— Боб, всем уже полагается быть в постели.

Боб только кивнул. Эндер подумал: а не приказать ли ему выйти? Однако, посмотрев на Боба, он впервые за несколько недель вспомнил, какой тот еще малыш. Неделю назад мальчику исполнилось восемь, но он по-прежнему был очень невысоким и… «Нет, — подумал Эндер, — только не маленьким». Никого из них нельзя было назвать маленьким. Боб вдоволь навоевался, бывали случаи, когда от него зависела судьба всей армии, но он всегда побеждал. Да, он мелковат, но Эндер больше никогда не сможет думать о нем как о юнце.

Боб сел на край кровати и некоторое время молча разглядывал свои руки. В конце концов у Эндера лопнуло терпение.

— Ну, в чем дело? — спросил он.

— Меня переводят. Только что принесли приказ.

Эндер на мгновенье закрыл глаза.

— Так и знал, что они что-нибудь придумают. Вот, значит, как… И куда тебя переводят?

— В Армию Кроликов.

— Да как им только в голову могло прийти отдать тебя под начало этого идиота Карна Карби!

— Карна тоже переводят. В Школу снабжения.

Эндер поднял на него глаза.

— Кто же возглавит Армию Кроликов?

Боб беспомощно вскинул руки.

— Я.

Эндер с улыбкой кивнул.

— Понятно. В конце концов, ты всего на четыре года младше того возраста, когда уже можно производить в командиры.

— Ничего смешного, — ответил Боб. — Я не понимаю, что происходит. Сперва то и дело меняли правила. А теперь еще это. И не только меня переводят. Рен, Педер, Бриан, Винс, Уонгер — все они теперь командиры.

Эндер вскочил и сердито зашагал по комнате.

— Все мои взводные! — Он круто развернулся к Бобу. — Если в их планы входит развалить мою армию, зачем они потратили столько сил, чтобы сделать из меня командира?

Боб покачал головой.

— Не знаю. Ты лучше всех, Эндер. Никто никогда раньше не делал того, что делаешь ты. Девятнадцать сражений за пятнадцать дней, и каждый раз ты побеждал, что бы они ни придумывали.

— А теперь ты и остальные мои взводные стали командирами. Вы знаете все мои трюки, я сам научил вас всему. И кем, спрашивается, я вас

заменю? Они подсунут мне шесть новичков?

— Дела, конечно, плохи, но ты же знаешь, Эндер, — даже если тебе дадут пять увечных карликов и вооружат твою армию рулонами туалетной бумаги, ты все равно победишь.

Они рассмеялись — и тут дверь открылась и в комнату вошли лейтенант Андерсон и капитан Графф.

— Эндер Виггин. — Графф остановился, сложив на животе руки.

— Да, сэр.

— Получи приказ.

Андерсон протянул Эндеру листок бумаги, тот быстро прочитал его и скомкал, глядя в пустоту.

— Могу я рассказать своей армии? — спустя несколько мгновений спросил он.

— Они и так узнают, — ответил Графф. — Не стоит говорить с ними после получения приказа. Так будет легче.

— Легче для вас или для меня? — спросил Эндер.

Он не стал дожидаться ответа, повернулся к Бобу, быстро сжал его руку, а потом зашагал к двери.

— Постой! — окликнул Боб. — В какую школу тебя направляют? В Тактическую или Снабжения?

— В Школу командиров, — ответил Эндер.

Андерсон вышел вслед за ним и закрыл дверь.

«Школа командиров», — подумал Боб.

Никто не попадал в эту школу без трех лет обучения в Тактической. С другой стороны, никто не попадал в Тактическую без того, чтобы проучиться как минимум пять лет в Боевой. Эндер пробыл в ней всего три года.

Боб ясно видел — привычная система ломается. Либо кто-то наверху сошел с ума, либо война очень круто пошла не туда — настоящая война, ради которой их и обучали. Что могло разрушить систему настолько, чтобы даже такого достойного, как Эндер, лидера отправили прямиком в Школу командиров? Или, если уж на то пошло, чтобы восьмилетнего новичка Боба назначили командиром армии?

Боб долго об этом раздумывал. В конце концов он лег в постель Эндера и вдруг понял, что, скорее всего, никогда больше его не увидит. Ему почему-то захотелось плакать, но он, конечно, сдержался. Еще дошкольником его научили подавлять подобные порывы… Он вспомнил, как расстроился его первый учитель, увидев, что у трехлетнего Боба дрожат губы и глаза полны слез.

Боб постарался расслабиться, в конце концов

желание плакать прошло, и он уснул. Его рука так и осталась лежать на подушке у подбородка, как будто Боб не решил — хочет ли он грызть ногти или сосать палец. Он хмурился, но дышал он быстро и легко. Он был солдатом, и если бы кто-нибудь спросил мальчика, кем он хочет стать, когда вырастет, он бы не понял вопроса.

«Война продолжается, — сказали ему, — поэтому все колеса вертятся быстрей».

Командиры твердили это как пароль, перебрасывая Эндера Виггина с места на место так быстро, что у него не было времени ни в чем разобраться. Зато он впервые в жизни увидел деревья. Увидел мужчин, не одетых в военную форму. Увидел женщин. Увидел странных животных, которые безмолвно и послушно следовали за женщинами и маленькими детьми. Увидел небольшие плоские чемоданы, и ленточные транспортеры, и говорящие вывески, произносящие слова, которых он в жизни не слышал. Когда-нибудь он спросит, что означают эти слова… только, конечно, не у тех целеустремленных, властных офицеров высокого ранга, которые теперь его окружали и почти никогда не разговаривали ни с ним, ни друг с другом.

Эндер Виггин чувствовал себя чужим в мире,

который его обучали спасти. Он не помнил, чтобы когда-нибудь покидал Боевую школу. Его самые ранние воспоминания относились к военным играм под надзором учителя и обедам в компании других мальчиков в серо-зеленой форме. Он не знал, что небо серого цвета, а безбрежные леса планеты — зеленого. Все его смутные представления о мире сводились к понятию «снаружи».

И прежде чем Эндер сумел хоть как-то разобраться в непривычном для него новом мире, его снова отправили туда, где люди ни на мгновенье не забывали о войне. Эндера посадили на космический корабль, и вскоре он очутился на огромном искусственном спутнике, кружившем над планетой.

Эта космическая станция и была Школой командиров.

А в Школе имелся ансибль.

В первый же день пребывания Эндера Виггина на спутнике ему объяснили, что такое ансибль и какую роль он играет в современной войне. Космические корабли, участвующие в сегодняшних сражениях, стартовали с Земли сто лет назад, и теперь ими командовали с помощью ансибля, посылая световые сообщения компьютерам и немногочисленным экипажам кораблей. С по-

мощью ансибля велись разговоры, передавались приказы и боевые планы.

В течение двух месяцев Эндер Виггин ни с кем не познакомился. К нему приходили безымянные люди, учили тому, что знали, и передавали следующим учителям. У него не было времени скучать по друзьям из Боевой школы, он едва успевал осваивать имитатор, воссоздающий обстановку, какая бывает в гуще сражения. Эндер учился управлять ненастоящими кораблями в ненастоящих сражениях, манипулируя клавишами имитатора и произнося слова в ансибль. Учился по силуэту мгновенно распознавать вражеский корабль и знать, какое оружие он несет на борту. И учился использовать в битвах космических кораблей Школы командиров опыт, накопленный в Боевой школе во время сражений в невесомости.

Эндера и раньше поражала серьезность, с какой его командиры относились к игре, но здесь его подгоняли буквально на каждом шагу; то и дело непонятно почему сердились; волновались всякий раз, когда он забывал что-либо или совершал ошибку. Но он работал так же усердно, как всегда, и так же старательно учился. И со временем Эндер перестал ошибаться и начал обращаться с имитатором так, будто тот стал

частью его самого. Тогда командиры перестали беспокоиться и прислали ему нового учителя.

Когда Эндер проснулся, на полу его комнаты, скрестив ноги, сидел Мэйзер. Пока Эндер принимал душ и одевался, тот не произнес ни слова, а мальчик не задавал никаких вопросов. Он давно уже усвоил, что гораздо больше можно узнать, выжидая, а не расспрашивая.

Мэйзер все еще молчал, когда наконец Эндер подошел к двери, собираясь выйти. Дверь не открывалась.

Эндер повернулся к сидящему на полу человеку. Тому было по меньшей мере сорок, он был старше всех, с кем Эндеру до сих пор приходилось встречаться, и показался мальчику стариком. У Мэйзера были небольшие, черные с проседью усы и короткая стрижка, лицо слегка обрюзгшее, глаза окружены сеточкой морщин; он без всякого интереса смотрел на хозяина комнаты.

Эндер повернулся к двери и снова попытался ее открыть.

— Ладно, — наконец признал он свое поражение. — Почему она не открывается?

Мэйзер продолжал безучастно глядеть на него.

Эндер начал терять терпение.

— Я, наверное, уже опоздал. Если мне не нужно

сегодня никуда идти, так и скажите, тогда я вернусь досыпать.

Ответа опять не последовало.

— Это что, игра в «угадай-ка»?

По-прежнему молчание.

Эндер решил, что его нарочно пытаются разозлить. Прислонившись к двери, он проделал специальное упражнение, чтобы расслабиться и успокоиться, и это ему удалось.

Мэйзер все еще не сводил с него глаз.

Следующие два часа прошли в молчании. Мэйзер неотрывно наблюдал за Эндером, а тот пытался делать вид, что этого не замечает. Однако мальчик нервничал все больше и в конце концов начал метаться по комнате.

Когда он в очередной раз проходил мимо Мэйзера, тот внезапно и сильно толкнул Эндера в ногу.

Мальчик упал и тут же снова вскочил, кипя от злости.

Мэйзер сидел как ни в чем не бывало, словно это не он только что сделал такое резкое движение. Эндер встал в боевую стойку, однако не смог броситься на неподвижного старика. У мальчика даже мелькнула мысль: может, ему только почудилось, будто его мгновение назад опрокинули на пол?

Эндер метался по комнате еще час, время от времени проверяя, не открылась ли дверь. Наконец сдался, снял форму и пошел к кровати.

Но едва он наклонился, чтобы откинуть покрывало, его снова толкнули и тут же грубо схватили за волосы. В следующий миг его перевернули вверх тормашками и бросили лицом вниз. Прижав коленом плечи Эндера к полу, старик поднял его ноги вверх, заставив его болезненно изогнуться. Эндер не мог ни пинаться, ни нанести удар кулаком; буквально за несколько секунд старик полностью лишил его возможности сопротивляться.

— Ваша взяла, — тяжело дыша, сказал Эндер. — Вы победили.

Колено Мэйзера надавило еще сильней.

— С каких это пор, — спросил Мэйзер негромким, дребезжащим голосом, — ты признаешь, что враг тебя победил?

Эндер не ответил.

— Ты удивил меня, Эндер Виггин. Почему ты сразу не бросился на меня? Только потому, что я выглядел миролюбивым? Больше того — ты повернулся ко мне спиной. Глупо. Ты ничему не научился. У тебя никогда не было настоящего учителя.

Вот теперь Эндер разозлился.

— У меня было слишком много треклятых учителей. Откуда я мог знать, что вы поведете себя как…

Эндер замолчал, подыскивая нужное слово.

— Как враг, Эндер Виггин, — шепотом подсказал Мэйзер. — Я первый из твоих врагов, который оказался ловчее тебя. Только враг может стать настоящим учителем, Эндер Виггин. Никто, кроме врага, не расскажет тебе, что собирается делать враг. Никто, кроме врага, не научит тебя уничтожать и завоевывать. Отныне я — твой враг. И твой учитель.

Мэйзер отпустил ноги Эндера. Поскольку старик все еще прижимал его к полу, мальчик не смог смягчить удар, когда его ноги с глухим стуком шмякнулись об пол. Боль заставила Эндера вздрогнуть. Мэйзер встал и позволил ему подняться.

Мальчик медленно, с негромким стоном подтянул ноги и встал на четвереньки, приходя в себя. Потом его правая рука метнулась в сторону. Мэйзер молниеносно отскочил, рука Эндера схватила только воздух, а учитель попытался пнуть мальчика в подбородок.

Но того на месте не оказалось; Эндер переката-

тился на спину и врезал Мэйзеру носком в то мгновенье, когда тот после пинка оказался в неустойчивом положении. Старик мешком рухнул на пол.

То, что выглядело мешком, на деле оказалось осиным гнездом. Молниеносные удары обрушились на спину и руки Эндера, а все его попытки ответить тем же не увенчались успехом. Старик молотил его, как хотел, а у Эндера в прямом смысле слова руки были коротки — как, впрочем, и ноги.

Поэтому он вскочил и бросился к двери.

Старик снова сел на пол и засмеялся.

— На этот раз уже лучше, мальчик. Но слишком медленно. С космическим флотом нужно управляться лучше, чем ты пока управляешься с собственным телом, иначе ни один солдат под твоим командованием не будет чувствовать себя в безопасности. Усвоил?

Эндер медленно кивнул.

Мэйзер улыбнулся.

— Хорошо. Тогда не будем больше тратить время на такие сражения, а перейдем к имитатору. Я стану программировать твои битвы, продумывать стратегию врага, а ты будешь запоминать все вражеские трюки. Отныне противник будет

всегда сильнее и хитрее тебя и ты всегда будешь на грани поражения. — Лицо Мэйзера снова стало серьезным. — Да, на грани поражения, Эндер, и все же ты победишь. Ты поймешь, как разбивать врага, потому что он сам научит тебя этому.

Мэйзер встал и направился к двери. Эндер отошел в сторону, уступая ему дорогу, но, едва старик прикоснулся к дверной ручке, высоко подпрыгнул и изо всех сил ударил учителя обеими ногами в поясницу. От удара он сам отлетел в сторону, а Мэйзер вскрикнул и упал.

Он поднимался медленно, держась за дверь, с искаженным от боли лицом. Казалось, сейчас он не в состоянии напасть, но Эндер держался настороже. И все-таки Мэйзеру удалось застать его врасплох, настолько быстро двигался старик. Мгновение спустя Эндер уже лежал у дальней стены, с его разбитых губ и носа текла кровь. Однако он сумел повернуть голову и увидел, как Мэйзер медленно открывает дверь и, слегка прихрамывая, уходит.

Несмотря на боль, Эндер улыбнулся. Он перекатился на спину и смеялся до тех пор, пока чуть не захлебнулся кровью. Потом встал, чувствуя боль во всем теле, доковылял до кровати и лег. Спустя несколько минут пришел врач, чтобы заняться

его ссадинами и ушибами.

Когда лекарство подействовало и Эндер начал засыпать, он вспомнил, как Мэйзер прихрамывал, покидая комнату, — и снова негромко рассмеялся. Он так и уснул, смеясь, а врач укрыл его одеялом и погасил свет.

Утром Эндер проснулся от боли. Ему снилось, что он дерется с Мэйзером и побеждает.

На следующий день Эндер явился в игровой зал с нашлепкой из пластыря на носу, с распухшими губами. Мэйзера на месте не оказалось, а капитан, работавший с Эндером и раньше, показал ему новую приставку к имитатору, похожую на трубку с витком проволоки на конце.

— Рация. Примитивная, конечно. Теперь наденем петлю тебе на ухо, а другой конец трубки сунем в рот. Вот так.

— Осторожно! — пробормотал Эндер, когда капитан вставил конец трубки между его распухшими губами.

— Прости. А теперь говори.

— Хорошо. С кем?

— Скажи что-нибудь и сам поймешь, — улыбнулся капитан.

Эндер пожал плечами и повернулся к имитатору. В тот же миг в его голове зазвучал голос, такой

громкий, что невозможно было разобрать слова. Эндер сорвал с себя рацию.

— Вы хотите, чтобы я оглох?

Капитан покачал головой и слегка повернул круговую шкалу на маленьком пульте на столе неподалеку. Эндер снова нацепил на себя устройство.

— Командир, — раздался знакомый голос.

— Да, — ответил Эндер.

— Какие будут инструкции, сэр?

Голос явно был очень знакомый!

— Это ты, Боб? — спросил Эндер.

— Да, сэр.

— Боб, это Эндер.

Молчание, потом — взрыв смеха. Эндер различил шесть или семь смеющихся голосов. Когда смех умолк, он спросил:

— Кто там еще с тобой?

Несколько голосов заговорили сразу, однако Боб перекричал всех:

— Я, то есть Боб, а еще Педер, Винс, Уонгер, Ли, Влад.

Эндер на мгновенье задумался и спросил, какого черта они тут делают. Парни снова расхохотались.

— Им слабó расформировать нашу группу, — от-

ветил Боб. — Мы командовали армиями от силы две недели — и вот очутились здесь, в Школе командиров, где нас стали учить работе с имитатором. И вдруг сказали, что под начальством нового командира мы должны сформировать флот. И этим командиром оказался ты.

Эндер улыбнулся.

— Так как, ребята, вы справитесь?

— Вот увидишь!

Эндер усмехнулся.

— Тогда за работу. Итак, нам предстоит формировать флот?

Ближайшие десять дней Эндер натаскивал своих взводных и в конце концов добился того, что они управляли кораблями, как искусный танцор — своими ногами. Это немного напоминало занятия в Боевой школе, вот только теперь Эндер всегда видел, чем занимаются его взводные, мог разговаривать с ними и в любой момент отменить или изменить их приказы.

Однажды, когда Эндер сидел за пультом управления имитатора, загорелись яркие зеленые огни. Приближался враг.

— Значит, так, — сказал Эндер. — X, Y — группируйтесь, C и D — на резервный экран, E — южный виток, Боб — на север.

Вражеская флотилия, построившаяся в виде сферы, числом вдвое превосходила силы Эндера. Половина его кораблей составила компактное соединение, по форме напоминавшее пулю, а боевой порядок остальных походил на плоский круглый щит. Кроме того, у него имелось совсем маленькое соединение под командой Боба — оно вышло за пределы экрана имитатора, обходя врага сзади.

Эндер быстро понял стратегию противника: как только к нему приближались достаточно близко, тот отступал, надеясь заманить чужие корабли внутрь своей сферы и окружить. Эндер услужливо «попался» в эту ловушку.

Враг медленно стягивал к нему свои силы, боясь оказаться в зоне поражения прежде, чем сможет обрушить на Эндера мощь своих орудий. Тогда Эндер перешел к следующему этапу: его «щит» приблизился к сфере и враг начал перебрасывать силы туда. Потом с противоположной стороны показался Боб, и противник перебросил еще часть кораблей, чтобы его встретить.

И такие маневры делали сферу очень уязвимой. «Пуля» Эндера ринулась в атаку, а поскольку на этом направлении он обладал численным превосходством, ему удалось проделать брешь

во вражеской позиции. Враг попытался заткнуть дыру, но под шумок «щит» и небольшие силы Боба напали одновременно, в то время как «пуля» устремилась к другой части сферы. Прошло всего несколько минут — и вражеский строй распался, большинство кораблей были уничтожены, а немногие уцелевшие поспешно скрылись.

Эндер выключил имитатор. Огни погасли. Рядом с Эндером, засунув руки в карманы, в напряженной позе стоял Мэйзер. Эндер поднял на него глаза.

— Вы, кажется, говорили, что враг будет хитрее меня, — сказал он.

Лицо Мэйзера осталось безучастным.

— Что ты выяснил в ходе боя?

— Выяснил, что их боевой порядок оправдал бы себя только в том случае, если бы их противник был глуп. Они так рассредоточили свои силы, что на любом направлении мои корабли превосходили их числом.

— А еще что?

— Еще то, — ответил Эндер, — что не следует всегда придерживаться одной и той же тактики. Это делает тебя слишком предсказуемым.

— И все?

Эндер снял рацию.

— Враг мог бы одержать победу, если бы раньше решился сломать свой строй.

Мэйзер кивнул.

— У тебя было преимущество, которое сделало сражение неравным.

Эндер холодно взглянул на него.

— Они превосходили меня числом вдвое.

Мэйзер покачал головой.

— У тебя есть ансибль, а у врага его нет. Это обстоятельство тоже учитывается в учебных сражениях. Их сообщения не могут передаваться так быстро.

Эндер посмотрел на имитатор.

— Неужели расстояния настолько велики, что это имеет существенное значение?

— А ты разве не знал? — спросил Мэйзер. — Ни один корабль во время боя не приближался к другому больше чем на тридцать тысяч километров.

Эндер попытался прикинуть размеры вражеской эскадры. Он плохо разбирался в астрономии, но сейчас в нем проснулось любопытство.

— Какое оружие способно наносить такие молниеносные удары?

Мэйзер покачал головой.

— Эта наука тебе не по зубам. Чтобы понять хотя бы ее основы, нужно больше лет, чем ты

успел прожить на свете. Все, что ты должен усвоить, — это что оружие отлично работает.

— Почему мы должны подходить так близко, чтобы нанести удар?

— Потому что их корабли защищены силовыми полями и надо подойти на определенное расстояние, чтобы пробиться сквозь защиту. Чем ближе друг к другу противники, тем сильнее действует оружие. За этим следят компьютеры: они находят цель, заботятся, чтобы наши корабли не пострадали, учитывают многие другие детали. Твоя задача — подсказать им, какая позиция самая выигрышная, и дать приказ стрелять на поражение.

— Нет. — Эндер стоял, наматывая на пальцы трубку рации. — Я должен знать, каким образом действует оружие.

— Я же сказал, это не твоя забота…

— Я не могу командовать флотом, пусть даже на имитаторе, если не буду этого знать. — Эндер помолчал. — Хотя бы в общих чертах.

Мэйзер отошел на пару шагов.

— Ладно, Эндер. Не понимаю, зачем тебе это, но попробую объяснить как можно проще. — Он сунул руки в карманы. — Итак, все в мире состоит из атомов — крошечных частиц, настолько

маленьких, что их нельзя увидеть невооруженным глазом. Эти атомы, а их несколько типов, в свою очередь состоят из еще более маленьких частиц. Если связь этих частиц разрушить, атомы перестанут быть атомами. Например, металл перестанет быть металлом. Или пластик этого пола — пластиком. Или твое тело. Или даже воздух. Если разрушить атомы, все это распадется на части, и частицы разлетятся во все стороны, разрушая все новые атомы. Так вот, оружие как раз уничтожает связь, удерживающую частицы вместе, в результате чего все в радиусе его поражения исчезает.

Эндер кивнул.

— Вы были правы, это трудно понять. Можно ли нейтрализовать действие такого оружия?

— Вблизи — нет. Но чем дальше вражеский корабль, тем слабее становится это действие, а на определенном расстоянии силовое поле просто отразит его. Понятно? И чтобы поле, разрушающее связь в атомах, сработало, его требуется сфокусировать, поэтому корабль способен стрелять на поражение только в трех-четырех направлениях одновременно.

Эндер снова кивнул, хотя, по правде сказать, все еще многого не понимал.

— Если частицы разрушенных атомов разрушают другие атомы, почему в радиусе действия оружия не исчезает все подчистую?

— Космос. Корабли разделяют тысячи километров пустоты, где практически нет атомов, значит нечего и разрушать. А когда частицы наконец встречаются с веществом, они успевают разлететься так далеко друг от друга, что уже не могут причинить вреда. — Мэйзер склонил к плечу голову и вопросительно посмотрел на Эндера. — Что еще ты хочешь узнать?

— Оружие может уничтожать что-то кроме кораблей противника?

Шагнув к Эндеру, Мэйзер твердо сказал:

— Мы используем его только против кораблей. Если мы обратим его против чего-то другого, враг поступит так же. Понимаешь?

Мэйзер пошел к двери, но у самого порога Эндер вежливо окликнул его:

— Я не знаю вашего имени.

— Мэйзер Рэкхем.

— Мэйзер Рэкхем, — повторил Эндер. — Я только что вас победил.

Мэйзер засмеялся.

— Эндер, сегодня ты сражался не со мной. Ты сражался с самым тупым компьютером Школы

командиров, оснащенным программой десятилетней давности. Ты ведь понимаешь — я не стал бы прибегать к сферическому построению кораблей!

Мэйзер покачал головой.

— Эндер, мой милый маленький друг, ты сразу поймешь, что сражался именно со мной, потому что ту битву ты проиграешь.

С этими словами он вышел.

Эндер по-прежнему по десять часов в день тренировался со своими взводными. Но он так ни разу и не повидался с ними, а только слышал по радио их голоса. Раз в два-три дня происходили учебные битвы. Каждый раз враг изобретал что-нибудь новое, иногда очень заковыристое — но Эндер каждый раз оказывался умнее. И побеждал. После каждого сражения Мэйзер указывал Эндеру на его ошибки, и из слов учителя следовало, что на самом деле тот не победил, а проиграл. Мэйзер не вмешивался в игру только ради того, чтобы Эндер научился заканчивать все сам.

Однако настал тот день, когда Мэйзер торжественно пожал своему ученику руку и объявил:

— Ну, парень, то было хорошее сражение.

Эндер испытал от этой долгожданной похвалы неслыханное наслаждение, хотя в душе негодо-

вал, что ему пришлось так долго ждать.

— Отныне у тебя впереди только трудные бои, — закончил Мэйзер.

С этого дня жизнь Эндера превратилась в ад кромешный.

Он сражался ежедневно по два раза, и каждый бой был сложней предыдущего. Всю жизнь мальчик обучался этой игре, однако сейчас игра пожирала его.

Утром он просыпался, обдумывая новые стратегические планы, вечером погружался в неспокойный сон, мучаясь из-за совершенных днем ошибок. Иногда посреди ночи он просыпался в слезах, сам не помня почему. Иногда пробуждался с окровавленными, искусанными костяшками пальцев.

Однако каждый день он невозмутимо подходил к имитатору и тренировал своих взводных до тех пор, пока не начиналось сражение; после боя снова тренировал их, а напоследок выслушивал резкую критику Мэйзера Рэкхема, стараясь понять, что ему говорят. Он заметил, что Рэкхем особенно сильно разносит его после самых трудных сражений. Он заметил, что стоит ему придумать новую стратегию, как враг вскоре прибегает к точно таким же приемам. И еще

заметил, что, хотя его флот остается прежним, вражеский увеличивается с каждым днем.

Он спросил об этом учителя.

— Мы хотим показать, каково тебе придется, когда ты будешь и впрямь командовать флотом. Хотим показать, насколько враг превосходит нас числом.

— Почему их настолько больше?

Мэйзер на мгновенье склонил седую голову, как будто решая, отвечать или нет. В конце концов поднял глаза и дотронулся до плеча Эндера.

— Я объясню, хотя информация, вообще-то, секретна. Видишь ли, они напали первыми. Для нападения были веские причины, но это проблема политиков, и кто бы ни был виноват в конфликте, мы не могли допустить, чтобы нас победили. Поэтому мы бросили в бой все свои силы. Самые лучшие молодые люди пошли служить в космический флот, многие из них погибли. И все-таки мы победили, и враг отступил. — Мэйзер грустно улыбнулся. — Однако его поражение еще не означало полного разгрома, мальчик, ведь противник так и не был уничтожен. Наши враги вернулись, на этот раз их было куда больше, и еще одно поколение юных пошло на войну. Выжили очень немногие. Тогда был разработан

план… в высших эшелонах власти. Стало ясно — врага надо уничтожить раз и навсегда, целиком и полностью, чтобы исключить всякую возможность нового нападения. Чтобы это сделать, нужно напасть на его миры — вернее, его мир, поскольку все вражеские колонии тесно связаны с метрополией.

— И что случилось потом?

— Потом мы создали сильный флот. Мы построили столько кораблей, сколько у врага никогда не было: против каждого их корабля выступала сотня наших. И мы послали этот флот туда, где находилось двадцать восемь вражеских планет. Корабли стартовали с Земли сотню лет назад, на каждом из них есть ансибль, но экипажи их очень немногочисленны. Короче, все делалось с тем расчетом, чтобы будущий командующий флотом смог, находясь очень далеко от места сражения, отдавать оттуда приказы и чтобы лучшие наши люди не были снова уничтожены врагом.

Эндер так и не получил ответа на свой вопрос.

— Так почему же они превосходят нас числом?

Мэйзер засмеялся.

— Потому что кораблям нужна сотня лет, чтобы преодолеть расстояние между нашими и их мирами. То есть у врага есть сотня лет, чтобы

подготовиться к встрече нашего флота. Наши противники не дураки, понимаешь, мальчик? Они не будут сидеть сложа руки, надеясь отразить наше вторжение с помощью устаревших кораблей. Они построили новые огромные корабли, целые сотни. Но нам на руку играет ансибль… А еще то, что во главе каждого вражеского флота стоит командир, и когда эти командиры начнут гибнуть — а они обязательно начнут гибнуть, — наши противники станут терять свои лучшие умы.

Эндер открыл рот, чтобы задать следующий вопрос.

— Хватит, Эндер Виггин. Я и так рассказал больше, чем следовало.

Эндер сердито отвернулся.

— Я имею право знать. Вы что, хотите вечно перебрасывать меня из одной школы в другую, не объясняя, ради чего это все? Вы просто используете меня и остальных ребят, но когда-нибудь мы будем командовать вашими кораблями и, возможно, спасем вам жизнь. Но я не компьютер, и я должен знать!

— В таком случае спрашивай, мальчик, — сказал Мэйзер. — И я отвечу тебе — если смогу.

— Если вы способны командовать флотами без риска потерять лучшие умы, тогда зачем вам я?

Если все они уже там, кого я смогу заместить в случае необходимости?

Мэйзер покачал головой.

— На этот вопрос я не могу ответить, Эндер. Удовольствуйся тем, что ты будешь нужен, и довольно скоро. А теперь ложись спать — уже поздно, а утром у тебя сражение.

Эндер покинул зал, но подождал Мэйзера в коридоре.

— Ну что еще, парень? — нетерпеливо спросил учитель. — Я не могу потратить на тебя всю ночь, да и тебе пора спать.

Эндеру было трудно сформулировать свой вопрос, но Мэйзер ждал, и наконец мальчик спросил:

— Они живы?

— Кто?

— Другие командиры. Нынешние и те, что были до меня.

Мэйзер фыркнул.

— Конечно живы. Что за вопрос?

Посмеиваясь, старик пошел по коридору. Эндер еще немного постоял, но наконец усталость взяла свое и он отправился спать.

«Они живы, — думал он. — Живы, но он не может рассказать, что с ними происходит».

Этой ночью Эндер не просыпался в слезах. Но несколько раз просыпался с искусанными в кровь руками.

Медленно тянулись месяцы, полные ежедневных сражений, и в конце концов Эндер втянулся в этот убийственный режим. По ночам он не столько спал, сколько дремал, у него появились ужасные рези в животе. Его посадили на мягкую диету, но вскоре у него напрочь пропал аппетит.

— Ешь, — говорил Мэйзер, и Эндер чисто механически клал еду в рот.

Если бы за ним не присматривали, он бы вообще ничего не ел.

Однажды во время тренировки он вдруг провалился во тьму и очнулся на полу, с лицом, разбитым в кровь о пульт управления.

Его уложили в постель, три дня ему было очень плохо. Во сне он видел лица, но понимал, что на самом деле этих людей здесь нет. Иногда ему казалось, что он видит Боба, иногда — что перед ним лейтенант Андерсон и капитан Графф. А потом он все-таки очнулся и оказался лицом к лицу со своим единственным врагом, Мэйзером Рэкхемом.

— Я проснулся, — сказал Эндер.

— Вижу, — ответил Мэйзер. — Хватит валяться.

У тебя сегодня битва.

Эндер встал, пошел сражаться и победил. Однако второй битвы в этот день не было, и ему позволили лечь пораньше. Раздеваясь, он увидел, что у него дрожат руки.

Ночью он почувствовал чье-то прикосновение и услышал голос, который спросил:

— Сколько еще он выдержит?

— Сколько потребуется.

— Когда же этому наступит конец?

— Через несколько дней.

— Справится ли он?

— Отлично справится. Даже сегодня он был великолепен.

Один из голосов, понял Эндер, принадлежал Мэйзеру. Он не мог оставить своего ученика в покое даже во сне, и это ужасно разозлило Эндера.

Проснувшись, он снова пошел сражаться и снова победил.

После чего отправился в постель.

Проснулся и победил снова.

Следующий день должен был стать его последним днем в Школе командиров, хотя он об этом и не подозревал. Поднявшись поутру, Эндер приготовился к битве.

В зале его ждал Мэйзер. Эндер, волоча ноги,

медленно подошел к имитатору, вид у мальчика был усталый и понурый. Мэйзер нахмурился.

— Ты что, еще не проснулся?

Если бы Эндер был в форме, его обеспокоили бы тревожные нотки в голосе учителя. Но сейчас он просто безучастно сел за пульт управления.

— Сегодняшняя игра требует небольшого пояснения, Эндер Виггин, — сказал Мэйзер. — Пожалуйста, обернись.

Эндер обернулся — и только тогда заметил, что в креслах у дальней стены сидят люди. Он узнал среди них Граффа и Андерсона из Боевой школы, смутно вспомнил некоторых своих учителей из Школы командиров. Однако большинство были ему незнакомы.

— Кто они?

Мэйзер покачал головой.

— Наблюдатели. Отныне мы решили позволить наблюдателям следить за ходом сражения. Если тебе мешает их присутствие, мы их отошлем.

Эндер пожал плечами.

— Сегодняшняя игра, мальчик, — принялся объяснять Мэйзер, — будет несколько необычна. Сражение состоится вблизи от некоей планеты, что вдвое усложнит ситуацию. По нашим меркам эта планета невелика, но ансибль не может

ничего обнаружить на другой ее стороне — там своего рода слепое пятно. Кроме того, использовать оружие против самой планеты считается нарушением правил. Понятно?

— А почему нельзя использовать оружие против планет?

— Потому что существуют правила ведения войн, Эндер, — холодно ответил Мэйзер, — которые должны соблюдаться даже во время игры.

Эндер медленно покачал головой.

— А с планеты меня могут атаковать?

Вопрос, казалось, озадачил Мэйзера. Потом он улыбнулся.

— С этой — вряд ли. И еще одно, Эндер. Сегодня твоим противником будет не компьютер. Твоим противником буду я, и легко ты не отделаешься. Сражаться будем до последнего, и я пущу в ход любые средства, чтобы тебя разбить.

Потом Мэйзер ушел, а Эндер почти равнодушно приступил к маневрам, связавшись со своими взводными. Мальчик действовал как всегда успешно, но некоторые наблюдатели качали головами, а Графф беспокойно сжимал и разжимал руки и ерзал в своем кресле. Эндер чувствовал себя вялым и медлительным, но сегодня он не мог позволить себе слабости.

Зазвучал предупредительный гудок, и Эндер очистил дисплей, ожидая начала игры. Голова у него была тяжелой, он недоумевал, с какой стати собрались здесь все эти наблюдатели. Может, они будут его оценивать и решать, годится ли он для более сложных дел? Для следующей пары лет изнурительной учебы, для попыток прыгнуть выше своей головы? Эндеру было двенадцать, но он чувствовал себя стариком. И, ожидая начала игры, он желал одного — проиграть сражение, проиграть вчистую и так бездарно, чтобы его сняли с программы. Пусть его накажут как угодно, плевать, только бы дали отоспаться.

Потом на экране появился неприятель, и усталость Эндера сменилась отчаянием.

Численное превосходство врага составляло тысячу к одному, от скопления кораблей противника имитатор мерцал зеленым, и Эндер понял, что ему не победить.

К тому же враг был далеко не глуп. Он даже не построился в порядок, который можно было бы проанализировать и атаковать. Эндер видел огромный рой кораблей, постоянно перелетающих с места на место; их временные соединения исчезали в одной точке экрана и возникали в другой; там, где только что ничего не было, спу-

стя мгновение появлялись огромные вражеские силы. И хотя Эндер никогда не располагал таким огромным флотом, какой был у него сейчас, он не мог развернуть свои корабли так, чтобы хоть на одном участке они численно превосходили врага. А без такого превосходства все его усилия будут тщетными.

Позади невероятного скопления вражеских кораблей виднелась планета, та самая, о которой говорил Мэйзер. Хотя какая разница — есть там планета или нет, если Эндеру к ней не приблизиться? Мальчик терпеливо ждал озарения, молниеносной догадки, которая поможет ему уничтожить врага. И пока он ждал, он слышал, как ерзают наблюдатели за его спиной, гадая, что он предпримет. В конце концов все поняли — он не знает, что делать, да и поделать тут ничего нельзя; Эндер услышал взволнованное покашливание наблюдателей.

Потом раздался голос Боба, который, хихикнув, сказал:

— Помнишь: «Вражеские ворота внизу!»

Остальные взводные рассмеялись, а Эндер мысленно вернулся во времена Боевой школы, к простым играм, в которых он одерживал победы. Тогда ему тоже приходилось сражаться в самых

безнадежных ситуациях, но он все равно выигрывал. И будь он проклят, если позволит Мэйзеру Рэкхему победить себя с помощью дешевых трюков вроде численного превосходства тысяча к одному. В Боевой школе он побеждал, заставая врага врасплох, иногда даже нарушая правила; побеждал, потому что всегда был нацелен на вражеские ворота.

А вражеские ворота были внизу.

Эндер улыбнулся, осознав, что если он нарушит это правило, его, скорее всего, вышвырнут из школы. Это и будет самой настоящей победой: никогда больше ему не придется играть в их игры!

Он прошептал что-то в микрофон, все шесть его командиров повели свои корабли на врага. Корабли двигались хаотически, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Противник тут же прекратил свое бесцельное маневрирование и начал собираться вокруг шести флотов Эндера.

Мальчик откинулся на спинку кресла, выжидая; наблюдатели снова забормотали за его спиной, теперь громко. Эндер ничего не делал — он как будто просто вышел из игры.

Однако вскоре стало ясно, что в основе его стремительной атаки лежит некий план. Шесть флотов Эндера то и дело теряли корабли в неболь-

ших столкновениях с врагом, но в решительный бой не вступали, даже когда могли одержать небольшую тактическую победу. Вместо этого они продолжали свое на первый взгляд беспорядочное движение, которое тем не менее было устремлено вниз. К вражеской планете.

Именно якобы случайные броски помешали врагу разгадать замысел Эндера — до тех пор, пока он одновременно с наблюдателями не понял, что происходит. Но тогда было уже поздно, так же как для Уильяма Би оказалось слишком поздно помешать солдатам Эндера захватить ворота. Корабли Эндера гибли один за другим, до цели смогли добраться только два флота, да и те заметно поредели. И все-таки отдельные небольшие группки прорвались к планете и открыли по ней огонь.

Теперь Эндер подался вперед, сомневаясь, правильным ли оказался его расчет. Он был почти уверен, что вот-вот раздастся гудок и игру остановят из-за нарушения правил. Однако он готов был поспорить на что угодно, что имитатор сделает все как надо. Если он мог смоделировать планету, то сможет смоделировать и то, что произойдет с ней в случае атаки.

Так и было.

Сперва оружие, предназначенное для уничтожения сравнительно небольших кораблей, оказалось не в состоянии разрушить целую планету. Взрывы, однако, выглядели ужасающе, к тому же планета — не космос, где цепная реакция могла постепенно угаснуть. На планете цепная реакция находила все новое и новое горючее.

Казалось, вся поверхность планеты пришла в движение, но это длилось недолго: ее потряс невероятно мощный взрыв, поглотивший последние корабли Эндера. Однако потом взрыв добрался и до вражеских кораблей, и первые из них просто исчезли. По мере того как адская стихия разрушения уходила все дальше и постепенно тускнела, все отчетливей можно было разглядеть судьбу каждого корабля. Когда сияющее облако добиралось до них, они на мгновение ярко вспыхивали и исчезали, питая собой бушующий в космосе пожар.

Спустя три минуты сияние почти угасло, все корабли погибли, а если некоторым из них и удалось уйти, их было так мало, что беспокоиться о них не стоило.

Эндер победил врага, пожертвовав всем своим флотом и уничтожив вражескую планету вразрез с правилами войны. Он не мог понять, кем себя

ощущал — победителем или дерзким ослушником, которого ждет наказание. Скорее всего, он не чувствовал ничего. Он так безумно устал, что желал одного — лечь в постель и уснуть.

Эндер выключил имитатор и только тогда услышал позади дикий шум.

У дальней стены больше не было осанистых военных наблюдателей, там царил хаос. Одни люди хлопали друг друга по плечам; другие стояли, опустив голову и закрыв лицо руками; третьи плакали, не стыдясь.

К Эндеру подошел капитан Графф — слезы текли по его щекам, но он улыбался. К огромному удивлению Эндера, капитан обнял его, крепко прижал к себе и зашептал:

— Спасибо тебе, спасибо тебе, спасибо тебе, Эндер!

А потом и все остальные собрались вокруг ошарашенного мальчика, благодаря его, похлопывая по плечу, пожимая ему руку. Эндер пытался понять, о чем они толкуют. Он выдержал испытание? Но почему это для них так важно?

Потом толпа расступилась, пропуская Мэйзера Рэкхема, который подошел к Эндеру Виггину и протянул ему руку.

— Перед тобой стоял трудный выбор, мальчик.

Бог знает, мог ли ты поступить иначе? Прими мои поздравления. Ты разбил их, теперь все кончено.

Все кончено. Он разбил их.

— Я разбил вас, Мэйзер Рэкхем.

Мэйзер рассмеялся — его смех прозвучал очень громко во внезапно наступившей тишине.

— Эндер Виггин, ты никогда не играл со мной. С тех пор как я стал твоим учителем, ты вообще ни разу не играл.

Что это, шутка? Если так, Эндер ее не понимал. Он играл бессчетное множество раз, расплачиваясь за победы своим здоровьем. В душе его стал закипать гнев.

Мэйзер положил руку ему на плечо, но Эндер стряхнул ее. Снова сделавшись серьезным, Мэйзер проговорил:

— Эндер Виггин, вот уже несколько месяцев ты командовал всем нашим флотом. Это были не игры, а настоящие сражения. Твоим единственным противником были наши враги. Ты выиграл все сражения, а сегодня сражался с врагами в их родном мире и уничтожил их планету и их флот — полностью уничтожил. Никогда больше они на нас не нападут. Ты разбил их начисто. Вот что ты сделал.

Это были настоящие сражения. Не игра.

Эндер слишком устал, чтобы как следует осознать случившееся.

Он молча двинулся сквозь толпу, бормочущую слова благодарности и поздравления, покинул зал, добрался до своей комнаты и закрыл за собой дверь.

Когда к нему в комнату явились Графф и Мэйзер Рэкхем, Эндер спал. Они разбудили его, мальчик медленно стряхнул с себя сон, узнал их и отвернулся, чтобы уснуть снова.

— Эндер, — заговорил Графф. — Нам нужно с тобой побеседовать.

Эндер перевернулся на бок, лицом к ним, но не сказал ни слова.

Графф улыбнулся.

— Я понимаю, то, что вчера случилось, — огромное потрясение. Но, думаю, тебе приятно будет узнать, что ты выиграл войну.

Эндер медленно кивнул.

— Мэйзер Рэкхем никогда не играл против тебя, он лишь анализировал твои сражения, отыскивая слабые места, чтобы помочь тебе стать более искусным. И это сработало, верно?

Эндер крепко зажмурил глаза. Его посетители ждали.

— Почему вы не рассказали мне раньше? —

спросил мальчик.

Мэйзер улыбнулся.

— Еще сто лет назад, Эндер, выяснилось, что если жизнь командира в опасности, он начинает бояться и тогда медленней думает и медленней принимает решения. И когда командир знает, что его приказы могут погубить людей, он становится чрезмерно осторожным или, напротив, слишком безрассудным, что тоже вредит делу. А если он взрослый и у него есть чувство ответственности и понимание мира, он опять-таки становится чересчур осторожным, медлительным и хуже выполняет свою работу. Поэтому мы стали обучать детей, которые не знали ничего, кроме игры, и понятия не имели, что однажды она станет реальной. Теория утверждала, что такие дети будут куда способнее взрослых, и ты доказал, что так оно и есть. — Графф положил руку на плечо Эндера. — Мы точно рассчитали, когда корабли должны прибыть к месту назначения, и строили стратегию на том, что, скорее всего, у нас будет лишь один выдающийся командир, и то если очень повезет. Как показала история, во время любой войны редко появляется больше одного военного гения. Мы надеялись найти такого гения, хотя делать на это ставку было рискованно.

Но появился ты, и мы победили.

Эндер открыл глаза, и все поняли, что он кипит от ярости.

— Да, вы победили.

Графф и Мэйзер переглянулись.

— Он не понимает, — прошептал Графф.

— Я все понимаю, — возразил Эндер. — Вам требовалось оружие, и вы его нашли — в моем лице.

— Правильно, — подтвердил Мэйзер.

— А теперь скажите, — продолжал Эндер, — сколько жителей было на планете, которую я уничтожил?

Последовала пауза, потом Графф сказал:

— Оружию не надо понимать, на что оно нацелено, Эндер. Целились мы, значит мы в ответе за все. А ты просто выполнял свою работу.

— Конечно, Эндер, о тебе позаботятся, — улыбнулся Мэйзер. — Правительство тебя не забудет. Ты отлично нам послужил.

Эндер отвернулся к стене и перестал отвечать, как его ни пытались втянуть в разговор. В конце концов гости ушли.

Довольно долго никто его не беспокоил, но вот дверь открылась снова. Эндер не шевельнулся.

— Эндер, это я, Боб.

Услышав этот голос и почувствовав прикос-

новение к своему плечу, Эндер повернулся и посмотрел на стоящего у постели маленького мальчика.

— Садись, — сказал он.

Боб сел.

— Это последнее сражение, Эндер. Не знаю, как тебе удалось его выиграть.

Эндер улыбнулся.

— Я сжульничал. Рассчитывал, что за нарушение правил меня вышвырнут вон.

— Просто не верится! Мы победили. Война закончилась. А нам-то казалось, что настоящие сражения начнутся, только когда мы вырастем, а на самом деле мы сражались уже давно. Хотя мы еще маленькие, Эндер. Я, во всяком случае, еще маленький.

Боб засмеялся, и Эндер улыбнулся в ответ. Они помолчали. Боб сидел на краю постели, а Эндер наблюдал за ним, полузакрыв глаза.

В конце концов Боб спросил:

— Что мы будем делать теперь, когда война закончилась?

Эндер закрыл глаза.

— Я хочу спать, Боб.

Боб поднялся и ушел, а Эндер уснул.

Графф и Андерсон вошли в ворота парка; дул

легкий ветерок, но солнце припекало плечи.

— Собираешься преподавать технические науки? В столице? — переспросил Графф.

— Нет, в округе Биггок. Учебное подразделение. Им кажется, что моя работа с детьми — неплохая подготовка. А вы что будете делать?

Графф улыбнулся и покачал головой.

— Пока у меня никаких планов. Останусь здесь еще как минимум на несколько месяцев — отчеты, всякая прочая бумажная волокита. Хотя варианты у меня есть. Мне предлагали готовить персонал для МФ или стать исполнительным вице-президентом университета, но я сказал — нет. Издатель хочет, чтобы я написал воспоминания о войне. Даже не знаю…

Они сели на скамью, глядя, как ветер шевелит листья. Дети у клеток с обезьянами смеялись и что-то выкрикивали, но ветер и расстояние не позволяли расслышать слова.

— Смотрите! — Графф указал на маленького мальчика, который побежал к их скамье.

Следом за этим мальчуганом мчался второй, держа руку так, как будто в ней был пистолет, и выкрикивая: «Паф! Паф!» Парнишка, в которого он целился, не останавливался, и, «выстрелив» еще раз, мальчишка закричал:

— Я попал в тебя! Стой!

Но его «противник» уже скрылся из виду.

— Ты погиб, не понимаешь, что ли?

Мальчик вытащил из кармана камень и кинул в клетку с обезьянами.

Андерсон с улыбкой покачал головой.

— Дети, — сказал он.

Они с Граффом поднялись и направились к выходу из парка.

Советник по инвестициям[9]

Эндрю Виггину исполнилось двадцать в тот самый день, когда он прибыл на планету Сорелледольче. Точнее, после сложного подсчета проведенных в полете секунд и, соответственно, прошедшего для него субъективного времени он пришел к выводу, что его двадцатый день рождения миновал как раз перед самым концом путешествия.

И это было куда важнее, чем то, что с его рождения на Земле, еще до того, как человечество распространилось далеко за пределы Солнечной системы, прошло больше четырехсот лет.

Когда из выходного шлюза появилась Валентина — по алфавиту она всегда шла после него, — он сообщил ей новость:

— Оказывается, мне уже стукнуло двадцать.

— Вот и славненько, — ответила она. — Теперь можешь начать платить налоги, как взрослый.

После победы в Третьей войне с жукерами Эндрю жил за счет средств фонда, созданного для своего спасителя благодарным человечеством.

---

[9] Примечания: 9
Перевод К. Плешкова.

Тогда люди все еще считали жукеров чудовищами, а командовавших космическими эскадрами детей — героями. К тому времени, когда Третью войну переименовали в Ксеноцид, благодарность уже испарилась, и вряд ли хоть одно правительство осмелилось бы основать пенсионный фонд для Эндера Виггина, совершившего самое чудовищное преступление в истории.

Собственно, если бы о существовании фонда стало известно, громкий скандал был бы неизбежен. Однако Межзвездный флот не торопился признавать, что уничтожение жукеров оказалось не самой лучшей идеей. Соответственно, военные тщательно спрятали деньги Эндера от любопытных глаз, вложив их в акции множества компаний, которые, в свою очередь, передали в доверительное управление, так что никто не мог контролировать эти средства. По сути, деньги как бы растворились, так что только Эндрю и его сестра знали, где они находятся.

Однако отныне все его имущество подлежало обязательному налогообложению. Эндрю предстояло заполнять налоговую декларацию либо ежегодно, либо каждый раз, когда он завершал межзвездное путешествие продолжительностью больше года объективного времени.

Все это не вызывало у Эндрю ни малейшего энтузиазма.

— Как это работает с твоими гонорарами? — спросил он Валентину.

— Так же, как и для всех остальных. — Она пожала плечами. — Вот только продажи идут довольно вяло, так что и особых налогов платить не приходится.

Всего несколько минут спустя ей пришлось взять свои слова обратно: добравшись до общественного компьютера в космопорте Сорелледольче, Валентина обнаружила, что ее последняя книга, посвященная гибели колоний Юнг и Кальвин на планете Гельветика, пользовалась огромной популярностью.

— Похоже, я богата, — пробормотала она.

— Понятия не имею, богат ли я, — ответил Эндрю. — Список моих активов все никак не кончается.

По экрану, страница за страницей, продолжали бежать названия компаний.

— Я думала, когда тебе исполнится двадцать, тебе просто откроют доступ к банковскому счету, — сказала Валентина.

— Хорошо бы, — усмехнулся Эндрю. — Не могу же я торчать тут вечно.

— Придется, — заметила Валентина. — Тебя не пропустят через таможню, пока не подтвердишь, что уплатил все налоги и что у тебя осталось достаточно средств, чтобы не стать обузой для местного общества.

— Что будет, если средств окажется недостаточно? Меня отправят обратно?

— Нет, пошлют на общественные работы и заставят трудиться на собственную свободу за крайне несправедливую плату.

— Откуда ты знаешь?

— А я и не знаю. Просто читала кучу книг по истории, так что мне известно, как действуют правительства. Если не это — значит что-то подобное. Или в самом деле просто депортируют.

— Вряд ли я единственный, кто, высадившись тут, вдруг обнаружил, что ему потребуется неделя, чтобы выяснить свою финансовую ситуацию, — сказал Эндрю. — Нужно кого-то найти.

— Я останусь здесь и заплачу свои налоги, — заявила Валентина. — Как взрослая порядочная женщина.

— Ну вот. Теперь мне стало даже стыдно за себя, — весело бросил Эндрю и зашагал прочь.

Бенедетто взглянул на усевшегося напротив самоуверенного юнца и вздохнул. Он сразу же по-

нял, что с этим парнишкой проблем не оберешься — тот явно принадлежал к числу той золотой молодежи, которая с порога была уверена, будто может претендовать на особое к себе отношение.

— Чем могу помочь? — спросил Бенедетто по-итальянски, хотя прекрасно владел общим, и по закону сначала должен был обращаться к посетителям на нем.

Нисколько не смутившись, молодой человек протянул удостоверение личности.

— Эндрю Виггин? — недоверчиво спросил Бенедетто.

— В чем проблема?

— Полагаете, я поверю, будто ваши документы настоящие? — Теперь он говорил на общем, поскольку уже успел продемонстрировать свое отношение к собеседнику.

— Почему бы и нет?

— Эндрю Виггин? Вы что, думаете, мы тут в нашем захолустье ничего не слышали об Эндере Ксеноциде?

— Разве это преступление — носить то же имя? — спросил Эндрю.

— Преступление — пользоваться фальшивыми документами.

— Согласитесь, было бы глупо подделывать

документы на такое одиозное имя.

Бенедетто нехотя кивнул.

— Тогда просто посочувствуйте человеку, вынужденному жить с именем Эндера Ксеноцида. Или вы считаете, что этот груз нанес мне психологическую травму?

— Я не психолог, а налоговый инспектор, — буркнул Бенедетто.

— Знаю. Но вас, похоже, так заботит моя личность, что я решил, будто вы увлекаетесь психологией. В любом случае надеюсь, что удовлетворил ваше любопытство.

Бенедетто терпеть не мог умников.

— Вы по какому вопросу?

— У меня сложная ситуация с налогами. Мне впервые приходится их платить — я только что вступил во владение средствами трастового фонда — и даже не знаю размера своего состояния. Мне бы хотелось получить отсрочку уплаты налогов, пока я со всем не разберусь.

— Исключено, — отрезал Бенедетто.

— Категорически?

— Категорически.

Эндрю какое-то время сидел молча.

— Что-нибудь еще? — спросил чиновник.

— Я могу обжаловать ваше решение?

— Разумеется, — улыбнулся Бенедетто. — Как только уплатите налоги.

— Я же не отказываюсь их платить, — терпеливо объяснил Эндрю. — Мне просто требуется некоторое время, и я решил, что проще будет заниматься этим в квартире, за своим компьютером, а не сидя в космопорту.

— Боитесь, что кто-то заглянет вам через плечо? — хмыкнул Бенедетто. — И подсмотрит, что там бабушка оставила вам в наследство?

— Да, мне хотелось бы более приватной обстановки, — кивнул Эндрю.

— Без уплаты налогов вас никто отсюда не выпустит.

— Ладно, тогда позвольте мне хотя бы снять со своего счета сумму, достаточную для того, чтобы оплатить пребывание на планете.

— В вашем распоряжении для этого имелся весь полет.

— Мои деньги всегда находились в доверительном фонде. Я даже не знал, насколько все сложно.

— Надеюсь, вы понимаете, что если и дальше будете продолжать в том же духе, то разобьете мне сердце и я утону в слезах? — спокойно спросил Бенедетто.

— Не понимаю, чего вы от меня хотите, — вздохнул молодой человек.

— Чтобы вы заплатили налоги, как любой другой гражданин.

— Мне не добраться до моих денег, пока я не заплачу налоги, — сказал Эндрю. — И мне не на что жить, пока я не разберусь со своими налогами, если только вы не разрешите мне снять хоть какие-то средства.

— Жалеете, что не подумали об этом раньше? — спросил Бенедетто.

Эндрю быстро окинул взглядом кабинет и указал на висящую табличку.

— Здесь говорится, что вы должны помочь мне с заполнением налоговой декларации.

— Да.

— Так помогите.

— Покажите вашу декларацию.

Эндрю странно на него посмотрел.

— Как я могу ее вам показать?

— Выведите на этот компьютер. — Бенедетто развернул клавиатуру к Эндрю.

Взглянув на висевший над столом образец, Эндрю ввел свое имя, номер налогоплательщика и личный идентификационный код. Бенедетто подчеркнуто отвернулся: специально установ-

ленная программа фиксировала каждое нажатие клавиш, и после ухода посетителя чиновник получил бы полный доступ ко всем его данным и всем средствам — конечно же, только для того, чтобы наилучшим образом помочь с налогами!

По экрану побежали строчки.

— Что вы сделали? — воскликнул Бенедетто.

Новые и новые названия фирм, корпораций и коммерческих фондов появлялись внизу экрана, чтобы спешно подняться вверх и скрыться, освобождая место следующей партии. Бенедетто наконец понял, что этот длинный список — ответ на один-единственный вопрос декларации. Он развернул компьютер к себе. Действительно, впечатляюще.

— Ну вот, теперь вы в курсе моих проблем. — Юноша развел руками.

Список все продолжался и продолжался. Бенедетто остановил его, нажав несколько клавиш.

— Однако же немало у вас активов, — негромко заметил он.

— Но я-то не знал, — вздохнул Эндрю. — В смысле, я знал, что какое-то время назад средства распределили по разным фондам, но понятия не имел, до какой степени. Прибывая на очередную планету, я просто снимал со счета нужную

сумму, а поскольку это необлагаемая налогом правительственная пенсия, мне до сих пор не приходилось ни о чем задумываться.

Что ж, возможно, парень и впрямь не разыгрывал невинность. Неприязнь Бенедетто несколько уменьшилась, — собственно, он даже начал ощущать к Эндрю некоторую симпатию. Парень, сам того не зная, мог сделать Бенедетто настолько богатым, что это позволило бы даже уйти из налоговой службы. Одних только акций местной «Энцикль Виниченце», на которой остановился перечень компаний, хватило бы, чтобы купить небольшое поместье и всю оставшуюся жизнь оплачивать слуг. А ведь список едва начался.

— Интересно, — проговорил Бенедетто.

— А если сделать так, — предложил молодой человек. — Мне исполнилось двадцать лишь в последний год путешествия. До этого мои доходы не облагались налогом, и у меня есть на них все права. Разрешите мне получить причитающиеся дивиденды и дайте несколько недель на поиски специалиста, который помог бы разобраться с остальным. После этого сразу же подам налоговую декларацию.

— Отличная мысль, — кивнул Бенедетто. — Где хранятся эти средства?

— В Каталонском внешнеторговом банке.

— Номер счета?

— Все, что вам нужно, — открыть мне доступ к моему счету, — сказал Эндрю. — Номер для этого не требуется.

Бенедетто не стал настаивать: ему незачем было запускать руку в карманные деньги мальчишки, когда он мог завладеть золотой жилой еще до того, как парень доберется до конторы налогового адвоката. Введя необходимую информацию, чиновник отправил форму и выдал Эндрю Виггину тридцатидневное разрешение. Теперь тот мог свободно перемещаться по Сорелледольче, но был обязан ежедневно отмечаться в налоговой службе, а по истечении этого срока представить полную налоговую декларацию и уплатить все причитающиеся налоги. Кроме того, Виггин не мог покинуть планету, пока его декларация не будет проверена и принята.

Стандартная процедура. Молодой человек поблагодарил его — Бенедетто всегда нравилось, когда богатые идиоты говорили ему спасибо, пока он снимал сливки с их счетов, — и ушел.

Как только Виггин покинул кабинет, Бенедетто очистил дисплей и вызвал шпионскую утилиту, которая должна была запомнить идентифи-

кационный код парня. Программа, однако, не отвечала. Он вывел список запущенных программ, проверил его скрытую часть и обнаружил, что кибершпиона в нем нет. Абсурд. Он работал постоянно, но теперь его вдруг не оказалось. Больше того, утилита вообще исчезла из памяти.

Воспользовавшись своей версией запрещенной программы «Хищник», Бенедетто поискал электронную подпись программы-шпиона, но нашел лишь несколько временных файлов, ни в одном из которых не оказалось ничего полезного. Сама программа полностью пропала.

Не смог он и вернуть на экран декларацию со всем списком активов, который позволил бы Бенедетто совершить набег на некоторые акции и фонды, — способов для этого хватало и без пароля. Но теперь бланк был девственно чист.

Что произошло? Как такое могло случиться одновременно?

Не важно. Список был настолько длинным, что наверняка сохранился в буфере и «Хищник» без труда найдет его.

Вот только теперь не отвечал и «Хищник». Не было его и в памяти, хотя Бенедетто пользовался программой всего минуту назад. Невозможно. А значит…

Неужели мальчишка смог заразить его систему вирусом, просто заполняя налоговую декларацию? Или он каким-то образом подсадил вирус в название одной из фирм? Бенедетто был не простым пользователем, а программистом, и никогда не слышал о вирусе, способном проникнуть в защищенную систему налоговой службы через незашифрованные данные.

Похоже, этот Эндрю Виггин был настоящим шпионом. Сорелледольче оставалась одним из последних островков свободы, не подмятых Межзвездным конгрессом. Наверняка он шпионил для Конгресса, и его прислали, чтобы попытаться лишить колонию независимости!

Вот только все это выглядело полной чушью. Шпион явился бы с идеально заполненной декларацией, уплатил положенную сумму и был таков. Шпионы стараются не привлекать к себе внимания.

Должно было существовать объяснение, и Бенедетто очень хотел его отыскать. Кем бы ни был этот Эндрю Виггин, инспектор не собирался отказываться от своей «законной» добычи. Он слишком долго ждал подобного случая, и то, что у Виггина оказались под рукой какие-то хитрые защитные программы, вовсе не означало, что

Бенедетто не сумеет найти способ наложить руки на то, что принадлежит ему по праву.

Эндрю все еще слегка злился, когда они с Валентиной шли к выходу из космопорта. Сорелледольче принадлежала к числу молодых колоний, с момента ее заселения едва минул век, но из-за статуса ассоциированной планеты сюда перебралось немало сомнительных дельцов, принеся с собой работу для всех, море возможностей и атмосферу бурного роста. Здесь каждый шаг мог принести состояние — конечно, если сделать его в нужном направлении. Сюда прибывали заполненные людьми корабли, покидавшие планету с битком набитыми трюмами. Население колонии приближалось к четырем миллионам, а ее столицы Доннабеллы — к миллиону.

В архитектуре города деревянные хижины причудливо чередовались со сборными пластиковыми домами, причем новые строения были неотличимы от старых: оба материала сосуществовали с самого начала. Большая часть планеты была покрыта зарослями гигантских папоротников, среди которых обитали огромные безногие ящерицы размером с динозавров.

Впрочем, человеческие поселения были надежно защищены, а земли так плодородны,

что использовались не под плантации хлопка, экспортом которого колония занималась официально, но и для выращивания кое-чего куда менее законного, но весьма востребованного на иных планетах. Кроме того, Сорелледольче славилась и разноцветными шкурами своих гигантских рептилий, которые использовались в качестве ковров и потолочных покрытий на всех управлявшихся Межзвездным конгрессом мирах. В джунгли отправлялось множество охотничьих экспедиций, которые возвращались месяц спустя с полусотней шкур, после чего выжившие могли провести в роскоши остаток дней. Возвращались, однако, далеко не все, и мысль о том, что полакомившаяся человечиной местная живность приобретала стойкое расстройство желудка, была довольно слабым утешением.

Из-за постоянного притока переселенцев строительство на планете шло днем и ночью и все равно не могло угнаться за растущим спросом, так что Эндрю и Валентине пришлось потратить целый день, прежде чем они сумели найти хоть какую-то квартирку. Нынешний ее обитатель, невероятно богатый абиссинский охотник, через несколько дней отправлялся в очередную экспедицию и попросил лишь последить за его

вещами, пока он не вернется, — если, конечно вернется.

— А как мы поймем, что вы не вернулись? — спросила практичная Валентина.

— Поймете, когда в Ливийском квартале начнут рыдать женщины, — ухмыльнулся он.

Едва въехав в новое жилище, Эндрю подключил к Сети свой компьютер и стал не спеша изучать свалившиеся на него активы. Валентине же пришлось потратить изрядно времени, чтобы разобрать груду писем, посвященных ее последней книге, — и это помимо обычной переписки, которую она вела с историками чуть ли не всех населенных планет. На большей части корреспонденции она ставила отметку «ответить позже», но даже срочные сообщения заняли у нее три долгих дня. Естественно, писавшие ей понятия не имели, что общаются с молодой женщиной примерно двадцати пяти лет (субъективного возраста), думая, будто ведут переписку со знаменитым Демосфеном. Конечно, никто не сомневался в том, что это псевдоним. Некоторые репортеры, реагируя на первую волну обрушившейся на нее славы, пытались вычислить «настоящего Демосфена», просматривая списки пассажиров тех рейсов, которые совпадали с его

отсутствием в Сети. Конечно, это требовало чудовищных по объему расчетов, но разве не для этого существуют компьютеры? В итоге кандидатами на роль Демосфена стало сразу несколько ученых разного уровня, притом что некоторые из них не слишком яро отрицали такие версии.

Все это лишь безгранично забавляло Валентину. Пока чеки от издателей приходили именно ей и никто не пытался использовать имя Демосфена, чтобы опубликовать свою подделку, чужое тщеславие мало ее волновало. Она подписывалась этим именем еще с детства, и ее вполне устраивала странная смесь славы и анонимности. «Одно ничем не хуже другого», — порой говаривала она брату.

Ей выпала слава, ему — дурная известность. Псевдонимом он не пользовался, поскольку все охотно верили, что такое имя — всего лишь чудовищная ошибка родителей. Кому из обладателей фамилии Виггин могло бы хватить дерзости назвать своего сына Эндрю после того, что совершил Эндер Ксеноцид? Невозможно было поверить, что этот двадцатилетний юноша является тем самым военным преступником. Никто не мог знать, что последние три столетия они с Валентиной перемещались от колонии к колонии, задержи-

ваясь лишь на то время, которое требовалось ей, чтобы найти очередной интересный сюжет и собрать материал, а затем садились на очередной звездолет, где она писала новую книгу на пути к очередной планете. Из-за релятивистского эффекта за прошедшие три века реального времени для них прошло не больше двух лет жизни.

Валентина с головой погружалась в любую культуру — в чем каждый мог убедиться, прочтя любую из ее книг, — но Эндрю оставался обычным туристом. Он помогал Валентине в ее исследованиях и развлекался, изучая местные языки, но нигде не заводил друзей и держался подальше от оживленных мест. Ей хотелось знать все; он же более всего оберегал свой покой.

Или, если подумать, ему просто так казалось. Он был одинок, но убеждал себя, что рад одиночеству и ему не нужен никто, кроме Валентины; Валентине же требовалось куда больше общения, так что число ее корреспондентов увеличивалось с каждой новой планетой.

Сразу после войны, когда он еще был мальчишкой по прозвищу Эндер, другие ребята из Боевой школы часто писали ему.

Однако, когда он начал свои путешествия на околосветовых скоростях, переписка быстро

заглохла. С каждым новым его перелетом былые друзья становились на пять-десять лет старше[10], в то время как он, их бывший командир, оставался все тем же мальчишкой, которого они помнили. Большинство из них оказались втянутыми в многочисленные войны, раздиравшие Землю первое десятилетие после победы над жукерами, их взросление проходило в боях или политических баталиях. Весточки от Эндера оказывались посланиями из другой жизни, из далекого прошлого, словно адресованные мальчикам и девочкам, которых давно уже не было. Некоторые плакали над его письмами, вспоминая своего командира и горюя, что ему единственному не позволили вернуться на Землю после победы. Но что они могли ему ответить? В какой точке могли соприкоснуться их теперешние жизни?

Позже многие из них отправились на другие планеты, в то время как по-прежнему юный Эндер исполнял обязанности губернатора на одном из завоеванных у жукеров миров. В этом буколическом окружении он вырос — а потом

[10] Примечания: 10

Уже первый перелет Эндера продолжался около 50 лет, его брат Питер так и не дожил до появления «Гегемона». А связь через ансибль с борта корабля была чудовищно дорогой, так что Питер и Министерство колоний связывались с ним буквально пару раз. (См. роман «Эндер в изгнании».)

встретился с последней оставшейся в живых Королевой, которая рассказала ему свою историю и попросила доставить ее в безопасное место, где ее раса могла бы возродиться. Он пообещал — и первым делом написал короткую книгу под названием «Королева», которую, по предложению Валентины, подписал псевдонимом «Говорящий от Имени Мертвых».

Эндер и представить не мог, как эта книга изменит само отношение человечества к жукерам. Именно она превратила его из маленького героя в маленькое чудовище, из спасителя человечества в Ксеноцида, уничтожившего иную разумную расу. Демонизировали его не сразу. Сперва все жалели несчастного ребенка, которым манипулировали другие, использовав его гений для уничтожения жукеров. Затем его именем стали называть каждого, кто совершал нечто чудовищное, не ведая, что творит. И наконец имя Эндер Ксеноцид стало нарицательным для самых страшных преступников. Эндрю не удивлялся такой реакции и не пытался оправдаться. Никто не мог обвинить его сильнее, чем он винил себя сам. Да, он не знал и не мог знать всей правды, он не желал Королевам гибели, но тем не менее именно он уничтожил их. Он сделал то, что сде-

лал, и должен был понести ответственность.

Именно потому он как зеницу ока берег тщательно упакованный кокон с последней Королевой. У него еще остались былые привилегии, и его багаж никогда не досматривался — по крайней мере, до сих пор. Встреча с налоговым инспектором показала, что с достижением совершеннолетия многое могло измениться.

Хотя, возможно, не так уж и многое. Он уже нес на своих плечах бремя уничтожения разумной расы. Теперь он отвечал и за ее возрождение. Именно ему, едва вступающему во взрослую жизнь, предстояло найти место, где Королева сможет без помех отложить оплодотворенные яйца. Но удастся ли ему отыскать такое место?

Ответом могли стать деньги. Судя по тому, как расширились глаза Бенедетто, увидевшего список принадлежавшего Эндрю имущества, денег было не так уж мало. Их можно превратить во власть, которая позволила бы обеспечить покой для Королевы.

Если только ему удастся понять, сколько у него денег и сколько налогов он должен заплатить.

Естественно, вокруг хватало специалистов, всевозможных юристов и бухгалтеров. Но он снова вспомнил глаза Бенедетто, в которых мгновенно

вспыхнула алчность. Любой, кто узнает об Эндрю и его предполагаемом богатстве, тут же станет искать способ отхватить кусок.

Эндрю понимал, что эти деньги не принадлежат ему, что они запятнаны кровью, будучи наградой за уничтожение жукеров. Он должен был воспользоваться ими для возрождения погубленной расы. Но как найти того, кто смог бы ему помочь и в то же время не распахнуть двери настежь для разнообразных хищников?

Он обсудил этот вопрос с Валентиной, и она пообещала расспросить своих здешних знакомых (а благодаря обширной переписке знакомые у нее имелись буквально везде), кому из местных профессионалов он мог бы довериться. Увы, мнение оказалось однозначным: на Сорелледольче таковых просто не было.

Так что Эндрю день за днем изучал налоговое законодательство, а затем пытался применить полученные знания к собственным активам. Работа отупляла. Каждый раз, когда ему казалось, будто он что-то понял, выяснялось, что есть какая-то лазейка, некий трюк, суть которого следовало постичь, чтобы все сработало как надо. Абзац, только что казавшийся несущественным, внезапно приобретал огромное значение, и Эн-

дрю штудировал его заново, пытаясь найти то исключение из правила, которое могло быть применимо в его случае. Почти неизбежно оказывалось, что он является совладельцем именно той компании, на которую такие исключения распространялись. Чтобы разобраться во всем этом, требовался не месяц, а целая жизнь. Даже неистраченные остатки его годового содержания немедленно инвестировались в какие-нибудь предприятия. Похоже, без участия Эндрю не обходилось почти нигде, хотя сам он об этом до сих пор даже не догадывался.

Порой его начинало удивлять, почему налоговые адвокаты не кончают жизнь самоубийством. А поскольку его самого такая перспектива отнюдь не прельщала, заниматься всем этим хотелось все меньше и меньше.

Тогда-то в его электронной почте и обнаружилась странная реклама. Странность заключалась в том, что обычно межзвездные путешественники не интересовали рекламодателей: во время полета те не имели возможности делать покупки, а к моменту прибытия на планету любая реклама успевала безнадежно устареть. А поскольку единственными тратами Эндрю на Сорелледольче были аренда квартиры и расходы на еду, он вряд

ли успел попасть в чью-то рассылку.

И тем не менее: «Лучшая финансовая программа! Ответ, который вы искали!»

Чем-то это напоминало гороскопы — множество выстрелов вслепую, некоторые из которых неизбежно попадают в цель. Эндрю определенно нуждался в финансовой помощи, так что вместо того, чтобы стереть рекламное сообщение, он открыл его, и на мониторе немедленно запустилась трехмерная презентация.

Ему доводилось видеть такие на компьютере Валентины — переписка Демосфена была столь обширна, что шансов избежать рекламы не было, и на экране то и дело возникали фейерверки и театральные представления, ошеломляющие спецэффекты или душещипательные драмы, единственной целью которых было продать все, что только возможно.

Но эта реклама выглядела достаточно скромно. На дисплее появилась женская головка, смотревшая куда-то в сторону. Оглядевшись вокруг, она наконец «заметила» Эндрю.

— А, вот и вы, — сказала программа.

Вигтин молчал, ожидая продолжения.

— Может, все-таки ответите? — поинтересовалось изображение.

Хорошая программа, подумал он. И все же довольно рискованно было предполагать, что все адресаты воздержатся от ответа.

— Понятно, — продолжила она. — Вы думаете, что я всего лишь программа на вашем компьютере, но это не так. Я тот самый друг и финансовый советник, о котором вы мечтали, но я работаю не за деньги — я работаю для вас. Поговорите со мной, чтобы я смогла понять, как вы хотите распорядиться своими деньгами. Мне нужно услышать ваш голос.

Эндрю не испытывал особого желания забавляться с компьютерными программами. Не нравились ему и новомодные представления, в которых зрители вовлекались в происходящее на сцене действие. Валентина как-то раз затащила его на такое шоу. Какой-то фокусник, избравший Эндрю своей мишенью, принялся доставать из его ушей и волос разнообразные предметы. Однако Эндрю не реагировал на усилия циркача, делая вид, будто происходящее никак его не касается. Наконец фокусник сообразил, что в этот раз ошибся, и перешел к следующему зрителю. Что ж, вряд ли у компьютерной программы выйдет то, что не получилось у живого человека. Он нажал кнопку «Пропустить».

— Ой, — сказала женщина. — Вы что, пытаетесь от меня избавиться?

— Да, — ответил Эндрю и тут же понял, что купился. Она все-таки заставила его ответить.

— Радуйтесь, что у вас самого нет такой кнопки. Знаете, как больно? Не говоря уже о том, что это просто оскорбительно.

Пожалуй, смысла отказываться от голосового интерфейса больше не было.

— Ладно. Как мне убрать тебя с экрана и вернуться к своим баранам? — спросил Эндрю, преднамеренно растягивая слова. Даже самая изощренная программа распознавания речи терпела крах, имея дело с акцентом, искажениями и идиомами.

— У вас имеются активы в двух компаниях, занимающихся экспортом баранины, — ответила та. — Но они убыточны, так что я бы рекомендовала от них избавиться.

— Я не давал тебе доступа к своим файлам, — разозлился Эндрю. — Я тебя даже еще не купил и не хочу, чтобы ты читала мои данные. Как мне тебя отключить?

— Но если вы продадите акции этих компаний, то вырученных денег как раз хватит для уплаты налогов!

— Хочешь сказать, ты уже разобралась в моих налогах?

— На этой планете совершенно бессовестное налоговое законодательство. Но, учитывая все исключения, распространяющиеся на вашу собственность, и льготы для оставшихся ветеранов Войны с жукерами, общая сумма, по моим подсчетам, не превышает пяти миллионов.

— Великолепно! — расхохотался Эндрю. — Даже по самым пессимистичным подсчетам у меня выходило не больше полутора миллионов.

На этот раз засмеялась уже женщина:

— Ваша сумма — полтора миллиона космокредитов. Моя — пять миллионов местных фиренцетт.

Эндрю прикинул текущий курс, и улыбка исчезла с его лица.

— Это же всего семь тысяч космокредитов.

— Семь тысяч четыреста десять, — уточнила женщина. — Как, я уже принята на работу?

— Нельзя настолько уменьшить налоги законным способом.

— Напротив, господин Виггин. Налоговые законы нарочно пишутся так, чтобы обманом вынуждать простых людей платить куда больше, чем полагается. А богачи, которые могут

позволить себе услуги классных специалистов, знающих все хитроумные лазейки, пользуются серьезными льготами. Кстати, я как раз такой специалист.

— Отличная приманка, — усмехнулся Эндрю. — Весьма убедительно. Ровно до того момента, когда появляется полиция с ордером на арест.

— Вы так думаете, господин Виггин?

— Если ты так настаиваешь на использовании голосового интерфейса, — сказал Эндрю, — нельзя ли хотя бы обойтись без «господина»?

— Как скажешь, Эндрю, — сказала она. — Так подойдет?

— Отлично.

— А ты зови меня Джейн.

— Серьезно?

— Хотя тебе, наверное, больше понравится имя Эндер…

Эндрю похолодел. В его данных не было ничего, что могло бы раскрыть его личность.

— Немедленно убирайся из моего компьютера, — бросил он.

— Как пожелаешь.

Женское лицо растаяло.

«Скатертью дорога», — подумал Эндрю. Подай он Бенедетто налоговую декларацию с такой низ-

кой суммой, тот наверняка затребовал бы полную проверку. И, судя по сложившемуся у Виггина мнению, не упустил бы случая поглубже забраться к нему в карман. Эндрю, в общем, ничего не имел против здоровой предприимчивости, но, похоже, Бенедетто был не из тех, кто знает меру, так что не стоило лишний раз махать красной тряпкой у него перед носом.

Однако он уже начинал жалеть о своем поспешном решении. В конце концов, Джейн могла вытащить его детское прозвище из своей базы данных, как одну из форм имени Эндрю. Странно, конечно, что она предпочла этот вариант более расхожим вроде Дрю или Энди, но вариант, при котором демоверсия налоговой программы смогла так быстро установить его истинную личность, уж слишком отдавал паранойей. Скорее всего, программа просто выбрала наименее вероятное прозвище, чтобы вынудить клиента представиться комфортным для себя образом, тем самым сделав еще один шаг к покупке.

Но что, если названная Джейн ничтожная сумма причитавшихся с него налогов действительно верна? А если бы ему удалось заставить программу назвать более разумную цифру? Если программа написана достаточно качественно,

то, возможно, она вполне могла стать тем самым финансовым советником, в котором он так нуждался. По крайней мере, она мгновенно среагировала на земную идиому времен его детства и тут же нашла среди его собственности две компании, занимающиеся бараниной. И, как легко убедился Эндрю, их рыночная стоимость полностью совпала с той, какую назвала эта женщина.

Не женщина. Программа. Человеческое лицо на дисплее — всего лишь уловка, чтобы придать ей индивидуальные черты и заставить потенциального покупателя воспринимать ее как человека. Одно дело, удалить с компьютера бездушные файлы, и совсем другое — грубо оттолкнуть симпатичную даму.

Что ж, с ним такое не сработало. Он избавился от нее, и если потребуется, готов повторить эту процедуру еще раз. Но теперь, когда до назначенного срока оставалось всего две недели, Эндрю всерьез подумывал о том, что, возможно, ошибся. Стоило бы потерпеть навязчивость этой виртуальной особы, как бы она его ни раздражала. Вполне возможно, что, покопавшись в настройках, общение с ней удалось бы свести к максимально комфортному для него текстовому режиму.

Вернувшись к своей электронной почте, Эндрю снова вызвал письмо с рекламой. На этот раз, однако, появилось стандартное сообщение: «Файл недоступен».

Эндрю выругался. Он понятия не имел, на какой планете выпускают такие программы, а поддержка связи по ансиблю — удовольствие не из дешевых. Как только он закрыл демоверсию, канал вполне мог прерваться — какой смысл тратить драгоценную межзвездную связь на клиента, который совершает покупку сразу? Что ж, ладно. Ничего не попишешь.

Бенедетто обнаружил, что потратил на отслеживание маршрута Виггина куда больше времени, чем рассчитывал. Задача оказалась не из легких — все перелеты были засекреченными, так что чиновник только укрепился в мысли, что тот работает на некое правительственное агентство. Данные о предпоследнем удалось найти лишь случайно. Вскоре, однако, Бенедетто понял, что намного проще будет отслеживать путешествия Валентины — его подружки, сестры, секретарши, или кем там она ему приходится.

К его удивлению, парочка никогда не задерживалась на одном месте. Всего за несколько перелетов Бенедетто переместился во време-

ни на триста лет назад, к самому началу эпохи колонизации, и ему впервые пришло в голову, что загадочный Эндрю Виггин вполне может оказаться *тем самым* и ничего невозможного в этом нет.

Пока Бенедетто еще не был готов поверить в подобное. Но если это правда, если это действительно тот самый военный преступник, который…

Открывались просто ошеломляющие возможности для шантажа.

Как могло случиться, что никто другой не занялся столь очевидным исследованием биографий Эндрю и Валентины Виггин? А может, они уже платят шантажистам на нескольких мирах?

Или их шантажистов уже нет в живых? Бенедетто понял, что ему следует вести себя как можно осторожнее. У людей с таким количеством денег всегда есть могущественные друзья. И ему тоже нужно было найти друзей, которые защитят его, пока он будет воплощать в жизнь свой новый план.

Валентина решила, что Эндрю заинтересует появившееся в местных новостях объявление.

— Я слыхала о таком и раньше, но сейчас мы оказались достаточно близко, так что, пожалуй,

стоит взглянуть самим.

Речь шла о выступлении Говорящего от Имени Мертвых.

Эндрю каждый раз становилось не по себе при мысли, что псевдоним, которым он когда-то подписал свою книгу о Королевах жукеров, стали использовать служители новой религии. Никаких догм эта религия не проповедовала, так что практически любой, независимо от веры, мог пригласить Говорящего от Имени Мертвых принять участие в обычной церемонии похорон или выступить отдельно, даже спустя много лет после того, как покойный был похоронен или кремирован.

Однако на подобные выступления от имени мертвых их вдохновила вовсе не «Королева». Своим возникновением новый обычай был обязан его второй книге, которая называлась «Гегемон» и была посвящена Питеру Виггину, брату Эндрю и Валентины. Питер, ставший Гегемоном в разгар охвативших Землю гражданских войн, путем искусной дипломатии и грубой силы объединил человечество под властью единого могущественного правительства. Будучи просвещенным деспотом, он создал институты, которые в будущем должны были разделить с ним власть.

Именно во время правления Питера всерьез началась колонизация других планет. Тем не менее Питер с детства отличался жестокостью и бесчувственностью, держа брата и сестру в постоянном страхе. Собственно, это Питер устроил так[11], что Эндрю не смог вернуться на Землю после победы над жукерами, и вряд ли стоило удивляться, что Эндрю не испытывал к нему особой любви.

Именно поэтому он решил написать «Гегемона» — чтобы попытаться выяснить правду о человеке, совершившем за свою жизнь столько великих и ужасных поступков. Итогом стала безжалостно честная биография, показавшая Питера таким, каким он и был, со всеми его достоинствами и недостатками. Поскольку книга была подписана тем же именем, что и «Королева», уже изменившая отношение к жукерам, она привлекла к себе немало внимания и в конце концов привела к появлению «Говорящих от Имени Мертвых», которые пытались с той же прямотой высказываться о покойных, как знаменитых, так и малоизвестных. Они выступали на похоронах

[11] Примечания: 11

На самом деле это устроила Валентина, не желая усиливать позиции Питера авторитетом Эндера. Здесь мы наблюдаем одно из неустранимых противоречий между романами «Игра Эндера» и «Эндер в изгнании», на которое просто принято закрывать глаза. Сам Орсон Скотт Кард неоднократно отмечал этот факт в различных интервью.

героев и кумиров, откровенно рассказывая о цене, которую те заплатили за свой успех. Говоря на похоронах алкоголиков и садистов, разрушивших жизнь собственных семей, старались отыскать в них крупицы человечности, несмотря на все губительные пристрастия, но никогда не скрывая правды о том, сколько вреда их слабость принесла близким. Постепенно Эндрю свыкся с тем, что его псевдоним больше ему не принадлежит, но до сих пор не имел возможности увидеть говорящего за работой, так что сразу же откликнулся на предложение Валентины.

О покойнике они ничего не знали. Видимо, он не был знаменитостью: особой шумихи вокруг церемонии не наблюдалось. В небольшом зале собралась лишь пара десятков человек. Гроб отсутствовал, — наверное, похороны уже состоялись. Эндрю пытался угадать, кем были другие присутствующие. Вот эти женщины — вдова и дочь? Или та, что постарше, — мать, а та, что помоложе, — вдова? А эти люди? Сыновья? Друзья? Деловые партнеры?

Выступавший был скромен в одежде и поведении. Выйдя перед собравшимися, он заговорил, описывая жизнь усопшего. Это была даже не биография — на подробности не хватило бы вре-

мени, — а скорее сага, повествующая о важных деяниях покойного. Важность их оценивалась не по тому, насколько они были достойны упоминания в прессе, а по тому, какое влияние оказали на жизнь других. К примеру, решение на последние средства приобрести дом в фешенебельном районе не попало в светскую хронику, но вынудило его детей постоянно находиться среди сверстников, смотрящих на них сверху вниз. С покупкой дома его жизнь превратилась в ад, он трудился не разгибая спины, чтобы покрыть долги. Он был уверен, что поступает так ради детей — а те больше всего желали оказаться среди ровни, которая не считала бы их выскочками. Его жена осталась в одиночестве, лишившись подруг; едва овдовев, она немедленно покинула ненавистный дом, выставив его на продажу.

Но выступавший не остановился на этом и продолжил рассказ. Оказывается, ставшее навязчивой идеей желание покойного поселиться среди элиты уходило корнями далеко в прошлое, во времена его детства, когда он постоянно слышал жалобы своей матери на то, что муж не смог обеспечить ее приличным жильем. Она все время твердила, что ошиблась, выйдя замуж за неудачника. С тех пор покойный всеми силами

стремился обеспечить свою семью, чего бы это ни стоило. Мать он ненавидел — на Сорелледольче со своей родной планеты он сбежал главным образом ради того, чтобы оказаться от нее как можно дальше, — но ее извращенные ценности никуда не делись, испортив жизнь как ему самому, так и его детям. В итоге он довел себя до полного изнеможения и умер от инсульта, не дожив до пятидесяти.

Эндрю понял, что вдова и дети не знали свою бабушку, оставшуюся на родной планете их отца, и не догадывались о причинах его навязчивого стремления иметь хороший дом в престижном районе. Теперь же, осознав, как глубоко в детство уходят корни этого желания, они не могли сдержать слез, вспоминая свои прежние обиды и вместе с тем прощая отцу ту боль, которую он им принес. Теперь им все стало ясно.

Говорящий умолк. Члены семьи обняли его и друг друга, после чего он направился к выходу. Эндрю нагнал его уже на улице и обратился с вопросом:

— Как вы стали Говорящим от Имени Мертвых, сэр?

Тот пожал плечами.

— Просто говорил, и все.

— Но как вы пришли к этому?

— Впервые я выступал на похоронах моего деда, — ответил он. — На тот момент я еще даже не читал «Королеву» и «Гегемона». (Книги теперь неизменно издавались одним томом.) Когда я закончил, мне сказали, что получилось неплохо. Тогда я наконец прочел обе книги и понял, что следует делать. Теперь, когда другие просят меня выступить на похоронах, я примерно представляю, какой объем работы ждет впереди. Но даже сейчас я не уверен, что делаю все правильно.

— Значит, чтобы стать Говорящим от Имени Мертвых, нужно просто…

— Просто говорить. И получать приглашение выступить снова. — Мужчина улыбнулся. — На этом много не заработаешь, если вы вдруг что-то такое подумали.

— Нет-нет, — возразил Эндрю. — Я просто… просто хотел узнать, как это вообще делается, только и всего.

Его собеседник, которому явно было хорошо за сорок, вряд ли поверил бы, что стоящий перед ним двадцатилетний юноша — автор «Королевы» и «Гегемона».

— И если вам интересно, — продолжил говорящий, — мы не священники. Мы не столбим

территорию и не возмущаемся, если на нее сунется кто-то другой.

— Вот как?

— Так что если вы вдруг решите стать Говорящим от Имени Мертвых — удачи. Только не позволяйте себе расслабляться. Мы меняем чужое прошлое, и если вы не готовы приложить максимум усилий, чтобы выяснить все возможные нюансы, то сделаете только хуже, так что лучше вообще за это не браться. С наскока тут ничего не выйдет.

— Да, пожалуй.

— Собственно, это все. Вы только что прошли полный курс обучения специальности Говорящего от Имени Мертвых. — Он улыбнулся. — Нас далеко не всегда встречают так, как это было сегодня. Иногда приходится говорить от имени покойного лишь потому, что тот попросил об этом в своем завещании. Семье это ни к чему, услышанное повергает их в ужас, и они никогда тебе этого не простят. Но… Говорить все равно приходится, потому что покойный хотел, чтобы о нем была сказана правда.

— Откуда вы знаете, что сумели выяснить правду?

— Этого никогда не знаешь. Просто делаешь все

возможное. — Он похлопал Эндрю по спине. — С удовольствием бы еще с вами пообщался, но мне еще нужно сделать кое-какие дела, прежде чем все разойдутся по домам. Для живых я бухгалтер — такова моя основная работа.

— Бухгалтер? — переспросил Эндрю. — Понимаю, что вы заняты, но хотел бы вас спросить: не доводилось ли вам слышать про бухгалтерскую программу, которая называет себя Джейн? Там еще на экране появляется такая симпатичная женская головка?

— Простите, нет. Не доводилось. Вселенная велика, нельзя уследить за всеми новинками, так что приходится ограничиваться теми, к которым привык. Так что извините, ничем не могу помочь.

На том они и расстались.

Эндрю занялся поисками в сети. По запросу «Джейн», «инвестиции», «финансы», «бухгалтерия» и «налоги» нашлось семь совпадений, но все ссылки относились к писательнице с планеты Альбион, век назад написавшей книгу о минимизации налогов на имущество в разных мирах. Может, программа Джейн была названа в ее честь, а может, и нет. Так или иначе, к цели Эндрю это нисколько не приблизило.

Однако уже через пять минут после того, как он прекратил поиски, на экране его компьютера появилась знакомая головка.

— Доброе утро, Эндрю, — проворковала она. — Ой, похоже, уже вечер? Трудно отслеживать местное время на стольких планетах.

— Что ты тут делаешь? — спросил Эндрю. — Я пытался тебя найти, но не знал, что конкретно искать.

— Правда? Второй визит запрограммирован на тот случай, если ты передумал. Если хочешь, могу полностью удалиться из твоего компьютера, могу провести частичную или полную установку — как пожелаешь.

— Сколько стоит установка?

— Ты точно можешь себе позволить, — ответила Джейн. — Это недорого, а ты богат.

Такой стиль общения не слишком понравился Эндрю.

— Мне нужен простой ответ, — сказал он. — Во сколько мне обойдется твоя установка?

— Я уже ответила, — объяснила Джейн. — Я непрерывно обновляюсь. Плата зависит от твоего финансового статуса и от того, чего я сумею для тебя сделать. Если ты установишь меня только для помощи с налогами, то это тебе обойдется

в одну десятую процента от суммы, которую я смогу сэкономить.

— А если я решу заплатить больше, чем следует из твоих расчетов?

— Значит, я сэкономлю для тебя меньше денег и обойдусь дешевле. Никаких скрытых платежей. Никакого обмана. Но ты многое потеряешь, если установишь меня ради одних налогов. У тебя столько добра, что жизни не хватит, чтобы с ним разобраться, если только не поручишь мне этим заняться.

— Кому это — «мне»? — решил уточнить Эндрю.

— Мне. Джейн. Программе, которую ты можешь установить на своем компьютере. Понимаю, тебя беспокоит, не подключена ли я к какой-то центральной базе данных, которой станет слишком многое известно о твоих финансах. Ничего подобного! Я не стану никуда передавать информацию о тебе, так что никакие ушлые программисты не ринутся искать способы наложить руки на твое состояние. Зато в моем лице ты получишь персонального биржевого брокера, налогового адвоката и инвестиционного аналитика, который будет заниматься твоими деньгами. Можешь в любой момент попросить бухгалтерский отчет,

и он тут же окажется перед тобой. Если захочешь что-то приобрести — только дай знать, я мигом найду тебе лучшее предложение, какое только есть на рынке, оплачу товар и доставлю его, куда пожелаешь. Если сделаешь полную установку, включая планировщика задач и помощника-аналитика, я смогу стать твоим неразлучным компаньоном.

Эндрю представил, что эта женщина будет говорить с ним изо дня в день, и покачал головой.

— Нет, спасибо.

— Почему? Может, тебе не нравится мой голос? — спросила Джейн и продолжила тоном ниже, с легким придыханием: — Могу изменить его так, как ты предпочитаешь. — Голова на экране внезапно превратилась в мужскую, произнеся баритоном с едва уловимыми женскими нотками: — Или могу стать мужчиной любой степени мужественности.

Черты лица огрубели.

— Версия «охотник на медведей», — заявил новый образ пропитым голосом. — Если вдруг у тебя есть сомнения в собственной мужественности и тебе хочется это как-то компенсировать.

Эндрю невольно рассмеялся. Кто ее создал? Подобного чувства юмора и легкости общения

он не встречал даже у самых лучших программ. Искусственный интеллект оставался несбыточной мечтой — сколь бы тщательно ни была разработана имитация, сразу становилось ясно, что имеешь дело с машиной. Но эта была настолько хороша, настолько походила на приятного собеседника, что он купил бы ее, только чтобы понять, насколько она совершенна. А поскольку ему действительно требовалась финансовая программа, он решил рискнуть.

— Мне нужен ежедневный отчет о том, сколько я плачу за твои услуги, — сказал Эндрю. — Чтобы я мог от тебя избавиться, когда ты станешь чересчур дорогой.

— Чаевых не беру, — буркнул «охотник на медведей».

— Вернись к исходной версии, — велел Эндрю. — К Джейн. И к голосу по умолчанию.

Снова появилась женская голова.

— Может, добавить сексуальности?

— Скажу, если вдруг мне станет настолько одиноко, — ответил Эндрю.

— А если одиноко станет мне? Ты об этом подумал?

— Нет уж, давай-ка без флирта. Полагаю, эту опцию ты можешь отключить.

— Уже отключила.

— Тогда подготовь мою налоговую декларацию.

Эндрю приготовился к ожиданию, но заполненная декларация сразу же появилась на дисплее. Лицо Джейн исчезло, а голос продолжил:

— Теперь главное. Я гарантирую, что декларация составлена по всем правилам и никто за нее тебя даже пальцем не тронет. Так написаны законы. Их задача — защищать богачей вроде тебя, возлагая основное налоговое бремя на бедняков. Именно так устроил мир твой брат Питер, и с тех пор все поправки были чисто косметическими. — (Эндрю ошеломленно уставился на дисплей.) — Или я должна была притвориться, что не знаю, кто ты?

— Кто еще в курсе? — быстро спросил Эндрю.

— Это же не секретная информация. Любой может вычислить, проанализировав данные о твоих путешествиях. Хочешь, чтобы я обеспечила защиту твоей личности?

— Сколько это будет стоить?

— Это входит в базовый комплект услуг, — ответила Джейн, лицо которой снова появилось на экране. — Одна из моих задач — создавать барьеры и скрывать информацию. Естественно,

не нарушая законов. В твоем случае это просто, поскольку немалая часть твоего прошлого все еще засекречена. Остается только в число секретных сведений включить информацию о твоих путешествиях — и если кто-нибудь проявит излишнее любопытство, на него ополчится вся контрразведка Флота, причем никто там даже не будет знать, что именно защищает. Для военных это своего рода рефлекс.

— И ты можешь это сделать?

— Уже. Все свидетельства, которые могли бы тебя выдать, исчезли. Фьють — и нету. Я профессионал, знаешь ли.

У Эндрю мелькнула мысль, что эта программа уж слишком могущественна. И вряд ли легальна — с такими-то возможностями.

— Кто тебя создал? — спросил он.

— Что, подозрения возникли? — усмехнулась Джейн. — Ты и создал. Сам.

— Думаю, я бы такое запомнил, — сухо ответил Эндрю.

— Когда ты активировал меня в первый раз, я провела обычный анализ. Но у меня есть самомодифицирующаяся часть. Я поняла, что тебе нужно, и перенастроила себя так, чтобы иметь возможность решать твои проблемы.

— Никакая самомодифицирующаяся программа не может быть настолько совершенной, — возразил Эндрю.

— Кроме меня.

— Тогда о тебе наверняка пошли бы разговоры. Я бы знал.

— Мне не нужны разговоры. Общедоступность сразу снизит мою эффективность из-за неизбежно возникающих противоречий. Представь, что одна моя версия изо всех сил скрывает информацию, которую другая с тем же усердием пытается найти. Настоящий парадокс.

— И сколько же в мире счастливых обладателей твоих версий?

— В той конфигурации, которая тебе предлагается, — один, господин Вигтин. Вы.

— Как я могу тебе доверять?

— Дай только время.

— Когда я приказал тебе уйти, ты ведь не ушла? Ты вернулась, обнаружив, что я ищу Джейн?

— Ты приказал мне убраться, я так и сделала. Но ты не приказывал мне удалить себя.

— Дерзость в тебя тоже запрограммировали?

— Эту черту я выработала сама. — Джейн кокетливо улыбнулась. — Нравится?

Эндрю сидел за столом напротив Бенедетто,

который вывел на экран присланную налоговую декларацию, делая вид, будто сосредоточенно ее изучает, а затем печально покачал головой.

— Господин Виггин, вы полагаете, будто я поверю в точность этих цифр?

— Моя налоговая декларация полностью соответствует закону. Можете исследовать ее, сколько душа пожелает, ко всем пунктам имеются комментарии со ссылками на соответствующие параграфы и прецеденты.

— Думаю, вы согласитесь, — сказал Бенедетто, — что приведенная здесь сумма явно занижена… Эндер.

Молодой человек удивленно моргнул.

— Эндрю, — поправил он.

— Сомневаюсь, — ответил Бенедетто. — Вы слишком много путешествовали, причем с околосветовой скоростью, пытаясь сбежать от собственного прошлого. Думаю, новостные сети придут в восторг, узнав, что на планету прибыла такая знаменитость, как Эндер Ксеноцид.

— Новостным сетям, как правило, требуется подтверждение столь экстравагантных заявлений, — заметил Эндрю.

Едва заметно улыбнувшись, Бенедетто вывел на экран файл с перечнем путешествий Эндрю.

Тот оказался пуст, не считая самого последнего перелета.

Душа Бенедетто ушла в пятки. Вся власть в руках богачей! Каким-то образом этот тип опять сумел залезть в его компьютер и украсть информацию.

— Как вы это сделали? — спросил Бенедетто.

— Что именно? — уточнил Эндрю.

— Опустошили мой файл.

— Файл вовсе не пуст, — возразил Эндрю.

Сердце Бенедетто отчаянно колотилось, мысли лихорадочно сменяли друг друга, но он решил сохранять мужество до последнего.

— Похоже, я ошибся, — сказал он, введя несколько кодов. — Ваша налоговая декларация одобрена. Таможня выдаст вам годовое разрешение для пребывания на Сорелледольче. Большое вам спасибо, господин Виггин.

— Значит, насчет остального…

— Всего хорошего, господин Виггин.

Бенедетто убрал файл и вывел на экран другие документы. Поняв намек, Эндрю встал и вышел.

Едва за ним закрылась дверь, Бенедетто пришел в ярость. Как ему это удалось? Стоило поймать наконец крупную рыбину, как та ускользнула!

Он попробовал повторить поиск, который

привел его к реальной личности Виггина, но все файлы теперь оказались защищены грифом «секретно», причем после третьей попытки последовало предупреждение от Службы безопасности флота, извещавшее, что дальнейшее стремление получить доступ к закрытым материалам приведет к вмешательству военной контрразведки.

Кипя от злости, Бенедетто очистил экран и начал составлять пространный отчет о том, как начал подозревать Эндрю Виггина и попытался выяснить его истинную личность, после чего обнаружил, что Виггин и есть настоящий Эндер Ксеноцид, но потом кто-то проник в его компьютер и стер все файлы. Уважающие себя новостные сети наверняка отказались бы публиковать подобную историю, но таблоиды явно ухватятся за нее. Нельзя допустить, чтобы такой преступник вышел сухим из воды, воспользовавшись деньгами и связями, позволяющими ему выдавать себя за приличного человека.

Закончив, Бенедетто сохранил документ, а затем начал искать и вводить адреса всех крупных таблоидов как на планете, так и за ее пределами. Внезапно весь текст исчез с дисплея и на его месте появилось лицо незнакомой женщины.

— У вас всего два варианта, — без всяких предисловий заявила она. — Либо стереть все копии документа, который только что создали, и никогда больше о нем не вспоминать.

— Кто ты? — требовательно спросил Бенедетто.

— Можете считать меня советником по инвестициям, — ответила та. — Я даю хорошие советы, так что рекомендую прислушаться. Желаете узнать о втором варианте?

— Я вообще не желаю тебя слушать.

— Вы слишком многое упустили в своей статье. Думаю, со всеми подробностями она была бы куда интереснее.

— Мне тоже так кажется. Но господин Ксеноцид лишил меня доступа к ним.

— Нет, — возразила женщина. — Не он. Его друзья.

— Никто не может быть выше закона лишь потому, что у него есть деньги или связи, — с пафосом провозгласил Бенедетто.

— Либо не говорить ничего, — сказала женщина, — либо рассказать всю правду. Третьего не дано.

В ответ Бенедетто кликнул по кнопке «Отправить», и текст улетел по всем адресам, которые

он успел указать. Другие можно было добавить и позже, когда он избавится от непрошеной гостьи.

— Смело, — заметила женщина. — Но глупо.

И исчезла.

Таблоиды действительно получили статью Бенедетто. Вот только теперь в ней содержалось полностью документированное признание обо всех хищениях и махинациях, которыми он занимался в течение своей карьеры налогового инспектора. Час спустя его арестовали.

История Эндрю Виггина так и не была опубликована — таблоиды и полиция сочли ее тем, чем она, по сути, и являлась — неудавшейся попыткой шантажа. Виггина вызвали на допрос, но это была лишь формальность. О диких и невероятных обвинениях со стороны Бенедетто даже не упоминалось. Бенедетто взяли с поличным, а Виггин для следствия был лишь последней его потенциальной жертвой. По версии полиции, шантажист по ошибке отправил собственные секретные файлы вместе с клеветнической статьей. Неосторожность становилась причиной многих арестов, и глупость преступников не переставала удивлять.

Благодаря появлению статьи многочислен-

ным жертвам Бенедетто стало известно о его преступлениях. Чиновник не отличался особой разборчивостью в выборе тех, кого обворовывал, а вот среди них нашлись люди, влияние которых распространялось и за тюремные стены. Один лишь Бенедетто знал, кто перерезал ему горло и запихнул головой в унитаз — охранник или другой заключенный. В итоге так и осталось загадкой, потеря крови или утопление подвели черту под его жизненным путем.

Эндрю Вигин с болью встретил известие о смерти налогового инспектора. Однако Валентина заверила его, что арест и смерть Бенедетто вскоре после попытки шантажировать Эндрю — лишь случайное стечение обстоятельств.

— Нельзя винить себя во всем, что происходит с окружающими, — сказала она. — Ты виноват далеко не всегда.

Да, Эндрю не был виноват и все же чувствовал некую ответственность, так как не сомневался, что способность Джейн засекретить его файлы и скрыть информацию о путешествиях как-то связана с тем, что случилось с Бенедетто. Конечно, Эндрю имел полное право защититься от шантажа, но никакая собственность не стоит чьей-то жизни.

Он предложил свою помощь семье Бенедетто. Поскольку все деньги покойного были арестованы в счет возмещения ущерба, его родные оказались в нищете, и Эндрю обеспечил им приличное годовое содержание. Джейн заверила, что подобных трат он даже не почувствует.

Кроме того, Эндрю попросил разрешения выступить на похоронах как Говорящий от Имени Мертвых. Виггин предупредил, что для него это будет первым опытом, но все же он попытается рассказать правду о Бенедетто и помочь близким понять, почему тот так поступал.

Родственники согласились.

Джейн помогла Эндрю найти сведения о финансовых операциях Бенедетто, а затем оказала ценную услугу в непростых поисках информации о его детстве, о семье, в которой он рос, о том, откуда у него возникла патологическая страсть обеспечивать близких и совершенно аморальная тяга отбирать то, что принадлежало другим. Произнося свою речь, Эндрю ничего не утаивал и никого не оправдывал. Тем не менее родных Бенедетто в какой-то степени утешило осознание того, что, несмотря на позор и утраты, которые он на них навлек, несмотря на то, что он сам разлучил себя с семьей, сперва оказавшись в тюрьме,

а затем погибнув, он действительно любил и заботился о них, как мог. И что, может быть, даже важнее: когда Эндрю закончил говорить, жизнь Бенедетто перестала казаться нелепой. Она вновь обрела смысл.

Десять месяцев спустя, когда Виггины покидали Сорелледольче, Валентина готовилась приступить к книге о преступности в преступном обществе, и Эндрю был только рад помочь сестре в ее очередном проекте. В таможенной декларации на вопрос «род занятий» Эндрю вместо обычных «студент» или «инвестор» вписал «Говорящий от Имени Мертвых». Компьютер принял ответ. Теперь впереди у Эндрю была профессия, которую он, сам того не зная, создал для себя много лет назад.

Ему больше не надо было думать о финансах. Отныне всеми подобными вопросами ведала Джейн. От общения с этой программой ему все еще было слегка не по себе — он знал, что рано или поздно выяснит, какова истинная цена его нынешнего комфорта. Пока же иметь такого профессионального и вездесущего помощника было весьма полезно. Валентина слегка ревновала, выспрашивая, где бы и ей раздобыть такого секретаря. Джейн отвечала, что с радостью готова

помочь с любыми исследованиями или финансами, но всегда останется программой Эндрю, подстроенной под его личные нужды.

Валентину это слегка коробило: по ее мнению, программа не должна была проявлять такой независимости. Но, немного поворчав, она рассмеялась:

— Не стану обещать, что не буду ревновать, — сказала она. — Неужели из-за какого-то куска машинного кода я могу потерять брата?

— Джейн — просто компьютерная программа, — ответил Эндрю. — Очень хорошая программа, но она делает лишь то, что я ей скажу, как и любая другая. Если у нас с ней начнутся какие-то личные отношения — можешь смело отправлять меня в психушку.

Эндрю и Валентина покинули Сорелледольче, продолжив свой путь от планеты к планете. Ничего не изменилось — просто Эндрю теперь больше не беспокоили налоги, а еще он стал пристально изучать колонки некрологов в местной прессе.

Война даров[12]

Тому Руби, сохранившему свою веру как в Боевой школе, так и за ее пределами

[12] Примечания: 12
Перевод К. Плешкова.

1. Святой Ник

Зак Морган сидел в первом ряду маленького храма Церкви Непорочного Христа в Идене, Северная Каролина, сосредоточенно уставившись в одну точку и не шевелясь, хотя у него зудело сразу в двух местах — на ступне и над бровью. Он знал, что над бровью у него зудит из-за усевшейся там мухи, и на ноге, скорее всего, тоже, хотя ни разу не взглянул, ползает ли там что-нибудь.

Он не смотрел на падающий за окном снег, не бросал взгляд налево или направо, не отвлекся даже на родителей вопящего младенца в ряду позади — пусть другие решают, что важнее для этой пары: остаться и слушать проповедь или уйти, не нарушая тишину собрания.

Зак был сыном проповедника и прекрасно знал, в чем состоит его долг.

Непорочный Хабит Морган стоял за небольшой кафедрой, которая на самом деле была старой подставкой для справочников, купленной на библиотечной распродаже. Вне всякого сомнения, когда-то лежавший на ней справочник уступил свое место компьютеру — очередной знак упадка человечества, поклоняющегося ложному богу

укрощенной молнии.

— Они думают, будто, если им удалось сдернуть молнию с неба и обуздать ее с помощью своих машин, они теперь боги или друзья богов. Ведомо ли им, что молния способна сотворить лишь огонь, и ничего больше? О да, говорю я вам — это адское пламя, а боги, с которыми они подружились, воистину дьяволы!

То была одна из лучших проповедей отца. Впервые Зак услышал ее в трехлетнем возрасте, но не забыл ни слова. Зак вообще никогда ничего не забывал — как только он понял, что такое слова, он запоминал их все до единого.

Но отцу он об этом не рассказывал. Когда мама узнала, что он способен повторять целые проповеди слово в слово, она очень спокойно, однако весьма убедительно сказала:

— Зак, Бог наградил тебя великим даром. Но ты не должен никому его показывать, иначе кто-нибудь может подумать, будто это дар Сатаны.

— Что, правда? — спросил Зак. — Дар Сатаны?

— Сатана не приносит добрых даров, — ответила мама. — Так что это дар от Бога.

— Тогда почему кто-то может подумать, будто это дар Сатаны?

Мама нахмурилась, хотя губы ее продолжали

улыбаться — она всегда улыбалась, когда знала, что на нее кто-то смотрит. То был ее долг как жены священника — всем своим видом показывать, что жизнь непорочного христианина полна счастья.

— Некоторые настолько стремятся искать повсюду Сатану, — наконец сказала она, — что видят его даже там, где его нет.

Естественно, Зак запомнил этот разговор слово в слово, и тот сразу же всплыл в памяти, когда Заку было четыре, а отец сказал:

— Есть те, кто станет говорить тебе, будто нечто исходит от Бога, хотя на самом деле оно от дьявола.

— Почему, папа?

— Их обманывают собственные желания, — ответил отец. — Им хочется, чтобы мир был лучше, и они делают вид, будто осквернённое непорочно, так что его можно не опасаться.

Потом Зак не раз сопоставлял оба этих разговора, поскольку понял, что мама предупреждала его насчет отца, а отец — насчет мамы.

Но сделать выбор между ними он не мог. Не мог и не хотел.

И тем не менее он ни разу не дал отцу повода убедиться в его идеальной памяти. Однако

и ложью это тоже не было. Попроси отец хоть раз повторить разговор, проповедь или еще что-нибудь, Зак так и сделал бы, честно продемонстрировав, что помнит все слово в слово. Но отец никогда и никого ни о чем не просил, за исключением тех случаев, когда обращался к Богу.

Именно это произошло и сейчас. Стоя за кафедрой и пристально глядя на паству, отец произнес:

— Как насчет Санта-Клауса? Святого Николая? Не то же ли он самое, что и «Старина Ник», он же дьявол? Есть ли у него хоть что-то общее с Христом? Насколько непорочна наша вера, если мы храним в наших сердцах этого самого «Старину святого Ника»? Так ли уж он весел и радостен? Не смеется ли он потому, что знает: наши дети следуют за ним прямиком в ад?

Он окинул паству яростным взглядом, словно ожидая реакции. Наконец кто-то дал единственный уместный в данном месте проповеди ответ:

— Брат Хабит, мы этого не знаем. Может, спросите Бога и поведаете нам, что Он вам скажет?

— О Господь на небесах! — взревел отец. — Тебе ведом наш вопрос! Дай же нам свой ответ! Мы, дети Твои, молим Тебя о хлебе, Отче! Не посылай нам камень!

Он вцепился в кафедру или подставку для справочников, задрожавшую под его натиском, и возвел очи к небу. Зак знал, что, когда отец устремляет взгляд ввысь, он не видит ни перекладин крыши, ни потолка. Взгляд его был нацелен в небеса, призывая спешащих ангелов убраться с пути, чтобы пробиться к Богу и потребовать Его внимания, поскольку он имел на это полное право. «Просите, и дано будет вам, — обещал Бог. — Стучите, и отворят вам!» Что ж, Хабит Морган стучал и просил, и пришло время Богу отворить и дать. Бог не мог нарушить своего слова — по крайней мере, когда на этом настаивал Хабит Морган. Но Бог особо и не торопился, — собственно, потому Зак и сидел в первом ряду вместе с матерью и тремя младшими детьми на столь шатких стульях, что те реагировали на малейшее движение. Остальные дети были еще малы, и ерзанье было им простительно. Зак же преисполнился решимости хранить непорочность, и его стул казался каменным.

Когда отец так долго смотрел в небеса, это воспринималось как некое испытание. Возможно, его в самом деле испытывал Бог, а может, отец уже получил свой ответ — скажем, накануне ночью, когда писал свою проповедь, — и испытание

исходило от него самого. Так или иначе, Зак намеревался это испытание пройти, как проходил любые испытания, которым подвергался.

Тянулись долгие минуты. Зуд прошел, но его тут же сменил новый. Взгляд отца был все так же устремлен в небеса. По шее Зака струился пот, мальчик не обращал на него внимания.

Позади него поерзал на стуле кто-то из семидесяти трех пришедших сегодня членов паствы (Зак не считал собравшихся, лишь окинул взглядом, но, как обычно, сразу же понял, сколько их), кто-то кашлянул. Именно этого момента ждал отец — или Бог.

Голос отца звучал не громче шепота, но разнесся по всему помещению:

— Как мне услышать голос Святого Духа, если меня окружает порок?

У Зака возникла мысль напомнить отцу его собственную проповедь, которую тот читал два года назад, когда Заку едва исполнилось четыре: «Думаете, Бог не может заставить свой голос быть услышанным, какой бы иной шум вас ни окружал? Если вы непорочны — вся суета этого мира есть тишина по сравнению с гласом Божьим». Но Зак знал, что, если он сейчас это процитирует, его ждет наказание розгами. Отец на самом деле

не задавал вопроса — он лишь указывал на то, что все и так знали: среди всей паствы лишь Хабит Морган по-настоящему, истинно непорочен. Именно потому к нему, и только к нему, снисходили Божьи ответы.

— Святой Ник — всего лишь маска! — взревел отец. — Святой Ник — фальшивая борода и фальшивый смех пьяных слуг бога легкомыслия! Имя ему — Дионис! Бахус! Пьянство и разврат! Алчность и страсть — вот дары, которые он влагает в души наших детей! Господи, спаси нас от Сатаны в облике Санты! Отведи глаза наших детей от его злобного хищного взгляда! Не сажай наших детей на его колени, чтобы они шептали о своих сокровенных желаниях в его каменные уши! Он — истукан идолопоклонников! Одному Богу ведомо, какой дух оживляет этих идолов, заставляя их омерзительно хохотать и кричать подобно ослам!

Отец пребывал в отличной форме. Пока он продолжал извергать из себя слова Божьи, расхаживая туда-сюда перед паствой, Зак сумел почесать зудящее место, не сводя взгляда с отцовского лица.

Тот вещал еще целый час, рассказывая истории о детях, которые поверили в Санта-Клауса, и о ро-

дителях, которые лгали своим детям про Святого Ника и учили детей, будто все истории о Рождестве — лишь миф, включая историю о младенце Христе. Он рассказывал о детях, которые стали атеистами после того, как Санта не принес им подарки, которых они больше всего желали.

— Сатана всегда *лжет*! Когда Санта вкладывает ложь в уста родителей, семя этой *лжи* западает в души их детей, а когда оно расцветает и приносит плоды, плодом этой *лжи* становится предательство. Когда вы *лжете* ради Сатаны, вы не заслуживаете доверия собственных детей! — Голос его упал до шепота. — Веселый старина Святой Николай, — прошипел он. — Наклонись ко мне. Не рассказывай ни единой душе о том, что я сейчас скажу. — Он снова взревел во всю глотку: — Да, ваши дети шепчут о своих тайных желаниях Сатане, и он отвечает на их молитвы — но не подарками, которых они ждут, и уж точно не явлением Господа Эммануила![13] Нет, он отвечает на их молитвы пеплом греха в их устах, ядом атеизма и неверия в их крови. Он изгоняет

[13] Примечания: 13

Имеется в виду ветхозаветное пророчество Исайи: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил» (Ис. 7: 14). Воплощение этого пророчества святой евангелист Матфей видит в рождении Господа Иисуса Христа (Мф. 1: 18–23).

из нее гемоглобин, заменяя его адской похотью!

И так далее, и тому подобное.

Идеально работавшие часы в голове Зака отсчитали полные сорок минут проповеди. Отец ни разу не повторился, при этом ни разу не уклонившись от единственной темы. Как говорил отец, послание Бога всегда коротко, но чтобы перевести непорочную мудрость языка Господа на бедный английский, понятный простым смертным, требуется немало слов.

Но при этом проповеди отца никогда не выходили за пределы разумного, точно укладываясь в отведенное время. Он был не из тех, кто говорит лишь ради того, чтобы слышать собственный голос. Проповедь являлась для него тяжким трудом, требовавшим достойного завершения.

После проповеди был исполнен гимн, а затем отец обратился к старому брату Верлину и сказал, что Бог видел его сегодня и очистил его душу, сделав ее достаточно непорочной для молитвы. Верлин, рыдая, поднялся на ноги и с трудом нашел слова, чтобы благословить паству, — настолько он был тронут, что его выбрали впервые после того, как старик признался на исповеди, что продал свою старую машину почти вдвое дороже, чем та на самом деле стоила, поскольку

его соблазнил покупатель, предлагая еще больше. Этот грех был в некоторой степени прощен — именно это имел в виду брат Хабит, призвав брата Верлина к молитве.

На этом все закончилось. Вскочив на ноги, Зак подбежал к отцу и, как всегда, обнял его, ибо ему казалось, что по окончании проповеди на одежде отца задержался небесный свет, и если достаточно крепко его обнять, возможно, часть света перейдет на Зака и он сможет начать становиться непорочным. Ибо небеса знали, что сейчас Зак порочен.

В такие моменты отец его любил. Отцовские руки мягко поглаживали Зака по волосам, по плечу, по спине, и в них не было ивовой розги, от которой могла бы проступить кровь на рубашке.

— Смотри-ка, сынок, — сказал отец. — К нам в Дом Господень явился чужак.

Высвободившись из объятий, Зак взглянул на дверь. Другие тоже заметили незнакомца и молча смотрели на него, ожидая, кем объявит его Хабит Морган — другом или врагом. Незнакомец был одет в форму, которой Зак никогда прежде не видел: не шериф или заместитель шерифа, не пожарный, не полицейский.

— Добро пожаловать в церковь Непорочного

Христа, — сказал отец. — Жаль, что вы не пришли на проповедь.

— Я слушал снаружи, — ответил незнакомец. — Не хотел мешать.

— В таком случае вы правильно поступили, — кивнул отец, — ибо слышали слово Божье, но внимали со смирением.

— Вы преподобный Хабит Морган? — спросил незнакомец.

— Да, это я, — ответил отец. — Но у нас нет чинов, только обращения «брат» и «сестра». «Преподобный» предполагает, будто я квалифицированный священник, работающий по найму. Но меня никто не квалифицировал, кроме Господа, ибо только Господь может излагать свое непорочное учение и только Господь может назначать своих священников. И я никем не нанят, ибо слуги Господа все равны перед Ним и должны исполнять заповедь Господа Адаму, добывая хлеб свой насущный в поте лица своего. Я обрабатываю участок земли, а еще я вожу грузовик Объединенной службы доставки.

— Прошу меня простить за неподходящий титул, — сказал незнакомец. — У меня и в мыслях не было неуважительно к вам отнестись.

Зак, однако, отличался наблюдательностью, и

ему показалось, что тот уже знал, как отнесется отец к титулу «преподобный», и употребил его преднамеренно.

Так поступать было нельзя. Это выглядело осквернением храма. Зак отбежал от отца, встав в нескольких футах перед незнакомцем.

— Если вы прямо сейчас скажете правду, — отважно заявил Зак, нисколько не боясь того, что может с ним сделать этот человек, — Бог простит вам вашу ложь, и храм снова станет непорочным.

Среди паствы пробежал вздох, но не от удивления или испуга — они полагали, что устами Зака время от времени говорит Бог, хотя сам он никогда ни о чем подобном не заявлял. Он всегда отрицал подобное, но повлиять на то, во что люди верят, никак не мог.

— О какой *лжи* речь? — весело спросил незнакомец.

— Вы все про нас знаете, — сказал Зак. — Вы изучали нашу веру. Вам все известно про отца. Вы знаете, что называть его «преподобным» — оскорбление. Вы сделали это специально, а теперь *лжете*, будто хотели проявить уважение.

— Ты прав, — все так же весело кивнул незнакомец. — Но какая, собственно, разница?

— Для вас наверняка есть разница, — ответил Зак. — Иначе вы не стали бы лгать.

Отец встал за спиной Зака, положив руку ему на голову, и мальчик понял, что сказал уже достаточно, а теперь пришла очередь отца.

— Устами младенца, — сказал отец незнакомцу. — Вы явились к нам с ложью на языке, которую сумел заметить даже ребенок. Зачем вы пришли и кто вас прислал?

— Меня прислал Международный флот, и моя задача — протестировать мальчика, чтобы решить, годен ли он к обучению в Боевой школе.

— Мы христиане, сэр, — сказал отец. — Бог защитит нас, если Ему будет угодно. Но мы не поднимем руку против нашего врага.

— Я здесь не для того, чтобы вести богословские споры, — заявил незнакомец. — Я исполняю закон. Вера родителей не является поводом для каких-либо исключений.

— Как насчет веры ребенка? — спросил отец.

— У детей нет веры, — ответил незнакомец. — Потому мы и забираем их в юном возрасте — до того, как им внушат какую бы то ни было идеологию.

— Чтобы внушить им вашу? — спросил отец.

— Именно, — кивнул незнакомец и протянул

руку Заку. — Идем со мной, Закария Морган. Проведем экзамен в доме твоих родителей.

Зак повернулся к нему спиной.

— Он не хочет проходить ваш тест, — заметил отец.

— И тем не менее, — возразил незнакомец, — он его пройдет. Так или иначе.

Паства зароптала. Представитель Международного флота окинул их взглядом.

— Задача Международного флота — защищать человечество от захватчиков-жукеров. Мы защищаем всех — даже тех, кто не хочет, чтобы их защищали, — и привлекаем лучшие умы человечества, готовя из них командиров, даже если они этого не желает. Что, если этот мальчик станет выдающимся командиром, который приведет нас к победе, казавшейся недостижимой для всех прочих? Неужели человечество должно погибнуть лишь ради того, чтобы ваша паства могла оставаться… непорочной?

— Да, — ответил отец.

— Да, да, — эхом отозвалась паства.

— Мы — хлебные дрожжи, — сказал отец. — Мы — соль, которая должна хранить свой вкус, даже если погибнет вся земля. Именно наша непорочность убедит Господа сохранить жизнь этому

нечестивому поколению, а не ваша жестокость.

— Ваша непорочность против нашей жестокости? — рассмеялся незнакомец. Внезапно выбросив вперед руку, он схватил Зака за ворот рубашки и резко дернул его к себе. Прежде чем кто-либо успел протестующе вскрикнуть, он сорвал с Зака рубашку и развернул его кругом, показывая покрытую шрамами спину, на которой краснели свежие раны — часть их даже начала кровоточить от внезапного рывка. — Как насчет вашей жестокости? Мы не поднимаем руку на детей.

— В самом деле? — спросил отец. — Жалеть розог — значит баловать ребенка. Господь поведал нам, как с малых лет поддерживать непорочность наших детей, пока они не научатся послушанию. Я бью тело моего сына, чтобы душа его научилась принимать непорочную любовь Христову. Вы же научите его ненавидеть врагов, и уже не будет иметь значения, живо или мертво его тело, ибо душа его будет осквернена и Господь выплюнет его из уст своих.

Незнакомец швырнул рубашку Зака в лицо отцу:

— Возвращайтесь домой. Мы с вашим сыном будем там, занимаясь тем, что положено по закону.

Зак вырвался из захвата незнакомца. Тот держал его крепко, но у Зака имелось немалое преимущество — его не волновала боль, он хотел лишь освободиться.

— Я никуда с вами не пойду, — заявил Зак.

Незнакомец коснулся маленького электронного устройства на поясе. Дверь тотчас же распахнулась, впустив десяток вооруженных людей.

— Я арестую твоего отца, — сказал представитель Флота. — И мать тоже. А также любого из здесь присутствующих, кто станет мне сопротивляться.

Мама вышла вперед, протолкнувшись мимо отца и еще нескольких человек.

— В таком случае вы ничего о нас не знаете, — сказала она. — Мы не собираемся вам сопротивляться. Когда римлянин требует у нас плащ, мы отдаем ему всю одежду. — Она подтолкнула к незнакомцу двух дочерей. — Испытайте их. И самую младшую тоже, если сумеете. Она еще не умеет говорить, но у вас наверняка найдутся свои методы.

— Мы вернемся за ними даже с учетом того, что две ваши младшие — незаконные дети. Но только тогда, когда они подрастут.

— Вы можете забрать тело моего сына, — про-

должала мать, — но вам никогда не забрать его душу. Учите его всему, чему пожелаете. Его душа останется непорочной. Он будет повторять ваши слова, но никогда, никогда в них не поверит. Он принадлежит Непорочному Христу, а не человечеству.

Зак стоял не шевелясь, хотя его тело готово было задрожать от страха. Столь отважно мама вела себя крайне редко — и при этом всегда рисковала. Какова будет реакция отца? Главным здесь был он, и именно его слова и действия должны были защитить семью и церковь.

2. Чулок Эндера

Питеру Виггину следовало провести день в публичной библиотеке Гринсборо, работая над курсовым проектом, но у него пропал к нему всякий интерес. Оставалось два дня до Рождества — праздника, который всегда вгонял его в депрессию.

— Не дарите мне никаких подарков, — сказал он родителям в прошлом году. — Положите деньги в доверительный фонд и отдайте их мне, когда я закончу учебу.

— Рождество стимулирует американскую экономику, — заметил отец. — И мы тоже должны в этом участвовать.

— Не твое дело, что дарят или не дарят тебе другие, — сказала мать. — Вложи свои собственные деньги и не дари ничего нам.

— Как будто такое возможно, — усмехнулся Питер.

— Нам все равно не нравятся твои подарки, — заметила Валентина, — так что можешь обойтись и без них.

— Что не так с моими подарками? — возмутился Питер. — Как будто я дарю вам использованный

пластырь или вроде того!

— Твои подарки всегда выглядят так, будто ты купил что-то по дешевке на распродаже, а потом, придя домой, решил, кого бы этим осчастливить.

Это в точности соответствовало принципу, по которому Питер приобретал подарки.

— Ну ты даешь, Валентина, — заявил он. — А кто-то верит в твою доброту.

— Может, хватит препираться? — с тоской попросила мать.

— Мир Земле и счастье всем соплячкам, — сказал Питер.

Это было в прошлом году. Но теперь вложения Питера — естественно, анонимные, поскольку он все еще был несовершеннолетним, — принесли неплохой доход, и он продал достаточно акций, чтобы заплатить за вполне приличные подарки для родных. Вряд ли кто-то мог сказать, что в этом году с ними что-то не так, хотя потратить слишком много он тоже не мог, иначе отец начал бы интересоваться, откуда у Питера деньги.

Закончив с рождественскими покупками, он понял, что писать курсовую по выбранной теме не собирается, а к работе над другой просто не готов. Больше в этом унылом городишке делать было нечего, так что ничего не оставалось, кроме

как идти домой.

Войдя в гостиную, он увидел мать плачущей — подумать только! — над рождественским чулком.

— Не беспокойся, мама, — сказал он. — Ты весь год вела себя хорошо, так что на этот раз в чулке угля не будет.

Коротко рассмеявшись, она быстро запихала чулок обратно в коробку. Только теперь Питер понял, чей он.

— Мама, — проговорил он, не в силах сдержать укоризненный тон. — Эндер вовсе не умер — он просто в Боевой школе. (Поднявшись со стула, мать направилась в кухню.) — Мама, с ним все в порядке.

Она повернулась к нему, и глаза ее яростно вспыхнули, хотя голос оставался спокойным.

— Вот как? Ты что, получил от него письмо? Или он тебе звонил? А может, администрация школы прислала тебе секретный отчет, который не предоставляется родителям?

— Нет, — ответил Питер, с трудом сдерживая досаду.

— В таком случае ты даже не знаешь, о чем говоришь, — язвительно усмехнулась мать, и ее презрительный тон еще больше раздосадовал

Питера.

— Можно подумать, оттого, что ты гладишь этот чулок и рыдаешь над ним, что-то изменится.

— До чего же ты мерзкий тип, Питер, — бросила она, проходя мимо.

Он последовал за ней в кухню.

— Могу поспорить, в Боевой школе тоже вешают рождественские чулки и кладут в них игрушечные космические корабли, которые издают крутые звуки стрельбы.

— Мусульмане и индусы, которые там учатся, уж точно по достоинству оценят рождественские чулки, — усмехнулась мать.

— В общем, мама, чем бы они ни занимались на Рождество, Эндер по нас скучать вряд ли станет.

— Может, ты бы и не стал, но это вовсе не значит, что не станет он.

Питер закатил глаза.

— Естественно, я скучал бы по вас.

Мать промолчала.

— Я вполне нормальный парень, как и Эндер. Просто ему некогда скучать и он вполне справится. Он привыкнет. Человек привыкает к чему угодно.

Медленно повернувшись, мать дотронулась до его груди, а затем подцепила пальцем за ворот

рубашки и привлекла к себе.

— К потере ребенка невозможно привыкнуть, — прошептала она.

— Он же не умер, — возразил Питер.

— Все равно что умер, — сказала мать. — Я никогда больше не увижу того мальчика, который покинул этот дом. Я никогда не увижу его ни семилетним, ни девятилетним, ни одиннадцатилетним. Я не буду помнить его в этом возрасте — он останется лишь в моем воображении. Все будет точно так же, как и у родителей умерших детей. Так что пока ты, Питер, хоть чуть-чуть не научишься разбираться в простейших вещах — к примеру, в человеческих чувствах, — может, тебе лучше просто заткнуться?

— И тебе счастливого Рождества, — ответил Питер и вышел.

Его собственная комната показалась ему странно чужой и пустой. В ней не было ничего, что как-то отражало бы его личность. То было сознательное решение с его стороны — любое проявление индивидуальности дало бы преимущество Валентине в их бесконечной дуэли. Но сейчас, когда в его ушах все еще звучали материнские обвинения в бесчувственности, спальня казалась ему настолько стерильной, что он воз-

ненавидел того, кто предпочел в ней жить.

Вернувшись в гостиную, он полез в коробку с рождественскими чулками и извлек всю кучу. Мать вышила на каждом чулке их имена и символические картинки. На его собственном чулке был изображен космический корабль, а на чулке Эндера — паровоз. Ирония судьбы: придурок Эндер оказался в космосе, а он, Питер, застрял на Земле с ее паровозами.

Сунув руку в чулок Эндера, Питер заговорил, изображая куклу-перчатку:

— Я самый любимый у мамочки, и я был очень, очень хорошим!

В чулке что-то болталось. Засунув руку глубже, Питер вытащил пятидолларовую монету — никель, как ее называли, хотя эта стоила в десять раз дороже той, давно вышедшей из употребления, монетки.

— Что, подворовываешь из чужих чулков? — спросила мать, стоя в дверях.

Питер смутился, будто его в самом деле застали за преступлением.

— Чулок показался тяжелым, — ответил он. — Я просто посмотрел, что там.

— Что бы там ни было, оно все равно не твое, — весело бросила мать.

— Я и не собирался его себе оставлять, — сказал Питер. Хотя, естественно, он именно так бы и поступил, предполагая, что о монетке просто забыли и никто ее не хватится. Но именно над этим чулком рыдала мама. И она точно знала, что там лежал никель. — Ты что, все так же каждый год что-то кладешь в его чулок? — недоверчиво спросил он.

— Чулки наполнял Санта, — ответила мать. — Я тут ни при чем.

Больше всего пугало то, что в ее голосе не слышалось ни малейшей иронии. Кто знает, может, она и впрямь в это верила?

— Ох, мама… — покачал головой Питер.

— Тебя это никак не касается, — сказала она. — Не лезь не в свое дело.

— Но это же ненормально, — заявил Питер. — Оплакивать своего маленького героя, как будто он умер. С ним все в порядке. Он не собирается умирать, он в самой стерильной и охраняемой школе во всей вселенной, а когда он победит в войне, то вернется домой, его радостно встретят парадом с конфетти, и он крепко тебя обнимет.

— Положи пять долларов обратно, — велела мать.

— Положу.

— При мне.

Невероятно.

— Ты что, мне не доверяешь, мама? — спросил Питер с деланой обидой, пытаясь скрыть, что оскорблен по-настоящему.

— В том, что касается Эндера, — нет, — ответила мать. — Или меня, если уж на то пошло. Монета принадлежит Эндеру. На ней не должно оставаться ничьих отпечатков пальцев, кроме его собственных.

— И Санты, — добавил Питер.

— И Санты.

Он бросил монетку обратно в чулок.

— А теперь убери его.

— Ты хоть понимаешь, что меня все больше и больше подмывает его сжечь? — спросил Питер.

— И ты еще удивляешься, почему я тебе не доверяю?

— А ты еще удивляешься, почему я такой недружелюбный и почему мне нельзя доверять?

— Тебе хоть немного не становится тревожно при мысли, что я вынуждена ждать, пока ты уйдешь из дома, прежде чем смогу позволить себе потосковать по моему малышу?

— Можешь делать что хочешь, мама, и когда захочешь. Ты взрослая. У взрослых все деньги, и

они полностью свободны.

— Ты и впрямь самый глупый умник в мире, — заметила мать.

— Еще раз, просто для справки, назови причины, по которым я должен чувствовать себя любимым и уважаемым в собственной семье.

— Я же только по-хорошему. Любя.

— Кто бы сомневался, мама.

Убрав чулок обратно в коробку, Питер начал вставать со стула, но мать, подойдя ближе, усадила его обратно, вновь достала чулок Эндера и сунула внутрь руку.

Питер вынул монету из кармана рубашки и протянул ей.

— Стоило попробовать, как думаешь?

— Ты все еще настолько завидуешь младшему брату, что домогаешься всего, что ему принадлежит?

— Это всего лишь пятак, — ответил Питер, — и Эндер все равно его не потратит. Я вложу его в дело, и пусть идут проценты, пока Эндер не вернется — лет через шесть-восемь, или когда там.

Наклонившись, мать поцеловала его в лоб.

— Одному Богу ведомо, почему я все равно тебя люблю.

Бросив монету в чулок, она положила его в

коробку, шлепнула Питера по руке и вышла из комнаты.

Руку жгло от шлепка, но больше всего жгло там, где губы матери коснулись его лба.

3. Дьявольские вопросы

Зак сел вместе с незнакомцем в машину на воздушной подушке. Один из солдат занял место за рулем, остальные погрузились в машину побольше, выглядевшую довольно-таки опасно.

— Я капитан Брайдеган, — представился незнакомец.

— Мне все равно, как вас звать, — ответил Зак.

Капитан Брайдеган промолчал. Зак тоже.

Когда они подъехали к дому Зака, дверь была распахнута настежь. Внутри ждала женщина, перед которой на кухонном столе были разложены бумаги, а также груда деревянных кубиков и прочие принадлежности, включая небольшое устройство. Вероятно, заметив взгляд Зака, она дотронулась до устройства и объяснила:

— Это диктофон. Чтобы другие могли потом услышать нашу беседу и оценить ее.

«Порабощенная молния», — подумал Зак. Еще одно орудие Сатаны, с помощью которого тот ловит в свои сети людские души.

— Меня зовут Агнес О'Тул, — сказала женщина.

— Ему все равно, — заметил Брайдеган.

Зак протянул руку:

— Рад познакомиться, Агнес О'Тул.

Неужели этот Брайдеган не понимал, что все мужчины обязаны проявлять к женщинам доброту и вежливость, ибо предназначение женщин — сойти в долину теней, чтобы принести в мир новые души, которые обретут непорочность и смогут служить Господу? До чего же прискорбное невежество!

— Подожду здесь, — сказал Брайдеган. — Если, конечно, Зак не против.

Похоже, он ждал ответа.

— Мне все равно. — Зак даже не взглянул на него. Этот человек уже доказал, что способен на насилие, а значит, был безнадежно порочен. Он не имел никакого авторитета в глазах Бога, но тем не менее хватал Зака за плечи, будто имел на то право. Лишь отец считал своим долгом совершать над Заком обряд очищения, никто другой не смел до него дотрагиваться.

— Отец его бьет, — сказал Брайдеган и вышел.

Агнес посмотрела на мальчика, слегка подняв брови, но Зак не счел нужным что-либо объяснять. Они наверняка знали о наказании порочной плоти еще до того, как пришли сюда, — с чего бы иначе Брайдеган сорвал с него рубашку

и показал отметины от розог? Брайдеган и Агнес явно хотели как-то воспользоваться его шрамами — словно считали, будто Зак нуждается в утешении и защите.

От отца? От орудия, которое избрал Господь, чтобы воспитать из Зака мужчину? С тем же успехом человек мог поднять свою ничтожную руку на Господа, пытаясь помешать ему править миром.

Агнес начала тест. Когда она спрашивала о том, что Зак знал, он отвечал прямо, как велел ему отец. Однако половина вопросов касалась совершенно неизвестных ему вещей. Возможно, про них показывали по видео, которое Зак ни разу в жизни не смотрел, а может, про них говорилось в сети, о которой Зак знал лишь, что это мерзкая паутина из молний, брошенная под ноги глупым душам, чтобы захватить их и утащить в ад.

Агнес разложила кубики, а потом велела отвечать на вопросы о них. Зак сразу же понял, в чем смысл теста. Протянув руку, он забрал у нее кубики, а потом сложил их, изобразив каждый из нарисованных в двух измерениях на бумаге примеров — кроме одного.

— Из этих кубиков его не собрать, — сказал он.

Она убрала кубики. Следующий тест называл-

ся «Диагностика мировоззрения: вариант для христианских фундаменталистов». Поскольку она сразу же прикрыла заглавие, стало ясно, что Заку не положено знать, на предмет чего его тестируют.

Сперва были вопросы о сотворении мира, Адаме и Еве. Зак прервал ее, процитировав отца:

— Книга Бытия представляет собой лучшее, что смог создать Моисей, объясняя эволюцию тем, кто даже не знал, что Земля круглая.

— Ты веришь в эволюцию? Тогда как насчет того, что Адам был первым человеком?

— Имя Адам означает «многие», — сказал Зак. — В том стаде приматов было много самцов, когда Господь выбрал одного из них и, коснувшись его Святым Духом, вложил в него человеческую душу. Именно Адам первым обрел язык и дал имена другим приматам, которые выглядели как он, но не были людьми, ибо Господь не наделил их человеческими душами. В Писании говорится: «И нарек Адам имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для Адама не нашлось помощника, подобного ему». На самом же деле Моисей писал намного проще: «Адам дал имена всем зверям, не созданным по образу и подобию Божьему. Никто из них не мог

с ним говорить, и ему было крайне одиноко».

— Ты знаешь, что изначально написал Бог? — спросила Агнес.

— Вы думаете, будто мы фундаменталисты, — ответил Зак. — Но это не так. Мы пуритане. Мы знаем, что Господь может научить нас лишь тому, что мы готовы понять. Библия написана людьми старых времен, и в ней содержится лишь то, что им было доступно. Наши научные познания намного больше, так что Господь может больше объяснить и рассказать. Вряд ли Он смог бы стать нам любящим отцом, если бы рассказывал лишь то, что могли понять люди во времена младенчества нашего вида.

Агнес откинулась на спинку стула.

— Тогда почему твой отец называет электричество молнией?

— Разве это не одно и то же? — с едва скрываемым презрением спросил Зак.

— Да, конечно, но…

— Отец называет его молнией, чтобы подчеркнуть, насколько оно опасно и насколько эфемерно, — сказал Зак. — Ваше слово «электричество» — ложь, чтобы убедить вас, что, поскольку оно течет по проводам и меняет состояние полупроводников, молния укрощена и

больше не представляет опасности. Но Господь говорит, что именно в ваших машинах молния опаснее всего, ибо молния, которая ударяет с неба, может лишь повредить твоему телу, в то время как молния, которая укротила тебя и обучила посредством машин, может похитить твою душу.

— Значит, Бог говорит с твоим отцом? — спросила Агнес.

— Так же, как он говорит со всеми, кто достаточно непорочен, чтобы услышать его голос.

— А с тобой Бог когда-нибудь говорил?

— Я пока не непорочен, — покачал головой Зак.

— И именно потому отец тебя бьет?

— Мой отец — орудие Господа для очищения Его детей.

— И ты веришь, что твой отец всегда исполняет Божью волю?

— Мой отец — самый непорочный человек на Земле.

— Однако ты не настолько ему доверяешь, чтобы рассказать о своей идеальной памяти.

Слова Агнес обрушились на него подобно удару. Она была полностью права. Послушавшись мать, Зак никогда не позволял, чтобы отец узнал о его сверхъестественной способности. Но по-

чему? Не потому, что Зак боялся, но потому, что боялась мама. Он воспринял ее неверие как свое собственное, и теперь отец не мог сделать его непорочным, ведь все эти годы Зак его обманывал. Он поднялся на ноги.

— Куда ты? — спросила Агнес.

— К отцу.

— Чтобы поведать о своей феноменальной памяти? — весело сказала она.

Зак не видел никакого повода ей отвечать, так что просто промолчал.

Брайдеган ждал в соседней комнате, закрыв собой дверь.

— Нет, сэр, — объявил он. — Никуда ты не пойдешь.

Вернувшись в кухню, Зак снова сел за стол.

— Вы ведь заберете меня в космос? — спросил он.

— Да, Зак, — ответила Агнес. — Ты один из лучших, кого мы когда-либо тестировали.

— Я полечу с вами. Но сражаться для вас никогда не стану, — сказал Зак. — Так что зря потеряете время.

— Никогда — это очень долго, — заметила она.

— Думаете, если вы увезете меня далеко от Земли, я забуду о Боге?

— Не забудешь, — покачала головой Агнес. — Но, возможно, изменишь свое мировоззрение.

— Вы что, не понимаете, насколько я опасен? — спросил Зак.

— Собственно, на это мы и рассчитываем, — ответила она.

— Опасен не как солдат, — сказал Зак. — Если я полечу с вами, я стану опасен как учитель. Я помогу другим детям в вашей Боевой школе понять, что Бог не хочет, чтобы они убивали своих врагов.

— Ну, насчет того, что ты обратишь в свою веру других, мы особо не беспокоимся, — заметила Агнес.

— А стоило бы, — бросил Зак. — Слово Божье несет спасение души, и ни одна сила на земле или в аду не может ему противостоять.

— Может, я бы и беспокоилась, — сказала она. — Если бы ты был непорочен. Но это не так. Какой властью ты обладаешь, чтобы обращать других? — Собрав брошюры с тестами, она сунула их в портфель вместе с кубиками и диктофоном. — У меня все записано, — громко, чтобы слышал Брайдеган, сообщила она. — Он сказал: «Я полечу с вами».

Брайдеган вошел в кухню.

— Добро пожаловать в Боевую школу, солдат.

Зак не ответил — его все еще била дрожь от слов Агнес. «Как я могу обратить кого-то в свою веру, если я сам все еще порочен?»

— Мне нужно поговорить с отцом, — наконец сказал он.

— Даже не думай, — заявила Агнес. — Нам нужен порочный Закария Морган, а не святой, исповедовавшийся во всем отцу. К тому же у нас нет времени ждать, пока заживут новые раны от розог.

— Если этот мерзавец еще раз поднимет на мальчика руку, — хрипло рассмеялся Брайдеган, — я ему ее отстрелю.

Зак яростно развернулся к нему:

— Тогда кем станете вы сами?

Брайдеган продолжал смеяться:

— Тем, кем всегда был, — солдатом. Тем, у которого война в крови. Моя работа — защищать беспомощных от жестоких. Именно этим мы занимаемся, сражаясь с жукерами, и именно так бы я поступил, отстрелив твоему папаше руки по локоть.

В ответ Зак процитировал Книгу пророка Даниила:

— Доколе камень не оторвался от горы без со-

действия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их[14].

— Без содействия рук. Отличный трюк, — усмехнулся Брайдеган.

— А камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю[15], — продолжал Зак.

— Он знает наизусть всю Библию короля Якова[16], — сказала Агнес.

— И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно[17], — цитировал дальше Зак.

— В Боевой школе его точно полюбят, — заметил Брайдеган.

В итоге Зак провел ближайшее Рождество в космосе, на пути к станции, где размещалась Боевая школа. Он ни разу не стал поводом для бес-

---

[14] Примечания: 14
Дан. 2: 34.

[15] Примечания: 15
Дан. 2: 35.

[16] Примечания: 16
Перевод Библии на английский язык. Выполнен в 1611 году, официальное Писание многих протестантских общин, в том числе пуритан.

[17] Примечания: 17
Дан. 2: 44.

покойства, послушно исполняя любые приказы. Когда его группа впервые отправилась в Боевой зал, Зак учился летать, как и все остальные. Он даже направлял свое оружие в назначенные ему мишени.

Сперва никто не замечал, что Зак на самом деле ни в кого не попадает. В любом сражении его результат оказывался нулевым. По статистике, он оказался худшим солдатом в истории школы. Напрасно преподаватели объясняли ему, что это всего лишь игра.

— Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать[18], — цитировал в ответ Зак. — Я не стану оскорблять Господа, учась войне.

Они могли забрать его в космос, могли принудить носить форму, могли силой загнать его в Боевой зал. Но никто не мог заставить его стрелять.

Прошло много месяцев. Его так и не отправили домой, но, по крайней мере, оставили в покое. Он принадлежал армии, тренировался вместе со всеми, но в каждом боевом отчете говорилось о его нулевой эффективности. И Зак гордился этим,

---

[18] Примечания: 18
Ис. 2: 4.

как никакой другой солдат в школе.

4. Канун Синтерклааса

Динк Миекер наблюдал, как в дверь казармы Армии Крыс входит Эндер Вигтин. Как обычно, у входа болтался Розен, который сразу же завел свою шарманку: «Я Носатый Рози, еврейский гений», купаясь в лучах военной славы Израиля, хотя никаким израильтянином он не был, да и особо выдающимся командиром тоже.

Впрочем, и не особо плохим — все-таки Армия Крыс занимала в общем зачете второе место. Но насколько велика была в том заслуга Розена и насколько — того, что Розен во всем полагался на взвод Динка, который тот тренировал?

Динк был лучшим командиром, и он это знал — командование Армией Крыс предлагали ему, и оно досталось Розену лишь потому, что Динк отказался от повышения. Никто, естественно, об этом не догадывался, кроме самого Динка, полковника Граффа и, возможно, кого-то из преподавателей. Распространяться не имело никакого смысла — это лишь ослабило бы позиции Розена, а сам Динк выставил себя хвастуном или дураком в зависимости от того, поверили бы ему или нет. Так что он просто промолчал. Раз уж Ро-

зен за это взялся, пусть дальше и расхлебывает.

— Это и есть великий Эндер Виггин? — спросил Флип. Полностью его звали Филиппус, как и Динк, он был голландцем. Флип был еще совсем юн и пока не совершил ничего впечатляющего, так что его слегка уязвляло, что Эндер Виггин, едва попав в Боевой зал, почти мгновенно взлетел на самый верх личного рейтинга.

— Я же тебе говорил, — ответил Динк. — Он самый лучший, потому что его командир не позволял ему стрелять из своего оружия. Так что когда он в конце концов все же открыл огонь — надо сказать, нарушив приказ командира, — его результат стал просто выдающимся. Ему просто повезло в том, как тут ведется статистика.

— Фуфло, — заявил Флип. — Если Эндер — просто большая пустышка, с чего ты из сил выбивался, чтобы заполучить его к себе?

Кто-то, похоже, подслушал, как Динк просил Розена назначить Эндера к нему во взвод, и об этом стало известно всем.

— Потому что мне был нужен кто-нибудь поменьше тебя, — ответил Динк.

— И ты за ним следил. Я видел. Точно следил.

Порой легко было забыть, что здесь каждый из ребят умен и наблюдателен, отличается ясной

памятью и острым аналитическим умом — даже те, кто пока слишком робок, чтобы совершить что-либо выдающееся. Не самое подходящее место, чтобы пытаться что-то утаить.

— Я же тебе говорил, — сказал Динк. — Мне кажется, в нем что-то есть.

— И что в нем такого, чего нет во мне?

— Например, он владеет английской грамматикой.

— Да он разговаривает как все, — возразил Флип.

— Вы просто бараны, — ответил Динк. — Пойду-ка я отсюда.

Протолкнувшись мимо Розена и Эндера, Динк вышел. Ему не хотелось с ходу заводить разговор с Эндером — этот гений, скорее всего, помнил их первую встречу в душевой, сразу после того, как Эндер надел форму Армии Саламандр в свой первый игровой день. Динк заметил, насколько тот маленького роста, и сказал что-то вроде: «Он настолько мелкий, что меж ног у меня пройдет, не задев яиц». На самом деле это ничего не значило. К тому же кто-то из его друзей тут же ответил: «Все потому, что у тебя их нет», так что вряд ли Динк заработал хоть сколько-то очков.

Но все равно говорить так было глупо. Впро-

чем, ладно — почему бы и не подшутить над новичком?

Вот только новичком этим был Эндер Виггин, и теперь Динк понимал, что этот парнишка — важная персона и заслуживает лучшего к себе отношения. Динк жалел, что не знал тогда, кто такой Эндер Виггин, и повел себя как идиот, отпустив дурацкую шутку по поводу его маленького роста. Эндер был мал не только ростом, но и по возрасту — нужно было иметь незаурядный ум, чтобы тебя взяли в Боевую школу на год раньше остальных. А потом он получил повышение, попав в Армию Саламандр, пока все остальные из его группы еще проходили базовый курс. Какой идиот стал бы насмехаться над мальчишкой за то, что тот умнее других?

«Ладно, хрен с ним, — подумал Динк. — Какая разница, что обо мне думает Виггин? Моя задача — обучать его. Помочь наверстать все те недели, которые он потратил впустую в дурацкой Армии Саламандр под началом Бонзо Мадрида, и стать тем, кем он должен стать».

Не то чтобы Виггин и в самом деле тратил время впустую — в свободное время он проводил тренировочные занятия для новичков и прочих отвергнутых, посмотреть на которые не раз при-

ходил Динк. Виггин постоянно привносил что-то новое, чего он никогда не видел и что Динк собирался использовать в своем взводе, дав Виггину шанс увидеть, как его идеи воплощаются в жизнь в Боевом зале.

«Я не Бонзо, — думал Динк. — Я не Розен. Я не боюсь иметь под своим началом солдата, который лучше, умнее, изобретательнее меня. Я учусь у каждого и помогаю каждому. Для меня это единственная возможность проявить свой бунтарский дух — нас выбрали за наше тщеславие, нас подталкивают к тому, чтобы мы соперничали друг с другом. Но я не соперничаю. Я сотрудничаю».

Динк сидел в игровом зале, наблюдая за другими курсантами (во всех играх он уже оказался победителем, так что доказывать ему было нечего), когда его нашел Виггин. Если он и помнил тупую шутку Динка насчет своего роста, то не подал виду. Динк объяснил ему, каким распоряжениям и приказам Розена следует подчиняться, а каким не обязательно, и сразу дал Виггину понять, что не станет бороться с ним за власть — он намеревался с ходу бросить Эндера в бой, дав ему шанс учиться и расти дальше.

Виггин прекрасно понял Динка и с удовлетво-

ренным видом ушел.

«Таков мой вклад в выживание человечества, — подумал Динк. — Я не из того теста, из которого сделаны выдающиеся полководцы. Но я с первого взгляда узнаю такого командира и могу помочь подготовиться к будущему, которое его ждет. Этого мне вполне достаточно. Даже в этой дурацкой бестолковой школе я могу добиться чего-то, что в самом деле поможет нам победить в войне. Чего-то реального».

Реального, а не всех этих дурацких фантазий. Боевая школа! На самом деле суть ее составляли детские игры, однако взрослые выстраивали их таким образом, чтобы манипулировать детьми. Но какое отношение это имело к настоящей войне? Ты пробивался наверх в общем зачете, побеждал всех остальных — и что потом? Ты убил хоть одного жукера? Спас хоть одну человеческую жизнь? Нет. Ты просто переходил в очередную школу и начинал все с нуля. Есть хоть одно доказательство, что Боевая школа чего-то добилась?

Да, выпускники в итоге заняли важные посты во флоте. Но, с другой стороны, в Боевую школу попадают только самые умные, так что они уже годятся в командиры. Есть хоть одно доказательство, что Боевая школа на что-то влияет?

«Я мог бы сейчас быть дома в Голландии и гулять по берегу Северного моря, — размышлял Динк. — Смотреть, как бьются о берег волны, пытаясь смыть и захлестнуть дамбы и острова, покрыв сушу океаном, как было когда-то, пока люди не начали свой дурацкий эксперимент по изменению природы».

Динк вспомнил, как читал еще на Земле, когда мог читать все, что захочется, будто Великая Китайская стена — единственное творение человечества, видимое из космоса. На самом деле это была неправда — по крайней мере, с геостационарной орбиты или выше. Стена даже не отбрасывала достаточной тени, которую можно было бы увидеть.

Нет, творением человечества, которое можно увидеть из космоса и которое появлялось на многих фотографиях, не вызывая никаких комментариев, была Голландия. На ее месте могло не быть ничего, кроме барьерных островов, окруженных широкими морскими проливами. Но поскольку голландцы построили дамбы, откачали морскую воду и очистили сушу, теперь это была покрытая пышной зеленью земля — видимая из космоса.

Но творением человечества ее никто не считал.

Это была просто земля, где росли растения, паслись молочные коровы, стояли дома и тянулись дороги, как и на любой другой земле. «И тем не менее ее создали мы, — подумал Динк. — Мы, голландцы. А когда поднялся уровень моря, мы возвели еще более высокие дамбы, сделали их толще и прочнее, но ни у кого даже не возникло мысли: «Посмотрите на голландцев, они создали величайшее человеческое творение на Земле и продолжают его создавать тысячу лет спустя!» Я мог бы сейчас быть дома в Голландии, пока в самом деле не понадобился для чего-то реального — столь же реального, как и земля за дамбами».

Свободное время закончилось, и Динк отправился на тренировку. Потом он поужинал вместе с остальной Армией Крыс, привычно пошутив о том, что их еда ничем не лучше крысиного корма. Динк заметил, что Виггину эта забава, похоже, понравилась, но принимать участия в ней он не стал, держась в стороне и наблюдая за остальными.

«Похоже, у нас есть еще кое-что общее, — подумал Динк. Еще кое-что? С чего ему вообще пришла в голову такая мысль? Что у них было общего в первую очередь? — Ну да, я же почти забыл. Мы тут самые умные. — Он презрительно усмехнулся

себе под нос. — Верно, я ни с кем не соперничаю. Я знаю, что я не самый лучший — но, даже не раздумывая, считаю себя вторым после самого лучшего. Ну и ну».

Отправившись в библиотеку, Динк немного позанимался. Он надеялся, что заглянет Петра, но она так и не появилась, и вместо разговора с ней — единственной, кто разделял его презрительное отношение к системе как таковой, — Динк закончил домашнее задание по истории, что пошло ему только на пользу.

В казарму он вернулся чуть раньше обычного. Можно было лечь спать или поиграть во что-нибудь на компе, а может, у кого-то будет настроение с ним поболтать. Никаких особых планов — ему, в общем-то, было все равно.

Флип тоже уже вернулся и раздевался перед сном. Но вместо того, чтобы убрать ботинки в шкафчик вместе с остальной формой, боевым костюмом и прочим имуществом, разрешенным в Боевой школе, он поставил ботинки на пол в ногах койки носками наружу.

Что-то в этом было знакомое.

Взглянув на Динка, Флип слабо улыбнулся и закатил глаза, затем забрался на койку и начал читать что-то на своем компе — вероятно, домаш-

нее задание, поскольку он то и дело проводил пальцем по экрану, выделяя текст.

Ботинки. Сегодня было пятое декабря — канун Синтерклааса. И Флип, будучи голландцем, естественно, выставил свою обувь.

Сегодня со своей родины в Испании должен был явиться Синтерклаас — Синт-Николаас, святой покровитель детей — вместе с Черным Питером, что нес его мешок с подарками, вслушиваясь в трубы домов по всей Голландии и выясняя, насколько хорошо ведут себя дети. Если дети вели себя хорошо, он стучал в дверь, а когда ему открывали, швырял в дом конфеты. Дети бросались к двери и находили подарки, оставленные в корзинках или в выставленной к порогу обуви.

И Флип тоже выставил свою обувь в канун Синтерклааса.

Отчего-то глаза Динка вдруг наполнились слезами. Глупо. Да, он тосковал по отцовскому дому у прибрежной полосы, но Синтерклаас — это для малышей, а вовсе не для таких, как он.

Не для ученика Боевой школы.

«Но ведь Боевая школа ничего не значит? — подумал он. — Я сейчас мог бы быть дома. А если бы я был дома, я помогал бы устраивать день Синтерклааса для младших братьев и сестер — если

бы они у меня были».

Повинуясь внезапному порыву, Динк взял свой комп и начал писать:

Чьи ботинки тут напрасно
Ждут подарка Синтерклааса?
Кто там в воздухе повис
И застрял – ни вверх, ни вниз?
Знать, подарка потому
Не положено ему.
Кто же этот странный тип?
Ну конечно, это Флип!

Стишок получился так себе, но сама идея стишков на день Синтерклааса заключалась в том, что они позволяли подшутить над их получателем, нисколько его при этом не обидев. Чем корявее был стишок, тем больше он забавлял дарителя, а не того, кому адресовался. Над Флипом до сих пор насмехались из-за того, что, когда его впервые определили в Армию Крыс, он пару раз не сумел оттолкнуться от стены Боевого зала и в итоге завис посреди него, словно перышко, став идеальной мишенью для противника.

Стишок можно было бы написать по-голландски, но это был умирающий язык, и Динк

сомневался, что достаточно хорошо им владеет для этого. К тому же он не был уверен, что Флип сумеет прочесть стишок, хотя никаких необычных слов в нем не было. Нидерланды попросту оказались чересчур близко к Британии. Би-би-си сделала голландцев двуязычными, а Европейский союз — по большей части англоговорящими.

Закончив стишок, Динк задумался, как вывести его на бумагу. Что ж, ночь только начиналась. Поставив файл в очередь на печать, он поднялся с койки и отправился в путешествие по коридорам с компом под мышкой. Он собирался распечатать стишок до того, как закроют комнату с принтерами, а затем поискать что-нибудь, что могло бы сгодиться в качестве подарка.

Подарка он так и не нашел, зато добавил к стишку две строчки:

Может, Пит подарок все же
Утром на поднос положит.

Нельзя сказать, чтобы ребятам в Боевой школе было многое доступно. Единственными их развлечениями оставались игры на компах или автоматы в игровой комнате, а единственным спортом — тренировки в Боевом зале. Компы и

форма — что еще им требовалось?

«Та самая бумажка, — подумал Динк. — Вот что он получит утром».

В казарме было темно, и большинство ребят уже спали, хотя некоторые еще работали на компах или играли в какую-нибудь дурацкую игру. Неужели они не понимают, что преподаватели подвергают их психологическому анализу на основе игр, в которые они играют? Возможно, им просто было все равно. Динку тоже порой бывало все равно, и он тоже играл. Но не сегодня — сегодня он всерьез злился, сам не понимая отчего.

Хотя на самом деле понимал. Флип получит что-то от Синтерклааса, а он, Динк, — нет, хотя вполне этого заслужил. Отец наверняка постарался бы, чтобы Динку досталось что-нибудь из мешка Черного Пита. Динк обшарил бы утром весь дом, пока не нашел подарок в каком-нибудь хитроумном укрытии.

«Я скучаю по дому, только и всего, — подумал он. Разве не это говорил ему глупый куратор? Мол, ты скучаешь по дому, нужно это пережить. Другим же это удается. — Но на самом деле им не удается, просто они скрывают это. Друг от друга и от самих себя».

Самое удивительное, что Флип сегодня этого

не скрывал.

Филиппус уже спал. Сложив листок, Динк сунул его в ботинок.

Глупый жадный мальчишка зачем-то выставил оба.

Но, конечно, дело было вовсе не в этом. Если бы он выставил только один ботинок, его намерения сразу стали бы ясны. Кто-нибудь мог догадаться, и тогда Флипа подвергли бы безжалостному осмеянию за то, что он скучает по дому, как какой-то маменькин сыночек. Так что… лучше уж оба ботинка. Всегда есть возможность заявить — мол, никакой день Синтерклааса тут ни при чем, я просто поставил обувь.

Забравшись в свою койку, Динк какое-то время лежал, не в силах унять глубокую, безотчетную тоску. Дело было даже не в тоске по дому — он вдруг понял, что перестал быть ребенком. Теперь он тот, кто помогает Синтерклаасу в его работе. Естественно, святой старик не мог добраться из Испании до Боевой школы на своем корабле. Кто-то должен был ему помочь.

Динк чувствовал себя взрослым. И понимал, что ребенком никогда больше не будет.

5. День Синтерклааса

Зак видел ботинки Флипа и видел, как Динк в темноте положил что-то в один из них, пока большинство ребят спали. Но для него это ничего не означало — просто двое мальчишек-голландцев занимались какими-то странными делами.

Зак не был во взводе Динка. Собственно, он вообще не был ни в каком взводе — его никто не хотел брать. А если бы и захотел — Зак все равно не участвовал в Игре, так что удивительно, как Армия Крыс занимала второе место и одерживала победы, имея в своем составе на одного активного солдата меньше, чем остальные.

Сперва Розен угрожал ему и пытался лишить всех привилегий, даже еды, но Зак попросту его игнорировал, так же как игнорировал других ребят, толкавших и задиравших его в коридорах. Какое ему до этого дело? Их жестокость, пусть и умеренная, свидетельствовала о порочности душ, ибо насилие им нравилось.

Бытие, глава шестая, стих тринадцатый: «И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот я истреблю их с земли».

Неужели они не понимали, что именно жестокость человечества вынудила Бога наслать жукеров, чтобы те атаковали Землю? Зак понял это сразу, как только его заставили смотреть видео про выжженный дотла Китай. Кем могли быть жукеры, если не ангелами-разрушителями? Сперва потоп, теперь огонь — как и предсказывало пророчество.

В ответ следовало отречься от насилия и проявить миролюбие, отвергнув войну. Но вместо этого люди принесли в жертву идолу войны собственных детей, забрав их из семей и швырнув прямо в раскаленные железные объятия Молоха, где их учили всецело отдаваться насилию.

«Так что задирайте меня как хотите, — думал Зак. — Это лишь сделает меня чище, а вас еще больше осквернит».

Никого, однако, Зак особо не интересовал. На него просто не обращали внимания, причем не слишком подчеркнуто — если он о чем-то спрашивал, ему отвечали. Может, с презрением, но какое ему было дело до этого? Презрение — всего лишь жалость, смешанная с ненавистью, а ненависть — гордыня, смешанная со страхом. Его боялись, поскольку он был не таким, как все, и ненавидели, так что их жалость — те крохи

благочестия, что в них еще оставались, — превратилась в презрение. Добродетель, осквернённая гордыней.

К утру он уже позабыл о ботинках Флипа и бумажке, которую Динк ночью положил в один из них. Но потом он увидел, как Динк отходит от раздачи с полным подносом и направляется к Флипу, протягивая поднос ему.

Флип улыбнулся, а потом рассмеялся и закатил глаза.

И тогда Зак снова вспомнил про ботинки. Подойдя ближе, он взглянул на поднос.

Сегодня на завтрак давали блинчики, и на верхнем была вырезана большая буква «Ф». Вероятно, для двоих голландцев это имело какой-то смысл, хотя от Зака он полностью ускользал. С другой стороны, от него ускользало не так уж мало. Отец держал сына взаперти от внешнего мира, и Зак не знал многого, что знало большинство его сверстников. Зак гордился своим невежеством, ибо оно было знаком его непорочности.

На этот раз ему, однако, показалось, что тут что-то не так — будто буква «Ф» на блинчике свидетельствовала о некоем заговоре. Что она могла значить? Какое-нибудь неприличное слово на общем? Нет, это было бы слишком просто, к

тому же смех их был вовсе не злобным, а скорее… грустным.

Грустный смех. Понять его причину было нелегко, но Зак знал, что не ошибся. Буква «Ф», может, и выглядела забавно, но из-за нее им стало грустно.

— Что это за «Ф», которое Динк вырезал на блинчике Флипа? — спросил он какого-то другого мальчика.

— Они же голландцы, — пожал тот плечами, как будто это могло объяснить любые их странности.

Сразу же после завтрака Зак ввел в свой комп эту единственную информацию — которая, естественно, была ему известна и так. Сперва он поискал «Нидерланды Ф», но ничего осмысленного не получил. Он попробовал еще несколько комбинаций, но именно сочетание «голландия ботинки» привело его ко дню Синтерклааса, шестому декабря, и всем связанным с ним обычаям.

Вместо того чтобы идти в класс, он пошел к аккуратно застеленной койке Флипа и начал в ней рыться, пока не отыскал под матрасом стишок Динка. Запомнив его, Зак положил листок обратно и снова застелил койку — вряд ли стоило подвергать Флипа риску получить взыскание,

которого тот не заслуживал. Затем он направился в кабинет полковника Граффа.

— Не помню, чтобы я тебя вызывал, — сказал полковник Графф.

— Вы и не вызывали, — ответил Зак.

— Если у тебя какие-то проблемы — иди с этим к своему куратору. Кого тебе назначили?

Зак сразу же понял, что дело вовсе не в том, что Графф не помнит имени куратора — он попросту понятия не имел, кто такой Зак.

— Я Зак Морган, — сказал он. — Сторонний наблюдатель в Армии Крыс.

— Ах вот как, — кивнул Графф. — Значит, это ты. Не передумал насчет своего обета ненасилия?

— Нет, сэр, — ответил Зак. — Я пришел кое о чем спросить.

— А больше тебе спросить некого?

— Все остальные заняты, — сказал Зак и тут же об этом пожалел, поскольку, естественно, спрашивать других он даже не пытался и целью его было лишь уязвить чувства Граффа, намекнув, что от того нет никакой пользы и ему все равно нечего делать. — Извините, не прав. Прошу прощения.

— Так какой у тебя вопрос? — раздраженно бросил Графф, глядя в сторону.

— Когда вы говорили мне, что о ненасилии следует забыть, вы сказали, что я руководствуюсь религиозными мотивами, а в Боевой школе никакой религии нет.

— Нет открытого соблюдения религиозных обрядов, — поправил Графф. — Иначе занятия бы постоянно прерывались мусульманскими молитвами, а каждый седьмой день — причем не один и тот же — христиане, мусульмане и евреи праздновали бы ту или иную разновидность шаббата. Не говоря уже о ритуале макумба с принесением в жертву цыплят. Повсюду громоздились бы иконы, статуи святых, маленькие Будды, храмы предков и тому подобное. Так что все это здесь запрещено. Точка. Отправляйся в класс, пока я не наложил на тебя взыскание.

— Я хотел спросить не об этом, — сказал Зак. — Я бы не пришел к вам с вопросом, на который вы мне уже ответили.

— Тогда почему ты… ладно, так какой у тебя вопрос?

— Если религиозные обряды запрещены, тогда почему Боевая школа разрешает праздновать день святого Николая?

— Мы этого не разрешаем, — возразил Графф.

— И тем не менее, — настаивал Зак.

— Нет.

— Его празднуют.

— Может, все-таки перейдешь к сути? Хочешь подать жалобу? Кто-то из преподавателей что-то об этом говорил?

— Филиппус Ритвельд выставил для святого Николая свои ботинки. Динк Миекер положил в ботинок стишок ко дню Синтерклааса, а потом дал Флипу блинчик с вырезанным на нем инициалом «Ф». Съедобный инициал — традиционное угощение на день Синтерклааса, который отмечается сегодня, шестого декабря.

Графф откинулся на спинку кресла.

— Стишок ко дню Синтерклааса?

Зак процитировал стихотворение наизусть.

Графф едва заметно усмехнулся.

— Вам кажется смешным, что они соблюдают свой религиозный обряд, а мне это запрещено?

— Это всего лишь стишок в ботинке. Разрешаю тебе писать какие хочешь стихи и класть их в чужую одежду.

— Стихи в ботинках — не моя религия. Моя состоит в том, чтобы внести свой небольшой вклад в мир на Земле.

— Ты даже не на Земле.

— Был бы, если бы меня не похитили и не пора-

ботили, отдав в служение Мамоне, — бесстрастно сказал Зак.

«Ты провел тут почти год, — подумал Графф, — но все еще поешь ту же песню. Неужели другие так и не смогли на тебя повлиять?»

— Если эти голландские христиане празднуют свой день святого Николая, — продолжал Зак, — то мусульмане должны праздновать Рамадан, евреи — суккот, а я должен жить в любви и мире по заветам Христа.

— Почему это тебя вообще так волнует? — спросил Графф. — Единственное, что я могу, — наказать их за этот дружеский жест. Тогда тебя еще больше возненавидят.

Хотя Графф и не узнал Зака, когда тот к нему пришел, ему наверняка многое было о нем известно. Полковнику могло быть незнакомо его лицо, но не идеи. Непоколебимость Зака в вопросах веры могла впечатлить кого угодно.

— Если Боевая школа запрещает мою религию потому, что она запрещает любую, должны быть запрещены все религии, сэр.

— Знаю, — кивнул Графф. — Я также знаю, что ты несносный тупица.

— Полагаю, данное замечание подпадает под категорию «Командир отвечает за моральный

дух подчиненных», сэр? — невинно спросил Зак.

— И еще оно подпадает под категорию «Каким бы умником ты ни был, из Боевой школы тебе все равно не сбежать», — сказал Графф.

— Лучше уж умник, чем несносный тупица, сэр, — ответил Зак.

— Убирайся.

Час спустя к Граффу вызвали Флипа и Динка. Оба получили выговор, а стишок был конфискован.

— Может, и его ботинки заберете, сэр? — спросил Динк. — Инициал тоже наверняка удастся восстановить, когда Флип сходит в туалет. Специально слеплю его так, чтобы у вас не возникло никаких сомнений, сэр.

Помолчав, Графф отправил обоих обратно в класс. Он знал, что слухи о происшедшем разойдутся по всей Боевой школе. Но если бы он так не поступил, Зак наверняка постарался бы, чтобы все узнали о том, как тут на самом деле соблюдаются «религиозные обряды», а затем последовал бы кошмар в виде требующих разрешить им свои праздники ребят.

Со всей неизбежностью двое инакомыслящих, Зак и Динк, отказавшиеся следовать установленным порядкам, обречены были стать союз-

никами. Возможно, сами они об этом не знали, но фактически таковыми являлись — они преднамеренно раскачивали систему, пытаясь ее обрушить.

«Что ж, — подумал Графф, — я вам этого не позволю, дорогие мои маленькие гении. Ибо всем на самом деле плевать на день Синтерклааса или христианское ненасилие. Когда вы отправитесь на войну — а вы туда отправитесь, хотите верьте, хотите нет, Динк и Зак, — вам придется отбросить все ваше ребячество. Перед опасностью, грозящей гибелью всему человечеству, все земные банальности ничего не значат, пока не минует кризис. А он пока не миновал, чтобы вы там себе ни думали, маленькие тупицы».

6. Священная война

Динк вышел из кабинета Граффа, кипя от злости.

— Если они не видят разницы между молитвой восемь раз в день и стишком в ботинке раз в году…

— Отличный был стишок, — заметил Флип.

— Дурацкий, — бросил Динк.

— Разве не в том был смысл? Отличный дурацкий стишок. Жалко, что не сочинил ничего для тебя.

— Я же не выставлял ботинки.

— Извини, — вздохнул Флип. — Я просто тосковал по дому и не думал, что кто-то меня поймет.

— И ты извини.

— Вот только жалеть нам не о чем, — сказал Флип.

— Да, — кивнул Динк.

— Собственно, даже забавно поиметь проблемы из-за того, что отметил день Синтерклааса. Только представь, что бы было, если бы мы праздновали Рождество.

— Что ж, — улыбнулся Динк, — у нас еще есть девятнадцать дней.

— Верно, — кивнул Флип.

К тому времени, когда они вернулись в казарму Армии Крыс, стало ясно, что все уже всё знают. Стоило Динку и Флипу появиться на пороге, как разговоры моментально стихли.

— Ну и дураки же вы, — сказал Розен.

— Спасибо, — ответил Динк. — Особо приятно слышать от тебя.

— С каких это пор ты заделался верующим? — требовательно спросил Розен. — Зачем устраивать из этого священную войну?

— Это не религиозный обряд, — возразил Динк. — Он голландский.

— Слушай, придурок, ты теперь в Армии Крыс, а не в Голландии.

— Через три месяца меня в Армии Крыс не будет, — ответил Динк. — Но голландцем я останусь до самой смерти.

— Национальность тут ничего не значит, — заметил кто-то из мальчишек.

— Религия тоже, — добавил другой.

— Само собой, религия имеет значение, — возразил Флип. — Иначе нас не вызвали бы к начальству и не объявили бы выговор за вырезанную в блинчике букву «Ф» и засунутый в ботинок смешной стишок.

Динк посмотрел вдоль длинного, загибавшегося вверх коридора. Зака, спавшего в самом конце казармы, от двери даже не было видно.

— Его тут нет, — сказал Розен.

— Кого?

— Зака, — ответил Розен. — Он пришел, сообщил о том, что сделал, а потом ушел.

— Кто-нибудь знает, куда он идет, когда хочет побыть один? — спросил Динк.

— Зачем тебе? — поинтересовался Розен. — Хочешь его поколотить? Я запрещаю.

— Хочу с ним поговорить, — ответил Динк.

— Ах, поговорить… — протянул Розен.

— Поговорить — значит именно поговорить, — сказал Динк.

— Я не желаю с ним разговаривать, — заявил Флип. — Тупая свинья.

— Ему просто хочется уйти из Боевой школы, — объяснил Динк.

— Если бы мы поставили вопрос на голосование, — сказал кто-то, — его бы и секунды тут больше не было. Только место занимает.

— Голосование? — переспросил Флип. — Да уж, очень по-военному.

— Иди, заткни пальцем дырку в дамбе, — бросил мальчик.

— Так вы теперь еще и против голландцев? — спросил Динк.

— Что поделаешь, если они до сих пор верят в Санта-Клауса? — сказал мальчишка-американец.

— В Синтерклааса, — поправил Динк. — Он живет в Испании, а не на Северном полюсе. У него есть друг, который носит его мешок, — Черный Пит.

— Друг? — переспросил мальчик из Южной Африки. — Больше похоже на раба.

— Какое счастье, когда христиане дерутся друг с другом, — вздохнул Розен, — а не режут евреев.

Именно тогда в дискуссию впервые включился Эндер Виггин.

— Разве не это должны предотвращать законы? Чтобы люди не враждовали из-за религии или национальности?

— И тем не менее мы все равно этим занимаемся, — сказал американец.

— Разве мы здесь не для того, чтобы спасти человечество? — спросил Динк. — У людей есть религии и национальности. И обычаи тоже. Почему мы не можем быть просто людьми?

Виггин не ответил.

— Какой нам смысл жить как жукеры? — продолжал Динк. — Они-то точно не празднуют день

Синтерклааса.

— Людям свойственно время от времени устраивать резню, — заметил Виггин. — Так что, возможно, пока мы не победим жукеров, нам стоит попытаться быть чуть менее… человечными.

— И возможно, — добавил Динк, — солдаты сражаются за то, что им дорого. А дороги им их семьи, их традиции, их вера и их нация, — все то, что нам не позволено иметь здесь.

— Может, мы сражаемся для того, чтобы вернуться домой и найти там все вышеперечисленное, — заметил Виггин.

— Кто знает, может, никому из нас вообще не придется сражаться, — сказал Флип. — Не похоже, что мы занимаемся чем-то настоящим.

— Могу сказать, что тут настоящее, — улыбнулся Динк. — Вчера я был помощником Синтерклааса.

— Наконец-то признаешься, что ты эльф? — улыбнулся в ответ американец.

— Сколько в Боевой школе ребят из Голландии? — спросил Динк. — Синтерклаас — явно символ культурного меньшинства, верно? Ничто по сравнению с Санта-Клаусом.

Розен слегка пнул Динка по ноге.

— Динк, к чему ты клонишь?

— Но Санта-Клаус — не религиозная фигура. Никто не молится Санта-Клаусу. Он чисто американский.

— И канадский тоже, — возразил другой мальчик.

— У англоговорящих канадцев, — поправил кто-то еще. — Для некоторых он — Папа Ноэль.

— Рождественский дед, — сказал мальчишка-британец.

— Вот видите? Он не христианский символ, а национальный, — подытожил Динк. — Одно дело — подавлять проявления религиозности, но совсем другое — пытаться стереть национальные различия. Во флоте полно людей, преданных своим нациям. Никто не заставляет голландских адмиралов делать вид, будто они не голландцы. Они бы такого не потерпели.

— Нет никаких голландских адмиралов, — заявил британец.

Не то чтобы Динка злили подобного рода идиотские замечания — ему вовсе не хотелось кого-то ударить, не хотелось даже повышать голос. И все же ему бросили серьезный вызов, который нельзя было оставить без ответа. Нужно было сделать что-то такое, что не понравилось бы другим — хотя он понимал, что лишь создаст себе

проблемы и ничего в итоге не добьется.

— Они сумели задушить наш голландский праздник, потому что нас мало, — сказал Динк. — Но пришло время настоять, чтобы нам позволили соблюдать наши национальные обычаи, как и любым другим солдатам в Международном флоте. Рождество — священный день для христиан, но Санта-Клаус — светский символ. Никто не молится Санта-Клаусу.

— Разве что малыши, — рассмеялся американец.

— Санта-Клаус, Рождественский дед, Папа Ноэль, Синтерклаас — все они, конечно, ведут свое начало от христианского празднества, но теперь стали национальными символами Рождества, и даже те, кто не верит в Бога, все равно отмечают этот праздник. Двадцать пятого декабря — день, когда все дарят друг другу подарки, и не важно, верующий ты христианин или нет. Нам могут запретить религиозные обряды, но не могут помешать дарить подарки в день Санта-Клауса.

Некоторые засмеялись. Некоторые задумались.

— Похоже, ты собираешься вляпаться в серьезное дерьмо, — заметил кто-то из ребят.

— Бррр, — поморщился Динк. — С другой стороны, я и так постоянно в нем живу.

— Даже не пытайся, — со злостью бросил кто-то. Это был Зак.

— Думаю, твоя позиция нам уже известна, — сказал Динк. — Именем Христа запрещаю тебе нести сюда Сатану.

Все тут же перестали улыбаться и замолчали.

— Знаешь, Зак, — продолжал Динк, — ты только что гарантировал поддержку моему движению за права Санта-Клауса.

Зак, похоже, не на шутку испугался — но не Динка.

— Не смейте насылать проклятие на собственные головы!

— Я не верю в проклятия — только в благословения, — ответил Динк. — И уж точно не верю, что буду проклят за то, что стану дарить людям подарки от имени Санта-Клауса.

Зак слегка успокоился, но продолжал озираться по сторонам.

— Религиозные обряды запрещены для всех.

— И тем не менее ты соблюдаешь заповеди своей религии, — сказал Динк. — Всякий раз, когда ты отказываешься стрелять в Боевом зале. Знаешь что, придурок? Если ты против нашей небольшой революции имени Санта-Клауса — мы требуем, чтобы ты стрелял и выводил других

из строя. Иначе ты всего лишь обычный лицемер, набожный ханжа и лжец.

Динк разошелся не на шутку — многим уже становилось не по себе.

— Хватит, Динк, — пробормотал кто-то.

Кто? Естественно, Виггин. Великий миротворец. Динк почувствовал волну нарастающей злости.

— И что ты сделаешь? — тихо спросил Зак. — Ударишь меня? Я на три года тебя младше.

— Нет, — ответил Динк. — Я тебя благословляю.

Он опустил ладонь на голову Зака, который, как и ожидал Динк, стоял не шевелясь. Именно это Зак умел лучше всего — принимать что угодно от кого угодно, даже не пытаясь увильнуть.

— Благословляю тебя и дарую тебе дух Санта-Клауса, — сказал Динк. — Дарую тебе сочувствие, и щедрость, и неодолимое стремление приносить счастье другим. И знаешь, что еще? Дарую тебе скромность, дабы ты понял, что ничем не лучше всех остальных в глазах Господа.

— Ты ничего не знаешь о Господе, — заявил Зак.

— Побольше тебя, — возразил Динк. — Я не преисполнен ненависти.

— Я тоже, — сказал Зак.

— Ага, — буркнул кто-то из мальчишек. — Фуфла ты преисполнен, вот чего.

— Круто, — рассмеялся другой.

— Дарую тебе любовь, — продолжал Динк. — Поверь мне, Зак, когда ты ее наконец почувствуешь, для тебя это станет таким шоком, что может тебя убить. Тогда ты сможешь сам поговорить с Господом и выяснить, где именно ты напортачил. — Динк развернулся к стоявшей перед ним Армии Крыс. — Не знаю, как вы, а я в этом году сыграю роль Санта-Клауса. У нас тут нет ничего своего, так что дарить подарки не так-то просто. Доставку по Сети сюда не закажешь. Но подарки — не обязательно игрушки и всякое такое. Знаете, что такого я подарил Флипу, из-за чего у нас появилось столько проблем? Стихи.

— Мило, — усмехнулся британец. — Любовные?

В ответ Флип прочитал стишок — естественно, покраснев, поскольку речь шла о шутке над ним самим. Но именно поэтому стишок ему нравился.

Динк понял, что многие решили, что это и впрямь круто, когда командир взвода пишет сатирические стихи об одном из своих солдат. В

самом деле, настоящий подарок.

— И чтобы доказать, что мы не празднуем Рождество, — сказал Динк, — давайте дарить друг другу подарки в любой день декабря. Это может быть Ханука… Или, черт побери, день Синтерклааса. День только начался.

— Если Динк нас всех одарит, — нараспев произнес мальчик с Ямайки, — нам теплее сразу станет.

— Как мило, — сказал британец.

— Все мило Бешеному Тому, — проговорил канадец. — Готов на завтрак жрать солому.

Большинство ребят рассмеялись.

— Это что, и есть подарок? — спросил Бешеный Том. — Что-то Рождественский дед в этом году не особо выкладывается.

— Любой подарок от ребят я получить, конечно, рад, — сказал Виггин. Все снова засмеялись. — Но есть в мечтах моих одно — из дома, от родных письмо.

На этот раз почти никто не смеялся, а потом все замолчали.

— Это единственный подарок, которого бы мне хотелось, — тихо проговорил Виггин. — Письмо из дома. Если можешь мне его подарить — я с тобой.

— Не могу, — столь же серьезно ответил Динк. — Нас полностью отрезали от всего мира, так что помочь могу лишь немногим. Твои родные дома ведь вешают чулки для Санты? Ты ведь американец?

Виггин кивнул.

— Повесь в этом году свой чулок, Виггин, и что-нибудь в нем найдешь.

— Уголек, — сказал Чокнутый Том.

— Пока не знаю, что именно, — продолжал Динк, — но подарок там точно будет.

— Но он будет на самом деле не от них, — возразил Виггин.

— Да, — кивнул Динк и улыбнулся. — Он будет от Санта-Клауса.

— Не надо, Динк, — покачал головой Виггин. — Не стоит хлопот.

— Каких хлопот? Это лишь поднимет боевой дух.

— Мы здесь для того, чтобы учиться воевать, — сказал Виггин.

— Я не хочу учиться воевать, — прошептал Зак.

— Ты еще тут, Зак? — спросил Динк, многозначительно поворачиваясь к нему спиной. — Мы здесь для того, чтобы создать армию, Виггин.

Группу людей, которые действуют как единое целое, а не кучку ребят под пятой преподавателей, которые считают, будто могут стереть десятки тысяч лет человеческой истории и культуры, заменив их своими правилами.

Виггин с тоской отвел взгляд:

— Делай что хочешь, Динк.

— Я всегда делаю что хочу, — ответил тот.

— Единственный дар, который признает Господь, — сказал Зак, — это разбитое сердце и покаянная душа.

Многие застонали в ответ, но Динк лишь в последний раз бросил взгляд на Зака.

— И когда это ты раскаивался?

— Покаяние, — ответил Зак, — есть дар, который я приношу Господу, а не тебе.

С этими словами Зак направился к своей койке, скрывшись за изгибом стены казармы.

7. Носки

Армия Крыс составляла лишь небольшую часть Боевой школы, но слух разошелся быстро.

Другие армии сперва восприняли это как шутку. Кто-нибудь брал остатки еды и бросал их на чужой поднос со словами: «От Санты с любовью», и все за столом смеялись.

Но даже в виде шутки это все-таки был подарок. Несколько дней спустя Санта-Клаус уже раздавал подарки по всей Боевой школе.

Это были не просто подарки — это были чулки. Никто не знал, кто начал первым, но вскоре казалось, будто каждый подарок сопровождается чулком — свернутым, спрятанным внутри чего-то другого, но чулком. Естественно, никто не вешал чулки в надежде, что те наполнятся подарками. Наоборот — их вручали как часть подарка.

И получатель чулка умудрялся его носить, сколь бы неуместным это ни выглядело, — повесив на рукав или на ноге (но не в пару второму носку), внутри боевого костюма, торчащим из кармана. Чулок носили всего день, а потом возвращали. Именно чулок, а не слова, больше говорил о том, что это подарок от Санта-Клауса.

Без чулок было не обойтись, ибо чем являлись сами подарки? Кто-то получал стишки, кто-то кусочки еды. Со временем, однако, все больше подарков принимали форму услуг: помощь с домашними заданиями, дополнительные тренировки в Боевом зале, уже расстеленная койка при возвращении из душа, подсказка о скрытом уровне в видеоигре.

Даже когда подарок был нематериальным, к нему всегда прилагался придававший ему реальность чулок.

«Отец был прав, — думал Зак. — Родители этих детей вложили в их души ложь о Санте, и теперь она приносит плоды. Все они лжецы и дарят подарки в знак почтения к Отцу Лжи». В ушах Зака эхом отдавались слова отца: «Он ответит на их молитвы пеплом греха в их устах, ядом атеизма и неверия в их крови». Эти дети не верили ни в Христа, ни в Санта-Клауса. Они знали, что служат лжи.

Если бы только они могли понять, что любая благотворительность от имени Сатаны обращается в грех! Дьявол не может творить добрые дела.

Зак попытался встретиться с полковником Граффом, но его остановил морпех в коридоре.

— Тебе назначена встреча с начальником Бо-

евой школы?

— Нет, сэр, — ответил Зак.

— Тогда обратись к своему куратору. Или к кому-то из преподавателей.

Преподаватели ничем не могли ему помочь. Мало кто вообще стал бы с ним говорить. Ему бы просто сказали: «У тебя вопрос насчет алгебры? Нет? Тогда, Зак, иди к кому-нибудь другому». Слово Христово здесь давно не приветствовалось.

Куратор его все же выслушал — по крайней мере, сидел напротив Зака, пока тот говорил. Но толку от этого не было никакого.

— То есть ты имеешь в виду, что другие ученики проявляют доброту друг к другу, а ты хочешь этому помешать?

— Они делают это от имени Санта-Клауса.

— И что именно сделали лично для тебя — от имени Санта-Клауса?

— Лично для меня ничего, но…

— То есть суть твоей жалобы в том, что они добры к другим, а не к тебе?

— Потому что все это от имени…

— Санта-Клауса, я понял. Ты веришь в Санта-Клауса, Зак?

— В каком смысле?

— Ты веришь в Санта-Клауса? Ты считаешь, что

подарки в самом деле приносит веселый толстяк в красном костюме?

— Нет.

— То есть Санта-Клаус — не часть твоей религии.

— Именно это я и имею в виду. Это часть их религии.

— Я спрашивал, и они говорят, что это вообще не религия и что Санта-Клаус — просто персонаж, известный во многих культурах Земли.

— Это часть Рождества, — настаивал Зак.

— И ты не веришь в Рождество?

— В том смысле, как его празднуют большинство, — нет.

— А во что ты веришь?

— Я верю, что Иисус Христос действительно родился, хотя, скорее всего, вовсе не в декабре, а когда вырос, стал Спасителем мира.

— Но не в Санта-Клауса?

— Нет.

— Значит, Санта-Клаус — не часть Рождества.

— Естественно, он часть Рождества, — возразил Зак. — Для большинства людей.

— Но не для тебя?

Зак кивнул.

— Ладно, поговорю с начальством, — сказал

куратор. — Хочешь знать мое мнение? Думаю, мне ответят, что это всего лишь прихоть, которая пройдет сама собой.

— То есть пусть они и дальше занимаются этим, сколько хотят?

— Они всего лишь дети, Зак. Мало кто из них так же упрям, как ты. Постепенно они потеряют к этому интерес, и все закончится. Имей терпение. Терпение ведь не противоречит твоей религии?

— Я не собираюсь обижаться на ваш сарказм.

— Никакого сарказма.

— Вижу, вы тоже истинный сын Отца Лжи. — Зак встал и вышел.

— Рад, что ты не обиделся! — крикнул куратор ему вслед.

К начальству, естественно, обращаться смысла не имело — по крайней мере, напрямую. Вместо этого Зак отправился к ученикам-арабам, заявив, что начальство разрешает открыто соблюдать христианские обряды. Сперва он слышал лишь стандартную фразу: «Ислам отвергает соперничество между религиями. Чем они занимаются — их дело».

Однако Заку в конце концов удалось добиться ответа от мальчишки-пакистанца из Армии Пчел. Не то чтобы Ахмед высказался сколько-нибудь

положительно — собственно, казалось, будто данный вопрос его нисколько не интересует и он даже проявлял некоторую враждебность. Но Зак знал, что сумел затронуть струнку в его душе.

— Говорят, будто Санта-Клаус не имеет отношения к религии, а всего лишь национальный персонаж. Но разве в вашей стране есть разница? Разве Мохаммед…

Ахмед поднял руку и отвел взгляд:

— Не тебе произносить имя Пророка.

— Я вовсе не сравниваю его с Санта-Клаусом, — сказал Зак, хотя на самом деле слышал, как отец называл Мохаммеда «сатанинским подобием пророка», так что между Сантой и Мохаммедом было много общего.

— Ты сказал уже достаточно, — заявил Ахмед. — Мне больше не о чем с тобой разговаривать.

Зак знал, что Ахмеду не так уж плохо живется в Боевой школе. Мусульманские страны не обладали достаточной властью, чтобы настоять на религиозных привилегиях, и дети в Боевой школе были освобождены от возложенной на мусульман обязанности ежедневой молитвы. Но что он станет делать теперь, когда христиане получили своего Санта-Клауса? Пакистан создавался как страна ислама, и никаких различий между наци-

ональным и мусульманским не существовало.

Ахмеду, чтобы все организовать, потребовалось два дня с учетом того, что невозможно было определить временну́ю зону Земли, в которой — или над которой — они пребывали в данный конкретный момент, и, соответственно, время, в которое следовало молиться. Невозможно было даже выяснить, какое время сейчас в Мекке, чтобы воспользоваться хотя бы им.

В итоге Ахмед и другие ученики-мусульмане решили, что будут молиться в то время, когда у них нет занятий, оставив право пользоваться освобождением от молитвы тем, кто в это время находился в Боевом зале.

Впервые свою набожность они продемонстрировали за завтраком. Сперва казалось, что в этом участвуют всего полдюжины мусульман, распростершихся ниц лицом не к Мекке, что было невозможно, но к левому, обращенному к солнцу, борту.

Но едва началась молитва, к ней стали присоединяться другие ученики-мусульмане — сперва немногие, но за ними все новые и новые. Зак молча сидел за столом со своими предполагаемыми товарищами по Армии Крыс, делая вид, будто ничего не замечает, но его переполняла

радость, поскольку он понял, что Динк сразу же сообразил, в чем дело. Молитва стала ответом на кампанию Динка по поводу Санта-Клауса, и начальник школы никак не мог оставить это без внимания.

— Что ж, может, и неплохо, — пробормотал Динк сидевшему рядом Флипу.

Зак, однако, понимал, что ничего хорошего в том нет. Мусульмане отказались от терроризма много лет назад после разрушительной войны между суннитами и шиитами и даже помирились с Израилем, заключив с ним экономический союз. Но все знали, что мусульманский мир не забыл прежние обиды, а многие мусульмане считали, что Гегемония обходится с ними несправедливо. Всем было известно об имамах и аятоллах, вслух заявлявших, что им нужна не светская Гегемония, а Халиф, который объединил бы мир в поклонении Аллаху. «Когда мы станем жить по законам шариата, Аллах защитит нас от чудовищ. Когда Аллах посылает нам предупреждение, разумно его слушать. Но мы восстаем против Аллаха, и Он нас не защищает».

Подобный язык был Заку вполне понятен. Несмотря на свои религиозные заблуждения, они не боялись высказываться в защиту своей веры. И их

было достаточно много, чтобы заставить других прислушаться — в том числе тех, кто давно перестал даже притворяться, будто слушает Зака.

Время следующей молитвы приходилось на конец обеда. Слух о ней уже успел разойтись, и все те, кто намеревался молиться, задержались в столовой. Зак уже слышал, что то же самое произошло в командирской столовой за завтраком, но на этот раз большинство командиров-мусульман пришли в общую столовую, чтобы присоединиться к молитве своих солдат.

Незадолго до объявленного времени молитвы в столовую вошел полковник Графф.

— В Боевой школе запрещается соблюдение религиозных обрядов, — громко объявил он. — Мусульманам было предоставлено освобождение от обязательных ежедневных молитв. Соответственно, любой ученик-мусульманин, настаивающий на публичной демонстрации религиозных ритуалов, будет подвергнут взысканию, а любой принявший в этом участие командир армии или взвода немедленно и навсегда лишится звания.

Графф уже повернулся, собираясь уйти, когда послышался вопрос Ахмеда:

— А как же Санта-Клаус?

— Насколько мне известно, — ответил Графф, —

с Санта-Клаусом не связан никакой религиозный обряд, и никто пока что не встречал Санта-Клауса в Боевой школе.

— Двойные стандарты! — крикнул Ахмед, и еще несколько ребят, словно эхо, повторили его слова.

Не обращая на них внимания, Графф покинул столовую. Не успела за ним закрыться дверь, как вошли два десятка морпехов, заняв позиции в разных местах зала.

Когда наступило время молитвы, Ахмед и еще несколько человек немедленно распростерлись ниц. Подойдя к ним, морпехи поставили их на ноги и надели на них наручники.

— Есть еще желающие? — Лейтенант морпехов окинул взглядом столовую.

На полу распростерся еще один солдат, которого тоже заковали. Больше никто не пытался бросить им вызов. Пятерых мусульман увели — не грубо, но и не особо вежливо.

Зак снова переключил свое внимание на еду.

— Что, радуешься? — прошептал Динк. Зак бесстрастно повернулся к нему. — Это все из-за тебя, — тихо проговорил Динк.

— Я христианин, и не мне указывать мусульманам, когда молиться, — ответил Зак и тут же

пожалел о собственных словах.

— Не умеешь ты врать, Зак, — сказал Динк, на этот раз достаточно громко, чтобы могли услышать и остальные за столом. — Не пойми меня превратно, но мне кажется, что ты просто привык всегда говорить правду, поэтому так и не научился искусству лжи.

— Я не лгу, — возразил Зак.

— В буквальном смысле ты, конечно, прав — наши друзья-мусульмане не советовались с тобой по поводу расписания молитв. Но как ответ на мое обвинение, что все это из-за тебя, твои слова не более чем жалкая ложь, попытка увернуться. Будь ты действительно ни при чем, тебе не пришлось бы изворачиваться. Но, судя по твоему ответу, тебе есть что скрывать. — (На этот раз Зак промолчал.) — Думаешь, это прибавит тебе шансов сбежать из Боевой школы? Может, ты даже считаешь, что это подорвет основы Боевой школы и повредит войне, что, с одной точки зрения, сделает тебя предателем, а с другой — христианским героем. Но войну тебе не остановить, и Боевой школе в конечном счете тоже никак не повредить. Хочешь знать, чего ты на самом деле добился? Когда-нибудь война закончится. Если мы победим, мы все отправимся по домам.

Ребята в этой школе — лучшие военные умы нашего поколения. Они будут править странами и народами. Когда-нибудь и Ахмед станет во главе Пакистана. И ты сделал все возможное, чтобы он возненавидел саму мысль о том, что с немусульманами можно жить в мире. Иными словами, ты только что начал войну, которая случится лет через тридцать или сорок.

— Или десять, — сказал Вигин.

— Через десять лет Ахмед будет все еще слишком молод, — усмехнулся Флип.

Зак даже не задумывался, к чему все это может привести на Земле. Но что мог знать Динк, пытаясь предсказать будущее?

— Это не я начал рекламировать Санта-Клауса, — сказал Зак, встретившись взглядом с Динком.

— Нет, ты просто доложил о том, как двое мальчишек-голландцев слегка подшутили друг над другом, и устроил из этого немало шума, — ответил Динк.

8. Мир

История с Санта-Клаусом завершилась. Динк даже не пытался как-то на нее повлиять — она давно переросла его самого. Но когда в столовой арестовали ребят-мусульман, стало ясно, что это больше не игра и не способ показать нос начальству. Последствия были вполне реальны, и, как заметил Зак, больше всего в этом был виноват Динк.

Динк попросил друзей обратиться ко всем знакомым с просьбой прекратить забаву с чулками и перестать дарить подарки, имевшие хоть какое-то отношение к Санта-Клаусу.

Все закончилось в течение одного дня.

Оказалось, однако, что это еще не конец.

Зак, естественно, нисколько не изменился. На тренировках он просто летал туда-сюда, а в бою лишь зря занимал место. Но он ходил на занятия, делал домашние задания, сдавал контрольные.

И все его игнорировали — но не так, как раньше.

Прежде к нему относились терпимо, даже с некоторым уважением, — мол, хоть он и идиот, но по крайней мере последовательный.

Теперь же его игнорировали подчеркнуто, даже не дразнили и не задирали. Его просто не существовало. Если он пытался с кем-то заговорить, к нему поворачивались спиной. Динк все это видел, и ему становилось не по себе. Зак, однако, был виноват сам. Одно дело, когда тебя считают изгоем из-за того, что ты не такой, как все, и совсем другое — когда ты своим эгоизмом доставил проблем другим людям. А именно это Зак и сделал. Его не волновал запрет религии — он сам его постоянно нарушал.

Он просто воспользовался подарком Динка Флипу на день Синтерклааса, чтобы высказать свои неубедительные идеи начальнику школы.

«Я тоже вел себя по-детски, — подумал Динк. — Но я знал, когда стоит остановиться. А он — нет. И это не моя вина».

И все же Динк не мог удержаться от того, чтобы хоть иногда бросить взгляд на Зака. Он немного читал о поведении приматов, когда изучал теорию сообществ, и знал, как ведут себя шимпанзе и бабуины, которых изгоняют из стаи. Депрессия. Самоуничтожение.

Прежде казалось, что Зак прекрасно чувствует себя в одиночестве. Теперь же, когда одиночество стало полным, он помрачнел и осунулся. Он мог

пойти куда-то, а потом внезапно остановиться и снова двинуться с места, но на этот раз медленнее. Он почти ничего не ел. С ним явно творилось что-то неладное.

Одно Динк знал точно: когда речь заходила о помощи ученику с реальными проблемами, от кураторов и преподавателей не было никакого толку. У них имелся свой план — что, по их мнению, полагалось делать каждому. Но если становилось ясно, что ученик делать этого не станет, они теряли к нему всякий интерес, точно так же как они потеряли интерес к Динку. Даже если бы Зак попросил о помощи, он бы ее не получил. А Зак ее не просил.

Хотя Динк и понимал всю тщетность своих усилий, он все же попытался. Придя к Граффу, он попробовал объяснить, что происходит с Заком.

— Интересная теория, — заметил Графф. — Думаешь, все его избегают?

— Я точно знаю.

— Но с тобой он общается?

— Я пару раз пытался с ним заговорить, но он молчит.

— Значит, все-таки это он тебя избегает.

— Но все остальные избегают его самого.

— Динк, — сказал Графф, — ego te absolvo.

— Это не на голландском, — заметил Динк. — Что бы вам там ни казалось.

— Это латынь. Католический ответ на исповедь: «Отпускаю тебе грехи твои».

— Я не католик.

— И я не священник.

— Не в вашей власти кому-то что-либо отпускать.

— Но попытаться все же стоило. Возвращайся в казарму, Динк. Зак — не твоя проблема.

— Почему бы вам просто не отправить его домой? — спросил Динк. — В армии из него все равно ничего не выйдет. Он христианин, а не солдат. Почему бы не отпустить его домой, где он мог бы оставаться христианином?

Графф откинулся на спинку кресла.

— Ладно, я и так знаю, что вы ответите, — сказал Динк.

— Точно?

— То же, что всегда говорят все: «Если я разрешу ему, придется разрешить и остальным».

— В самом деле?

— Если Зака за его неподчинение или еще что-нибудь отправят домой, очень скоро появится множество ребят, которые тоже перестанут подчиняться, чтобы их вернули.

— И ты тоже был бы среди них? — спросил Графф.

— Думаю, ваша школа — пустая трата времени, — заявил Динк. — Но я верю в войну. Я не пацифист, я просто против некомпетентности.

— Видишь ли, я не собирался спорить с тобой на эту тему, — сказал Графф. — Ибо я уже знаю ответ. Если единственный способ вернуться домой — вести себя как Зак и получить к себе такое же отношение, в этой школе не найдется ни одного ученика, который поступил бы так же.

— Вы этого не знаете.

— Знаю, — ответил Графф. — Не забывай, всех вас подвергали тестированию. Не только на предмет логики, памяти, пространственных отношений и вербальных способностей, но и черт характера. Умения быстро принимать решения и схватывать ситуацию в целом. Умения ладить с другими.

— Так как же, черт возьми, Зак вообще тут оказался?

— Зак превосходно ладит с людьми, — сказал Графф. — Когда хочет.

Динк не поверил.

— Зак может справиться даже со страдающими манией величия психопатами, не позволив им

причинить вред другим. Он прирожденный миротворец в человеческом сообществе, Динк. Это лучший его дар.

— Фуфло все это, — возразил Динк. — Все его сразу же возненавидели.

— Потому что он сам так захотел. И сейчас он добивается в точности того, чего хочет. Включая и наш с тобой разговор. В точности так, как он хотел.

— Сомневаюсь, — заметил Динк.

— Потому что ты не знаешь того, что я мог бы тебе рассказать.

— Так расскажите.

— Нет, — ответил Графф. — Благоразумие победило, и я ничего не стану говорить.

Динк проигнорировал попытку нагнать таинственность — Графф явно хотел, чтобы его стали упрашивать. Вместо этого Динк подумал о словах Граффа насчет способностей Зака. Неужели Зак его попросту каким-то образом использовал? Его и всех остальных?

— Но зачем? — спросил Динк. — Зачем ему преднамеренно от всех отгораживаться?

— Потому что никто не ненавидит его в достаточной степени, — ответил Графф. — Ему нужно, чтобы его возненавидели до предела. Настолько,

чтобы мы сдались и отправили его домой.

— Думаю, вы слишком многое ставите ему в заслугу, — заметил Динк. — Вряд ли он знал, чем все закончится.

— Я не говорил, что он действует сознательно. Он просто хочет домой. Он считает, что обязательно должен вернуться.

— Почему?

— Этого я тебе сказать не могу.

— Опять-таки — почему?

— Потому что я не могу тебе доверять.

— Если я скажу, что никому не стану больше рассказывать, — значит не стану.

— Я знаю, что ты умеешь хранить тайну. Я просто сомневаюсь, что могу доверить тебе эту задачу.

— Какую задачу?

— Исцелить Зака Моргана.

— Я пытался, но он меня к себе даже не подпускает.

— Знаю, — кивнул Графф. — Так что мне придется рассказать то, что тебе хочется узнать, кому-то другому. Тому, кто тоже умеет хранить тайну и кто действительно может ему помочь.

Динк на мгновение задумался.

— Эндеру Виггину?

— Это твой кандидат? — спросил Графф.

— Нет, — ответил Динк. — Ваш. Это вы считаете, что у него все получается.

Графф улыбнулся. Выражение его лица могло бы напомнить улыбку Моны Лизы, если бы Мона Лиза была коротышкой-полковником с брюшком.

— Я надеюсь, у него получится, — продолжал Динк. — Прислать его к вам?

— Могу поспорить, — ответил Графф, — что Эндеру даже не придется ко мне приходить.

— Как он узнает, что делать, если ему не рассказать?

— Он просто будет вести себя как Эндер Виггин и в процессе узнает все необходимое от самого Зака.

— Виггин с Заком тоже не разговаривает.

— Имеешь в виду, что не видел, как они разговаривают?

— Ну… да, — кивнул Динк.

— Дай ему время, — сказал Графф.

Динк встал.

— Я тебя не отпускал, солдат.

Остановившись, Динк отдал честь.

— Разрешите вернуться в казарму, чтобы и дальше чувствовать себя полным дерьмом, сэр.

— Не разрешаю, — ответил Графф. — Чувствуй себя чем пожелаешь, это меня не касается. Но твои усилия помочь Заку должным образом оценены.

— Я пришел сюда не за благодарностью.

— Ты ее и не получишь. Все, что я могу сказать, — у меня сложилось о тебе хорошее мнение. Его нелегко завоевать, но когда оно уже завоевано, его нелегко потерять. Учись жить с этим бременем. А теперь — проваливай, солдат.

9. Виггин

Зак наткнулся на Виггина возле одного из лифтов, не особо популярного среди учеников, — тот находился в стороне от основных потоков, и по большей части им пользовались преподаватели. Именно потому туда и направился Зак — он вполне мог подождать в очереди, но почему-то всегда получалось так, что он оказывался первым лишь после того, как прошли все остальные. Это обычно вполне устраивало Зака, но во время обеда, когда все устремлялись в одном направлении, все же лучше было иметь разнообразный выбор горячей еды, чем холодные остатки.

Виггин сидел спиной к стене, так крепко стиснув левую ногу, что его голова покоилась на колене. Он явно страдал от боли.

Зак едва не прошел мимо — какое, собственно, ему до них всех дело? Но тут он вспомнил самаритянина, остановившегося, чтобы помочь страждущему, и священника с левитом, которые этого не сделали.

— Что случилось? — спросил Зак.

— Задумался и не посмотрел под ноги, — ответил Виггин сквозь зубы.

— Синяк? Ссадина?

— Лодыжку вывихнул, — сказал Виггин.

— Распухла?

— Пока не знаю. Когда шевелю ногой, больно.

— Покажи другую ногу, чтобы я смог сравнить.

Виггин вытянул ногу. Зак снял с него ботинки и носки, не обращая внимания на гримасы Виггина, когда он пошевелил его левую ступню. Насколько он мог понять, обнаженные лодыжки выглядели совершенно одинаково.

— Не похоже, что распухла.

— Хорошо, — кивнул Виггин, — Тогда, наверное, все в порядке.

Схватившись за плечо Зака, он начал подниматься.

— Я не пожарный шест, — заметил Зак. — Чем за меня хвататься, давай лучше помогу.

— Извини, — ответил Виггин.

Мгновение спустя Виггин уже стоял на ногах и, морщась, попытался шагнуть.

— Ой-ой-ой, — выдохнул он, подражая ушибившемуся малышу, и слабо улыбнулся Заку. — Спасибо.

— Не за что, — ответил Зак. — Ты хотел со мной о чем-то поговорить?

Улыбка Виггина стала чуть шире.

— Не знаю, — сказал он, даже не пытаясь отрицать, что разыграл всю эту сцену лишь ради возможности пообщаться. — Знаю только, что, какие бы планы ты ни строил, они или закончатся полным успехом, или не приведут ни к чему вообще.

— Нет у меня никаких планов, — буркнул Зак. — Я просто хочу домой.

— Все мы хотим домой, — ответил Виггин. — Но нам хочется и другого. Добиться почета и победы. Спасти мир. Доказать, что мы на что-то способны. А тебя волнует только, как вырваться отсюда любой ценой.

— Верно.

— Но почему? Только не говори мне, что скучаешь по дому. В первые несколько ночей мы все плакали и звали папу с мамой, а потом перестали. Все можно пережить.

— Ты что, стал теперь моим наставником? Даже не пробуй, Виггин.

— Чего ты боишься? — спросил Эндер.

— Ничего, — ответил Зак.

— Фуфло гонишь.

— Я что, должен теперь излить перед тобой свою душу? Потому что ты спросил, чего я боюсь, показал, насколько ты проницателен? И я сразу

поведаю тебе обо всех своих потаенных страхах, ты поднимешь мне настроение, а потом мы станем друзьями на всю жизнь, и я решу быть хорошим солдатом, чтобы тебя порадовать?

— Ты не понимаешь, — заметил Виггин. — Люди не могут жить в такой изоляции, в какой живешь ты. Думаю, ты просто умрешь. Даже если не умрет твое тело, умрет душа.

— Прости, что говорю об очевидных вещах, но ты ведь не веришь в душу?

— Прости, что говорю об очевидных вещах, — ответил Виггин, — но ты вообще ничего не знаешь о том, во что я верю. Мои родители тоже верующие.

— Наличие верующих родителей ничего не говорит о том, во что веришь ты сам.

— Но никто здесь не стал верующим, не имея верующих родителей, — сказал Виггин. — Сколько тебе было, когда тебя забрали? Шесть? Семь?

— Я слышал, тебе было вообще пять.

— А теперь мы стали старше. Тебе ведь сейчас восемь?

— Почти девять.

— Но мы думаем совсем как взрослые.

— Нас потому и выбрали, что наш интеллект намного выше нормы.

— У меня верующие родители, — сказал Виггин. — Увы, вера у них не одна и та же, из-за чего возник некоторый конфликт. К примеру, мама не верит в крещение во младенчестве, в отличие от отца, так что отец считает меня крещеным, а мама — нет.

Зак невольно поморщился.

— Брак не может быть крепким, когда родители не разделяют одну и ту же веру.

— Что ж, мои родители стараются изо всех сил, — заметил Виггин. — Могу поспорить, твои тоже не во всем согласны. — (Зак пожал плечами.) — Могу поспорить, они не согласны и насчет тебя.

— Это тебя не касается. — Зак отвернулся.

— Наверняка твоя мама была рада, что ты отправился в космос — подальше от отца. Вот тебе и их разное отношение к религии.

Зак в ярости развернулся к Виггину.

— Что эти болваны тебе еще про меня наговорили? Какое они имели право?

— Никто мне ничего не говорил, — ответил Виггин. — Это все ты сам, придурок. Когда ты впервые появился в Армии Крыс и с тобой еще общались, ты постоянно твердил — мол, мой отец то, мой отец это…

— Ты сам только что присоединился к Крысам.

— Разговоры идут не только внутри армий, — сказал Виггин. — И я их слушаю. Ты все время превозносишь своего папашу, будто он какой-то пророк. Вот я и подумал: наверняка мамочка только рада, что сынок избавился от отцовского влияния.

— Мама хочет, чтобы я уважал отца.

— Она всего лишь не хочет, чтобы ты с ним жил. Он ведь тебя бил?

Зак с силой толкнул Виггина — рука сама совершила движение, прежде чем он успел о чем-то подумать.

— Да брось, — усмехнулся Виггин. — В душевой все видели твои шрамы. Я сам их видел.

— Это было очищение. Язычнику вроде тебя подобного не понять.

— Очищение от чего? — спросил Эндер. — Ты же был идеальным сыном.

— Графф что, сливал тебе информацию обо мне? Это незаконно!

— Перестань, Зак. Я тебя знаю. Если уж ты решишь, будто нечто есть истина, то так и станешь поступать, чего бы тебе это ни стоило. Ты веришь в своего отца и выполнишь любой его приказ. Так что же ты совершил такого, что потребовалось

это самое очищение?

Зак не ответил — он полностью замкнулся в себе, отказываясь слушать. Мысли его блуждали где-то в другом месте, как бывало всегда, когда отец проводил над ним обряд очищения, что помогало ему не кричать и вообще ничего не чувствовать.

— Да, это ты, — сказал Виггин. — Зак, в которого он тебя превратил. Зак, которого на самом деле тут нет. Которого на самом деле не существует.

Зак, казалось, его не слышал.

— Именно поэтому тебе надо домой, — продолжал Виггин. — Потому что без тебя ему придется найти для очищения кого-нибудь другого. У тебя есть брат? Сестра? Или у кого-то из прихожан есть дети?

— Других детей он даже пальцем ни разу не тронул, — буркнул Зак. — Это я порочный.

— Да, я понял. Твоя мама? Думаешь, он попытается сделать непорочной ее?

Зак тут же вспомнил мать — не просто ее образ, но слова: «Сатана не приносит добрых даров. Так что твой дар — дар Бога». А потом — слова отца: «Есть те, кто станет тебе говорить, будто нечто исходит от Бога, хотя на самом деле оно от дьявола». Зак тогда спросил его почему, и тот

ответил: «Их обманывают собственные желания. Им хочется, чтобы мир был лучше, и они делают вид, будто осквернённое непорочно, так что его можно не опасаться».

Он не мог позволить, чтобы отец узнал, что говорила мама, ибо с ее стороны это выглядело крайне порочно. Просто не мог.

«Если он посмеет ударить маму, я его убью».

Мысль настолько его ошеломила, что он, тяжело дыша, прислонился к стене.

«Если он посмеет ударить маму, я его убью».

— Зак, что с тобой? — Виггин дотронулся до его руки.

Не в силах сдержаться, Зак отдернул руку, но этого оказалось мало — выбросив вперед правую ногу, он пнул Виггина в голень, а затем толкнул его назад. Виггин отлетел к стене и беспомощно сполз на пол. Зака переполняла неодолимая ярость — из-за всех недель одиночества, из-за страха за мать. Она в самом деле была порочна, и он должен был ее за это ненавидеть. Но он любил ее, а значит, заслуживал всего того очищения, которое получал от отца — ибо он любил кого-то столь порочного, как мать.

Охваченный гневом и страхом, сам не понимая, что делает, Зак набросился на Виггина, колотя его

по груди и животу.

— Перестань! — заорал Виггин, пытаясь отвернуть лицо. — Ты что, решил сделать меня непорочным?

Остановившись, Зак взглянул на собственные руки, затем на беспомощно лежащего Виггина, и сама его поза эмбриона, похожая на свернувшегося червя, вновь разозлила Зака. Его учили, что это такое. Это была жажда крови, звериная ярость, которая, охватив солдата, придавала ему невероятные силы.

Именно ее наверняка ощущал отец, когда проводил над Заком обряд очищения, полностью подчиняя своей воле беспомощное маленькое тельце. У определенного рода людей подобная ярость вызывала неодолимое желание терзать добычу, причинять ей боль, раздирать кожу, наслаждаться кровью, слезами и воплями жертвы.

Нечто столь мрачное и зловещее могло исходить только от Сатаны.

— А я-то считал тебя пацифистом, — тихо проговорил Виггин.

В ушах Зака отдались постоянные слова отца о мире, о том, что слуги Господа не должны отправляться воевать.

— И перекуют мечи свои на орала, — пробор-

мотал Зак, эхом повторяя за цитирующим Михея и Исайю отцом.

— Цитаты из Библии, — кивнул Эндер, распрямляясь на полу. Теперь он был открыт любым ударам, но ярость постепенно проходила. Заку больше не хотелось его бить. Вернее, хотелось, но не в большей степени, чем не хотелось. — Попробуй эту: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

— Не спорь со мной насчет Писания, — заявил Зак. — Я его наизусть знаю.

— Но ты веришь лишь в те его места, которые нравились твоему отцу. Как по-твоему, почему он всегда приводил цитаты о ненависти к войне и насилию, хотя бил тебя смертным боем? Такое впечатление, будто он пытался убедить себя, что в душе он совсем не таков, каким кажется.

— Ты не знаешь моего отца, — сдавленно прошипел Зак.

Он мог бы снова ударить Виггина, но решил, что не станет этого делать — по крайней мере, если тот просто заткнется.

— Я знаю то, что только что почувствовал сам, — ответил Виггин. — Твою ярость. И это было больно.

— Извини, — сказал Зак. — Только, пожалуйста,

заткнись.

— То, что мне было больно, вовсе не значит, что я тебя боюсь. Знаешь, почему я в числе прочего был только рад покинуть родной дом? Потому что мой брат угрожал меня убить, и хотя я сомневаюсь, что он говорил всерьез, у меня все равно внутри все сжималось от страха. Брату нравилось причинять мне боль. Хотя вряд ли он похож на твоего отца — думаю, твой отец ненавидел себя за то, как он с тобой поступал. И именно потому он проповедовал мир.

— Он проповедовал мир, потому что так проповедовал Христос, — возразил Зак. Ему хотелось, чтобы в его словах прозвучали рвение и страсть, но тут же понял, что ответ получился не слишком убедительным.

— Господь — крепость моя и слава моя, — процитировал Виггин. — Он был мне спасением.

— Исход, глава пятнадцатая, — сказал Зак. — Это Моисей, Ветхий Завет. Не подходит.

— Он Бог мой, и прославлю Его; Бог отца моего, и превознесу Его.

— Зачем тебе вообще Библия? — спросил Зак. — Ты что, выучил Писание только ради того, чтобы со мной поспорить?

— Да, — ответил Виггин. — Следующий стих

ты знаешь.

— Господь муж брани, — сказал Зак. — Иегова имя Ему.

— В версии короля Якова говорится просто «Господь», — заметил Виггин.

— Но именно это оно и значит, когда пишется в Библии мелким шрифтом. Они просто избегают упоминания имени Бога.

— Господь муж брани, — повторил Виггин. — Но если бы твой папаша это цитировал, у него не было бы никаких причин сдерживать свою кровожадность, свою ярость берсерка. Он бы тебя просто убил. Так что оно и к лучшему, что он игнорировал все разговоры Иисуса и Моисея насчет Божьего отношения к войне и миру, ибо он настолько тебя любил, что половина его веры стала для него чем-то вроде стены, не позволявшей ему тебя убить.

— Не трогай мою семью, — прошептал Зак.

— Он тебя любил, — повторил Виггин. — Но ты был прав, что боялся его.

— Не заставляй меня снова делать тебе больно, — сказал Зак.

— Насчет тебя я не беспокоюсь, — ответил Виггин. — В тебе вдвое больше мужества, чем в твоем отце. Ты почувствовал, что такое насилие,

и можешь себя контролировать. И ты не станешь меня бить за то, что я говорю тебе правду.

— Все, что ты мне говорил, — ложь.

— Зак, — сказал Виггин. — «Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих». Разве твой отец не цитировал эти слова?

Заку хотелось убить Виггина, и еще ему хотелось разрыдаться, но он не стал делать ни того ни другого.

— Цитировал. Постоянно.

— А потом хлестал тебя до шрамов на спине?

— Я был порочен.

— Нет, это он был порочен. Он сам.

— Некоторые так стремятся найти Сатану, что видят его даже там, где его нет! — крикнул Зак.

— Не припомню такого в Библии.

Это были слова матери Зака. Но признаться в этом Зак никогда бы не смог.

— Не вполне понимаю, о чем ты. Разве это я пытаюсь искать Сатану там, где его нет? Сомневаюсь. Думаю, Сатана обитает в душе того, кто порет ребенка, а затем возлагает вину на него самого. Вот где Сатана.

— Мне нужно домой, — с трудом проговорил

Зак, не в силах сдержать подступившие к глазам слезы.

— И что ты там будешь делать? — поинтересовался Виггин. — Встанешь между матерью и отцом, пока он в конце концов не потеряет самообладание и не убьет тебя?

— Если потребуется — то да!

— Знаешь, чего я больше всего боюсь? — спросил Виггин.

— Мне плевать на твои страхи.

— Как бы я ни ненавидел своего брата, я боюсь, что я такой же, как он.

— Я не ненавижу своего отца.

— Ты его до ужаса боишься, — сказал Виггин, — что не удивительно. Но мне кажется, что, вернувшись домой, ты на самом деле намерен прикончить старого сукина сына.

— Нет! — крикнул Зак.

Его снова переполняла ярость, и он не сумел сдержаться, но на этот раз удары пришлись по стене и полу, а не по Виггину, так что больно стало только собственным кулакам, рукам и локтям Зака. Только ему самому.

— Если он посмеет поднять руку на твою мать… — начал Виггин.

— Я его убью!

Отскочив назад, Зак повалился ничком подальше от Виггина и заколотил по полу кулаками, пока его левая рука не начала кровоточить. Даже при этом он остановился лишь тогда, когда Виггин схватил его за запястье и, вложив что-то ему в ладонь, сжал пальцы.

— Хватит уже крови, — сказал Виггин. — По крайней мере, так мне кажется.

— Никому не рассказывай, — прошептал Зак. — Никому.

— Ты не сделал ничего плохого, — ответил Виггин. — Кроме того, что пытался вернуться домой и защитить мать. Потому что знаешь, насколько безумен и опасен твой отец.

— Так же, как и я сам, — сказал Зак.

— Нет, — возразил Виггин. — Он полная твоя противоположность. Ты можешь себя контролировать — ты удержался от того, чтобы ударить ребенка, даже когда тот преднамеренно тебя провоцировал. Твой отец не мог сдержаться и бил тебя, даже когда ты не совершал абсолютно ничего дурного. Вы нисколько друг на друга не похожи.

— Это все ярость, — сказал Зак.

— Одно из достоинств солдата, — кивнул Виггин. — Обрати ее против жукеров, вместо того

чтобы обращать на себя или своего отца. Или на меня.

— Я не верю в войну.

— Мало кто из солдат в нее верит, — сказал Виггин. — На войне могут убить. Но тебя учат хорошо сражаться, так что, когда в самом деле придет война, ты сможешь победить, вернуться домой и найти всех живыми и здоровыми.

— Дома сейчас опасно.

— Уверяю тебя, дома все прекрасно, — ответил Виггин. — Раз тебя там нет, какой смысл твоей матери оставаться с отцом? Так что, думаю, с его стороны ей ничего не угрожает. Не согласен? Она не может оказаться слабой. Будь она слабой, она никогда не смогла бы произвести на свет кого-то настолько мужественного, как ты. Вряд ли ты унаследовал свою мужественность от отца. Вот уж чем он точно не может похвастаться, иначе не срывался бы на тебе. Так что ты унаследовал ее от матери. И если он поднимет на мать руку, она просто от него уйдет. Ей больше не нужно жить вместе с ним, чтобы заботиться о тебе.

Тон слов Виггина, как и сами слова, действовал успокаивающе. Перекатившись на полу, Зак сел.

— Как бы сейчас не примчался какой-нибудь преподаватель и не начал расспрашивать, в чем

дело.

— Сомневаюсь, — сказал Эндер. — Думаю, они прекрасно знают, что происходит, — вероятно, наблюдают откуда-нибудь по видео, а может, отвлекают других ребят, чтобы те сюда не заявились. Они хотят, чтобы мы разобрались сами.

— С чем разобрались? — спросил Зак. — Я с тобой не ссорился.

— Ты успел поссориться со всеми, кто не давал тебе вернуться домой.

— Я все равно ненавижу эту школу. И хочу отсюда убраться.

— Добро пожаловать в клуб единомышленников, — усмехнулся Виггин. — Слушай, мы так на обед опоздаем. Ты как хочешь, а я собираюсь поесть.

— Так и будешь хромать на левую ногу?

— Да, — ответил Эндер. — После того как ты меня пнул, мне даже притворяться не придется.

— Грудь не болит? Я тебе ребра, случайно, не сломал?

— У тебя явно завышенное представление о собственной силе, — хихикнул Виггин.

Он шагнул в лифт, взялся за поручень, и кабина унесла его наверх.

Зак посидел еще немного, глядя в пространство

и думая о том, что сейчас произошло. Он сомневался в том, что хоть что-то изменилось. Зак все так же ненавидел Боевую школу, и все в Боевой школе ненавидели его. А теперь он ненавидел и своего отца, перестав верить в его фальшивый пацифизм. Виггину вполне удалось убедить Зака, что его отец — никакой не пророк. Черт побери, Зак знал это с самого начала, но лишь вера в одухотворенность отца удерживала его от ненависти и страха — иначе он просто не смог бы этого вынести. А теперь ему больше не нужно было это выносить.

Виггин был прав. Мать стала полностью свободной после того, как с нее сняли все заботы о Заке.

Разжав кулак, он увидел, что сунул туда Виггин, чтобы остановить кровотечение. Это был его носок, пропитанный кровью.

10. Милосердие

Увидев идущего с подносом Виггина, Динк понял, что что-то не так. И дело было вовсе не в том, что его поднос был нагружен вдвойне. Для кого он брал обед? Не важно — главное, что Виггину явно было больно. Динк придвинул стул поближе.

— Что случилось? — спросил он, как только Виггин сел.

— Взял обед для Зака, — ответил Виггин.

— В смысле — что случилось с тобой?

— Со мной? — невинно переспросил Виггин, но его взгляд, лазером вонзившийся в глаза Динка, явно намекал, чтобы тот от него отстал.

— Как хочешь, — сказал Динк. — Мне все равно.

Динк время от времени включался в разговоры за столом, но заметил, что Виггин лишь молча ест, стараясь дышать неглубоко и осторожно. Что у него с грудью? Сломано ребро? Нет, скорее всего, просто ушиб. И еще он подволакивал ногу, хоть и старался не подавать виду. Вдобавок он оставил обед для Зака. Они явно подрались. Пацифист и вундеркинд? Подрались? Бред. Но что еще могло произойти? Если не этот пацифист, то кто мог

поднять руку на такого малыша, как Виггин?

Когда появился Зак, половина ребят уже успела разойтись. Раздача уже закрылась, но Виггин заметил его и, привстав, помахал рукой, тут же поморщившись от боли в груди.

— Я взял тебе обед, — сказал Виггин вошедшему Заку, подвигаясь, чтобы дать ему место. Другие сидевшие за столом явно собрались встать и уйти, если Зак вздумает сесть за один стол с ними.

— Спасибо, я не голоден, — ответил Зак.

Он что, плакал? Нет. И что с его рукой? Ладонь была сжата в кулак, и Динк заметил запекшуюся кровь.

— Я просто хотел тебе вернуть кое-что, — продолжил Зак, кладя на стол рядом с подносом Виггина носок. — Извини, что он мокрый. Пришлось постирать.

— Круто, — ответил Виггин. — А теперь садись и ешь. — Он чуть ли не толкнул Зака на стул.

Все решил носок. Виггин сделал Заку подарок — и не просто подарок, а от Санта-Клауса, — и Зак его принял. Теперь Виггин стоял, положив ладони на плечи Зака, и обводил взглядом остальных солдат Армии Крыс, словно говоря: «Только посмейте встать и уйти».

Динк знал, что, если он встанет, поднимутся и

остальные. Но остался сидеть, как и все остальные.

— У меня созрел стишок, — сказал Динк. — Так себе, конечно, но порой стоит высказаться, чтобы стало полегче.

— Мы только что поели, — заметил Флип. — Может, подождешь, пока у нас пища переварится?

— Нет, тебе пойдет только на пользу, — ответил Динк. — Твоя пища сейчас как раз превращается в дерьмо, мой стишок только будет как раз в тему.

Все рассмеялись, дав ему время окончательно подобрать нужные рифмы.

Как нам с Заком поступить?
Хочется его прибить.
Но удастся вряд ли нам —
Парень до смерти упрям!

С точки зрения поэзии стишок и впрямь оказался слабоват. Но сгодился как символ решения Динка спустить проблему на тормозах. За то время, что прошло между подарком Виггина и стишком Динка, к Заку вернулся прежний статус — его хоть и с трудом, но терпели.

Динк взглянул на Виггина, все так же стоявшего позади Зака, который теперь, похоже, ел даже с некоторым аппетитом.

— Счастливого Рождества, — одними губами произнес Динк.

А Эндер просто молча улыбнулся.

Рассказы[19]

[19] Примечания: 19
Перевод К. Плешкова.

Подающий надежды юноша

— Знаешь, Алессандра, что я сегодня сделала?

— Нет, мама.

Тринадцатилетняя Алессандра поставила рюкзак с учебниками на пол у входной двери и, пройдя мимо матери к раковине, налила себе стакан воды.

— Угадай!

— Добилась, чтобы нам снова дали электричество?

— Эльфы не хотят со мной разговаривать, — вздохнула мать.

Когда-то им обоим казалась забавной эта игра — делать вид, будто электричество исходит от эльфов. Вот только теперь, знойным адриатическим летом, в этом не было ничего смешного — ни холодильника, ни кондиционера, ни видеофильмов, которые могли бы отвлечь от жары.

— Тогда я не знаю, мама.

— Я изменила нашу жизнь, — сказала мать. — Я создала для нас будущее.

Замерев, Алессандра произнесла беззвучную молитву. Она давно уже потеряла надежду, что ее мольбы удостоятся ответа, но считала, что каж-

дая безответная молитва увеличивает перечень обид, которые она могла бы предъявить Богу, будь у нее такая возможность.

— И что же это за будущее, мама?

— Мы станем колонистами! — Мать с трудом сдерживала ликование.

Алессандра облегченно вздохнула — о проекте «Распространение» она слышала в школе. После того как уничтожили жукеров, людьми завладела идея колонизации всех их бывших миров, чтобы судьба человечества больше не зависела от одной-единственной планеты. Однако требования к колонистам предъявлялись весьма строгие, и столь неуравновешенная и безответственная — нет, скорее, просто бесхарактерная и витающая в облаках — личность, как ее мать, никогда не могла оказаться среди них.

— Что ж, мама. Чудесно.

— А ты не особо радуешься.

— Пока одобрят заявку, пройдет немало времени. Да и зачем мы им? Что мы такого умеем?

— Ты всегда была пессимисткой, Алессандра. Если будешь хмуриться по поводу любой новости, не жди от жизни ничего хорошего. — Мать закружилась вокруг, помахивая листком бумаги. — Я подала заявку несколько месяцев назад, дорогая

моя Алессандра. И сегодня мне сообщили, что ее одобрили!

— И ты все это время молчала?

— Я умею хранить секреты, — ответила мать. — У меня много секретов. Но это не секрет — здесь говорится, что мы отправимся на новую планету, где тебя не будут считать лишней, где ты будешь нужна и где станут восхищаться всеми твоими талантами и прелестями.

Всеми ее талантами и прелестями. В колледже, похоже, никто их не замечал. Алессандра была всего лишь неуклюжей длиннорукой и длинноногой девчонкой, которая всегда сидела в заднем ряду, послушно выполняя задания и ничем не выделяясь. Лишь мать считала Алессандру каким-то выдающимся волшебным созданием.

— Можно мне взглянуть на эту бумажку, мама? — спросила Алессандра.

— Что, не веришь? — Мать, пританцовывая, отошла подальше.

Алессандра слишком устала и слишком изнывала от жары, чтобы включаться в игру, так что преследовать мать она не стала.

— Разумеется, не верю.

— Что-то ты сегодня невеселая, Алессандра.

— Даже если это правда, мне от самой мысли

становится страшно. Стоило бы сперва спросить меня. Знаешь, какова жизнь колонистов? Это тяжкий труд на полях и фермах.

— Не говори глупости, — ответила мать. — У них для этого есть машины.

— И никто точно не знает, сможем ли мы питаться местной растительностью. Когда жукеры впервые атаковали Землю, они просто уничтожили все живое в той части Китая, где высадились. Они не собирались есть то, что там росло. Мы не знаем, приживутся ли на их планетах наши растения. Все колонисты могут погибнуть.

— Сейчас там осваиваются ветераны победившей жукеров флотилии. К нашему прибытию они уже решат все проблемы.

— Мама, — терпеливо проговорила Алессандра, — я не хочу никуда лететь.

— Потому что твои жалкие заурядные одноклассники убедили тебя, будто ты обычный ребенок. Но ты не обычная. Ты волшебная. Тебе следует покинуть сей мир праха и уныния, отправившись туда, где земля покрыта зеленью и полна древних сил. Мы будем жить в пещерах древних людоедов и собирать урожай с полей, когда-то принадлежавших им! А прохладными вечерами, когда приятный ветерок будет разве-

вать твою юбку, ты будешь танцевать с юношами, восхищенными твоей красотой и грацией!

— И где же мы найдем таких юношей?

— Увидишь, — пропела мать. — Вот увидишь! Прекрасный, подающий надежды юноша отдаст тебе свое сердце!

Бумажка наконец оказалась в досягаемости Алессандры, и девушка выхватила ее. Мать встала у нее за плечом со знакомой улыбкой на устах. Извещение оказалось вполне реальным. Дорабелла Тоскано, двадцати девяти лет, и ее дочь Алессандра, тринадцати лет, приняты в состав членов Первой Колонии.

— С психологическим отбором они решили не заморачиваться, — заметила Алессандра.

— Хочешь сделать мне больно? Не выйдет. Мать знает, что для тебя лучше всего. И не позволит тебе повторить своих ошибок.

— Да, но заставит за них расплачиваться, — ответила Алессандра.

— Только подумай, моя дорогая, прекрасная, умная, милая, добрая, щедрая и вечно недовольная девочка: на что ты можешь рассчитывать здесь, в Монополи, в Италии, в бедном квартале на улице Луиджи Инделли?

— На улице Луиджи Инделли нет богатых квар-

талов.

— Ну вот, ты сама все понимаешь.

— Мама, я вовсе не мечтаю выйти замуж за принца и уехать в закат.

— Вот и хорошо, моя милая, поскольку никаких принцев не существует — только мужчины и животные, которые притворяются мужчинами. Я вышла замуж за одного из последних, но он, по крайней мере, подарил тебе свои восхитительные скулы и ослепительную улыбку. У твоего отца были великолепные зубы.

— Если бы он еще аккуратнее гонял на своем байке…

— Это не его вина, милая.

— Трамваи ездят по рельсам, мама. Если держаться от них в стороне, тебя не переедут.

— Твой отец не был умен, но, к счастью, у тебя гениальная мать, передавшая тебе кровь фей.

— Кто бы знал, что феи так сильно потеют? — Алессандра откинула с лица матери мокрый локон. — Мама, в колонии нас не ждет ничего хорошего. Прошу тебя, не надо.

— Полет занимает сорок лет — я сходила к соседям и посмотрела в сети.

— На этот раз ты хоть спросила у них разрешения?

— Конечно — ведь теперь они запирают окна. Их очень обрадовало, что мы собираемся стать колонистами.

— Кто бы сомневался.

— Но благодаря магии для нас пройдет всего два года.

— Благодаря релятивистским эффектам путешествий с околосветовой скоростью.

— Какая же ты у меня умница. И даже эти два года мы можем проспать, так что вообще не постареем.

— Здорово.

— Наши тела проспят как будто всего неделю, и мы проснемся в сорока годах отсюда.

— И все, кого мы знаем на Земле, окажутся на сорок лет старше нас.

— И большинства не будет в живых, — пропела мать. — В том числе моей мамаши-ведьмы, которая отказалась от меня, когда я вышла замуж за того, кого любила, и которая никогда не посмеет притронуться к моей любимой дочери.

Подобные слова Алессандра слышала от матери уже не первый раз, причем в них всегда звучала радость. Алессандра никогда не видела свою бабушку, но теперь ей пришло в голову, что, возможно, именно бабушка могла бы помочь ей

избежать колонии.

— Я никуда не полечу, мама.

— Ты несовершеннолетняя, так что полетишь туда же, куда и я, тра-ля-ля.

— Ты сумасшедшая, и я скорее подам в суд, чем куда-то полечу, тру-ля-ля.

— Сперва подумай хорошенько, поскольку я полечу в любом случае, и если тебе кажется, будто тебе тяжело жить со мной, попробуй представить, каково тебе будет без меня.

— Вполне представляю, — ответила Алессандра. — Позволь мне повидаться с бабушкой. — Мать бросила на нее яростный взгляд, но Алессандра решила идти до конца. — Позволь мне жить с ней. А сама отправляйся в свою колонию.

— Но тогда мне вовсе незачем лететь в колонию, милая. Я делаю это ради тебя. Так что без тебя я никуда не полечу.

— Тогда мы никуда не летим. Так и передай.

— Нет, мы летим и крайне этому рады.

Пора было заканчивать эту карусель. Мать могла без конца повторять одни и те же аргументы, но Алессандру они успели утомить.

— Что тебе пришлось им наврать, чтобы нас взяли?

— Я никому не лгала! — Мать сделала вид, будто подобное обвинение повергает ее в шок. — Я лишь подтвердила свою личность. Они все тщательно проверили, так что если у них оказалась ложная информация, в том только их вина. Знаешь, зачем мы им нужны?

— А ты знаешь? — спросила Алессандра. — Тебе что, в самом деле рассказали?

— Тут, чтобы сообразить, не надо быть гением или даже феей, — ответила мать. — Мы нужны им, поскольку мы обе в детородном возрасте.

Алессандра невольно застонала, но мать словно любовалась собой перед воображаемым ростовым зеркалом.

— Я все еще молода, — сказала мать, — а ты как раз вступила в пору расцвета. Там есть мужчины с флота, молодые люди, которые никогда не были женаты. И они страстно ждут нашего прибытия. Так что я готова создать пару даже с шестидесятилетним стариком и родить ему детей, а потом пусть умирает — я к такому привыкла. Но ты… ты станешь наградой для любого юноши. Ты станешь сокровищем.

— В смысле — моя утроба? — спросила Алессандра. — Ты права, именно так они наверняка и считают. Могу поспорить, они берут практически

любую из подавших заявку здоровых женщин.

— Мы, феи, всегда здоровы.

Что ж, это была правда — Алессандра не помнила, чтобы мать когда-либо болела, если не считать случай отравления, когда мать очень жарким вечером решила купить на ужин уличную еду.

— То есть они просто посылают туда стадо женщин, как телок на племя?

— Телкой ты станешь только в том случае, если сама решишь ею быть, — ответила мать. — Единственный вопрос, который сейчас перед нами стоит, — будем ли мы спать весь полет и проснемся перед самым приземлением, или останемся бодрствовать в течение двух лет, проходя обучение и получая опыт, чтобы сразу же включиться в первую волну колонистов.

Слова матери впечатлили Алессандру.

— Ты в самом деле читала документацию?

— Это самое важное решение в нашей жизни, милая моя Алессандра. И я подхожу к делу со всей тщательностью.

— Если бы ты столь же тщательно читала счета за электричество…

— Они меня не интересовали, это лишь свидетельство нашей бедности. Теперь я понимаю, что Бог готовил нас к миру без кондиционеров,

видео и сетей. К миру природы. Мы, народ эльфов, рождены для жизни на природе. Ты придешь на танцы и очаруешь своей волшебной грацией сына короля, и сын короля станет с тобой танцевать, пока не влюбится настолько, что его сердце готово будет разорваться ради тебя. И тогда уже тебе решать, насколько он тебя достоин.

— Сомневаюсь, что там найдется король.

— Но там будет губернатор и другие высокопоставленные чиновники. И подающие надежды юноши. Я помогу тебе сделать выбор.

— Вот без этого я уж точно обойдусь.

— Влюбиться в богача так же просто, как и в бедняка.

— Тебе-то откуда знать?

— Я знаю куда лучше тебя, поскольку однажды уже ошиблась. Когда в сердце ударяет горячая кровь — это самая темная магия, которую следует укрощать. И ты не должна позволять подобного, пока не выберешь достойного твоей любви мужчину. Я тебе помогу.

Спорить не имело смысла. Алессандра давно поняла, что пререканиями с матерью ничего не добьешься — куда лучше было просто ее игнорировать.

Вопрос насчет колонии, однако, никуда не

девался. Определенно пришло время разыскать бабушку. Та жила в Полиньяно-а-Маре, соседнем более-менее крупном городе на побережье Адриатики, — больше о ней Алессандра ничего не знала. И фамилия у нее точно была не Тоскано. Девушка поняла, что придется заняться серьезными изысканиями.

Неделю спустя, пока мать все еще рассуждала, следует ли им проспать весь полет или нет, Алессандра вдруг обнаружила, что к немалому объему информации у детей просто нет доступа. Пошарив в доме, она нашла свое свидетельство о рождении, но это мало чем помогло — в нем указывались лишь ее собственные родители. Ей требовалось свидетельство матери, но в квартире его не обнаружилось.

Правительственные чиновники Алессандру в упор не видели: услышав о ее проблеме, ее тут же отправили восвояси. Лишь обратившись к католической церкви, она смогла хоть как-то продвинуться вперед. Они с матерью не посещали мессу с тех пор, как Алессандра была еще совсем маленькой, но приходской священник помог ей найти сведения о ее крещении. Кроме родителей, там упоминались и крестные, и она сообразила, что либо это и есть ее дед с бабушкой,

либо крестные должны их знать.

В школе она пошарила в сети и выяснила, что Леопольдо и Изабелла Сантанджело жили в Полиньяно-а-Маре. Хороший знак — поскольку там же жила и ее бабушка.

Вместо того чтобы идти домой, она воспользовалась своим ученическим проездным и села на поезд до Полиньяно, а потом три четверти часа бродила по городу в поисках нужного адреса. К ее недовольству, тот оказался в переулке близ улицы Антонио Ардито — старый многоквартирный дом недалеко от железной дороги. Звонок отсутствовал. Алессандра поднялась на четвертый этаж и постучала.

— Хочешь постучать — постучи себе по башке! — рявкнул из-за двери женский голос.

— Вы Изабелла Сантанджело?

— Я Святая Дева, и я занята, отвечая на молитвы. Убирайся!

Сперва у Алессандры промелькнула мысль: «Значит, мама лгала, будто она дочь фей. На самом деле она младшая сестра Иисуса». Но потом девушка решила, что подобное легкомыслие не слишком уместно. Она уже нарвалась на неприятности, уехав из Монополи без разрешения, и ей нужно было выяснить у этой Святой Девы,

является она ее бабушкой или нет.

— Прошу прощения за беспокойство, но я дочь Дорабеллы Тоскано, и…

Женщина, похоже, стояла прямо за дверью, поскольку та распахнулась, прежде чем Алессандра успела договорить.

— Дорабелла Тоскано умерла! Откуда у мертвой может быть дочь?

— Моя мать жива, — ошеломленно ответила Алессандра. — Вы записаны в приходской книге как моя крестная.

— Самая большая ошибка в моей жизни. Она выходит замуж за этого свинтуса, этого посыльного-велосипедиста, когда ей и пятнадцати не исполнилось, — и все почему? Потому что брюхата тобой, вот почему! Она думает, будто замужество вернет ей непорочность! А потом ее идиот-муженек попадает под трамвай. Я ей говорила — Бог есть! Катись к черту!

Дверь перед носом Алессандры захлопнулась.

Она проделала немалый путь, и бабушка не могла прогнать ее просто так. Они даже толком взглянуть друг на друга не успели.

— Но я же ваша внучка, — сказала Алессандра.

— Как у меня может быть внучка, если у меня нет дочери? Скажи своей мамаше, что, прежде

чем посылать свое отродье попрошайничать у меня под дверью, пусть сперва явится сама и как следует извинится.

— Она улетает на другую планету! — воскликнула Алессандра.

Дверь снова распахнулась.

— Да она совсем рехнулась, — сказала бабушка. — Заходи, садись. Расскажешь, каких еще глупостей она натворила.

Квартира выглядела идеально чистой. Сама обстановка являла собой дешевый китч, где в диком количестве присутствовали керамические фигурки и аляповатые картинки в рамках, — но все блестело, ни единой пылинки. Диван и кресла скрывались под грудами одеял, накидок и маленьких вышитых подушек, так что сесть было негде. Бабушка ничего не стала трогать, и в конце концов Алессандра уселась прямо на подушки.

Внезапно почувствовав себя предательницей по отношению к матери, словно ябеда на школьном дворе, Алессандра попыталась смягчить гнев Изабеллы.

— Я знаю, у нее есть свои причины, и мне кажется, она искренне верит, будто поступает так ради меня…

— Ну да, да, и ты этого не хочешь. Так что она

там ради тебя натворила? У меня нет столько времени!

У женщины, вышившей все эти подушки, времени наверняка имелось в избытке, однако Алессандра оставила ее язвительное замечание без ответа.

— Она подала заявку на переселение в колонию и получила добро.

— В колонию? Нет никаких колоний. Это все теперь самостоятельные страны. Даже у Италии не было настоящих колоний со времен Римской империи. С тех пор итальянцы, считай, мужики без яиц, и от них больше никакого толку. От твоего деда, упокой Господь его душу, тоже, в общем-то, не было толку — никогда не мог за себя постоять. Все вертели им, как пожелают. Но он, по крайней мере, тяжко трудился и обеспечивал меня, пока моя неблагодарная дочь не плюнула мне в лицо и не вышла замуж за того мотоциклиста. Твой папаша вообще ни гроша не заработал.

— Во всяком случае, с тех пор как умер, — с трудом сдерживая злость, бросила Алессандра.

— Я говорю про те времена, когда он был жив! Постоянно отлынивал от работы, а может, и наркотой баловался. Может, ты вообще кокаиновое дитя.

— Сомневаюсь.

— Тебе-то откуда знать? — спросила бабушка. — Ты тогда и говорить еще не умела! — (Алессандра молча ждала.) — Ну, рассказывай.

— Я уже рассказала, но вы мне, похоже, не поверили.

— Про что ты рассказала?

— Про колонию. Мы летим на космическом корабле на одну из планет жукеров, чтобы заниматься там сельским хозяйством.

— А жукеры не станут возражать?

— Никаких жукеров больше нет, бабушка. Их всех убили.

— Грязная работенка, но без нее никуда. Если бы мне встретился тот парень, Эндер Виггин, я бы дала ему список тех, кого стоило бы уничтожить раз и навсегда. А от меня ты чего хочешь?

— Я не хочу лететь в космос с мамой. Но я несовершеннолетняя. Если бы вы согласились стать моим опекуном, я могла бы остаться дома. Таков закон.

— Твоим опекуном?

— Да. Присматривать за мной и обеспечивать меня. Я могла бы жить с вами.

— Убирайся.

— Что?

— Вставай и проваливай. Ты что, думаешь — здесь отель? Где, по-твоему, ты собралась спать? На полу, чтобы я споткнулась ночью и сломала ногу? Для тебя здесь нет места. Так и знала, что ты начнешь что-то требовать. Вон!

Спорить не имело смысла. Мгновение спустя Алессандра уже мчалась вниз по лестнице, багровая от злости и унижения. Эта женщина оказалась еще более сумасшедшей, чем мать.

«Мне некуда идти, — подумала Алессандра. — Но разве по закону мама может заставить меня лететь силой? Я уже не младенец и даже не ребенок. Мне скоро четырнадцать. Я умею читать, писать и делать разумный выбор».

Вернувшись в Монополи, Алессандра не пошла сразу домой. Все равно пришлось бы как-то объяснять, где она была, — так почему бы и не задержаться? Может, контора проекта «Распространение» еще открыта?

Но контора оказалась закрыта, и Алессандра не смогла даже взять брошюру. Да и какой смысл? Самое интересное есть в сети. Можно было остаться после школы и найти все что надо. Но вместо этого она отправилась в гости к бабушке.

«Вот тебе и разумный выбор», — усмехнулась Алессандра.

Мать сидела за столом, перед ней стояла чашка шоколада. Подняв взгляд, она проследила, как Алессандра закрывает дверь и ставит на пол рюкзак, но промолчала.

— Мама, извини, я…

— Можешь не врать, — тихо ответила мать. — Старая ведьма уже звонила мне и наорала за то, что я тебя подослала. Я, как обычно, повесила трубку, а потом отключила телефон.

— Извини, — повторила Алессандра.

— Тебе не кажется, что у меня имелись причины исключить ее из твоей жизни?

Внутри Алессандры словно сработал некий триггер, и вместо того, чтобы попытаться отступить, она взорвалась:

— Мне плевать на твои причины! — бросила она. — У тебя их может быть десять миллионов, но ты ни про одну из них мне не говорила! Ты рассчитывала, будто я стану слепо тебе повиноваться! Но своей матери ты не повиновалась, тем более слепо.

— Твоя мать — не чудовище, — ответила мать.

— Чудовища бывают разные, — сказала Алессандра. — Ты из тех, что порхают словно бабочка, но никогда не задерживаются рядом достаточно долго, чтобы вообще понять, кто я.

— Все, что я делаю, я делаю ради тебя!

— Ради меня — ничего. Все, что ты делаешь, ты делаешь ради твоего воображаемого ребеночка, которого на самом деле не существует, идеального счастливого дитяти, каковым оно не может не стать, поскольку ты полная противоположность своей мамаши. Что ж, я не такая. И в доме твоей матери есть электричество!

— Тогда иди и живи там!

— Она мне не позволяет!

— Ты бы возненавидела такую жизнь. Ничего не трогай, всегда делай так, как считает нужным она…

— И потому ты решила улететь в колонию?

— Я лечу в колонию ради тебя.

— Все равно что купить мне лифчик не по размеру. Почему бы тебе сперва не понять, кто я, прежде чем решать, что мне нужно?

— Я скажу тебе, кто ты. Ты девушка, которая слишком юна и неопытна, чтобы понимать потребности женщины. На этом пути я опережаю тебя на десятки километров — я знаю, что тебе предстоит, и пытаюсь сделать твой путь легким и гладким. И знаешь что? Что бы ты там ни думала — я это сделала. Ты сражалась со мной на каждом шагу, но я немало для тебя потрудилась. Ты даже

не знаешь насколько, потому что не знаешь, кем ты могла бы стать.

— И кем же я могла бы стать, мама? Тобой?

— Мной ты никогда не станешь, — ответила та.

— Да что ты говоришь? Тогда кем? Неужели… ею?

— Нам никогда не узнать, кем бы ты могла стать. Потому что ты уже такая, какой я тебя сделала.

— Неправда. Я просто притворяюсь такой, чтобы выжить в твоем доме. А внутри я для тебя совсем чужая. Ты не знаешь меня, но хочешь утащить за собой в космос, даже не спросив, что я думаю об этом. Для тех, к кому относились так, как ты ко мне, раньше было специальное слово. Их называли рабами.

Больше всего Алессандре сейчас хотелось сбежать к себе в комнату и хлопнуть дверью. Но своей комнаты у нее не было — она спала на диване в кухне.

— Понимаю, — кивнула мать. — Пойду к себе. Можешь захлопнуть за мной дверь.

Алессандру тут же разозлило, что Дорабелла прочитала ее мысли, но она не закричала, не набросилась на мать с кулаками, не повалилась

в истерике на пол, даже не рухнула на диван, зарывшись лицом в подушку. Вместо этого она лишь села за стол напротив и спросила:

— Что на ужин?

— Вот как? Надо понимать, дискуссия окончена?

— Можешь продолжать, пока готовишь. Я есть хочу.

— У нас ничего нет — я еще не дала окончательного согласия, потому что пока не решила, будем ли мы в полете спать или бодрствовать, так что подъемные нам пока не дали, и у нас нет денег, чтобы купить еду.

— И как нам быть с ужином?

Мать лишь отвела взгляд.

— Знаю, — радостно заявила Алессандра. — Поехали к бабушке!

Мать яростно уставилась на нее.

— Мама, — сказала Алессандра, — как у нас могут закончиться деньги, если мы получаем пособие? Другим, кто получает пособие, хватает и на еду, и на оплату счетов за электричество.

— А ты как думаешь? — спросила мать. — Оглянись вокруг. Куда я потратила все правительственные деньги? Где вся роскошь? Загляни в мой шкаф и посчитай мои наряды.

— Никогда об этом не задумывалась, — помолчав, призналась Алессандра. — Мы что, задолжали мафии? Или задолжал отец, до того как умер?

— Нет, — презрительно бросила мать. — У тебя теперь есть вся необходимая информация, но ты так ничего и не поняла, хоть ты уже такая взрослая и умная.

Алессандра даже представить не могла, что имеет в виду мать. Никакой новой информации она не получала. И она была слишком голодна, чтобы думать.

В шкафчиках нашлась коробка сухой вермишели и банка черного перца. Налив в кастрюлю немного воды, она поставила ее на плиту и включила газ.

— Для пасты нет соуса, — сказала мать.

— Есть перец. Есть масло.

— С одними лишь перцем и маслом вермишель есть нельзя. Все равно что пихать в рот горстями сырую муку.

— Это не моя проблема, — возразила Алессандра. — В данный момент приходится выбирать между пастой и кожей от ботинок, так что лучше следи за своей обувью.

— Ну конечно, ты сожрала бы мои ботинки,

как и подобает хорошей дочери, — попыталась пошутить мать.

— Радуйся, если не доберусь до твоей ноги.

— Ну да, все дети пожирают родителей живьем. — Мать притворялась, будто все еще шутит.

— Тогда почему то чудовище все еще живет в той квартире в Полиньяно-а-Маре?

— Я об нее зубы обломала! — сделала последнюю попытку мать.

— Ты все время твердишь, какие ужасные поступки совершают дочери, но ты ведь тоже дочь? Ты тоже их совершала?

— Я вышла замуж за первого мужчину, который хотя бы намеком дал мне понять, что такое любовь и нежность. Да, это была глупость.

— Половина моих генов — от этого мужчины, — сказала Алессандра. — Я что, именно потому слишком глупа, чтобы решать, на какой планете мне хочется жить?

— Тебе явно хочется жить на любой планете, где нет меня.

— Это тебе пришла в голову идея насчет колонии, не мне! Но теперь мне кажется, что я поняла. Да! Ты хочешь отправиться в колонию на другой планете, потому что там нет твоей мамаши!

Мать обмякла на стуле.

— Отчасти. Не стану притворяться, будто не думала об этом.

— Значит, признаешься, что все это не только ради меня?

— В подобной лжи я никогда не признаюсь. Все это ради тебя.

— И убраться подальше от своей мамаши — тоже ради меня?

— Да, ради тебя.

— Каким образом? До сегодняшнего дня я даже не знала, как выглядит моя бабушка. Я никогда ее прежде не видела, даже не знала, как ее зовут.

— И знаешь, чего мне это стоило? — спросила мать.

— Ты о чем?

Мать отвела взгляд.

— Вода закипела.

— Нет, не закипела. И я от тебя просто так не отстану. Говори, что ты имела в виду. Чего тебе стоило, чтобы я никогда не знала собственную бабушку?

Мать встала, прошла к себе в комнату и закрыла дверь.

— Ты забыла хлопнуть дверью, мама! Кто тут, собственно, родитель? Кто должен демонстриро-

вать чувство ответственности? И готовить ужин, в конце концов?

Вода закипела спустя три минуты. Алессандра бросила в кастрюльку две горсти вермишели, затем достала учебники и принялась за уроки. В итоге паста разварилась, к тому же была из самой дешевой муки, поэтому слиплась комками, несмотря на масло. Паста просто расползлась на тарелке, и перец едва ли помогал глотать получившуюся кашу. Алессандра механически ела, не сводя взгляда с учебника и тетради, пока в конце концов не поперхнулась. Встав, она сплюнула в раковину и выпила стакан воды, с трудом подавляя желание извергнуть назад содержимое желудка. Наконец ей удалось перевести дух.

— Ммм, вкуснятина, — пробормотала она, возвращаясь за стол.

Там уже сидела мать. Взяв пальцами комок пасты, она бросила его в рот.

— До чего же я хорошая мать, — тихо произнесла Дорабелла.

— Я делаю уроки, мама. Время ссоры вышло.

— Признайся, милая, — мы почти никогда не ссоримся.

— Верно. Ты порхаешь вокруг, не обращая на меня внимания и лучась счастьем. Но, поверь,

меня регулярно подмывает высказать все, что я думаю.

— Сейчас я тебе кое-что расскажу. Ибо ты права — ты уже достаточно взрослая, чтобы многое понимать.

— Ладно, рассказывай. — Алессандра села и посмотрела матери в глаза. Та отвела взгляд. — Что, не станешь? Тогда я займусь уроками.

— Расскажу, — ответила мать. — Просто не буду на тебя смотреть.

— Я тоже не буду. — Алессандра вернулась к урокам.

— Примерно десятого числа каждого месяца мне звонит моя мать. Я отвечаю, поскольку иначе она сядет в поезд и приедет сюда и тогда мне нелегко будет выгнать ее из дома до того, как ты вернешься из школы. Так что я снимаю трубку, и она рассказывает мне, какая я неблагодарная дочь, не люблю ее и потому она живет одна-одинешенька в своей квартире, у нее нет денег, и в жизни ее не осталось никаких радостей. «Переезжай ко мне, — говорит она, — бери с собой свою красавицу-дочь, будем жить в моей квартире, делиться деньгами, и все будет хорошо». — «Нет, мама, — отвечаю я, — я к тебе не перееду». Тогда она рыдает и говорит, что я

отвратительная дочь, которая лишила ее всего хорошего в жизни, бросив ее одну и без гроша. «Я пришлю тебе немного денег», — обещаю я ей. «Нет, не присылай, — отвечает она, — я сама приеду и возьму». — «Нет, — говорю я, — билет на поезд обойдется дороже пересылки, так что лучше пришлю». Каким-то образом мне удается закончить разговор до твоего возвращения, а потом я сижу и думаю: не перерезать ли мне вены? Затем кладу деньги в конверт и иду на почту. А потом она получает деньги, покупает на них какой-то чудовищный хлам и вешает его на стену или ставит на полочку. В ее доме полно вещей, оплаченных моими деньгами, которые должны были пойти на воспитание моей дочери, но я все равно отдаю эти деньги ей и каждый месяц оказываюсь на мели, хотя получаю точно такое же пособие, как и она. Но оно того стоит. Стоит того, чтобы голодать. Стоит того, чтобы ты на меня злилась, потому что ты не должна знать эту женщину, ее не должно существовать в твоей жизни. Так что — да, Алессандра, я делаю все это ради тебя. И если мы сумеем убраться с этой планеты, мне больше не придется посылать матери деньги и она больше не будет мне звонить, потому что, когда мы доберемся до новой планеты, она уже

умрет. Жаль только, что ты недостаточно мне доверяла — иначе разговор этот состоялся бы до того, как ты увидела ее злобную физиономию и услышала ее злобный голос.

Встав из-за стола, мать вернулась к себе в комнату.

Закончив с уроками, Александра убрала учебники в рюкзак и села на диван, уставившись в неработающий телевизор. Она вспоминала, как возвращалась все эти годы из школы и каждый раз заставала порхающую по дому мать, которая рассказывала всякие глупости про фей и магию и про прекрасное, что ей удалось сделать за день, — хотя на самом деле она все это время сражалась с чудовищем, не давая ему проникнуть в дом и поймать в свои цепкие лапы маленькую Алессандру.

Стало понятно, почему им не хватало еды и почему у них не было электричества. И вообще стало понятно все.

Это вовсе не означало, что мать не сумасшедшая, просто теперь ее безумие обрело смысл. И перелет в колонию означал, что мать наконец станет свободной. Именно Дорабелла, а вовсе не Алессандра стремилась вырваться из-под родительской опеки.

Встав, девушка подошла к двери и постучала.

— Я за то, чтобы спать в течение всего полета.

Последовала долгая пауза, затем из-за двери послышался голос матери:

— Я тоже так считаю. — Помедлив, она добавила: — Для тебя в той колонии наверняка найдется молодой человек. Прекрасный, подающий надежды юноша.

— Не сомневаюсь, — ответила Алессандра. — Как и в том, что он станет обожать мою сумасшедшую мамочку. И моя чудесная мамочка тоже его полюбит.

Мать не ответила.

В квартире стояла невыносимая жара, и даже при открытых окнах неподвижный воздух не приносил облегчения. Раздевшись, Алессандра легла в одном белье на диван, но мягкая обивка липла к телу, и она перебралась на пол, подумав, что, возможно, там будет чуть прохладнее, поскольку теплый воздух всегда поднимается вверх. Но, похоже, пол нагревался от теплого воздуха под потолком квартиры этажом ниже, так что лучше не стало, к тому же он оказался чересчур жестким.

А может, и нет, потому что на следующее утро она проснулась на полу, в окно дул прохладный

ветерок с Адриатики, а мать жарила что-то на кухне.

— Где ты взяла яйца? — спросила Алессандра, выйдя из туалета.

— Выпросила, — ответила мать.

— У соседей?

— У соседских кур.

— И никто тебя не видел?

— Во всяком случае, никто не стал мешать.

Рассмеявшись, Алессандра обняла мать. Потом она пошла в школу и на этот раз не побрезговала из гордости благотворительным обедом, понимая, что за ее еду приходится платить матери.

Вечером на столе был ужин, и не простой — рыба под соусом и свежие овощи. Похоже, мама наконец закончила оформление документов и получила подъемные. Они улетали в колонию.

Мать поступила, как подобает порядочному человеку. Взяв с собой Алессандру, она отправилась к соседям, державшим кур, поблагодарила их за то, что не стали вызывать полицию, и заплатила им за взятые яйца. Те пытались отказаться, но мать настояла, что не может покинуть город, не расплатившись с долгами, и что доброта этих щедрых людей равно зачтется им в раю. Они расцеловались со слезами на глазах, и мать от-

правилась домой не своей притворной походкой феи, но легким шагом женщины, сбросившей со своих плеч тяжкое бремя.

Две недели спустя Алессандра зашла в школьную сеть и узнала нечто такое, от чего у нее вырвался громкий судорожный вздох. Несколько человек бросились к ней, и ей пришлось переключиться в другое окно, так что все наверняка решили, что она смотрела порнушку. Алессандре было все равно, и она не могла дождаться, когда сможет вернуться домой и рассказать новость матери.

— Знаешь, кто станет губернатором нашей колонии?

Мама не знала.

— Какая разница? Какой-нибудь жирный старикашка. Или отважный искатель приключений.

— А если это вообще еще не мужчина? Что, если это просто мальчик лет тринадцати-четырнадцати, настолько умный и способный, что смог спасти все человечество?

— Ты о чем?

— Объявлен состав команды нашего колонистского корабля. Пилотом станет Мэйзер Рэкхем, а губернатором колонии — Эндер Виггин.

На этот раз судорожно вздохнула уже мать:

— Мальчик? Они сделали губернатором мальчика?

— Он командовал флотом во время войны, наверняка справится и с колонией, — ответила Алессандра.

— Мальчик. Маленький мальчик.

— Не такой уж и маленький. Моего возраста.

Мать повернулась к ней:

— А ты что, такая уж взрослая?

— Сама знаешь, что достаточно взрослая. Как ты там говорила — детородного возраста?

— И ровесница Эндера Виггина, — задумчиво проговорила мать.

Алессандра почувствовала, что краснеет.

— Мама! Не думай, будто я не догадываюсь, что у тебя на уме!

— Почему бы и нет? Ему все равно придется на ком-то жениться на той далекой планете. Почему бы и не на тебе? — Мать вдруг тоже покраснела и прижала ладони к щекам. — Ох, Алессандра, я так боялась тебе рассказать, но теперь я ужасно рада, и ты тоже обрадуешься!

— О чем рассказать?

— Мы ведь решили провести полет во сне, помнишь? Так вот, я пошла в контору, чтобы отдать бумаги, и увидела, что по ошибке поставила га-

лочку в другой графе — бодрствовать, учиться и войти в первую волну колонистов. И подумала — что, если мне не разрешат исправить ошибку? Я решила, что заставлю их во что бы то ни стало! Но когда я села напротив той женщины, я вдруг испугалась и не стала ничего говорить, просто струсила и отдала бумаги. Теперь, однако, я понимаю, что вовсе не струсила — моей рукой воистину водил Господь, поскольку теперь ты весь полет будешь не спать. Сколько четырнадцатилетних останется бодрствовать на корабле? Думаю, только ты и Эндер. Вы двое.

— Вряд ли он влюбится в такую глупую девчонку, как я.

— У тебя превосходные оценки, к тому же умный парень не ищет девушку умнее себя — он ищет ту, которая его полюбит. Он солдат, который никогда не вернется домой с войны. Ты станешь ему подругой, хорошей подругой. Пройдут годы, прежде чем вам придет время пожениться. Но когда это время придет, он уже будет тебя знать.

— А ты, может, выйдешь замуж за Мэйзера Рэкхема?

— Если ему повезет, — ответила мать. — Но меня устроит любой старик, который попросит моей руки, — лишь бы ты была счастлива.

— Я не выйду замуж за Эндера Виггина, мама. Даже не надейся.

— Не смей мне говорить, на что мне надеяться. Но меня устроит, если ты просто станешь его подругой.

— Меня вполне устроит, если я не описаюсь, впервые его увидев. Он самый знаменитый человек на планете, величайший герой во всей истории!

— Не описаться — уже неплохо для первого шага. Мокрые штаны особо не впечатляют.

Учебный год закончился. Им выдали инструкции и билеты. Сперва нужно было ехать поездом до Неаполя, а потом лететь в Кению, где собирались колонисты из Европы и Африки, чтобы сесть на космический челнок. Последние несколько дней мать и дочь посвятили всему, что так любили в Монополи, — бродили по берегу и маленьким паркам, где Алессандра играла в детстве, ходили в библиотеку, прощались со всем, что придавало радость их городской жизни. Побывали они и на могиле отца, в последний раз положив на нее цветы.

— Жаль, что ты не можешь полететь с нами, — прошептала мать, но Алессандра подумала: если бы он был жив, пришлось бы им лететь в космос,

чтобы найти свое счастье?

В свой последний вечер в Монополи они вернулись домой поздно, а когда подходили к дому, увидели сидевшую на крыльце у подъезда бабушку. Едва их заметив, она вскочила и начала вопить, хотя слов с такого расстояния было не разобрать.

— Давай не будем возвращаться, — сказала Алессандра. — Там все равно нет ничего нужного.

— Нам надо собрать вещи для поездки в Кению, — возразила мать. — К тому же я ее совсем не боюсь.

Они двинулись дальше по улице под взглядами соседей, которые высовывались из окон, чтобы посмотреть, что происходит. Голос бабушки становился все отчетливее.

— Неблагодарная дочь! Собираешься украсть мою любимую внучку и забрать ее в космос! Я никогда ее больше не увижу, а ты мне даже ничего не сказала, не дав мне попрощаться! Какое же ты на самом деле чудовище! Тебе всегда было на меня наплевать! Ты бросила меня в старости — где твой дочерний долг? Эй, соседи, что скажете о такой доченьке? Вы знали, что среди вас живет столь неблагодарная сволочь?..

И так далее, и тому подобное.

Но Алессандра не чувствовала стыда — завтра они уже не будут соседями этим людям, так что ей было все равно. К тому же любой разумный человек понял бы, что нет ничего удивительного в желании Дорабеллы Тоскано забрать свою дочь от злобной ведьмы, от которой если где и можно скрыться, то только в космосе.

Бабушка встала прямо перед матерью и заорала ей в лицо.

Не говоря ни слова, мать обошла ее и направилась к подъезду, но дверь открывать не стала. Повернувшись, она подняла руку, давая бабушке знак замолчать.

Бабушка, однако, замолкать не собиралась.

Мать продолжала стоять с поднятой рукой, и бабушка наконец завершила свою тираду словами:

— Ну надо же, теперь она желает со мной поговорить! А что собралась лететь в космос — об этом она говорить не желала! И только теперь, когда я сама явилась сюда с разбитым сердцем, она удосужилась со мной пообщаться! Ну давай, говори! Чего ты ждешь? Я слушаю! Что тебе мешает?

В конце концов Алессандра шагнула между ними и закричала прямо бабушке в лицо:

— С тобой невозможно говорить, пока ты не

заткнешься!

Бабушка с размаху ударила Алессандру по щеке, заставив ее отшатнуться.

Мать протянула бабушке конверт.

— Здесь все деньги, что остались от наших подъемных. Все, что у меня есть, кроме одежды, которую мы берем в Кению. Я отдаю их тебе. И на этом между нами все кончено. Это последнее, что ты когда-либо от меня получишь. Не считая одного.

Она с размаху ударила бабушку по лицу.

Изабелла пошатнулась и уже собиралась вновь заорать, когда мать, беззаботная фея Дорабелла Тоскано, приблизила к ней лицо и закричала:

— Никто и никогда больше не посмеет ударить мою девочку!

Сунув конверт бабушке в блузку, она взяла ее за плечи, развернула кругом и дала крепкого пинка.

Алессандра обняла мать и расплакалась:

— Мама… я раньше не понимала… не знала…

Крепко прижимая ее к себе, мать взглянула через плечо на ошеломленно наблюдавших за ними соседей.

— Да, — ответила она, — я ужасная дочь. Но я очень, очень хорошая мать!

Кто-то из соседей захлопал в ладоши и рассмеялся, хотя другие отвернулись, недовольно прищелкнув языком. Но Алессандре было все равно.

— Дай-ка посмотрю, — сказала мать.

Алессандра отошла на шаг, и мать внимательно осмотрела ее лицо.

— Похоже, синяк, но ничего страшного. Пройдет. Думаю, к тому времени, когда ты встретишь того прекрасного, подающего надежды юношу, и следа не останется.

Обманщик

Хань-Цзы был надеждой семьи. Он носил монитор, вживленный в затылок, у самого основания черепа. Однажды, когда Хань-Цзы был совсем маленьким, отец поставил его между зеркалами в ванной, и он смог увидеть у себя на затылке крошечный красный огонек. Он спросил отца, почему у других детей нет такого же.

— Потому что ты очень важен для нас, — ответил отец. — Ты вернешь нашей семье то положение в обществе, которого нас много лет назад лишили коммунисты.

Цзы[20] сомневался, что маленький огонек на затылке поможет его семье куда-то вернуться. Не знал он и того, кто такие коммунисты. Однако запомнил слова отца, а когда научился читать, попытался найти что-нибудь про коммунистов,

---

[20] Примечания: 20

Строго говоря, Цзы — не имя и не фамилия, а титул в императорском Китае. И поэтому не используется как самостоятельное имя собственное и пишется через дефис (например, европеизированное Конфуций — это китайское Кун-цзы). А вот Хань — не только самоназвание китайцев, но и вполне аристократическая фамилия. Получается, имени как такового у Хань-Цзы нет. Со стороны автора корректнее было бы называть мальчика Хань, а не Цзы. Кстати, именно так его называли в Боевой школе, пока к нему не прилипло прозвище Горячий Супчик. *(Примеч. ред.)*

или про семью Хань, или про детей с красными огоньками. Но ничего такого не нашлось.

Отец играл с ним несколько раз в день. Цзы рос, постоянно ощущая ласковые прикосновения отцовских рук и видя его улыбку. Отец хвалил его, когда он узнавал что-то новое, и Цзы ежедневно стремился научиться чему-нибудь, о чем можно было рассказать отцу.

— Ты записываешь мое имя как «Тзу», — сказал Цзы, — хотя оно произносится «Цзы». «Тзу» — это старая система… Уэйда — Джайлса. Новая называется «пиньинь».

— Превосходно, мой Цзы, мой маленький повелитель, — сказал отец.

— Есть еще одна письменность, намного более старая, где для каждого слова своя буква. Ее было очень сложно изучать, а вводить в компьютер еще сложнее, и правительство перевело все книги на пиньинь.

— До чего же умный малыш, — улыбнулся отец.

— Так что теперь люди дают детям имена, которые пишутся по старой системе Уэйда — Джайлса, потому что не хотят забывать утерянную славу древнего Китая.

Улыбка исчезла с лица отца.

— Кто тебе это рассказал?

— Прочитал в одной книге, — ответил Цзы, беспокоясь, что чем-то разочаровал отца.

— Что ж, это правда. Китай лишился своей славы. Но однажды он вернет ее себе, и весь мир увидит, что мы по-прежнему Срединное царство. И знаешь, кто вернет Китаю эту славу?

— Кто, папа?

— Мой сын, мой маленький повелитель, Хань-Цзы.

— И куда делась слава Китая, которую я должен вернуть?

— Китай был центром мира, — ответил отец. — Мы изобрели все, что есть на свете. Но варварские царства вокруг Китая украли наши идеи и превратили их в ужасное оружие. Мы их не трогали, но они не желали оставить нас в покое и в конце концов пришли, чтобы разрушить власть императоров. Но Китай продолжал сопротивляться, и одним из величайших генералов в последние годы империи стал твой прославленный предок,

Юань Шикай[21]. Императоры были слабы, а революционеры — сильны. Юань Шикай понимал, что слабые императоры не смогут защитить Китай, и подчинил себе правительство. Он сделал вид, будто соглашается с революционерами Сунь Ятсена[22], но затем уничтожил их и захватил императорский трон, основав новую династию. Однако затем его отравили изменники[23], и он умер незадолго до вторжения японцев[24]. Китайский народ понес наказание за смерть Юань Шикая — сперва пришли японцы, погубив многих, а затем власть перешла к коммунистам, которые правили подобно злобным императорам в течение ста лет, богатея за счет порабощенного китайского народа. Если бы ты только знал, как мечтали китайцы о временах Юань Шикая!

---

[21] Примечания: 21

Китайский военный и политический деятель (1859–1916). В 1912 году стал первым президентом Китая, в 1915 году объявил себя императором, однако незадолго до смерти был свергнут. Последний человек, носивший титул китайского императора. Современная трактовка личности Юань Шикая весьма далека от того романтичного ореола, о котором пишет Орсон Скотт Кард. *(Примеч. ред.)*

[22] Примечания: 22

Китайский революционер и политик (1866–1925). После смерти получил титул «Отца нации». *(Примеч. ред.)*

[23] Примечания: 23

Это легенда. В действительности Юань Шикай умер от уремии. *(Примеч. ред.)*

[24] Примечания: 24

Японо-китайская война (1937–1945) началась через много лет после смерти Юань Шикая. Подобная путаница говорит о том, насколько обрывочными были сведения об истории Китая даже у такого патриота, как отец Хань-Цзы. *(Примеч. ред.)*

Как же они жалели, что его убили до того, как он сумел объединить Китай против варваров и угнетателей!

Вспыхнувший в глазах отца огонь слегка пугал Цзы, но все равно приводил его в невольный трепет.

— Если наш прославленный предок желал Китаю только добра, то почему его отравили? — спросил он.

— Потому что его отравителям хотелось, чтобы Китай пал, — ответил отец. — Им хотелось, чтобы Китай был слаб по сравнению с другими нациями. Им хотелось, чтобы Китаем правили Америка и Россия, Индия и Япония. Но Китай всегда поглощает варваров и возносится вновь, торжествуя над всеми. Никогда не забывай, — отец коснулся висков мальчика, — именно здесь — надежда Китая.

— В моей голове?

— Чтобы совершить то, что совершил Юань Шикай, ты прежде всего должен стать великим генералом. Именно поэтому ты носишь на затылке этот монитор.

Цзы дотронулся до маленькой черной коробочки.

— Он есть у всех великих генералов?

— За тобой наблюдают. Монитор защитит тебя и обеспечит твою безопасность. Я постарался, чтобы у тебя была лучшая на свете мама, и ты получился очень, очень умным. Однажды тебя подвергнут тестам и увидят, что в твоих жилах течет истинная кровь Юань Шикая.

— Где моя мама? — спросил Цзы, который тогда понятия не имел, что такое тесты и как в его жилах может течь чья-то чужая кровь.

— В университете, естественно, — занимается всякими умными вещами. Именно благодаря твоей матери наш округ Наньян и наша провинция Хэнань стали лидерами китайской промышленности.

Цзы уже слышал об этих успехах.

— Она что, делает машины?

— Твоя мама изобрела процесс, с помощью которого почти половину солнечного света можно напрямую превратить в электричество. Именно потому воздух в Наньяне всегда чистый, а наши машины продаются лучше всех остальных в мире.

— Тогда мама должна стать императором! — заявил Цзы.

— Но папа не менее важен, — заметил отец. — В молодости я тяжко трудился и заработал кучу

денег, которыми оплатил ее разработки, когда никто даже не думал, что из этого что-то выйдет.

— Тогда ты становись императором, — сказал Цзы.

— Я один из богатейших людей Китая, — ответил отец, — и уж точно самый богатый в провинции Хэнань. Но чтобы быть императором, одного богатства мало — и ума тоже. Хотя у тебя будет и то и другое — от твоей матери и от меня.

— А что нужно, чтобы стать императором?

— Раздавить всех врагов, завоевать любовь и послушание народа.

Цзы со всей силой стиснул кулак.

— Я умею давить жуков, — проговорил он. — Одного уже как-то раз раздавил.

— Ты очень сильный, — сказал отец. — И я тобой горжусь.

Поднявшись, Цзы отправился бродить по саду в поисках того, что можно было бы раздавить. Он попробовал камень, но тот не поддался. Он сломал ветку, но когда попытался раздавить обломки, те врезались ему в ладонь. Он раздавил червяка, измазав руки в слизи. Червяк был мертв, но что толку от раздавленного червяка? И будет ли враг выглядеть точно так же, когда Цзы раздавит его?

Цзы надеялся, что его враги окажутся податливее, чем камень. Раздавить камень оказалось невозможно, но давить червяков было грязно и неприятно. Куда забавнее было позволять им ползать по руке.

В доме начали появляться наставники. Никто из них не играл с ним слишком долго, и игры у каждого были свои. Некоторые оказывались забавными, и Цзы преуспел во многих. К нему также приводили детей — мальчиков, которым нравилось бороться и бегать наперегонки, и девочек, которым хотелось играть в куклы и одеваться как взрослые.

— Не хочу играть с девчонками, — сказал Цзы отцу, но тот лишь ответил:

— Когда-нибудь тебе предстоит править людьми, и ты должен узнать всех — и мужчин, и женщин. Девочки покажут тебе, о чем следует заботиться, а мальчики научат побеждать.

Так что Цзы учился ухаживать за кукольными младенцами и приносить домой еду, которую должна была готовить «мама», хотя его собственная мама никогда не готовила. Он также научился быстро бегать, отважно бороться и никогда не сдаваться.

Когда ему исполнилось пять, он умел читать

и считать намного лучше сверстников, так что наставники были вполне удовлетворены его успехами — по крайней мере, все они так говорили.

Потом настал день, когда к нему пришел новый наставник, который, похоже, считался важнее всех прочих. Цзы играл с ним пять или шесть раз в день по пятнадцать минут, и игры были каждый раз новые. Ему давали красную фигурку из восьми соединенных вместе кубиков, а затем он должен был выбрать картинку с фигуркой такой же формы.

— Не обязательно того же цвета — цвет может быть другой, — объяснял наставник. — Той же формы.

Вскоре Цзы уже безошибочно находил нужную фигурку, как бы ни была перевернута или искажена картинка и какого бы она ни была цвета. Затем наставник доставал новую, и все начиналось сначала.

Ему также задавали логические вопросы, заставлявшие надолго задумываться, но вскоре он научился находить закономерности. У всех собак четыре ноги. У этого животного четыре ноги. Это собака? Возможно. Только у зверей есть шерсть. У этого животного есть шерсть. Это зверь? Да. У

всех собак четыре ноги. У этого животного три ноги. Это собака? Возможно, это раненая собака — у некоторых раненых собак только три ноги. Но ведь у всех собак четыре ноги! Однако у некоторых только три, потому что они калеки, но при этом они все равно собаки! Наставник улыбался и согласно кивал.

Дальше последовали задания на развитие памяти. Цзы научился запоминать все более длинные перечни предметов, складывая их в шкафчик, который наставник велел ему создать у себя в голове, или мысленно помещая их друг на друга или один внутрь другого. Какое-то время это казалось забавным, хотя вскоре от идеального запоминания бессмысленных списков его начало тошнить. Что смешного в том, что мячик вылезает из рыбы, которая вылезла из дерева, которое вылезло из машины, которая вылезла из портфеля, — и всего этого никак не выкинуть из головы?

В конце концов подобные игры начали утомлять Цзы, и именно тогда он понял, что это вовсе не игры.

— Но ты должен продолжать, — сказал наставник. — Так хочет твой отец.

— Он мне этого не говорил.

— Зато говорил мне. Именно потому меня и пригласили. Так что тебе предстоит как следует научиться играть в эти игры.

— Я и так уже научился.

— Но мы хотим, чтобы ты стал лучшим.

— А кто лучше меня? Вы?

— Я взрослый.

— Как я могу стать лучшим, если нет никого хуже?

— Мы хотим, чтобы ты стал лучшим среди всех пятилетних детей в мире.

— Зачем?

Наставник задумался. Цзы понял, что, скорее всего, он сейчас соврет.

— Есть люди, которые играют с детьми в эти игры, и лучшие получают награду.

— Какую еще награду? — подозрительно спросил Цзы.

— А какую бы ты хотел? — шутливо улыбнулся наставник. Цзы терпеть не мог, когда тот пытался с ним шутить.

— Чтобы мама больше бывала дома. Она никогда со мной не играет.

— Твоя мама очень занята. И это не может быть наградой, поскольку люди, которые их дают, — не твоя мама.

— Но я хочу именно этого.

— Что, если наградой станет полет на космическом корабле? — спросил наставник.

— Меня не интересует полет на космическом корабле, — ответил Цзы. — Я видел картинки. Там просто больше звезд, чем видно здесь в Наньяне. Только Земля маленькая и далеко. А я не хочу быть далеко.

— Не беспокойся, — сказал наставник. — Получив награду, ты будешь счастлив как никогда. А твой отец будет тобой гордиться.

— Если стану победителем, — ответил Цзы, вспомнив, как другие дети побеждали его в борьбе и беге. Такое случалось, пусть и нечасто. Он пытался понять, как они собираются превратить те игры в состязание. Ему что, придется собирать фигуры, чтобы их угадывали другие, а те будут собирать фигуры для него? Он пытался придумать логические вопросы и списки для запоминания — списки, которые не засунешь друг в друга и не сложишь в штабель. Вот только он сам всегда мог вообразить, как что-то входит внутрь чего-то другого. Он мог вообразить что угодно, но в итоге получались лишь еще более дурацкие списки, которые он тоже не мог забыть.

Жизнь становилась все более скучной. Ему

хотелось выйти за стены сада и прогуляться по шумным улицам. Он слышал шум автомобилей, голоса людей и звонки велосипедов по другую сторону ворот, а приставив глаз к щели в заборе, мог даже наблюдать, как те проносятся по улице. Большинство пешеходов говорили по-китайски, а не на общем, как отец и наставники, но он прекрасно понимал оба языка, чем отец тоже гордился.

— Китайский — язык императоров, — повторял отец. — Но общий — язык, который понимает остальной мир. И ты будешь бегло владеть обоими.

Но хотя Цзы и знал китайский, он с трудом воспринимал слова прохожих. Речь их была очень быстрой, а тон голоса постоянно повышался и понижался, так что их тяжело было расслышать. К тому же они говорили о незнакомых ему вещах. Вокруг был целый мир, о котором он ничего не знал и никогда его не видел, поскольку провел всю жизнь в саду, играя с наставниками.

— Давайте выйдем сегодня за ворота, — сказал он наставнице, учившей его общему.

— Но я же пришла, чтобы вместе почитать, — ответила она.

— Давайте выйдем за ворота и почитаем, — на-

стаивал Цзы.

— Не могу, — сказала наставница. — У меня нет ключа.

— У Мужэня есть ключ, — ответил Цзы. Он видел, как повар выходит за ворота, чтобы купить еды на рынке, и возвращается с тележкой. — И у Пэй Тяня тоже есть, — имелся в виду шофер отца, выезжавший на машине за ворота и обратно.

— Но у меня-то нет ключа.

Неужели она и впрямь была настолько глупа? Цзы подбежал к Мужэню.

— Вэнь Дуннуань нужен ключ от ворот.

— Вот как? — спросил Мужэнь. — Зачем?

— Чтобы мы могли выйти на улицу и почитать.

Мужэнь взглянул на наставницу, и та покачала головой. Повар присел на корточки перед Цзы.

— Маленький хозяин, — сказал он. — Тебе незачем выходить на улицу. Твой папа этого не хочет.

Именно тогда Цзы понял, что он пленник.

«Они приходят и учат меня тому, что хочет отец, — думал он. — Я должен стать самым лучшим. Даже детей, которые сюда приходят, выбирают специально для меня. Как я узнаю, что я самый лучший, если не смогу сам найти

себе соперников? И какая вообще разница, если я даже стану лучшим в этих утомительных играх? Почему мне нельзя покидать этот сад и дом?»

— Для твоей же безопасности, — объяснил ему в тот же вечер отец. Вероятно, Мужэнь или наставница рассказали ему про ключ. — Ты очень важен, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Ничего со мной не случится.

— Потому что ты не выйдешь отсюда, пока не будешь готов, — сказал отец. — А сейчас у тебя есть дела поважнее. Наш сад очень большой, и ты можешь ходить по нему куда захочешь.

— Я уже все посмотрел.

— Посмотри еще, — предложил отец. — Всегда можно найти что-то новое.

— Не хочу быть самым лучшим, — заявил Цзы. — Хочу увидеть, что за воротами.

— После того, как пройдешь все тесты, — рассмеялся отец. — У тебя впереди еще куча времени. Ты еще очень юн, и твоя жизнь далеко не закончилась.

Тесты. Сперва нужно было пройти тесты. Прежде чем он сможет выйти из сада, он должен стать лучшим.

Цзы трудился изо всех сил, играя с наставника-

ми в их игры и стремясь добиться все больших успехов, чтобы наконец сдать тесты и выйти за пределы поместья. Заодно он изучил все стены сада, выясняя, нельзя ли уже сейчас пробраться сквозь, над или под ними.

Однажды ему показалось, что он отыскал место, где можно было протиснуться под оградой, но едва он просунул туда руку, его нашел один из наставников и выволок обратно. А потом между нижним краем ограды и землей появилась густая металлическая сетка.

В другой раз он попытался вскарабкаться на ящик, поставив его на мусорный бак, и ему открылся чудесный вид на улицу, по которой, практически не сталкиваясь друг с другом, во все стороны двигались сотни людей, мчались, не падая, велосипеды, и бесшумно проезжали машины, которым люди уступали дорогу. Все были ярко одеты, а лица людей выражали радость или, по крайней мере, интерес. Каждый из них был намного свободнее, чем Цзы. «Что за император из меня получится, если меня будут держать в клетке, словно певчую птицу?» — подумал он.

Он попробовал перекинуть ногу через стену, но, как и в прошлый раз, появился взволнованный наставник, который стащил его вниз и отругал. А

когда Цзы снова туда вернулся, возле стены уже не было мусорного бака. И вообще у стен сада больше ничего не стояло.

«Значит, надо поспешить с тестами, — размышлял Цзы. — Я хочу туда, где все люди. Там были и дети — кто-то держался за руку матери, но кто-то и нет. Они просто… свободны. Я тоже хочу быть свободным».

А потом, в один прекрасный день, новый наставник Шень Гожун, тот самый, что играл с Цзы в логические игры, остановился за порогом его комнаты и о чем-то долго вполголоса говорил с отцом. Потом вошел, не сводя взгляда с листка бумаги, который держал в руке.

— Что на этой бумаге? — спросил Цзы.

— Записка от твоего отца.

— Можно мне прочитать?

— Это записка не для тебя, а для меня, — ответил Гожун.

Но когда он положил листок на стол, оказалось, что это вовсе не записка. Листок был покрыт графиками и надписями. В тот день Гожун выбирал игры, сверяясь с бумажкой.

Так продолжалось много дней. Ответы всегда были одни и те же, пока Цзы не выучил их наизусть и смог цитировать еще до того, как

услышал вопрос.

— Нет, — сказал Гожун. — Прежде чем ответить, всегда нужно дослушать вопрос до конца.

— Зачем?

— Таково правило игры, — ответил наставник. — Если ответишь на вопрос чересчур быстро, вся игра закончится и ты проиграешь.

Правило было дурацкое, но Цзы послушался.

— Скучная игра, — сказал он.

— Скоро состоится тест, — сказал Гожун. — И ты будешь полностью к нему готов. Но никому не говори, что практиковался со мной.

— Почему?

— Для тебя же лучше, если никто не будет обо мне знать, только и всего.

Именно тогда Цзы впервые понял, что с его подготовкой к тестам может быть что-то не так. Но времени на размышления не оставалось, поскольку на следующий день в дом пришли незнакомые мужчина и женщина. У них были круглые глаза и странная красноватая кожа, и они носили знакомую ему по видео форму Международного флота.

— Он хорошо говорит на общем? — спросил мужчина.

— Да, — ответил отец.

Отец был дома! Цзы вбежал в комнату и обнял его.

— Сегодня особый день, — сказал отец, тоже обнимая сына. — Сейчас эти люди поиграют с тобой в кое-какие игры. Своего рода тест.

Цзу повернулся и посмотрел на гостей. Он не знал, что тест будут проводить люди в форме. Но теперь ему стало ясно — отец хотел, чтобы он стал великим генералом, как Юань Шикай. И сперва для этого он должен был пойти в армию. Не в армию Китая, но во флот всего мира.

Но ему не хотелось лететь в космос. Ему хотелось просто выйти на улицу.

Однако Цзы знал, что отцу вряд ли понравится, если он начнет говорить об этом. Так что мальчик просто улыбнулся незнакомцам и по очереди поклонился им. Те тоже улыбнулись и поклонились в ответ.

Вскоре Цзы остался с ними наедине — без наставников, без слуг, без отца. Женщина разложила какие-то бумаги и достала фигуры из кубиков, точно такие же, с которыми он практиковался.

— Уже видел их раньше? — спросила она.

Цзы кивнул.

— Где?

Тут он вспомнил, что ему не следует ничего говорить про Гожуна, и лишь пожал плечами.

— Не помнишь?

Он снова пожал плечами.

Женщина объяснила ему суть игры — точно такой же, в какую играл Гожун. А когда она показала ему фигуру, та оказалась точно такой же, с какой они практиковались, и он сразу же узнал нужный вариант на бумаге, на который и показал.

— Хорошо, — кивнула она.

То же произошло и с последующими двумя фигурами. Точно такие же показывал ему Гожун, и ответ был в точности таким, что и в записке от отца.

Внезапно Цзы все понял. Отец смошенничал. Он выяснил нужные ответы и дал их Гожуну, чтобы Цзы смог заранее выучить их.

Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы сделать следующий вывод. В каком-то смысле это была логическая задача. «Лучший из детей — тот, у кого будут лучшие результаты теста. Отец хочет, чтобы я стал лучшим. Значит, я должен показать лучшие результаты.

Но если я покажу лучший результат, потому что мне заранее дали ответы и научили их запо-

минать, тогда этот тест вовсе не подтвердит, что я лучший, — он лишь подтвердит, что я хорошо умею запоминать.

Если бы отец считал меня лучшим, ему незачем было заранее добывать ответы. Но он добыл их. Значит, отец полагал, что я не смогу пройти тест без особой помощи. Значит, он не считает меня действительно лучшим — он просто хочет одурачить других, чтобы те в это поверили».

Цзы страшно хотелось расплакаться. Но, хотя в глазах жгло и к горлу подступали рыдания, лицо его оставалось невозмутимым. Он не мог допустить, чтобы эти люди узнали, что отец снабдил его ответами. Но он не мог и притворяться самым лучшим, не будучи на самом деле таковым.

На очередной вопрос он ответил неправильно.

И на последующий тоже.

Хотя он знал ответ на каждый вопрос еще до того, как его услышал, он каждый раз отвечал неверно.

Женщина и мужчина из Международного флота не подавали виду, понравились им его ответы или нет. Они лишь весело улыбались, а когда тест закончился, поблагодарили его и ушли.

Цзы ждал, пока в комнату не вошли отец и Гожун.

— Ну как? — спросил отец.

— Ты знал ответы? — спросил Гожун.

— Да, — ответил Цзы.

— Все? — спросил отец.

— Да, — кивнул Цзы.

— Ты ответил на все вопросы? — спросил Гожун.

— Да.

— Отлично, — улыбнулся отец. — Я тобой горжусь.

«Ты вовсе мной не гордишься, — подумал Цзы, когда отец обнял его. — Ты не верил, что я могу пройти тест сам. Ты не считал меня лучшим. И даже сейчас гордишься не мной, а собой, тем, что сумел добыть верные ответы».

В тот вечер устроили особый ужин. Вместе с отцом и Цзы за столом присутствовали все наставники. Отец все время смеялся, и Цзы тоже не мог сдержать улыбку, видя улыбающиеся лица вокруг. Однако он знал, что неправильно ответил на все вопросы, кроме первых трех, и вряд ли отец обрадуется, когда ему станет об этом известно.

После ужина Цзы спросил:

— Теперь мне можно выйти за ворота?

— Завтра, — ответил отец. — Когда будет светло.

— Солнце еще не зашло, — возразил Цзы. — Пойдем сейчас, папа.

— Почему бы и нет? — ответил отец. Поднявшись, он взял Цзы за руку, и они пошли не к воротам, через которые въезжала и выезжала машина, а к входной двери дома. Она выходила в другой сад, и Цзы на мгновение показалось, что отец пытается его одурачить, сделав вид, будто это улица, хотя на самом деле это всего лишь очередной сад. Но дорожка вскоре привела к металлическим воротам, которые открылись от прикосновения отца, а за воротами оказалась широкая дорога с множеством машин — их было намного больше, чем людей. Машины бесшумно проносились мимо, шурша шинами по мостовой, хотя у некоторых не было шин и они просто парили над дорожным покрытием.

— А где все люди и велосипеды? — спросил Цзы.

— За домом — проселочная дорога, по которой ходят по своим делам бедняки, — ответил отец. — А это — главная дорога, которая соединяется с шоссе. Эти машины могут ехать куда угодно — в Сянфань, Чжэнчжоу, Кайфэн, даже Вунань, Пекин или Шанхай. Огромные города, где живут миллионы могущественных людей. В самом богатом и

самом великом из всех государств. — Отец взял Цзы на руки и посадил к себе на колени. — Но ты — самый лучший из детей во всех этих городах.

— Нет, не лучший, — ответил Цзы.

— Конечно лучший.

— Ты сам знаешь, что нет.

— С чего ты так решил?

— Если бы ты считал меня лучшим, ты не дал бы Гожуну все ответы.

Отец пристально посмотрел на сына:

— Я просто хотел быть точно уверен. Тебе они были не нужны.

— Тогда зачем ты велел ему, чтобы он меня им учил? — спросил Цзы.

— Для надежности.

— Значит, ты сомневался?

— Нисколько, — ответил отец.

Цзы, однако, изучал логику.

— Если бы ты был уверен, что я и так знаю ответы, ты не стал бы для надежности добывать их заранее. Но ты их где-то раздобыл. Значит, ты сомневался? — Похоже, слова его слегка огорчили отца. — Прости, папа, но именно так играют в логические игры. Может, тебе надо играть в них побольше.

— Я уверен, что ты самый лучший, — сказал

отец. — Даже не сомневайся.

Поставив Цзы на землю, он снова взял его за руку. Они вышли за ворота и направились по улице.

Эта дорога Цзы совсем не интересовала. Тут почти не было людей, кроме тех, что ехали в машинах, и они проносились мимо слишком быстро, чтобы Цзы мог их услышать. Детей тоже не было. В конце концов, когда они подошли к одному из переулков, Цзы потянул отца в ту сторону.

— Идем туда, — сказал он. — Там все люди!

— Потому-то там и небезопасно, — ответил отец, но тут же рассмеялся и позволил Цзы увлечь его в толпу. Вскоре людей и велосипедов вокруг стало так много, что отец взял его на руки. Так было даже лучше — Цзы теперь мог видеть лица окружающих и слышать их разговоры. Некоторые бросали взгляд на Цзы, которого держал на руках отец, и улыбались обоим. Цзы улыбался и махал в ответ.

Отец медленно шагал вдоль высокой ограды, которая, как понял Цзы, была оградой их сада. Наконец они подошли к воротам, ведущим в их сад.

— Пока не входи, — сказал Цзы.

— Что?

— Это наши ворота, но пока не входи.

— Как ты понял, что это наши ворота? Ты же никогда раньше не бывал по эту сторону.

— Папа, — нетерпеливо проговорил Цзы, — я очень умный. Я знаю, что это наши ворота. Какие же еще? Мы только что сделали полный круг. Можно мне посмотреть еще?

Пройдя мимо ворот, они свернули на одну из улиц, которая, казалось, тянулась до бесконечности, и народу на ней становилось все больше и больше. Люди входили в здания и выходили из них, покупали и продавали, кричали и молчали, смеялись и грустили, разговаривали по телефону и жестикулировали или слушали музыку, танцуя на ходу.

— Это все Китай, папа? — спросил Цзы.

— Лишь малая его часть. В Китае сотни городов и огромные открытые пространства. Пастбища и горы, леса и побережья, морские порты и промышленные центры, шоссе и пустыни, рисовые и пшеничные поля. И миллионы, многие миллионы людей.

— Спасибо, — сказал Цзы.

— За что?

— За то, что показал мне Китай, прежде чем я

улечу в космос.

— О чем ты?

— Те мужчина и женщина, что проводили тест, — они из Международного флота.

— Кто тебе это сказал?

— Они были в форме, — раздраженно бросил Цзы, но тут же понял: на самом деле тест он вовсе не прошел. Он неправильно ответил на вопросы и теперь никуда не полетит. — Не важно. Я все равно остаюсь.

Рассмеявшись, отец привлек его к себе.

— Порой я даже понять не могу, что у тебя на уме, мой маленький повелитель.

Цзы подумал было рассказать отцу, что неправильно ответил на вопросы, но решил все же не делать этого. Отец был так счастлив, и Цзы не хотелось сегодня портить ему настроение.

На следующее утро Цзы завтракал на кухне с Мужэнем, когда у дверей дома появился незнакомец. Посетитель не стал ждать, когда привратник Железная Башка, как втайне называли его Мужэнь и Цзы, позовет отца. По всему дому послышался быстрый топот множества ног.

Дверь кухни распахнулась. Вошел солдат с оружием в руке, который огляделся вокруг.

— Хань-Пэйму здесь? — строго спросил он.

Мужэнь покачал головой.

— А Шень Гожун?

Ответ был тем же самым.

— Гожун придет позже, — сказал Цзы.

— Прошу вас обоих оставаться в кухне, — велел солдат, продолжая стоять в дверях. — И пожалуйста, завтракайте дальше.

Цзы продолжал есть, пытаясь понять, что тут делают солдаты. У Мужэня дрожали руки.

— Тебе холодно? — спросил Цзы. — Или страшно?

Мужэнь лишь покачал головой, не отрываясь от еды.

Вскоре послышался голос отца.

— Позвольте мне хотя бы объяснить все мальчику! — кричал он. — Дайте мне увидеть сына!

Вскочив с циновки, Цзы устремился к кухонной двери, но солдат положил руку ему на плечо.

— Не прикасайся ко мне! — яростно бросил он, стряхивая руку, и побежал по коридору к комнате отца. Солдат последовал за ним.

Едва Цзы оказался у двери, та открылась, и появился тот самый мужчина, который накануне проводил тест.

— Похоже, кое-кто уже принял решение, — сказал он, заводя Цзы в комнату.

Руки отца были скованы за спиной, но один из солдат освободил их, и отец потянулся к Цзы. Цзы подбежал к нему и обнял.

— Тебя арестовали? — спросил мальчик, видевший аресты по видео.

— Да, — ответил отец.

— Из-за ответов? — спросил Цзы. Другая причина просто не приходила ему в голову — какой еще дурной поступок мог совершить его отец?

— Да, — кивнул отец.

Цзы повернулся к мужчине с флота.

— Но ведь ничего плохого не случилось, — сказал он. — Я не пользовался теми ответами.

— Что? — спросил отец.

Цзы снова развернулся к нему.

— Мне не понравилось, что ты хочешь только сделать вид, будто я самый лучший. Так что я не пользовался никакими ответами. Я не хотел, чтобы меня называли лучшим, если на самом деле это не так. — Он вновь обратился к офицеру: — За что вы его арестовываете, если я не пользовался ответами?

— Не важно, пользовался ты ими или нет, — самоуверенно усмехнулся тот. — Важно, что он получил их незаконно.

— Мне очень жаль, — сказал отец. — Но если

мой сын не дал правильных ответов на вопросы, как вы докажете, что имело место мошенничество?

— Во-первых, мы записывали всю беседу, — ответил флотский. — То, что он, зная, что ему даны правильные ответы, решил отвечать неправильно, никак не меняет того факта, что вы незаконно готовили его к сдаче теста.

— Может, вам стоило бы надежнее хранить ответы? — со злостью бросил отец.

— Сэр, — сказал офицер. — Мы всегда позволяем купить ответы на тест тем, кто пытается их заполучить, а потом смотрим, что они станут с ними делать. Столь умный ребенок вряд ли мог неверно ответить на каждый вопрос, если бы не знал весь тест наизусть.

— На первые три я ответил правильно, — сказал Цзы.

— Да, но неправильно на все остальные, — кивнул мужчина с флота. — Даже дети с крайне ограниченным интеллектом иногда случайно отвечают верно.

Отец вдруг повел себя совсем по-другому.

— Виноват только я сам, — сказал он. — Мать мальчика даже понятия об этом не имела.

— Об этом нам известно. Никто ее не тронет,

хотя, естественно, мы ей все сообщим. Наказание не слишком строгое, сэр, но вы наверняка будете осуждены и проведете какое-то время в тюрьме. Флот ни для кого не делает исключений. Мы должны показать всем, что бывает с теми, кто пытается обманывать.

— Зачем, если вы сами позволяете обманывать? — горько спросил отец.

— Если бы мы не позволяли людям покупать ответы, они могли бы придумать более хитроумные способы, которые мы не смогли бы разоблачить вовремя.

— До чего же вы умные!

В голосе отца звучал сарказм, но Цзы подумал, что эти люди и впрямь умны. Жаль, что это не пришло ему в голову раньше.

— Папа, — сказал Цзы, — прости, что так вышло с Юань Шикаем.

Отец украдкой бросил взгляд на солдат.

— Пусть это тебя не беспокоит, — ответил он.

— Я просто подумал — ведь с тех времен, когда жил Юань Шикай, прошло больше ста лет, и у него теперь наверняка десятки потомков, может, даже сотни. И это вовсе не обязательно должен быть я. Вполне сгодится и кто-то другой.

— Только ты, — тихо проговорил отец, по-

целовав Цзы на прощание. Ему снова надели наручники и увели.

Женщина осталась с Цзы, не дав ему последовать за отцом.

— Куда его забирают? — спросил Цзы.

— Недалеко, — ответила женщина. — В тюрьме он пробудет недолго и во вполне комфортных условиях.

— Но он все равно будет опозорен, — заметил Цзы.

— Для человека с фамильной гордостью это самое тяжкое наказание, — кивнула она.

— Мне следовало ответить правильно почти на все вопросы, — сказал Цзы. — Это я виноват.

— Ты ни в чем не виноват. Ты всего лишь ребенок.

— Мне уже почти шесть, — заявил Цзы.

— К тому же, — добавила женщина, — мы следили за тем, как Гожун натаскивал тебя перед тестом.

— Это как? — спросил Цзы.

Вместо ответа она постучала по маленькому монитору на его затылке.

— Папа говорил, это просто ради моей безопасности. Чтобы точно знать, что у меня бьется сердце и я нигде не потеряюсь.

— Все, что видишь ты, видим и мы, — сказала женщина. — Все, что ты слышишь, слышим и мы.

— Значит, вы мне врали, — сказал Цзы. — И вы тоже обманщики.

— Да, — кивнула женщина. — Но мы воюем. Нам можно.

— Наверное, это очень скучно — смотреть на все то, что вижу я. Я так ничего толком и не видел.

— До вчерашнего вечера, — заметила она. Цзы кивнул. — На улицах столько людей — даже и не сосчитать.

— Я не пробовал сосчитать их всех, — сказал Цзы. — Они все шли в разные стороны, в здания и из зданий, в переулки и из переулков. Так что после трех тысяч я перестал.

— Ты насчитал три тысячи?

— Я всегда считаю, — ответил Цзы. — В смысле, мой счетчик.

— Твой счетчик?

— Который у меня в голове. Он считает все подряд, а когда мне нужно число, говорит его мне.

— Гм, — пробормотала она, беря его за руку. — Давай-ка вернемся к тебе в комнату и проведем еще один тест.

— Зачем?

— На этот тест ответы ты точно не знаешь.

— Поспорим, знаю? — возразил Цзы. — Спорим, догадаюсь?

— Да уж, гордости тебе не занимать, — улыбнулась женщина.

Цзы сел и стал ждать, когда она подготовит все необходимое.

Золотой жук

Все ведь основано на доверии, не так ли? Ты поступаешь во Флот, тренируешься до тех пор, пока пилотировать корабль для тебя становится таким же естественным делом, как танцевать. И сражаться корабельным оружием для тебя все равно что собственными кулаками. Потом ты летишь, куда пошлют, оставив родных и знакомых и зная, что из-за релятивистских эффектов никогда больше их не увидишь. Можно во всех отношениях утверждать, что ты уже отдал жизнь за свою страну — нет, за все человечество.

Но во все это можно верить лишь тогда, когда сражение возле далекой планеты действительно заканчивается победой твоего командира и понесенные жертвы того стоят.

Что касается тебя лично — какая, собственно, разница, будешь ты жив или нет? Сэл Менах не раз задавал себе этот вопрос во время своего двухлетнего путешествия на войну. Порой ему казалось, что это вообще не имеет никакого значения. И волновала его лишь победа.

Но когда они добрались до находившейся за сорок световых лет от Земли планеты жукеров

и его корабль, отделившись от транспортника, оказался лицом к лицу с врагом, он вдруг обнаружил: что бы там ни думал его разум, тело его было полно решимости жить.

В наушниках шлема слышался детский голос, отдававший команды его боевой группе. Другой ребенок отдавал приказы его командиру. Их об этом предупреждали и всё заранее объяснили. Голос Мэйзера Рэкхема по ансиблю ввел их в курс дела, рассказав, как отбирали, обучали и тестировали этих детей, которые стали теперь лучшими военными умами человечества, с чьим боевым духом и скоростью реакции не мог сравниться никто в мире.

«Они не знают, что этот тест полностью реален, — говорил Рэкхем. — Главное для них — победить любой ценой. Но могу вас заверить: верховный главнокомандующий Эндер Виггин не разбрасывается ресурсами попусту. Он точно так же станет беречь ваши жизни, как если бы знал, что вы на самом деле там».

«Мы вверяем наши жизни детям», — подумал Сэл.

Но был ли у них иной выбор?

В определенном смысле реальный бой не слишком отличался от того, который дети ве-

ли на своих симуляторах. Внутри истребителя Сэла царила тишина, если не считать голосов командиров и других пилотов, а также музыки Дворжака и Сметаны, всегда помогавшей ему успокоиться и сосредоточиться. Когда кто-то из пилотов погибал, Сэл слышал лишь тихий голос компьютера, сообщавший: «Потеряна связь с...», а дальше шел идентификационный номер истребителя. Если сбитый корабль оказывался неподалеку, на экране симулятора возникала вспышка.

Через час после того, как они покинули транспортник, все закончилось. Полная победа. Ни одного корабля жукеров в небе. А потери их при всех прочих равных были невелики.

Слова Мэйзера о детях-командирах оказались правдой.

Когда уцелевшие истребители вернулись на транспортник и пилоты собрались вместе, чтобы посмотреть воспроизведение боя на большом симуляторе, никто не нашел ни единого повода к чему-либо придраться.

Каждый из детей показал себя самым лучшим образом, но после третьего просмотра до Сэла начала доходить гениальность стратегии Эндера Виггина. Он вынуждал противника занимать

невыгодную для обороны позицию, где тот подставлял себя под удар, и всеми силами стремился минимизировать потери. Виггин заботился о чужих жизнях, сам о том даже не догадываясь.

Но эта победа была далеко не окончательной. Кто знал, сколько еще кораблей строилось на поверхности планеты? И сколько пройдет времени, пока не появится новый противник?

Они просматривали на симуляторе записи последующих сражений возле разных планет, и восхищение Сэла этими детьми лишь росло. Ошибки случались, но общее искусство ведения боя не вызывало ничего, кроме восторга талантами Эндера Виггина.

Как сказал адмирал их экспедиции: «Никто еще не командовал боевыми действиями так хорошо, никто не использовал ресурсы настолько разумно».

А затем пришло время последней битвы, повергшей всех в отчаяние. Полчища вражеских кораблей безнадежно превосходили численностью человеческий флот.

— Если он думает, будто это игра, — сказал Сэл своему другу Рамону, — или даже тест, что мешает ему отказаться продолжать?

— В любом случае войну мы проиграли.

Казалось, Виггин наконец встретил равного себе соперника, поскольку он отбросил прочь всю прежнюю методику, просто послав свой малочисленный флот навстречу рою вражеских кораблей.

Но какая-то методика в его безумных поступках, похоже, все же имелась. Слушая, как переговаривается с Эндером мальчик по имени Боб, они начали догадываться, что на уме у Виггина.

А потом пришел приказ совершить последнюю безумную атаку на поверхность планеты, активировать молекулярное дисперсионное устройство и уничтожить центральный мир целиком.

Победа.

Они праздновали, пили и плакали от радости. Они вспоминали всех, кого когда-то знали и любили на Земле, и снова плакали, уже от горя — ибо теперь те стали на сорок лет старше, а к возвращению флота никого из оставшихся на Земле уже не будет в живых.

Но домой они не собирались. Зная, что из-за последствий релятивистских эффектов к прежней жизни им никогда не вернуться, они отправились в эту экспедицию, намереваясь в случае победы перестать быть военной флотилией и

основать колонию[25].

Они готовились к тому, что им придется сражаться за право владеть планетой, истребляя местное население, — так же, как жукеры намеревались поступить с землянами. Но последняя битва избавила их от такой необходимости. Королевы всех завоеванных планет собрались на своем материнском мире — так сказать, сложив все свои яйца в одну корзину. А после их гибели все рабочие особи и личинки, где бы они ни находились, просто умерли — не мгновенно, но в течение нескольких часов или дней.

Сэл Менах ступил на планету жукеров не как солдат, но как ксенобиолог. Его задачей стало найти способ, который позволил бы земным и местным формам жизни сосуществовать, не вредя друг другу. Что, если местные паразиты представляют опасность для земных форм жизни?

Увы, это оказалось именно так. Пока Сэлу не удалось найти действенное противоядие: от обитавших в атмосфере микроскопических

---

[25] Примечания: 25

Одно из многих разночтений между рассказами и выросшими на их основе романами. На момент отправки Флота никто не планировал колонизацию миров жукеров, поскольку никто даже не знал о них. См. романы «Тень Великана» и «Эндер в изгнании».

червячков погибло больше пилотов, чем в космическом бою.

Но он все же сумел создать препарат, при ежемесячном введении которого человеческая кровь становилась смертоносной для паразитов. Он также сумел сделать кукурузу и амарант невосприимчивыми к местной плесени.

Через несколько лет его опыт уже не требовался в столь существенной степени, и он стал просто еще одним работником в человеческой колонии.

Адмирал стал исполнять обязанности губернатора, а Сэл Менах, по сути, превратился в обычного крестьянина. Из-за малого числа женщин право создать семью было решено разыграть в лотерею, и Сэл оказался в проигравшей половине. У оставшихся холостяками имелась возможность принимать уменьшавшие либидо лекарства, так что от зависти и разочарования они особо не страдали. Сэл обходился без лекарств — не то чтобы у него вообще не возникало желания, просто ему и без того хватало, чем себя занять. Отработав день на ферме, он возвращался в лабораторию, пытаясь найти новые способы сберечь урожай от местных вредителей.

Другие колонисты, имевшие иные специальности, изучали климатические закономерности и

в итоге определили, что данная планета прошла цикл ледниковых периодов, как и Земля, хотя периоды потепления были не столь резкими и короткими. На Земле очередной ледниковый период должен был случиться намного раньше, чем на этой планете, но здесь он сопровождался бы куда более суровыми морозами, к которым не были приспособлены земные семена и корнеплоды. Задача Сэла состояла в том, чтобы помочь им адаптироваться к холодам, чтобы, когда те наконец наступят, растения, от которых зависело выживание людей, смогли просуществовать в течение тысячелетий вечной зимы.

До этого оставались еще сотни лет. Но Сэл привык думать о будущем — только так он мог выносить обрушившиеся на него потери. «Я живу не своей жизнью, — думал ученый. — Я живу проблемами всей планеты. Живу ради будущих поколений, среди которых даже не будет моих потомков».

Когда первые дети колонии достигли брачного возраста, ему было уже почти пятьдесят. Отправившись к губернатору, Сэл сказал, что первоочередное право выбрать себе пару должно предоставляться старшим, не женившимся в первом поколении.

— По сути, это будут экзогамные браки, — объяснил Сэл. — Если новое поколение переженится только друг с другом, генофонд окажется слишком мал. Если же вольется кровь никогда не имевших пары старших, он существенно расширится.

— Вряд ли подобное решение будет пользоваться популярностью, — вздохнул губернатор. — Молодежь — не пилоты и не солдаты. Жукеры для них существуют лишь в виде легенд, фотографий и видеозаписей. Они хотят жениться и выходить замуж по любви. И они сразу же сочтут, что старику просто захотелось молоденького мясца.

— Именно потому я не прошу ничего для себя. Я даю совет как ученый, а не как мужчина, и если мы ему последуем, то через десять поколений станем намного сильнее.

В конце концов губернатор решил сделать такой вариант добровольным и временным. Девушки, давшие согласие, выходили замуж за пожилых мужчин, но только до рождения первенца. Ребенка воспитывали мать и ее новый молодой муж, а биологический отец считался крестным. Некоторые женщины отказались, но большинство было не против.

Наедине губернатор признался Сэлу:

— Все это из-за того уважения, которое все к тебе испытывают. Они знают, что могут не думать о еде лишь благодаря работе, которую ты проделал с растениями и животными.

— Я оказался главным ксенобиологом случайно, — возразил Сэл. — Будь на моем месте другой, с такими же познаниями, он бы сделал то же самое.

— Проблема в том, друг мой, — ответил губернатор, — что многие женщины хотят рожать именно от тебя.

— Но меня им не получить, — сказал Сэл.

— Прости, что спрашиваю, друг мой, но… тебе что, не нравятся женщины?

— Нравятся, и я их люблю — и детей тоже, — ответил Сэл. — Но никто не вправе заявлять, будто этот странный эксперимент принес мне личную выгоду.

— Ты разочаруешь немало женщин.

— Я в любом случае разочаровал бы их. Мои дети наверняка стали бы такими же уродливыми, как я, и такими же упрямыми.

— В чем-то ты прав, — усмехнулся губернатор, но шутка получилась грустной. — Что ж, твоя жертва лишь облегчает мне жизнь.

К тому времени губернатор был уже стар, и

жизнь его продлилась недолго. Он умер, но давно отправленный с Земли корабль с новым губернатором пока не прибыл.

Колонисты избрали временным губернатором Сэла Менаха, не имевшего ни детей, ни племянников — по крайней мере, так считалось. Он руководил колонией пять лет, продолжая свою научную работу, разрешая споры, внося разнообразие в жизнь колонии и основывая небольшие отдаленные поселения в иных природных зонах, чтобы люди могли больше узнать о жизни планеты.

Потом прилетел корабль с колонистами, отправившийся в путь всего через несколько месяцев после великой победы. Его полет занял сорок лет, хотя для находившихся на его борту прошло всего два года. На нем прибыло вдесятеро больше людей, чем уже имелось в колонии, и новый губернатор, назначенный Министерством по делам колоний, а с ним — на случай, если кто-то решит возражать против его полномочий, — сорок хорошо вооруженных молодых морпехов.

Изначальные колонисты — уже называвшие себя первопоселенцами — узнали имя нового губернатора всего за несколько недель до того, как корабль вышел на орбиту. Это оказался сам

Эндер Виггин, творец победы, хотя ему было всего четырнадцать.

Первопоселенцев охватили гнев и страх. Поколение, которое сражалось и выиграло битву, впервые исследовало поверхность планеты, расчистив ее от трупов погибших жукеров, впервые вырастило здесь земные растения, живя в страхе перед паразитами и какое-то время обитая в пещерах жукеров, пока не были созданы подходящие инструменты для постройки жилищ из подходящих деревьев, — это поколение успело постареть. Молодежь двадцати-тридцати лет, пребывавшая в расцвете сил, ничего не знала о Земле. Здесь был их дом, но кто-то решил прислать сюда столько новых колонистов, что сами они становились меньшинством. И что еще более оскорбительно — править ими назначили какого-то мальчишку!

— Он вовсе не обычный мальчик, — сказал Сэл Менах. — Именно благодаря ему этой планетой владеет человечество, а не наши враги. Именно благодаря ему человечество живет в этом уголке галактики, а не борется за выживание в черных холмах нашей собственной планеты, атакуемой жукерами.

— Так ему в награду отдали нашу землю? Да что

там — нас самих!

— Считаете это наградой? — спросил Сэл. — Наградой для него стало бы возвращение домой, к маме и папе. Но вместо этого его послали сюда. Похоже, на Земле этого мальчика просто боятся. В прежние времена его попросту бы убили.

Эти слова несколько отрезвили первопоселенцев, но мысль, что ими будет править ребенок, все равно не вызывала энтузиазма.

— Мы, прибывшие сюда прямо с поля боя, знали, что в любом случае потеряли все, — продолжал Сэл, — Если бы мы просто вернулись на Землю, все наши друзья и родные к тому времени были бы уже мертвы. Мы думали, что здесь нам придется сражаться за каждый дюйм, но благодаря Эндеру Виггину этого не потребовалось. Но мы все равно боролись — и знаете, ради чего? Мы теперь старики. Мы тяжко трудились, чтобы отдать эту колонию в руки других, незнакомых людей, которые даже еще не родились, когда мы сюда прилетели. Я имею в виду вас.

— Но это совсем другое дело. Мы — твои дети.

— Уж точно не мои, — улыбнулся Сэл.

На это им не нашлось что ответить.

— В этом суть цивилизации, — сказал Сэл. — Ты трудишься всю свою жизнь, чтобы создать

некий дар, большой или малый, который затем передаешь другим, незнакомым, чтобы те совершенствовали его и передавали дальше. Кто-то из них может быть с нами в генетическом родстве, но большинство — нет. Мы построили здесь прекрасную жизнь, но когда нас будет больше, каждая из наших маленьких колоний сможет превратиться в город. Мы сможем начать специализироваться в разных областях, торговать, распространяться дальше по планете. Мы сможем сделать ее такой же разнообразной, богатой и плодородной, как Земля, — а может, и еще лучше. И нам нужны гены новоприбывших. Нам нужна порция свежей ДНК, чтобы наши будущие поколения стали конкурентоспособны по сравнению с родившимися на Земле. Они нужны нам точно так же, как им нужны мы, чтобы подготовить почву для их прибытия. Мы — союзники в борьбе человечества за выживание. Мы — братья и сестры на планете, где местная жизнь вообще нам не родная.

Его речи хватило, чтобы подавить немедленный мятеж. Но было ясно, что, как только прибудут новые колонисты, неизбежны конфликты и разногласия и ради сохранения мира придется постоянно объяснять, проявлять терпе-

ние, принуждать и идти на компромиссы, — Сэл все это умел, но это было нелегко. К тому же он устал — да и вообще, теперь это была забота Эндера Виггина.

Сэл начал втайне готовиться к экспедиции на юг — пешком, поскольку в изначальной экспедиции не было вьючных животных, а лишать колонию хотя бы одной из имевшихся машин он не собирался. И хотя повсюду широко распространилось множество новых съедобных гибридов, он намеревался выйти за пределы оптимальной для них климатической зоны, а это означало, что еду приходилось нести с собой. К счастью, ел он немного, к тому же он планировал взять шесть новых собак, генетически измененных и приспособленных к питанию местным белком. Собаки могли охотиться, а потом он убил бы двоих псов на мясо, а остальных отпустил на свободу — две пары, способные выжить в дикой местности.

Сэл знал, насколько опасно для местной экологии выпускать на волю новых хищников. Но они не могли сожрать все местные виды и никак не повредили бы растительности, а для дальнейшего исследования и колонизации было важно иметь в дикой природе съедобных и поддающихся приручению животных.

«Мы здесь не для того, чтобы сохранять местную экологию, как в музее, — думал Сэл. — Мы здесь, чтобы колонизировать планету и перестроить ее под себя».

В точности тем же самым начали заниматься на Земле жукеры. Вот только подход у них был намного радикальнее — сжечь все дотла, а затем посадить растения с их родной планеты.

Не проделали ли они то же самое и здесь? Вряд ли. Сэл не нашел растений, которые жукеры посадили на Земле, после зачистки Китая почти сто лет назад. Эта планета была одной из самых старых колоний жукеров, и ее флора и фауна, похоже, не имела общих генетических предков с их родной планеты. Вероятно, жукеры заселили ее до того, как разработали стратегию, которую начали применять на Земле.

В прошедшие годы Сэл вынужден был посвящать все свое время генетическим исследованиям, необходимым для поддержания жизнеспособности колонии, а затем управления колонией. Теперь же, когда ему появилась замена, он мог отправиться в до сих пор не изученные земли, чтобы узнать все возможное.

Далеко он вряд ли сможет уйти — Сэл рассчитывал в лучшем случае на несколько сотен

километров. Какой смысл, если он не сумеет вернуться и рассказать о своих находках?

С помощью Икса Толо, ведущего ксеногенетика колонии, Сэл подготовил комплект оборудования для взятия и анализа образцов — далеко не все, в чем он нуждался, но хотя бы то, что он мог унести вместе с припасами. Комплект получился довольно скудным, но Икс даже не стал спорить, что само по себе было необычно.

— Почему бы тебе просто не сказать, что нет никакого смысла отправляться в это путешествие без всего необходимого оборудования?

— Потому, — ответил Икс, — что я знаю: на самом деле это твое путешествие вовсе не научная экспедиция.

— То есть?

— Посмотри на себя — ты же старик. И отправляешься куда-то за сотню километров.

— Даже дальше.

— Словно старый слон, который ищет, где умереть.

— Я не собираюсь умирать.

— Губернатор Менах, — сказал Икс, — ты просто старик, которому не хочется встречаться со своим четырнадцатилетним преемником.

— Я не хочу вставать у него на пути, — отве-

тил Сэл.

— Ты знаешь все и всех, а он знает крайне мало.

— Он спас человечество.

— Но вряд ли знает, как управлять колонией. У него есть власть, но нет ни связей, ни влияния. И если ты уйдешь, ему будет намного сложнее.

— Не думаю, — возразил Сэл. — Да, ему станет сложнее, если все будут постоянно обращаться за ответами ко мне. А обращаться обязательно будут. Новые колонисты пробыли весь полет в анабиозе и не знают Эндера, так что предпочтут следовать за любым из тех, кого слушаются первопоселенцы. И если я останусь, таковым буду я. Что бы мы ни говорили или делали, к Эндеру Виггину будут относиться как к моему внуку, а не как к губернатору.

— Возможно, Эндер Виггин куда больше нуждается в дедушке, чем в губернаторской должности.

— Не совершай ошибки, — сказал Сэл. — Виггин будет губернатором намного лучшим, чем когда-либо был я или мой предшественник. Но хотелось бы, чтобы все прошло как можно более быстро и гладко. И ты подашь пример — станешь относиться к нему как к губернатору и помогать

всем, чем только сможешь.

— Хорошо.

— Так что можешь распаковывать второй рюкзак, потому что со мной ты не идешь.

— Второй рюкзак?

— Я не идиот. Ты сложил половину снаряжения, которую я решил не брать, в другой рюкзак, вместе с дополнительными припасами и спальным мешком.

— Никогда не считал тебя идиотом. И я тоже не настолько глуп, чтобы позволить уйти всем имеющимся ксенобиологам, подвергнув колонию опасности.

— Тогда для кого второй рюкзак?

— Для моего сына Бо[26].

— Мне всегда было интересно, почему ты назвал его в честь безумно романтичного китайского поэта. Почему не в честь кого-нибудь из истории майя?

— Потому что у всех персонажей книги Пополь-Вух[27] числа вместо имен. Бо вполне здравомыс-

---

[26] Примечания: 26

В романе «Эндер в изгнании» (перев. А. Мальцева) — По. Китайский поэт — Ли Бо.

[27] Примечания: 27

Пополь-Вух — памятник древней индейской литературы, эпос мезоамериканской культуры, содержит сведения о знатных родах цивилизации майя.

лящий и крепкий парень. Если потребуется, он притащит тебя назад на своем горбу.

— Не настолько я уж стар и немощен.

— В любом случае он сумеет, — заверил Икс. — Но только если ты останешься жив. Иначе он будет наблюдать и записывать весь процесс разложения, а потом соберет образцы микробов и червей, кормившихся твоим рожденным на Земле трупом.

— Рад, что ты все еще мыслишь как ученый, а не как сентиментальный придурок.

— Бо — хороший товарищ.

— И с его помощью я смогу взять больше снаряжения, так что от моего путешествия будет больше пользы. А ты останешься здесь, забавляясь новинками с корабля колонистов.

— И обучая прибывших с ними ксенобиологов. У меня хватит работы и без того, чтобы нянчиться с новым губернатором.

— А мать Бо рада, что он отправляется со мной?

— Нет, — ответил Икс. — Но она знает, что если попробует запретить, он навсегда перестанет с ней разговаривать. Так что ее благословение у нас имеется — до определенной степени.

— Значит, завтра с утра отправляемся.

— Если только не будет запрета от нового губернатора.

— Его полномочия начинаются с того момента, когда он ступит на эту планету. Пока он даже не на орбите.

— Не видел их грузовую декларацию? У них четыре скиммера.

— Если таковой нам понадобится, мы сообщим по радио. Иначе ничего не говори о том, куда мы отправились.

— Хорошо, что жукеры истребили на этой планете всех крупных хищников.

— Ни один уважающий себя хищник не станет жрать мою старую жилистую тушку.

— Я имел в виду моего сына.

— О нем я позабочусь.

Вечером Сэл лег рано, а проснувшись несколько часов спустя, чтобы посетить уборную, заметил, что на ансибле мигает огонек. Сообщение. «Не моя проблема», — подумал он.

Хотя — в самом ли деле? Если полномочия Виггина начинались лишь после того, как тот ступит на планету, Сэл все еще оставался действующим губернатором, в обязанности которого входило принимать сообщения с Земли.

Сев, он дал сигнал, что готов к приему.

Записанных сообщений было два. Он воспроизвел первое — короткое, с изображением лица Граффа, министра по делам колоний.

«Мне известно, что вы намереваетесь покинуть город до прибытия Виггина. Поговорите с ним, прежде чем уйдете. Не беспокойтесь — препятствовать вам он не станет».

И все.

Второе сообщение было от Виггина. Ему в самом деле лишь недавно исполнилось четырнадцать, но на ребенка он совсем не походил: в колонии парни его роста уже выполняли мужскую работу. Так что, возможно, сложностей у него будет меньше, чем предполагал Сэл.

«Прошу сразу же связаться со мной по ансиблю. Мы в радиусе радиосвязи, но мне не хотелось бы, чтобы кто-то смог перехватить наш разговор».

У Сэла возникла мысль передать сообщение для ответа Иксу, но он все же передумал. Речь ведь шла вовсе не о том, чтобы скрыть что-то от Виггина, — лишь о том, чтобы оставить ему свободу действий.

Он сообщил о своем намерении установить связь, и всего несколько минут спустя перед ним появился Эндер. Передача по ансиблю шла мгновенно, без обычной для радио временной

задержки.

— Здравствуйте, губернатор Менах, — сказал Виггин.

— Здравствуйте, сэр, — ответил Сэл.

— Когда мы узнали, что вы уходите, первой моей мыслью было просить вас остаться.

— Интересно, кто мог сообщить о моих планах?

— Любой, кто имеет доступ к ансиблю, — ответил Виггин. — Никто не хочет, чтобы вы уходили. И сперва я решил, что они правы. Но чем больше я об этом думал, тем больше понимал, что, если у меня есть хоть капля мозгов, я должен уважать решение человека, которому реально знакома ситуация на планете.

— Хорошо, — кивнул Сэл.

— Вы провели блестящие генетические исследования. Наши ксенобиологи изучают их с того самого момента, когда я вывел их из анабиоза. Они единодушны в своей высокой оценке ваших достижений по адаптации земных растений и животных к новой среде обитания и уже готовы последовать вашему примеру, используя ваши методики для животных и растений, которых мы привезли с собой.

— Я видел в грузовой декларации множество

вьючных животных, а также молочных, шерстяных, яйценосных и мясных.

— Жукеры уничтожили большую часть местной крупной фауны, так что через несколько лет сможем заполнять эти экологические ниши.

— Икс Толо продолжает вести свои проекты.

— Икс Толо останется главным ксенобиологом в ваше отсутствие, — сказал Виггин. — Вы крайне взыскательно подошли к его профессиональной подготовке, и ксенобиологи с нашего корабля намерены учиться у него, хотя все надеются на ваше скорое возвращение. Все хотят с вами познакомиться — вы ведь для них герой. Это единственная планета, биосфера которой не была полностью изменена жукерами. Другим колониям придется иметь дело с одним и тем же генетическим материалом, но эта — единственная, бросившая уникальный вызов, так что вам в одиночку пришлось совершить то, что другим придется делать совместными усилиями.

— Мне и Дарвину.

— Дарвин получал больше помощи, — заметил Виггин. — Надеюсь, вы оставите свое радио в режиме ожидания вместо того, чтобы его отключать. Мне хотелось бы иметь возможность в случае чего попросить вашего совета.

— Вряд ли такая необходимость у вас возникнет.

— Мне всего четырнадцать, губернатор Менах.

— Вы — Эндер Виггин, сэр.

Виггин промолчал.

— Возможно, мы, сражавшиеся под вашим началом солдаты, уже старики, но мы не забыли того, что вы сделали.

— Я отдавал приказы из уютного безопасного помещения, где мне ничто не угрожало, и даже понятия не имел, что совершаю на самом деле. Вы — те, кто одержал победу.

— Кто строит дом, архитектор или каменщик? Не особо интересный вопрос. Вы возглавляли нас, сэр. Мы уничтожили врага. Мы выжили, чтобы основать эту колонию.

— И человечество никогда больше не будет привязано к единственной планете, — кивнул Виггин. — Каждый из нас делал свое дело. И мы вдвоем продолжим делать то, что в наших силах.

— Да, сэр.

— Пожалуйста, зовите меня Эндрю. Когда вы вернетесь, я хочу, чтобы мы стали друзьями. Если у меня и есть хоть какой-то опыт, так это умение учиться у лучших учителей.

— Если ты тоже станешь звать меня Сэл.

— Да.

— Пойду спать. Завтра предстоит серьезная прогулка.

— Могу послать за вами скиммер, чтобы вам не пришлось тащить свои припасы. Сможете дальше уйти.

— Но тогда первопоселенцы решат, что я скоро вернусь, и будут ждать меня, вместо того чтобы во всем положиться на тебя.

— Не стану делать вид, будто мы не в состоянии найти тебя в любой момент.

— Но ты можешь сказать им, что из уважения ко мне не станешь пытаться этого делать. По моей просьбе.

— Так и будет, — кивнул Эндер.

Больше им говорить было особо не о чем. Они завершили связь, и Сэл отправился отдыхать. Спал он без сновидений и проснулся, как обычно, когда хотел — за час до рассвета.

Бо ожидал его.

— Я уже попрощался с мамой и папой, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Сэл.

— Спасибо, что разрешили пойти с вами.

— Разве я мог тебе помешать?

— Конечно. — В голосе Бо мелькнуло удивление. — Я никогда бы вас не ослушался, дядя Сэл.

— Ладно. — Сэл не стал спорить. — Ты завтракал?

— Да.

— Тогда пойдем. До полудня мне все равно есть не захочется.

Шаг, за ним другой — вот и вся суть путешествия. Но когда шагаешь с широко раскрытыми глазами, это уже не просто путешествие — ты заново переосмысливаешь все, что знал раньше. Ты видишь то, чего никогда прежде не видел. То, чего вообще никогда не видели глаза человека. К тому же ты смотришь на мир особенным взглядом, обученным видеть не просто какое-то, но именно это, конкретное растение, заполняющее конкретную экологическую нишу, но в том или ином отличающееся от других.

А когда твой взгляд за сорок лет привыкает к закономерностям нового мира, ты становишься Антони ван Левенгуком, впервые увидевшим под микроскопом мир мельчайших живых существ, Карлом Линнеем, впервые рассортировавшим все живое по семействам, родам и видам, Чарльзом Дарвином, открывшим законы эволюционного перехода от одних видов к другим.

Так что путешествие было небыстрым. Порой Сэлу даже приходилось заставлять себя спешить.

— Не позволяй мне надолго задерживаться над каждой увиденной мной новинкой, — сказал он Бо. — Для меня будет чересчур унизительно, если моя великая экспедиция уведет меня всего на десяток километров к югу от колонии. Я должен по крайней мере пересечь первую горную гряду.

— И как я смогу вам помешать, когда вы постоянно заставляете меня фотографировать, брать образцы, делать заметки?

— Отказывайся. Говори, чтобы я отрывал от земли свои костлявые колени и шел дальше.

— Всю жизнь меня учили слушаться старших, смотреть и учиться самому. Я ваш помощник, ваш ученик.

— Ты просто надеешься, что мы не слишком далеко уйдем, так что, когда я умру, тебе не придется долго тащить мой труп.

— Я думал, мой отец говорил вам: если вы в самом деле умрете, я должен вызвать помощь и наблюдать за процессом разложения тела.

— Верно. Ты потащишь меня только в том случае, если я еще буду дышать.

— Хотите, начну прямо сейчас? Взвалю вас на плечи, чтобы вы больше не натыкались на но-

вое семейство растений через каждые полсотни метров?

— Для столь почтительного и послушного юноши ты порой бываешь весьма язвителен.

— Всего лишь легкий сарказм. Могу и поднажать, если желаете.

— Вот и хорошо. Я настолько увлекся спором с тобой, что ничего не заметил по пути, хотя мы прошли довольно далеко.

— Зато собаки, кажется, что-то обнаружили.

Это оказалось небольшое семейство рогатых рептилий, похоже занявших экологическую нишу кроликов, — прыгающие большезубые травоядные, вполне способные постоять за себя, если загнать их в угол. Слишком тупые рога не показались Сэлу похожими на оружие, а когда он представил, как эти создания подпрыгивают и сталкиваются лбами во время брачного ритуала, у него возникла мысль, что со столь непрочными черепами они попросту вышибли бы себе мозги.

— Вероятно, рога демонстрируют здоровье, — сказал Сэл.

— Думаю, они сбрасывают рога, а потом те отрастают снова. А может, и всю кожу целиком?

— Нет.

— Поищу где-нибудь сброшенную шкурку.

— Тебе долго придется искать.

— Почему? Потому что они ее съедают?

— Потому что они вообще ее не сбрасывают.

— Откуда вы знаете?

— Я и не знаю, — ответил Сэл. — Я предполагаю. Их не завезли сюда жукеры — это местный вид, а мы не находили ни одной кожи, сброшенной местными животными.

Так, за разговором, и продолжался их путь, уводя все дальше. Да, они делали фотографии, а иногда, когда попадалось что-то по-настоящему новое, останавливались и брали образцы. Может, Сэл и был стар и ему порой приходилось опираться о палку, но он ни разу не сбился с шага. Бо довольно часто уходил вперед, но когда Сэл заявил, что короткий привал закончился и пора идти, паренек испустил протяжный стон.

— Не понимаю, зачем вам эта палка, — заметил Бо.

— Чтобы опираться на нее во время отдыха.

— Но вам же все время приходится тащить ее с собой.

— Не такая уж она и тяжелая.

— На вид довольно тяжелая.

— Она сделана из бальсы — вернее, из дерева, которое я называю бальсой из-за его легкости.

Бо попробовал поднять палку. Та весила не больше фунта, хотя и выглядела толстой и узловатой, расширяясь кверху наподобие кувшина.

— Я бы все равно устал ее нести.

— Только потому, что твой рюкзак тяжелее.

Бо не стал спорить.

— Первым людям, полетевшим к Луне и другим планетам, было проще, — сказал Бо, пока они поднимались по крутому склону. — Между ними и их целью не было ничего, кроме пустого космоса. И у них не возникало искушения остановиться и заняться исследованиями.

— Как и у первых мореплавателей. Они путешествовали от суши к суше, не обращая внимания на море, поскольку у них не было приборов для изучения глубин.

— Мы — конкистадоры, — заявил Бо. — Только мы убили всех до того, как ступили на их землю.

— Так ли велика разница? Впереди конкистадоров шли оспа и другие болезни.

— Если бы мы только могли с ними поговорить, — вздохнул Бо. — Я читал про конкистадоров — у нас, майя, есть повод попытаться понять их. Колумб писал, будто у туземцев, которых он встретил, «не было языка» лишь потому, что те не понимали ни одного наречия из тех, что знали

его переводчики.

— Но у жукеров вообще не было языка.

— Или нам так кажется.

— На их кораблях не было устройств связи — ничего, что могло бы передавать голос или изображения. Они были просто не нужны — они обменивались мыслями, напрямую передавая свои ощущения друг другу. Каким бы ни был данный механизм, он лучше, чем язык, но и хуже, поскольку лишил их возможности говорить с нами.

— Так кто тогда был немым? — спросил Бо. — Мы или они?

— И мы, и они, — ответил Сэл. — И все мы оказались глухи.

— Все бы отдал, лишь бы увидеть хоть одного из них живьем.

— Одиночек у них быть не могло. Они жили ульями. Им требовались сотни, а может, и тысячи особей, чтобы достичь критической массы для обретения разума.

— Или нет, — заметил Бо. — Может, только их королевы были разумны. Иначе почему все они умерли, когда королевы погибли?

— Если только каждая королева не являлась средоточием нервной сети.

— И все равно жаль, что у нас нет ни одного живого жукера, чтобы хоть что-то узнать, а не строить догадки по нескольким высохшим трупам.

— У нас их сохранилось намного больше, чем на любой другой планете. Здесь практически нет падальщиков, способных их сожрать, так что мы успели добраться до планеты и заморозить необходимое количество тел. Собственно, мы сумели в достаточной степени изучить их строение.

— Но королев среди них нет.

— Печаль всей моей жизни, — искренне вздохнул Сэл.

— Что, правда? Именно об этом вы больше всего жалеете?

Сэл молчал.

— Извините, — пробормотал Бо.

— Все в порядке. Я просто размышляю над твоим вопросом. О чем я больше всего сожалею? Как я могу сожалеть обо всем, что осталось на Земле, если я покинул ее, чтобы спасти? А прилетев сюда, я смог заняться тем, о чем другие ученые могут только мечтать. Я уже сумел дать названия пяти с лишним тысячам видов и разработал зачатки классификации для всей местной флоры и фауны. Больше, чем на любой другой планете жукеров.

— Почему?

— Потому что жукеры их очистили, завезя туда лишь ограниченное количество собственной флоры и фауны. Это единственная планета, большинство живущих на которой видов развилось на ней самой. Единственная, где царит первозданный хаос. Жукеры завезли в свои колонии меньше тысячи видов. А их родной планеты, жизнь на которой могла бы быть намного разнообразнее, больше нет.

— Значит, вы не жалеете, что прилетели сюда?

— Жалею, конечно, — вздохнул Сэл. — Но при этом и рад, что оказался здесь. Жалею, что я уже старая развалина, но рад, что еще жив. Похоже, все мои поводы для сожаления каким-то образом уравновешиваются поводами для радости. Так что в среднем я вообще ни о чем не жалею. Но при этом я и не особо счастлив. Идеальный баланс. В среднем меня на самом деле не существует.

— Отец говорит, что, если кто-то делает абсурдные выводы, он не ученый, а философ.

— Но мои выводы вовсе не абсурдны.

— Вы же существуете. Я вижу вас и слышу.

— С генетической точки зрения, Бо, меня не существует. Я не принадлежу к кругу жизни.

— Выходит, вы предпочитаете, чтобы ваша

жизнь была лишена смысла?

— Ты воистину сын своей матери, — рассмеялся Сэл.

— Не отца?

— Обоих, естественно. Но уж всякого бреда сивой кобылы твоя мать точно бы не потерпела.

— Кстати, не могу дождаться, когда смогу увидеть живую кобылу.

По прошествии двух недель и почти двухсот километров пути они как минимум по два раза обсудили все мыслимые темы и теперь большую часть времени шли молча, если того не требовали обстоятельства.

— Не хватайся за ту лиану, она непрочная.

— Интересно, эта ярко окрашенная лягушка ядовитая?

— Сомневаюсь, учитывая, что это камень.

— Он выглядел настолько живым, что мне показалось…

— Логичное предположение. К тому же ты не геолог, так что понятно, почему ты не смог распознать камень.

Наконец пришло время остановиться. Они тщательно распределяли припасы: еды оставалось только половина. Разбив более-менее постоянный лагерь возле чистого источника воды, они

нашли подходящее место, вырыли яму для уборной и поставили палатку, глубоко вкопав шесты и утоптав под ней землю. Здесь они намеревались пробыть неделю.

Неделю — поскольку именно столько они рассчитывали прожить за счет мяса убитых в тот день собак.

Сэл пожалел, что лишь двум собакам хватило ума сообразить, что людям-хозяевам доверять больше не стоит, и те сбежали. Другую пару пришлось прогонять камнями.

Как и все колонисты, Сэл и Бо умели сохранять мясо, прокоптив его. Они пожарили лишь небольшую часть, подвесив остальное над дымящимся костром на гибких ветвях похожего на папоротник дерева — или похожего на дерево папоротника.

Отметив грубый круг на своей спутниковой карте, они каждое утро расходились в разные стороны на поиски новых образцов, которые теперь собирали вполне целеустремленно. Сделанные фотографии они сбрасывали на орбитальный транспортный корабль, где те сохранялись на больших компьютерах. Теперь это был всего лишь крупный спутник, электроника которого работала от минимальных количеств топли-

ва, а базы данных в автоматическом режиме пересылались с помощью ансибля на Землю. Фотографиям и результатам анализов ничто не угрожало — они уцелеют, что бы ни случилось с Сэлом и Бо. Однако образцы представляли собой куда большую ценность. После возвращения в колонию их можно будет подробно изучить, используя намного более совершенное оборудование, прибывшее с новыми колонистами.

Ночью Сэл долго не мог заснуть, размышляя об увиденном, мысленно классифицируя открытия прошедшего дня и пытаясь постичь биологию этой планеты.

Проснувшись, он, однако, не мог вспомнить никаких великих озарений, пришедших ему ночью. Никаких прорывов — лишь продолжение уже проделанной работы.

«Мне следовало отправиться на север, в джунгли, — думал он. — Но джунгли намного опаснее. Я старик, джунгли могут меня убить. В умеренной зоне хоть и холоднее, чем в колонии, поскольку та ближе к полюсам и выше, но безопаснее — на открытой местности нет никого, кто мог бы прыгнуть на тебя из засады».

На пятый день они пересекли тропу.

Ошибки быть не могло. Конечно, это была не

дорога, ведь жукеры почти не строили дорог. Они протаптывали тропы — естественный и неизбежный результат работы движущихся одним и тем же путем тысяч ног.

Протоптали они и эту тропу, хотя с тех пор прошло сорок лет. Как бы ни зарастал путь все эти годы, он оставался легко заметен сквозь каменистую почву узкой наносной долины.

О дальнейших поисках флоры и фауны не могло быть и речи. Жукеры явно обнаружили здесь нечто ценное, и археология хотя бы на несколько часов взяла верх над ксенобиологией.

Тропа, извиваясь, уходила все выше в холмы, но спустя недолгое время привела ко множеству входов в пещеры.

— Это не природные пещеры, — сказал Бо.

— Гм?

— Это туннели. Они слишком новые, и вокруг них не осыпалась земля, как вокруг настоящих пещер. Их кто-то прокопал. Они все на одной и той же высоте — заметили?

— Чертовски неудобная высота для человека.

— Это не наша задача, сэр, — ответил Бо. — Мы нашли место. Нужно вызвать других, и пусть они исследуют туннели. Мы здесь ради живых, а не мертвых.

— Мне нужно знать, чем они тут занимались. Уж точно не сельским хозяйством — нет никаких следов их одичавших культур. Никаких садов, да и мусорных куч тоже — вряд ли это было крупное поселение. Тем не менее сюда постоянно приходили.

— Рудники? — предположил юноша.

— Есть другие мысли? В этих туннелях есть нечто ценное для жукеров, и они достаточно долго добывали это в больших количествах.

— Не в таких уж больших, — заметил Бо.

— То есть?

— Это примерно как со сталеплавильным производством на Земле. Хотя целью являлась переплавка чугуна для получения стали и уголь добывали лишь для разогрева плавилен и доменных печей, носили не уголь к чугуну, а чугун к углю — поскольку для выплавки стали угля требовалось намного больше, чем чугуна.

— Похоже, у тебя были отличные оценки по географии.

— Я никогда не видел Землю, — сказал Бо. — И мои родители тоже родились здесь. Но Земля все равно моя родина.

— То есть хочешь сказать: что бы ни добывали в тех туннелях, добыча была не настолько велика,

чтобы строить здесь город?

— Они располагали свои города там, где имелись еда или топливо. То, что они добывали здесь, экономичнее было переправлять в имевшиеся города, а не строить отдельное поселение для его переработки.

— Похоже, из тебя и впрямь что-то вырастет, Бо.

— Я уже вырос, сэр, — ответил Бо. — И уже кое-что из себя представляю. Просто пока этого недостаточно, чтобы девушки хотели выйти за меня замуж.

— И ты нисколько не сомневаешься, что знания по экономической истории Земли помогут тебе найти пару?

— Не больше, чем рога тем жабокроликам, сэр. Ну что, пойдем?

Сэл закрепил в утолщенном набалдашнике своей палки маленький масляный фонарь.

— А я думал, это у вас для украшения, — сказал Бо.

— Когда-то и было украшением, — ответил Сэл. — И именно таким образом росло из земли это дерево.

Сэл свернул спальный мешок и убрал половину оставшейся еды в рюкзак вместе с оборудованием

для анализов.

— Собираетесь провести там ночь?

— Что, если мы найдем что-то выдающееся, а потом нам придется снова выбираться из туннелей, прежде чем сможем заняться исследованиями?

Бо послушно собрал вещи.

— Вряд ли нам там понадобится палатка.

— Сомневаюсь, что пойдет сильный дождь.

— В пещерах может течь.

— Выберем место посуше.

— Вряд ли там кто-то обитает. Это же не естественная пещера. Вряд ли мы найдем там рыбу.

— Есть птицы и другие существа, которые любят темноту. Или которые считают, что внутри безопаснее и теплее.

— Если бы только эти туннели были чуть повыше, — вздохнул Бо у входа.

— Я не виноват, что ты так вымахал.

Сэл зажег масляный фонарь, топливом для которого служил экстракт найденных им дикорастущих плодов. Теперь они росли в садах, давая три урожая в год, хотя, кроме масла, они не годились больше ни на что — только на удобрения. Иметь не дающее копоти топливо для освещения было удобно: не требовалось проводить электричество в каждое здание, особенно в отдаленных

колониях. Сэл относил данное открытие к числу своих любимых — особенно если учесть, что ничто не указывало на использование его жукерами. Естественно, в темноте те чувствовали себя как дома. Сэл вполне мог представить, как они стремительно несутся по этим туннелям, ориентируясь исключительно на обоняние и слух.

«Человек произошел от существ, убежищем которым служили деревья, а не пещеры, — подумал Сэл, — и хотя люди в прошлом неоднократно пользовались пещерами, но всегда относились к ним подозрительно. Темнота одновременно и привлекала, и повергала в ужас. Жукеры ни за что не позволили бы остаться на этой планете любым крупным хищникам, особенно в пещерах, поскольку сами являлись строителями туннелей и пещерными обитателями.

Если бы только война не уничтожила родную планету жукеров! Как много мы могли бы узнать, изучая чуждую нам эволюцию, приведшую к возникновению разума!

Но опять-таки, если бы Эндер Виггин не взорвал их планету, мы бы проиграли войну. И тогда у нас не осталось бы для изучения даже того, что мы имеем сейчас. Здесь эволюция не породила разум — или жукеры успели его полностью истребить

вместе со всеми следами, которые могли оставить изначальные разумные обитатели».

Пригнувшись, Сэл вошел в туннель. Но идти так было нелегко — мешала старческая спина. Он не мог даже опираться на палку, поскольку та была слишком длинной и приходилось тащить ее за собой, стараясь удерживать достаточно прямо, чтобы масло не выплескивалось из бачка.

Вскоре Сэл уже попросту не мог двигаться дальше. Он сел, и Бо опустился рядом с ним.

— Так у нас ничего не получится, — сказал Сэл.

— У меня спина болит, — пожаловался Бо.

— Немного динамита бы не помешало.

— Можно подумать, вы им бы воспользовались, — заметил Бо.

— Я не говорю, что это морально оправдано, — ответил Сэл. — Просто удобно. — Он протянул Бо палку с фонарем наверху. — Ты молодой, у тебя все пройдет. А я попробую по-другому.

Сэл попытался ползти, но тут же отказался от своей затеи — коленям было слишком больно на каменистом полу. В конце концов он стал передвигаться сидя, опираясь на вытянутые руки и подтягивая зад и ноги. Скорости это явно не прибавляло.

Бо тоже попытался ползти и вскоре сдался. Но,

поскольку он держал палку с фонарем, ему ничего не оставалось, как идти наклонившись, на полусогнутых коленях. Вероятно, парень в итоге стал бы калекой, но Сэл в любом случае не услышал бы жалоб его родителей, поскольку сам никогда не выбрался бы из этого туннеля живым.

Внезапно свет потускнел. На мгновение Сэлу показалось, будто фонарь погас, но нет — Бо выпрямился, поставив палку вертикально, так что туннель, по которому пробирался Сэл, оказался в тени.

Но это уже не имело значения. Сэл увидел впереди зал — естественную пещеру со сталактитами и сталагмитами, которые, сросшись, поддерживали свод. Однако это были не обычные, идущие прямо вверх и вниз колонны, образовывавшиеся за счет потеков насыщенной известью воды. Они извивались, словно корчась в безумных муках.

— Это не естественные отложения, — сказал Бо.

— Да, они искусственные. Но и непохоже, что их изначально такими задумывали.

— Фрактальная недетерминированность? — предположил Бо.

— Вряд ли, — ответил Сэл. — Да, они выглядят хаотично, но эта хаотичность истинная, а не

фрактальная. Не математическая.

— Похоже на собачьи какашки, — заметил Бо.

Сэл пригляделся к колоннам. Формой они действительно напоминали длинные собачьи экскременты, отложенные сверху, — сплошные, но при этом гибкие, свисающие с потолка.

Посмотрев вверх, Сэл поднял отнятую у Бо палку.

Зал, похоже, тянулся до бесконечности, поддерживаемый извивающимися каменными колоннами — словно арки в древнем храме, но оплавившиеся наполовину.

— Композитная порода, — сказал Бо. Сэл увидел, что тот изучает материал колонны в микроскоп с подсветкой. — Похоже, тот же минеральный состав, что и у пола, только зернистый. Словно камень размололи, а потом склеили обратно.

— Не склеили, — поправил Сэл. — Скорее скрепили. Цементом?

— Мне кажется, все же склеили, — ответил Бо. — Думаю, это органика.

Забрав палку, Бо поднес пламя фонаря под изгиб одной из самых извилистых колонн. Субстанция не горела, но начала течь.

— Эй, прекрати! — велел Сэл. — Еще не хватало, чтобы эта штука на нас рухнула.

Имея теперь возможность идти во весь рост, они направились вглубь пещеры. Бо пришла в голову мысль отмечать путь, отрезая кусочки одеяла и бросая их на пол. Он то и дело оглядывался, чтобы убедиться, что они движутся по прямой. Сэл тоже оглянулся и понял, что без этих меток они вряд ли когда-либо нашли бы выход.

— Ну, расскажи, как все это сделано, — предложил Сэл. — Ни на полу, ни на потолке нет никаких следов орудий. Колонны из дробленого камня с добавлением клея, причем достаточно прочного, чтобы поддерживать пещеру такого размера. Но не осталось никакого оборудования для дробления, никаких ведер, в которых носили клей.

— Гигантские черви-камнееды, — сказал Бо.

— Я тоже так подумал, — кивнул Сэл.

— Я пошутил, — рассмеялся Бо.

— А я нет, — возразил Сэл.

— Как могут черви есть камень?

— Прогрызая себе путь очень острыми, быстро отрастающими зубами. Образующаяся крошка скрепляется некоей клейкой слизью, и они извергают из себя эти колонны, а потом прикрепляют их к потолку.

— Но как могло возникнуть подобное суще-

ство? — спросил Бо. — В камне нет никаких питательных веществ. И для подобного требуются чудовищные затраты энергии. Не говоря уже о том, из чего должны быть сделаны их зубы.

— Вряд ли они возникли в результате эволюции, — ответил Сэл. — Смотри-ка, что это?

Впереди что-то блестело, отражая свет фонаря. Подойдя ближе, они увидели отблески и на колоннах, даже на потолке. Но ярче всего сверкало нечто, лежавшее на полу.

— Ведро с клеем? — спросил Бо.

— Нет, — ответил Сэл. — Это гигантский жук. Насекомое. Муравей. Или что-то вроде того. Ты только взгляни, Бо.

Теперь уже было видно, что это шестиногое существо, хотя средняя пара ног, похоже, была лучше приспособлена для цепляния, чем для ходьбы или хватания. Передние предназначались для того, чтобы хватать и терзать. Задние — чтобы копать и бегать.

— Как считаешь? Двуногое? — спросил Сэл.

— И так и этак. Двуногое, когда потребуется. — Бо толкнул существо ногой — никакой реакции. Оно явно было мертво. Наклонившись, он согнул и покрутил задние конечности, затем передние. — Думаю, оно могло одинаково хорошо

передвигаться и на двух, и на шести лапах.

— Странная эволюция, — заметил Сэл. — Анатомия обычно стремится либо к одному, либо к другому варианту.

— Как вы и говорили — оно не эволюционировало, а было искусственно создано.

— Для чего?

— Для добычи ископаемых. — Бо с трудом перевернул оказавшееся неожиданно тяжелым существо на брюхо. Теперь стало понятнее, что именно отражало свет. Его спина представляла собой сплошной лист золота, столь же гладкий, как панцирь жука. Именно из-за него оно весило десяток с лишним килограммов.

Длина приземистого тела составляла сантиметров двадцать пять — тридцать. Весь экзоскелет был покрыт тонким золотым слоем, переходившим на спине в мощную броню.

— Думаете, эти существа добывали золото? — спросил Бо.

— Только не с таким ртом, — ответил Сэл. — И не с такими лапами.

— Но золото же как-то попало внутрь, чтобы отложиться в панцире.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Сэл. — Но это взрослая, полностью созревшая особь. Полагаю,

жукеры выносили их с рудников и куда-то забирали, чтобы сжечь органику и получить чистый металл.

— То есть они питались золотом, будучи личинками…

— Потом превращались в коконы…

— А затем выходили из них, заключенные в золотой панцирь.

— Собственно, вот и они. — Сэл снова поднял фонарь, подходя ближе к колоннам. Теперь стало ясно, что отблески исходят от наполовину сформировавшихся существ, спины которых составляли единое целое с колоннами, а на головах и животах сверкал тонкий слой золота.

— Колонны — и есть коконы, — сказал Бо.

— Органическая добыча руды, — кивнул Сэл. — Жукеры разводили их специально, чтобы получать золото.

— Но зачем? Жукеры не пользовались деньгами. Золото для них лишь мягкий металл.

— Зато полезный. Почему бы не предположить, что у них имелись такие же жуки для получения железа, платины, алюминия, меди — да вообще чего угодно?

— То есть никаких орудий им не требовалось?

— Нет, Бо, — это и есть орудия. Фабрики. — Сэл

присел. — Посмотрим, удастся ли взять у них образец ДНК.

— Даже притом, что они столько лет мертвы?

— Они никак не могут быть уроженцами этой планеты. Их привезли сюда жукеры. Так что они либо родом с планеты жукеров, либо их вывели от каких-то тамошних существ.

— Не обязательно, — заметил Бо. — Иначе их давно бы уже нашли на других колониях.

— Не забывай — нам потребовалось для этого сорок лет.

— Что, если это гибрид? — спросил Бо. — Который существовал только на этой планете?

Сэл взял образец ДНК, что оказалось намного проще, чем предполагалось.

— Бо, это существо никак не может быть мертво сорок лет… — Внезапно оно рефлекторно дернулось под его рукой. — И даже двадцать минут. У него до сих пор работают рефлексы. Оно живое.

— Значит, оно умирает, — предположил Бо. — У него совсем нет сил.

— Могу поспорить, от голода, — ответил Сэл. — Возможно, оно только что завершило метаморфоз и пыталось добраться до выхода из туннеля. Или осталось здесь, чтобы умереть.

Бо забрал у него образцы и спрятал в рюкзак.

— Выходит, эти золотые жуки все еще живы? Через сорок лет после того, как жукеры перестали снабжать их едой? Как долго длится метаморфоз?

— Уж точно не сорок лет. — Сэл встал и снова наклонился, глядя на золотого жука. — Думаю, эти жучки в колоннах совсем молодые. Свежие, так сказать.

Поднявшись, он направился вглубь пещеры. Теперь стало видно больше золотых жуков, многие из которых лежали на земле — но, в отличие от первого, часто оказывались полностью выпотрошенными. От них не осталось ничего, кроме толстого золотого панциря на спине и валяющихся неподалеку ног, будто…

— Их съели, — сказал Сэл.

— Кто?

— Личинки. Они сожрали взрослых, поскольку другой еды для них здесь не нашлось. С каждым поколением они уменьшаются в размерах, поскольку питаются исключительно телами взрослых.

— А потом они пробираются к выходу, — кивнул Бо. — Чтобы найти снаружи пищу.

— Когда перестали приходить жукеры…

— У них слишком тяжелые панцири, чтобы

можно было продвинуться далеко. Они ползут, сколько могут, а потом личинки съедают труп взрослой особи, ползут дальше к свету, закукливаются, и появляется следующее поколение, не столь крупное, как предыдущее.

Теперь их окружали намного более объемистые панцири.

— Вероятно, изначально эти существа были больше метра в длину, — сказал Сэл. — Чем ближе к входу, тем они меньше.

Остановившись, Бо показал на фонарь.

— Так они движутся на свет?

— Может, нам удастся увидеть хотя бы одного.

— Личинок-камнеедов, которые перемалывают твердую породу и испражняются каменными колоннами?

— Я не говорил, что мне хочется увидеть их вблизи.

— Но ведь хочется?

— Ну, в общем… да.

Оба озирались вокруг, пытаясь разглядеть малейшее движение в пещере.

— Что, если что-нибудь понравится им больше света? — спросил Бо.

— Мягкотелая еда?

— Полагаете, я об этом не подумал? Жукеры

ведь приносили им еду. Теперь, возможно, ее принесли мы.

Внезапно Бо взмыл высоко в воздух.

Сэл поднял фонарь. Прямо над ним цеплялась к потолку громадная, похожая на червя личинка. Челюсти ее крепко сжимали рюкзак Бо.

— Расстегивай ремни и прыгай! — крикнул Сэл.

— Но… там все наши образцы!

— Всегда можно взять новые! Мне как-то не хочется извлекать из этих колонн твои собственные ошметки!

Отстегнув ремни, Бо спрыгнул вниз.

Рюкзак исчез в пасти личинки. Послышался хруст и скрежет зубов, пытавшихся размолоть металлические приборы. Не дожидаясь результата, Сэл и Бо двинулись в сторону входа. Миновав труп первого золотого жука, они нашли отмечающие путь кусочки одеяла.

— Возьми мой рюкзак, — сказал Сэл, сбрасывая его на ходу. — Там радио и образцы ДНК. Иди к входу и вызывай помощь.

— Я вас не брошу, — возразил Бо.

— Ты единственный, кто может выбраться отсюда быстрее, чем ползают эти твари.

— Мы не видели, насколько быстро они пере-

двигаются.

— Видели. — Сэл отошел назад, подняв фонарь. Личинка находилась метрах в тридцати позади них, приближаясь быстрее, чем они до этого шли.

— Она реагирует на свет или на тепло наших тел? — спросил Бо.

Оба повернулись и побежали трусцой.

— Или на углекислый газ от нашего дыхания, или на вибрацию от наших шагов, или на наше сердцебиение. — Сэл протянул Бо палку. — Бери и беги.

— Что вы задумали? — Палку Бо брать не стал.

— Если она следует за светом, ты сумеешь от нее убежать.

— А если нет?

— Тогда сумеешь выбраться и позвать на помощь.

— Пока она будет вами закусывать?

— Я старый и жилистый.

— Эта тварь жрет камень.

— Бери фонарь, — сказал Сэл, — и проваливай.

Поколебавшись, Бо подчинился. Сэл облегченно вздохнул — парень сдержал свое обещание.

Либо был уверен, что личинка последует на свет.

Догадка оказалась верной — замедлив шаг и глядя на приближающуюся личинку, Сэл понял, что та направляется не прямо к нему, а сворачивает в сторону Бо. А когда тот побежал, ускорила свое движение.

Тварь проползла совсем рядом с Сэлом. В ней было добрых полметра толщины, и она двигалась словно змея, извиваясь на полу и принимая в точности ту же форму, что и колонны, только горизонтально.

Она вполне могла настичь Бо, прежде чем тот выберется из туннеля.

— Брось фонарь! — крикнул Сэл. — Брось!

Мгновение спустя он увидел, как огонек фонаря прислонился к стене пещеры возле начала ведшего во внешний мир низкого туннеля. Но личинка, не обращая внимания на свет, устремилась следом за Бо в туннель, где она легко могла его нагнать.

— Нет! Нет, стой! — Но тут он подумал: что, если Бо его слышит? — Не останавливайся, Бо! Беги!

А затем Сэл беззвучно крикнул: «Остановись и вернись! Вернись в пещеру! Вернись к своим детям!»

Он понимал, что это безумие, но больше ему ничего не оставалось. Жукеры общались те-

лепатически, а перед ним тоже было крупное насекомоподобное с их родной планеты. Возможно, с ним можно говорить так же, как королевы говорили с жукерами-рабочими и солдатами.

Говорить? Чушь. У них не было языка. Они не могли говорить.

Остановившись, Сэл мысленно представил отчетливую картинку золотого жука, лежащего на полу пещеры с подрагивающими ногами. Он попытался представить чувство голода или хотя бы вспомнить, каково это — быть голодным. Или действительно ощутить голод — в конце концов, он уже несколько часов не ел.

Затем он представил, как личинка приближается к золотому жуку и описывает вокруг него круг.

Личинка вновь появилась из туннеля. Крика Бо не было слышно — значит, парня она все-таки не поймала. Возможно, солнечный свет ослепил ее и она не смогла двигаться дальше. А может, среагировала на мысленные образы и ощущения Сэла. Так или иначе, Бо уже был снаружи и ему ничто не угрожало.

Возможно, конечно, что личинка попросту решила не возиться с убегающей добычей и вернулась к другой, которая стояла, не шевелясь и

прижавшись к колонне.

— Хорошая личинка, — прошептал Сэл. — Как насчет вкусной вяленой собачатины?

Он полез было в рюкзак за едой, но тут же сообразил, что тот у Бо. Однако на запястье у него висел мешочек с едой на день. Достав оттуда вяленое собачье мясо и овощи, Сэл швырнул их в сторону личинки.

Остановившись, та ткнулась в лежащую на земле пищу, а затем, вздыбившись во весь рост, нырнула с разинутой пастью к еде, словно прилипала к акуле.

Сэл мог представить уменьшенную версию этой личинки именно такой — прилипалой, цепляющейся к более крупным созданиям и сосущей их кровь. Или вгрызающейся в них?

Он вспомнил крошечных паразитов, убивавших людей в первые месяцы существования колонии — тех самых, из-за которых ему пришлось изобретать добавки в кровь, вызывавшие у них отвращение.

«Это существо — гибрид, — подумал он. — Наполовину местное, наполовину созданное из кого-то, принадлежавшего миру жукеров».

Нет, даже не из «кого-то» — из самих жукеров. Эта тварь являлась гибридом жукера и паразита.

Требовалась весьма замысловатая генная инженерия, чтобы создать жизнеспособное существо, сочетавшее в себе черты двух столь различных с генетической точки зрения видов. То, что получилось в результате, было наполовину жукером, так что, возможно, королевы ульев могли управлять ими мысленно, как и остальными своими порождениями. Вот только при этом они все же в достаточной степени отличались, не обладая полной связью с королевой, — и потому, когда погибла Королева этой планеты, золотые жуки остались.

А может, и нет. Может, у жукеров уже имелся вид, который они использовали для черной работы, обладавший слабой мысленной связью с королевами, и именно его скрестили с червем-паразитом. Их невероятные зубы могли прогрызать ткань, кожу и кость, но при этом они были разумны — или почти разумны. Королевы вполне могли управлять ими.

«А я? — подумал Сэл. — Или тварь просто вернулась за легкой добычей?»

К этому времени личинка уже успела по очереди сожрать каждый кусок еды, прихватив и близлежащие камни. Она и впрямь изголодалась.

Настолько ли, чтобы не подчиняться командам Сэла?

Он мысленно представил новую картину, на этот раз посложнее: как они с Бо несут еду в туннель и кормят личинку. Он вообразил, как они с Бо входят и выходят из пещеры, принося все новую еду. Много еды.

Листья. Зерно. Плоды. Мелких животных.

Личинка поползла к Сэлу, а затем, описав вокруг него круг, обвила его ноги. Как удав?

Нет. Душить его в объятиях личинка не стала. Она вела себя скорее как кошка.

А потом подтолкнула его в сторону туннеля.

Сэл послушался. Существо его поняло. Их зачаточное общение продолжалось.

Поспешив к туннелю, он присел и начал пытаться ползти по нему так же, как и когда сюда пришел. Личинка проскользнула мимо него, затем остановилась.

Сэл ухватился за сухую членистую шкуру твари, и та снова двинулась вперед, причем достаточно осторожно, чтобы не ударить его о стену, хотя пару раз он все же оцарапался. Было больно, и, вероятно, выступила кровь, но, по крайней мере, кости были целы. Ничего не случилось бы даже с жукером — возможно, те именно таким образом

путешествовали туда и обратно по туннелям.

Личинка снова остановилась, но Сэл уже видел дневной свет. Выползать наружу она не стала: видимо, свет пугал ее. Она попятилась, проползла мимо Сэла и скрылась в туннеле.

Когда Сэл поднялся на ноги, щурясь от яркого света, к нему подбежал Бо и обнял.

— Все-таки она вас не сожрала!

— Нет, и даже подвезла к выходу, — ответил он.

Бо, похоже, не сразу его понял.

— Давай сюда все наши припасы, — сказал Сэл. — Я обещал ее покормить.

Бо не стал спорить. Подбежав к рюкзаку, он начал передавать еду Сэлу, который собирал ее в сделанный из собственной рубашки мешок.

— Пока достаточно, — кивнул он и, взяв набитую едой рубашку, начал снова с трудом забираться в туннель. Мгновенно оказавшаяся рядом личинка тут же обвилась вокруг него. Раскрыв рубашку, Сэл вывалил еду, и личинка принялась жадно есть. Сэл оставался недалеко от входа, так что ему не составило особого труда выбраться обратно.

— Нам нужно больше еды, — сказал Сэл.

— Что годится этой твари в пищу? — спросил

Бо. — Трава? Кусты?

— Она ела овощи из моего сухого пайка.

— Вряд ли тут растет что-нибудь съедобное.

— Съедобное для нас, — поправил Сэл. — Но если я не ошибаюсь, она наполовину местного происхождения и, вероятно, способна переварить местную растительность.

Что они точно умели, так это опознавать местную флору. Вскоре они уже таскали в туннель похожие на клубни овощи, сложив их в свои рубашки.

Личинка все еще ела, когда прибыли два скиммера — продукт новой технологии, явно разработанной спустя годы после того, как транспортный корабль Сэла отправился в долгое путешествие на войну. Пилотировали их крепкие молодые солдаты с внушительного вида оружием. Один скиммер доставил мешки и ящики с припасами, в другом был пассажир — четырнадцатилетний мальчик в гражданской одежде.

— Приветствую, Эндер Виггин, — сказал Сэл.

— Приветствую, Сэл Менах, — ответил Виггин. — Бо сказал, у вас тут проблема с гигантским червяком?

— Оружие не требуется, — сказал Сэл солдатам, которые уже держали стволы наготове. — Вряд ли

стоит утверждать, что нам удалось договориться с этим созданием, но оно понимает рудиментарные образы.

Он объяснил свою теорию насчет скрещивания.

— Значит, это на самом деле не жукеры, — разочарованно проговорил Виггин.

— Никто из жукеров не смог бы выжить, — ответил Сэл. — Но это в каком-то смысле подобие жукеров. Когда вернемся, сможем провести сравнительный генетический анализ и выяснить, каким образом их создали. Заодно мы теперь можем получить столько золота, сколько захотим. Возможно, где-то есть железные жуки, а также серебряные и медные. Нужно поискать похожие места. Все-таки сорок лет, в течение которых они жрали друг друга, — немалый срок; вполне вероятно, теперь они, так сказать, на последнем издыхании.

— Можете не сомневаться — мы немедленно этим займемся, — сказал Виггин.

Они задержались еще на какое-то время, чтобы убедиться, что солдаты способны мысленно передавать личинке образы пищи — по крайней мере, в достаточной степени, чтобы их не сожрали, пока они будут таскать еду в туннель. Затем

последовал курс обучения тому, у каких растений есть питательные корни. Наконец, оставив Бо руководить, Сэл забрался в скиммер вместе с Виггином и образцами ДНК, и они полетели назад в колонию.

В последующие несколько недель Бо занимался организацией поисков других «рудников», а Сэл учился пользоваться новым усовершенствованным оборудованием, вместе с новыми колонистами выясняя, каким образом жукеры создали этих существ. Как он и опасался, к нему действительно приходили некоторые первопоселенцы, пытаясь вовлечь его в некое движение сопротивления против того, чем занимались новые колонисты.

Ответ его был всегда одинаков:

— У меня полно работы, так что убирайтесь из моей лаборатории! Обращайтесь со своими жалобами к губернатору. Теперь это его задача, а не моя.

И все-таки на этой планете выжило нечто, оставшееся от жукеров, — пусть лишь в виде вымирающих видов, но тем не менее. Сэла крайне раздражало, что он, скорее всего, умрет до того, как узнает все, чему была способна научить эта планета. И как только другие ученые могли

столь спокойно к этому относиться? Неужели не жаль, что твоя карьера может столь банальным образом прерваться, когда все самое интересное только начинается?

Губернатор Виггин

Лишь к семнадцати годам субъективного возраста, пробыв губернатором колонии два года, Эндер Виггин наконец понял, в чем состоит великий секрет губернаторства.

Никто не нуждался в нем, чтобы решить свои проблемы. У него не было того опыта, который имелся у других. Никто, оказавшись перед лицом кошмарной дилеммы, не требовал: «А ну-ка, подайте мне пятилетнего малыша!»

Он был нужен им лишь для одного: чтобы сваливать на него вину, когда что-то шло не так. «Будь у нас губернатор получше…», «Губернатор должен был бы понимать, что может случиться», «Если бы нам не подсунули в качестве губернатора мальчишку…».

Все это стало ясно уже в первые несколько дней. Но имелось и нечто иное, куда более неуловимое, что начало доходить до него только сейчас. Он обладал самой важной способностью из всех, и умел ею пользоваться.

Это был талант назначать на работу того, кто справится с ней лучше других. Если у назначенного им руководителя действительно все

получалось, все заслуги Эндер отдавал ему, а если руководитель чего-то стоил — то и всей его команде.

А если вдруг руководитель не оправдывал доверия, Эндер брал всю вину на себя, отправляя руководителя в почетную отставку и назначая на его место кого-то другого.

Бывшие солдаты Международного флота, их дети и внуки жили на этой планете не одно десятилетие, пока к ним не прибыл корабль с новыми колонистами и Эндером. Им пришлось бороться за жизнь, но они выжили.

Колонисты же, которых привез Эндер, состояли из семей во главе с образованными взрослыми, знавшими намного больше его о науке, сельском хозяйстве, математике, преподавании и прочих премудростях.

Эндер не мог решать их проблемы. Чтобы иметь возможность хотя бы начать об этом размышлять, приходилось вникать в ситуацию так, как ее объясняли бы репортеру или адвокату, — то есть разжевывая каждую мелочь. И в процессе объяснений суть проблемы почти всегда становилась понятна и без его вмешательства. Эндер не раз наблюдал, как его собеседники сами приходят к тому или иному решению. Некоторые из них счи-

тали, что он дал им ответ, но тот почти никогда не оказывался верным. В лучшем случае Эндер подсказывал полезный вопрос. В итоге он уходил, понимая лишь чуть больше, чем прежде, — но для проблемы находилось решение или способ ее обойти, так что какое-то время все шло гладко.

Он никогда не ставил себе в заслугу решение чужих проблем, поскольку на самом деле лишь демонстрировал другим свое невежество и беспомощность в их области знаний.

В тот день, когда Эндер понял, что единственная его способность — правильно выбирать, кого поставить во главе команды или проекта, он также понял, что руководителем команды редко оказывался самый опытный кандидат. Подобные люди почти всегда пытались решать все вопросы сами, а ошибаясь, не слушали вопросы и предложения других.

Поэтому Эндер предпочитал выбирать кого-то вроде себя самого — кого-то, кто не считал, что способен единолично отыскать решение самой сложной задачи. Того, кто с уважением относился бы к членам своей команды и поручал им те задачи, где больше всего пригодится их опыт.

А когда проект заканчивался — не важно, успехом или неудачей, — Эндер переводил руко-

водителей на другой проект, с новой командой, так что постепенно они приобретали знания во всех областях — и, что важнее, лучше узнавали всех жителей колонии.

«Я готовлю смену, — подумал Эндер. — Я здесь не для того, чтобы всю оставшуюся жизнь управлять колонией. Я здесь, чтобы сделать ее самоуправляемой, а потом убраться отсюда, и… что? Ну да, конечно. Жить нормальной жизнью. Человеческой жизнью».

Именно об этом он размышлял, сидя в тени местного дерева, которое солдаты-колонисты прозвали дубом задолго до того, как сюда добрались настоящие ботаники, когда появился Лутон Трей на фливере, приписанном к команде железоискателей.

Эндер смотрел, как поток воздуха под фливером прижимает траву, пока Лутон не опустил машину прямо перед ним. Подойдя к Эндеру, он сел рядом.

— Нашли что-нибудь? — спросил Эндер.

Лутон закатил глаза.

— Вроде того, — ответил он.

Эндер прищурился.

— Если ты хочешь сказать, будто вы обнаружили ржавый остов сбитого…

— Мы нашли богатую железом почву, — ответил Лутон. — В яслях жукеров.

Эндер задумчиво прикрыл глаза.

— Мы же никогда не искали в этих их пещерах-яслях.

— В этот раз тоже, — кивнул Лутон. — Мы убирали оборудование от дождя — в это время года у побережья довольно дождливо, — когда кто-то нажал не ту кнопку и феррометр включился внутри пещеры. Кто-то сказал: «Выключи, зачем зря тратить энергию?», а кто-то другой удивился: «Ты только взгляни на это!»

— Что — «это»? — спросил Эндер.

— Слой почвы с пола пещеры подпрыгнул и прилип к феррометру.

— К генерируемому им магнитному полю, — уточнил Эндер.

— Мы проанализировали почву, и оказалось, что она невероятно насыщена крошечными хлопьями железа. Если присмотреться, их видно даже без приборов.

— То есть, прежде чем отправить тебя с докладом, вы уже провели какие-то анализы?

— Я не с докладом, Эндер, — сказал Лутон. — Я за тобой.

Поскольку Эндер делегировал практически все

свои полномочия и все шло достаточно гладко, особо срочных дел у него не имелось. Однако, если руководитель проекта просит его личного присутствия, значит оно действительно необходимо.

— Надолго?

— Придется остаться на ночь.

— Как с удобствами?

— Там идеальный климат. Ночью вполне прохладно, чтобы не потеть во сне, но достаточно тепло, чтобы обойтись без пижамы.

— Тогда я готов. Что-нибудь из припасов надо?

— Свежего хлеба, пожалуй, — попросил Лутон.

Они сделали остановку у общественных пекарен, где сегодня работала Одра Оверхилл, так что в лагерь железоискателей они отправились с мешком, в котором уместилось тридцать лучших булочек во всей колонии.

Чистое железо просто лежало на земле.

От инструментов, которыми пользовались жукеры, прежде чем их уничтожили, практически ничего не осталось, и колонисты прекрасно понимали, что если они не сумеют найти железо, чтобы переплавить его на орудия труда, то постоянно будут зависеть от кораблей с Земли и других колоний. Ни о какой самодостаточности не может быть и речи, если нет возможности

производить самое необходимое.

Пока фливер скользил над землей, следуя путем, который Лутон знал наизусть, а Эндер на такой скорости все равно не мог разглядеть, Лутон рассказал ему чуть больше.

— Глубина богатой железом почвы составляет около сантиметра, и она практически равномерно распределена по всему полу пещеры.

— И под ней ничего нет? — спросил Эндер.

— Тоже почва, но без железа. Железо только в верхнем слое.

— Ты уверен, что это именно ясли?

— Как обычно — разбросанные скелеты, садки, трон королевы улья, отверстия в стенах и потолке. Однозначно ясли.

Потом последовали обычные сплетни о разных членах команды: кто чем интересуется, кому стоит доверять, с кем нелегко поладить, возникавшие проблемы и то, каким образом Лутон их разрешал.

Дальше они летели молча, и Эндер размышлял о том, почему Лутон ни слова не сказал о причине, по которой им понадобилось личное присутствие самого губернатора. По крайней мере все, что до этого говорил ему Лутон, вполне можно было передать и по радио. Похоже, Лутон просто не мог

решиться рассказать, в чем дело. И Эндер счел своим долгом облегчить ему задачу.

— Так в чем же все-таки ваша проблема? — спросил Эндер.

— Проблема?

— Та, с которой я должен помочь? С железом это явно никак не связано, поскольку все в команде знают на этот счет куда больше моего.

— Все в команде знают куда больше моего тоже, — заметил Лутон.

Эндер был рад, что тот это понимает — одно из качеств хорошего руководителя. Похоже, однако, ему теперь приходилось играть в угадайку.

— Поскольку я не геолог, не химик, не формиколог и не изготовитель орудий, — начал рассуждать вслух Эндер, — видимо, эта проблема как-то связана с персоналом.

— Нет, — решительно покачал головой Лутон. — Никаких конфликтов, все делают свое дело, никто не ленится, никакой опасности, никто не ранен.

— Просто назови имена, — велел Эндер.

Глубоко вздохнув, Лутон совершил несколько чересчур крутых поворотов, а затем лег на прямой курс вдоль подножия долины.

— Ройо и Клара, — наконец ответил он.

Эндер мгновенно вспомнил все, что о них знал. Внуки первопоселенцев, родившиеся, как и их родители, уже здесь, на планете жукеров. Умные, трудолюбивые, всегда готовые помочь. Трудно было представить, что они способны на какой-то конфликт.

Значит, это что-то другое.

— Влюбились? — спросил Эндер.

Лутон кивнул, обеспокоенно причмокнув губами. Эндер не мог понять, почему тот придает этому такое значение.

— Любовь — это то, от чего зависит будущее нашей колонии, — сказал Эндер.

— На ней держится мир, — ответил Лутон, но в голосе его прозвучала не то горечь, не то ирония.

— Это как-то влияет на их работу? — спросил Эндер. — Отвлекает команду?

— Нет, они придерживаются всех правил, даже никуда не уходят вдвоем. Просто беспрестанно сосредоточены друг на друге. Все это видят, все этому рады — вполне естественный процесс. Я знаю, ты хотел бы, чтобы заключалось больше браков между первопоселенцами и колонистами, но эти двое знают друг друга с тех пор, как под стол пешком ходили, и за них можно только порадоваться.

— Понятно, — усмехнулся Эндер. — Так все-таки что такого срочного могло заставить тебя прилететь за мной? — (Лутон снова глубоко вздохнул.) — Ну, давай же, Лутон. Вижу, тебе это не нравится, но все равно говори.

— Это никак меня не касалось. Я всего лишь руководитель команды, а не медик. Но я подумал об их будущих детях — что, если те родятся совсем дураками?

Эндер рассмеялся — детям этой парочки наверняка пришлось бы основательно постараться, чтобы не прослыть умными.

— Поэтому, — продолжал Лутон, — когда я оказался возле пункта сбора данных, я сделал сравнительный анализ их крови. Просто чтобы убедиться, что никаких осложнений не возникнет. Резус-фактор и все такое.

— И возникли осложнения?

— У обоих ген бессонницы.

У Эндера внутри все оборвалось. Теперь ему стала ясна причина мрачного настроения Лутона.

— Он есть в списке, который мы получили из Министерства по делам колоний в прошлом году, — сказал Эндер. Имелись в виду генетические заболевания, распространение которых запрещалось в любой колонии или космической станции

вне пределов Солнечной системы.

— Мне за это не платят, — пробормотал Лутон.

— Зато я получаю кучу денег, и у меня шикарная машина, — ответил Эндер. — Ты был прав, что прилетел за мной.

— Не мне с ними об этом говорить. Черт побери, губернатор Виггин, мне не следовало даже проводить анализ!

— Почему бы и нет? В колонии, которая столь хрупка, что не способна даже производить собственные орудия труда, ни у кого нет права на врачебную тайну.

— Они меня теперь возненавидят.

Эндер пристально посмотрел на него:

— Ты просишь, чтобы я не рассказывал им, кто проводил анализ?

Лутон поколебался — и это мгновение показалось очень долгим, — но все же покачал головой.

— Они поймут, что я не желал им зла.

Эндер облегченно вздохнул — похоже, Лутон понимал, что не вправе возложить на кого-то ответственность за свой выбор.

— Это вовсе не значит, что они не станут тебя ненавидеть, — сказал Эндер, — но меня они возненавидят намного больше, так что все в порядке.

— Я бы все-таки хотел, чтобы ты помог нам разобраться с тем железом, — попросил Лутон. — Нигде больше, кроме как в отходах плавилен жукеров, мы не находили его в таких количествах. В смысле — возможно, это знак надежды. Того, что мы соберем здесь, вряд ли хватит даже на один плуг, но ведь откуда-то же оно взялось? Как-то ведь оно сюда попало?

— Я поговорю с Кларой и Ройо, — сказал Эндер. — С обоими вместе, так будет правильнее всего.

— Знаешь, чего я не понимаю? — спросил Лутон.

— Нет, — ответил Эндер.

— Судя по тому, что они чуть ли дышать не могут друг без друга, странно, что кто-то из них уже не сделал тот анализ.

— Могу поспорить, так оно и есть, — покачал головой Эндер. — Когда я позову их к себе, они наверняка поймут, что я им скажу, и аргументы будут у них наготове.

Лутон напрягся, крепче сжав руль.

— Это закон, — сказал он. — Думаешь, они планируют бросить вызов закону?

— Наверняка они считают, будто нашли какие-то лазейки. А поскольку некоторые странные

мелкие лазейки действительно есть, мне, вероятно, придется организовать серьезный судебный процесс.

— Ты ведь пока никого не назначил на роль судьи, прокурора и адвоката? — спросил Лутон.

— У нас пока не было серьезных преступлений, — ответил Эндер. — Все живут мирно, так что мне незачем надевать напудренный парик и черную мантию.

— Да ну, брось, — возразил Лутон. — Черная мантия — только для преступлений, которые караются смертью.

— А как, по-твоему, воспримут это Ройо и Клара? Для них, носителей гена бессонницы, это все равно что смерть. Как они могут подумать иначе?

Лутон какое-то время вел машину молча.

— Когда придет время выбирать губернаторов, напомни мне, чтобы я не выставлял свою кандидатуру, — наконец сказал он.

— Когда начнут выбирать губернаторов, меня тут уже не будет, — ответил Эндер. — Так что придется тебе напомнить себе самому.

— Ты что, здесь не останешься после того, как уйдешь с поста? — спросил Лутон.

— Я не смогу остаться, найдется достаточно

желающих выбрать меня снова.

— Гм, — пробормотал Лутон. — Я думал, ты снова будешь баллотироваться и выиграешь выборы.

— Этому не бывать, — ответил Эндер. — Точно так же, как нет никакой лазейки, которая позволила бы гену бессонницы распространиться в этой колонии, потому что я намерен следовать духу закона, а не букве.

— Похоже, слез будет много, — заметил Лутон.

— Не думаю, что Клара станет плакать, — сказал Эндер.

— Она — нет. Но все остальные в команде — да.

Пещера-ясли выглядела в точности так, как ее описывали, хотя Эндер только теперь понял, что она одна из самых крупных, состоявшая из четырех отдельных выводковых камер. Пол всех четырех был покрыт слоем насыщенной железными частицами почвы.

— Это естественная пещера, — сказал Эндер. — Все остальные были полностью вычищены.

— Может, они собирали железо с пола? — предположила Клара, стажер-ксенолог.

— Но почему не собрали тут?

— В небе появился вражеский флот. Их Короле-

ва находилась за пределами планеты. Кто знает почему. Удивляет то, что другие пещеры очищены, причем относительно недавно.

— Ты говорила об этом Чжану Фахри?

— Да, он проверял. И уже нашел остатки железа на полу двух ближайших к колонии чистых пещер.

Естественно, Клара бы сделала это сразу. И Эндер узнал бы об этом от Фахри, если бы оставался дома.

— Насколько близко от плавилен до яслей? — спросил Эндер.

На этот раз ответил географ Ройо:

— Мы считаем, что дело скорее не в расстоянии, а в том, насколько глубоко протоптаны тропы.

— И как, глубоко?

— Очень. Глубже всего в окрестных колониях.

— Не доказательство, но существенный индикатор, — кивнул Эндер.

Теперь он уже и сам заметил, насколько сосредоточены друг на друге Клара и Ройо. Но их работа на данном этапе настолько пересекалась, что им ничего не оставалось, как внимательно слушать друг друга.

Возможно, именно из этой сосредоточенности возникла и любовь — ибо молодые люди не могли

взаимно не заметить опыта, скрупулезности и ясности мысли. А затем восхищение естественно сменилось другим, куда более сильным чувством.

А может, между ними уже что-то было раньше и они добились назначения в эту команду, чтобы быть вместе. Собственно, не такой уж важный вопрос — по крайней мере, с точки зрения интересов колонии и закона.

Для Эндера, однако, вопрос этот был крайне важен, поскольку он понимал, что рано или поздно ему придется что-то понять о возникновении близких связей между достигшими половой зрелости безволосыми приматами. Губернатору нечасто приходилось наблюдать подобное воочию — обычно в его присутствии любые романтические проявления тут же прекращались. Ему даже показалось несколько необычным, что отношения этой парочки остаются столь заметными даже при нем.

— Хорошая работа, Клара, — сказал Эндер. — Я бы хотел увидеться с тобой утром после завтрака. Да, и тебя это тоже касается, Ройо.

— Хорошая работа касается или увидеться? — криво усмехнулся Ройо.

— Да, хорошая работа. И приходи, когда я пого-

ворю с Кларой.

Естественно, Ройо появится первым, чтобы оказать Кларе моральную поддержку. Тогда Эндер сделает вид, будто решил переговорить с обоими сразу.

— Да, сэр, — ответил Ройо.

— А за ужином устроим наш обычный, полностью ненаучный мозговой штурм, так что прошу там быть, — сказал Эндер.

«Полностью ненаучный мозговой штурм» был традицией, которую Эндер ввел с самого начала, и случался он каждый раз, когда та или иная исследовательская команда пыталась понять результаты деятельности — или бездействия — жукеров. Считалось, что ученым не следует строить догадки в отсутствие сколько-нибудь существенных доказательств, но Эндер знал, что порой лишь в процессе бурного обсуждения становится ясно, насколько существенными являются те или иные факты. Так что, пока все понимали, что мозговой штурм вовсе не обязательно должен привести к каким-то выводам, Эндер не видел в том никакого вреда, зато немало пользы.

Именно благодаря подобным мероприятиям удалось выяснить, что небольшие участки, где

жукеры выращивали безвкусные корнеплоды и лиственные растения, не могли служить для сколько-нибудь серьезного пропитания, так как урожай с них был слишком мал, после чего их проанализировали на высокую концентрацию минералов и белков, которые могли бы играть в биохимии жукеров роль витаминов. Увидев результаты, земные ученые разослали отчет по всем остальным колониям, где точно так же подверглись изучению все подобные витаминные садики, и, по предварительным данным, оказалось, что все эти растения произошли от похожих растений с родной планеты жукеров, но приспособлены для восполнения нехватки витаминов в здешнем рационе. Естественно, ботаники всех колоний теперь трудились над выведением земных растений, которые могли бы сыграть ту же роль для людей.

Удобнее всего было проводить мозговой штурм, сидя за столом, но Эндер не видел никакой связи между комфортом и качеством обсуждения. В намного большей степени все зависело от слаженности команды, взаимоуважения между ее членами и важности рассматриваемого вопроса.

В данном случае, когда речь шла о железе, обсуждение предполагалось весьма оживленным

— хотя все сидели на полу в пещере-яслях, закусывая булочками Одры. Еда явно отвлекала, что стало особенно заметно после того, как Ройо, вероятно игравший в команде роль местного клоуна, начал называть булочки Одры высшим достижением человеческой цивилизации и вероятной причиной победы в войне с жукерами.

Вскоре, однако, собравшиеся перешли к делу. Одно из правил Эндера заключалось в том, что никакой довод не следует отвергать как бредовый, даже если никто не высказался в его поддержку. В итоге всем приходилось всерьез относиться даже к абсурдным предположениям хотя бы в течение пары минут. Естественно, у некоторых возникало искушение высказывать настолько безумные версии, что никому и в голову не могло прийти их поддержать.

— Может, железо копится на вершинах гор, — предположил Ройо. — А ветер переносит его мелкие частицы ниже, где они оседают в пещерах?

Его гипотеза поставила всех в тупик, пока Клара не рассмеялась:

— Ты выиграл, Ройо.

— Что ж, это тоже довод в поддержку, — заметил Лутон.

— Но не идеи как таковой, — уныло проговорила Клара.

— Может, все железо на вершинах подверглось эрозии и отложилось в пещерах, так что это последнее свободное железо, — сказал Эндер. — Потому мы и не нашли его ни на одной из вершин этой планеты.

— С ума сойти, — ответил Ройо, вызвав всеобщий смех.

В конце концов, однако, именно Лутон предположил самое очевидное:

— Наверняка здесь имеет место тот же самый принцип, что и с золотыми жуками, которых нашли Сэл и Бо. Жуки грызли богатую металлом породу и откладывали чистое золото в свои панцири.

— Но золотые жуки изначально возникли из местной фауны, королевы лишь модифицировали их гены, чтобы общаться с ними, — возразил Анвар.

— Ни на какой другой планете личинки жукеров железо не добывали, — сказал Мунк.

— По какой-то причине во время формирования этой планеты жилы металлических руд не сформировались в привычные нам залежи, — заметила Клара. — Возможно, здешним жукерам

пришлось адаптировать собственную биологию, чтобы их личинки все-таки могли справиться с добычей металла.

— Или, — предположил Эндер, — все личинки жукеров всегда проделывали маленькие туннели, прогрызая камень, просто на этой планете королева разместила свои ясли там, где камень был особо богат железом, так что обычные личинки естественным образом выделяли землю с множеством железных частиц.

— Это легко проверить — достаточно выяснить, насыщены ли железом стены пещеры, — сказал Ройо.

— А я взгляну на плавильню — рассчитана ли она на работу с железистыми отходами, — добавил Мунк. Как металлург, он с большей вероятностью мог восстановить весь процесс на основе сохранившегося оборудования.

— Пожалуй, стоит отложить на завтра, — сказал Лутон. — Мы все наелись до отвала, поскольку к обычному ужину добавились булочки Одры. Так что давайте поспим, а утром займемся анализом на содержание железа в окружающей среде.

— Надеюсь, сможешь обойтись без Клары на время нашего с ней разговора? — спросил Эндер, преднамеренно не упомянув Ройо. Ему не хоте-

лось говорить «Клары и Ройо», поскольку стало бы ясно, что ему предстоит разговор с влюбленной парой.

— А как насчет меня? — поинтересовался Ройо, у которого никаких иллюзий по поводу этого разговора не возникало.

— Без тебя мы всегда сможем обойтись, — заверил его Анвар. Все рассмеялись, и на этом вечер закончился.

Готовясь ко сну, Эндер решил, что, даже если обычные личинки жукеров не выделяли железо естественным образом, вряд ли стоило полагать, что какие-либо угрызения совести могли помешать королеве жукеров вывести особую разновидность, способную на такое. Насколько ему было известно, как по данным своей колонии, так и по отчетам с других планет, королевы достигли невероятных высот в области генной инженерии. Они грубо вмешивались в геномы местных видов, приспосабливая их к любым своим нуждам, чтобы получить над захваченными мирами полную власть.

Озадачивало его лишь одно: немалый процент выжившей на всех известных колониях местной флоры и фауны. Когда жукеры начали свое вторжение на Землю, они уничтожили все

живое на захваченной в Китае территории. Не осталось даже скелетов или древесных корней — все превратилось в однородную жижу. Если они поступали так же и на других планетах, то откуда же бралась местная флора и фауна, с которой можно было экспериментировать?

Ответ напрашивался сам собой: на этих планетах они не уничтожили местную жизнь. Подобной обработке подверглась только Земля. Но почему?

«Возможно, наша планета была для них первой, где другой вид успел выйти в космос, — подумал Эндер. — И они решили отнестись к нам как к опасной форме жизни, уничтожив всю нашу генетическую инфраструктуру.

А может, они только что изобрели свое антибиологическое средство, и Земля стала для них испытательным полигоном, чтобы выяснить, удастся ли подобным образом ускорить развитие завезенной флоры и фауны, полностью совместимой с жукерами.

Пожалуй, стоит все же на время выкинуть это из головы, — решил он. — Все это хорошо для обсуждения после ужина, но опасно, если думать об этом постоянно».

С другой стороны, лучше ломать голову над

этим, чем переживать из-за Клары и Ройо еще до разговора с ними. Кто знает, может, они уже решили стерилизоваться до брака и колония могла не беспокоиться по поводу гена бессонницы, грозящего будущим поколениям.

Отчего-то Эндер не мог отнестись к подобному всерьез. Молодые влюбленные всегда хотят потомства — именно в этом состоит для них суть любви. Любовь — взаимное влечение генов, стремящихся в той или иной степени воспроизвести себя в следующем поколении. И даже не желая скатываться в чрезмерную мистику, Эндер не мог избавиться от мысли, что, возможно, к возникшему между Кларой и Ройо влечению их склоняет именно роковой ген, отчаянно желающий воспроизвестись.

«Но это же полная чушь», — презрительно усмехнулся Эндер. Ген бессонницы остается лишь у определенного процента потомства. И возможность воспроизводства для него только увеличится, не окажись две его линии в геноме одного индивидуума, потому что такой человек с большой вероятностью умрет, не оставив потомства, в то время как обычные пассивные носители одной копии гена могли жить обычной жизнью, передавая ген дальше с примерно пяти-

десятипроцентной вероятностью.

Цель разработанного Министерством по делам колоний закона заключалась в том, чтобы помешать распространению генетических заболеваний. Да, это выглядело вполне разумно — на момент старта Международного флота, летящего на бой с жукерами, никто не предполагал, что тогдашним солдатам в будущем предстоит стать колонистами на отвоеванных ими планетах[28].

Эндер не сомневался, что закон о защите человеческого генома внутри диаспоры исходил лично от бывшего директора Боевой школы Хайрама Граффа, ставшего министром по делам колоний, и был ответом на появление в колониях генетических заболеваний.

«Я не первый, кому приходится иметь с этим дело», — подумал Эндер.

Однако любой губернатор, решивший не настаивать на соблюдении закона, наверняка мог выйти сухим из воды. Он предвосхитил бы возмущение своих колонистов, а Министерство колоний никогда бы ничего не узнало о его проступке, если бы губернатор не упоминал об этом

---

[28] Примечания: 28

Когда Международный флот выдвинулся к родной планете жукеров, люди понятия не имели о том, что те расселены по множеству миров. Сама идея колонизации родилась гораздо позже.

в своих отчетах.

«Но я не из таких, — решил Эндер. — К тому же я согласен с законом. Это вовсе не та омерзительная „евгеника“, которая практиковалась между двумя первыми мировыми войнами[29]. В тех „программах“, предусматривавших уничтожение евреев, гомосексуалистов, цыган, африканцев, славян и умственно отсталых, понятие „усовершенствования“ человечества как вида не значило ничего, кроме ненависти к презираемым и внушающим страх меньшинствам. Понятие „низших“ определялось исключительно „социальными критериями“.

Генетический закон Министерства по делам колоний не имел ничего общего с дурацкой идеей расовой „чистоты“. В нем речь шла о ликвидации известных заболеваний, вызывавших уродства, умственные дефекты или раннюю смерть. Если обитатели хрупких колоний взяли на себя бремя вынашивания и воспитания детей, почему бы не гарантировать, что те, в кого было вложено столько сил и средств, не будут обречены на преждевременную гибель? Весьма разумно — а в конечном счете и милосердно».

---

[29] Примечания: 29
Всего во Вселенной Эндера мировых войн было пять.

Эндер не сомневался, что утром услышит от Клары и Ройо немало контраргументов. Поскольку он знал, что ума им не занимать, его тревожило, что эти аргументы могут оказаться весьма убедительными. «Не случится ли так, — подумал он, — что я соглашусь с ними и решу в их случае пойти на несоблюдение закона? Или в каждом подобном случае в этой колонии? Да уж, — улыбнулся он, засыпая. — После таких рассуждений мне точно будет крепче спаться на жестком полу пещеры».

— Можешь пойти вместе с ней, — сказал Эндер Ройо.

Ему сразу стало ясно: оба поняли, что это означает. На их лицах не возникло ни малейшего удивления — они лишь помрачнели и напряглись, выпрямившись и опустив руки, словно готовясь к драке.

«Что ж, пусть», — подумал Эндер.

Все трое вошли в самые дальние из бывших яслей, выделенные Эндеру под кабинет. Их окружали дырчатые каменные стены и пол, покрытый слоем того, что вполне могло оказаться железосодержащими останками жукеров пятидесятилетней давности.

— Если бы у них имелся способ отделять ча-

стицы железа от почвы, — сказал Эндер, — из остатков получался бы не шлак, а удобрение.

Клара что-то согласно пробормотала; Ройо усмехнулся, давая понять, что относится к подобной идее с долей юмора. Эндер, однако, видел, что оба нервничают, поскольку не сомневался, что мысли их заняты лишь предстоящим разговором о гене бессонницы.

— В общем, — сказал Ройо, когда все трое уселись на складных стульях, — мы сделали анализ перед тем, как отправиться в эту экспедицию.

— Ничего иного я и не ожидал, — ответил Эндер. — Кто-нибудь из вас уже знал, что среди ваших предков есть жертвы бессонницы?

— Да, — кивнул Ройо.

— Мы оба знали, — подтвердила Клара. — Мама рассказывала, что от бессонницы умер мой прадед. Собственно, ее отец был единственным в семье, кто выжил, так что он думал, что чист.

— Когда набирали солдат, пилотов и экипажи в Международный флот, никто не проводил анализ, — заметил Виггин.

— У меня то же самое с прапрабабушкой, — добавил Ройо. — У нее умерла от бессонницы вся семья. Они потомки изначальной семьи итальянцев, где впервые много столетий назад

обнаружился этот ген.

— Значит, вы знали, — кивнул Эндер. — И сделали анализ после того, как был принят закон?

Оба промолчали. Клара потупила взгляд, возможно от стыда, но Ройо продолжал смотреть прямо на Эндера.

— Любовь приходит, когда не ждешь, — наконец сказал Ройо.

— Ты так говоришь, будто в этом есть что-то хорошее, — печально усмехнулся Эндер. Никто даже не улыбнулся в ответ. — Значит, у вас было несколько месяцев, чтобы поразмышлять насчет закона и попытаться придумать, как его обойти?

— Если бы у нас в самом деле были такие планы, — ответила Клара, — я была бы уже на последнем месяце беременности.

— Но ребенок был бы незаконным, — сказал Эндер, — поскольку публичной проверки на генетическую пригодность вы не проходили.

— Мы не подавали заявления на брак, — возразил Ройо, — так что никаких законов не нарушали.

Эндер молчал, ожидая, когда кто-то из них прервет наступившую тишину.

— Пока, — наконец сказала Клара.

Пока они не нарушали закона. Но и путь к от-

ступлению для себя не отрезали.

— Давайте обсудим варианты, — предложил Эндер.

— В законе есть исключения, — сказала Клара.

— Нет, — покачал головой Эндер.

— Смягчающие обстоятельства, — сказал Ройо.

— Все, что не может помешать гену бессонницы, неприемлемо с моральной точки зрения, — возразил Эндер. — Насколько я понимаю, к смягчающим обстоятельствам может относиться, если ребенок с геном бессонницы уже зачат или родился. Но в обоих случаях ребенок-носитель гена, а также родитель-носитель, подлежат обязательной стерилизации.

— Если их здоровье позволяет перенести операцию.

— Если стерилизация невозможна — карантин на размножение, — объяснил Эндер. — Что означает немедленный аборт для любого ребенка, зачатого вопреки закону и карантину, поскольку подобное приравнивается к мятежу против законного правительства колонии.

— Если только три четверти взрослых граждан колонии не проголосуют за освобождение данных людей от обязанности исполнять закон.

— Освобождение действует только для одной

беременности и только для одного поколения. Если ребенок не окажется носителем — все прекрасно. Но если окажется, то подлежит стерилизации, так же как и родители после его рождения.

— Значит, у нас будет один ребенок.

— Только в том случае, если остальная колония проголосует за однократное нарушение закона. Могу вас заверить, что лично я буду против. Как и любой другой, я рад, что вы готовы на все ради вашей любви, но не настолько, чтобы рисковать генетическим будущим колонии, подвергая бесчисленные будущие поколения опасности, которую вполне можно предотвратить.

Клару слова Эндера, похоже, потрясли до глубины души. Ройо бросил на него вызывающий взгляд.

— Ваше решение сопротивляться закону выглядит крайне смело и мужественно, — сказал Эндер Ройо. — Но не будет ли более смелым и мужественным поступком подчиниться и пройти стерилизацию, вместо того чтобы возлагать данный акт самопожертвования на своих детей?

— Нам вовсе не обязательно жить в колонии, — ответил Ройо. — Закон не вправе никого заставить оставаться вместе с остальными.

— Еще он не позволяет снабжать припасами таких отказников, за исключением тех, что они смогут унести с собой. Вы окажетесь полностью предоставлены самим себе. По сути, это постоянный бойкот. А поскольку в вашей микроколонии будет наличествовать ген бессонницы, это означает полный карантин на размножение.

Оба промолчали, хотя Клара покачала головой, а вызов во взгляде Ройо слегка ослаб. Эндеру стало ясно: они поняли, что им не выжить без других людей — по крайней мере здесь, где все зависели от витаминов из трюмов корабля.

Ботаники делали все возможное, и из некоторых растений удалось выделить жизненно важные минералы, которые могли бы дополнить рацион колонистов. Чего им не удавалось, так это заставить расти земные злаковые культуры: местный грибок убивал их или задерживал их рост, позволяя местным сорнякам с легкостью задушить посевы.

Бобовые, однако, смогли прижиться, но жизненно важных веществ все равно не вырабатывали, а ботаникам пока что не удалось генетически модифицировать местные растения. Здесь человеческая наука не могла угнаться за наукой жукеров, которые умели полностью приспосаб-

ливать чужую жизнь под свои потребности.

Ройо и Кларе это не сулило ничего хорошего. Генная инженерия пока что не достигла успехов, позволявших избавить от гена бессонницы любого из зачатых ими детей.

— А если попробовать искусственное оплодотворение? — с тоской спросила Клара. — И пересадить лишь те эмбрионы, у которых не будет этого гена?

— Ну да, конечно, — ответил Эндер. — Ты знаешь, как с помощью нашего оборудования безвредным способом определить, у каких эмбрионов нет бессонницы?

— Можно прислать оборудование с Земли, — сказал Ройо. — И кого-то, кто умеет им пользоваться.

— Можно, — кивнул Эндер. — И сколько вам к тому времени будет лет?

— Тогда подождать, пока эмбрион разовьется, — предложил Ройо.

— Проанализировать околоплодную жидкость, а потом убить всех младенцев, у которых обнаружится ген? — спросил Эндер.

Ройо посмотрел на Клару. Та покачала головой.

— Какая, собственно, разница? — спросил

Ройо.

Похоже, между собой они уже обсуждали этот вопрос, и Эндер понял его суть. Если Клара могла вообразить, что можно отобрать для пересадки свободные от гена бессонницы эмбрионы, уничтожив остальные, почему бы ей не представить и убийство плода с этим геном?

Она попыталась отмолчаться, снова покачав головой, но Ройо не позволил.

— Скажи ему, — велел он. — Может, хоть он поймет.

Клара расплакалась, не в силах сдержать текущие из закрытых глаз слезы. Этого хватило, чтобы Ройо замолчал, и Эндеру пришлось догадываться самому.

— Ты не смогла бы убить ребенка, который уже внутри тебя? — спросил он. — Такова твоя религия?

— Ведь это мое дитя, — не открывая глаз, проговорила Клара. — Во мне.

— И для тебя это важнее, чем возможность прожить вместе без детей? — без особой надежды в голосе спросил Ройо.

Клара снова промолчала.

— Проблема в том, что вы не знаете, как будет сочетаться ваш генетический материал, — объяс-

нил Эндер Ройо. — Возможно, вы бросите вызов теории вероятности и сможете зачать нескольких детей, у которых не будет гена бессонницы. А может, вероятность сработает наоборот и каждый зачатый вами ребенок получит этот ген от кого-то из вас.

— Но если у них будет только по одной копии гена… — начал Ройо.

Эндер не дал ему закончить.

— Мы не можем позволить, чтобы ген распространился внутри популяции, — сказал он. — В законе этого прямо не говорится, но я читал сопутствующую литературу: пришлось принять в расчет вполне реальную возможность, что многие или даже все колонии могут оказаться предоставленными самим себе, потеряв всякую связь с Землей, и планета может утратить способность воспроизводить земные технологии без постоянного их пополнения. И невежественная, изолированная популяция может лишиться всех научных знаний.

— Что, такое в самом деле возможно? — спросил Ройо.

— Представь, что в следующем году Землю атакуют шесть флотилий жукеров, которые сумели создать молекулярное дисперсионное

устройство, и уничтожат с его помощью Землю. Все колонии окажутся отрезанными. Наша не получит никакого железа — по крайней мере, в достаточном количестве, чтобы воспроизвести индустриальную цивилизацию Земли. Наши познания в медицине намного превзойдут наши возможности… на несколько поколений вперед. А потом наша медицинская техника начнет отказывать, вместе с ней мы лишимся и знаний. Не будет и никакого генетического анализа. Ген бессонницы будет собирать все новую и новую жатву — и все потому, что ваш губернатор оказался чересчур жалостливым и мягкотелым, чтобы строго соблюсти закон и не позволить вам двоим распространить ген.

— Я думал, вы уничтожили родную планету жукеров, — горько проговорил Ройо.

— Полагаю, да, — ответил Эндер. — И никаких флотилий жукеров больше не существует. Но к тому же результату может привести столкновение с астероидом или разрушительная неизлечимая эпидемия на Земле. Мы можем здесь затеряться, а потом нас снова обнаружат через тысячу лет. Но к тому времени ген бессонницы станет свойственным нашей популяции. Все будут его носителями, и большая часть наших детей начнет умирать

от кошмарной неспособности заснуть. Им может быть и пять лет, и пятьдесят. Для нашей планеты это станет обычной составляющей жизни — и все благодаря вам.

— Но ведь такого никогда не будет, — покачал головой Ройо.

— Вы знаете, какой выбор стоит перед вами, а я знаю свой. Я люблю и уважаю вас обоих. И я хочу, чтобы вы были как можно более счастливы, в пределах разумных законов. Думаю, если вы хотите пожениться, вам следует это сделать, поскольку тогда бездетная пара будет только одна. Если же каждый из вас вступит в брак с кем-то другим, то таких пар станет две. Ибо точно можно сказать одно: ваши гены никогда не воспроизведутся на этой планете.

— Тогда мы улетим на Землю, — тихо сказала Клара, стараясь, чтобы голос ее звучал твердо.

— Это ваш выбор, — ответил Эндер. — К моменту прилета все ваши родные здесь давно умрут. Вы вернетесь генетическими преступниками, и, возможно, к тому времени на Земле почти не останется государств, которые не будут требовать от своих граждан столь же строгого отношения к генетическим заболеваниям, какого требует от нас здесь Министерство по делам колоний.

Главное же, однако, в том, что вы навеки станете носить клеймо тех, кто ценит животное стремление размножаться выше здоровья и счастья собственных потомков.

Клара разрыдалась. Ройо зло взглянул на Эндера.

— Я что-то не так сказал? — спросил Эндер. — Я назвал своими словами ваше желание иметь детей, желание любить их, пока они не умрут мучительной, сводящей с ума смертью? Из-за чего ты злишься, Ройо?

— Мы просто хотим жить обычной жизнью, — сказала Клара. — Мы вовсе не больные.

— Нет, вы больные, — возразил Эндер. — Вы носители болезни, хотя у вас и нет ее симптомов. В ваших генах прячется червь, готовый пожрать ваших детей. И тем не менее ничто не мешает вам осуществить ваше желание. Если вы не женитесь друг на друге, каждый из вас может вступить в брак с вдовой или вдовцом и воспитывать их детей. Есть и менее вероятный вариант — в случае смерти обоих родителей вы можете подать заявление на усыновление их детей.

— Неужели вы считаете, будто это одно и то же? — вызывающе бросила Клара.

— Так считают люди, — ответил Эндер. — Если

захотят. Возможно, со следующим кораблем прибудет новая, лучшая генетическая аппаратура с обученным персоналом, и даже если вы оба будете стерилизованы, мы все равно сможем извлечь сперму и яйцеклетки для искусственного оплодотворения и отбора генетически здоровых зигот. Или другие пары могут дать свои генетически чистые зиготы для пересадки, чтобы ты смогла испытать радость рождения и материнства. Я готов оказать любую помощь, лишь бы ваши гены с нарушениями не проникли в нашу популяцию.

Никто не желал встречаться с ним взглядом.

— Ты уже беременна, — вдруг сказал Эндер.

Они резко взглянули на него.

— Нет, — ответила Клара.

— Нет, — заявил Ройо.

— Но была, — заметил Эндер. — И ребенок получил ген бессонницы от вас обоих, так что вы с кем-то договорились насчет аборта.

Клара снова разрыдалась, на этот раз всерьез.

— Случившееся разбило ей сердце, — сказал Ройо. — Какова была бы жизнь этого ребенка? И каково было ее уничтожить, не дав никаких шансов?

Эндер изо всех сил старался не проявлять к ним сочувствия и в конце концов сделал вид, будто

ему это действительно удалось.

— Зная закон и зная ваши генетические отклонения, вы все же решились зачать ребенка, — сказал он. — Кто-нибудь еще знает, что у него был ген бессонницы?

— Какая, собственно, разница? — спросил Ройо.

— Если об этом знает кто-то еще, у меня не остается иного выбора, кроме как наказать вас за неповиновение закону, — ответил Эндер. — Если кому-то известно, что вы зачали ребенка, зная, что оба являетесь носителями, мне тоже придется вас наказать.

— Мне вполне хватило фельдшерской подготовки, чтобы провести процедуру, — сказал Ройо. — Никакой инфекции, никаких осложнений.

— И никто другой в этом не участвовал?

Ройо покачал головой. Клара тоже.

— Но я не верю в ту ложь, которую вы только что рассказали, — заявил Ройо. — Будто у вас не было бы иного выбора, кроме как нас наказать. У вас полная свобода действий. Вы можете вводить любые законы, какие захотите, и игнорировать другие.

— Если ты считаешь, будто я, дав мое слово и

принеся официальную присягу, могу проигнорировать любой закон, какой только пожелаю, то ты плохо меня знаешь. Зато теперь я знаю вас, а также то, что вам нельзя доверить ни один пост в этой колонии.

— Можно подумать, что мы бы на него согласились — притом, что какой-то мальчишка смеет нас судить?

Ройо напрягся, собираясь то ли вскочить на ноги, то ли наброситься на Эндера, который лишь пожал плечами.

— Если ты сможешь привести хоть один разумный аргумент, почему сохранение ваших поврежденных генов в генофонде колонии не повредит ничьим будущим потомкам, я подам в отставку с поста губернатора и немедленно объявлю выборы. Но я уверен, что главным вопросом этих выборов станет проводимая министерством политика генетического здоровья популяции. Сам подумай, насколько новый губернатор окажется в этом смысле уступчивее меня.

Ройо встал, но не проявил ни малейшей агрессии — лишь протянул руку Кларе.

— Идем, Клара. Нам нет больше смысла здесь оставаться, подчиняясь его власти.

Клара, однако, не взяла его руку. Ройо дотро-

нулся до ее плеча. Продолжая беззвучно плакать, она отвернулась, стиснув пальцы.

— У вас еще есть время решить, что вы будете делать, — тихо сказал Эндер. — А пока занимайтесь своей работой. Нам нужно железо, и ваша задача — выяснить, есть ли какая-то польза от здешних находок.

— Найдите на этой планете живую королеву улья, — столь же тихо ответил Ройо, — и пусть она родит выводок личинок, которые испражняются железом. А потом просто убейте их всех, прежде чем они успеют окуклиться и перейти в стадию имаго. Ведь именно этим вы занимаетесь, губернатор Виггин? Вы убиваете детей, которые могут представлять угрозу. Вы убиваете всех и каждого. Так вас воспитали. Вы — вполне успешный образец хомо мортифер.

Смысл латинского термина был вполне ясен — «человек убивающий». Заменивший человека разумного — хомо сапиенс. Насколько близко к сердцу принимать данный эпитет, Эндер мог решить и позже.

Ройо вышел.

Поскольку дверь отсутствовала, а они порой повышали голос, Эндер не знал, что и в какой степени могли подслушать другие. Впрочем,

вскоре ему предстояло это выяснить — как и то, на чьей стороне остальные. Возможно, если бы и в самом деле встал вопрос о выборах, жители колонии возмутились бы и пошли против Министерства по делам колоний, диктующего им свою волю с расстояния в сотни световых лет, вместо того чтобы проголосовать за здоровье генофонда своих потомков. Ройо и Клара могли завоевать всеобщую симпатию — или ничью вообще. Эндер не мог этого знать, да его это и не особо интересовало.

Поднявшись на ноги, он на мгновение положил ладонь на голову Клары, а потом оставил ее одну, давая выплакаться и решить, какими чувствами — а может, даже голосом разума — руководствоваться в дальнейшем. Вероятно, даже Ройо, остыв, мог бы более рационально оценивать их ситуацию.

«Не прикончит ли кто-нибудь меня до того, как я успею в соответствии с законом потребовать стерилизации или депортации Клары и Ройо?» — подумал Эндер. Ему уже приходилось иметь дело с врагами, намеревавшимися его убить. Но это всегда случалось на почве соперничества или в драке. И до сих пор врагами всегда были другие дети. Старше и сильнее его, но дети.

«Я, хомо мортифер, убивал всех, кто пытался убить меня, — размышлял Эндер. — Но не в этот раз. Если кто-то решит, что меня стоит убить из-за того, что я настаиваю на исполнении разумного, хоть и вмешивающегося в чужую жизнь закона, — я умру. Самый надежный способ уйти в отставку с поста губернатора.

Хотя при чем тут мое собственное выживание? У меня есть определенная власть над их жизнями, но их будущее и нынешнее счастье полностью остается в их руках. Не будь даже генетического закона для колоний, перед ними все равно возникла бы та же дилемма: давать ли жизнь детям, которые в любом возрасте могут оказаться обречены на мучительную смерть от бессонницы, или, еще хуже, смотреть, как от нее умирают уже их дети? Что сделало бы их более несчастными: никогда не иметь собственных детей или иметь детей, которые могут умереть такой ужасной смертью?

Вопросы размножения всегда считались интимными, — продолжал размышлять Эндер. — Но теперь мы слишком много знаем о наших генах. Передача смертельных генетических заболеваний — преступление против общества, а не вопрос личного выбора. Закон прав. У каждого

есть возможность жить счастливо, не нарушая закона. Может, это и не совсем та жизнь, какой им бы хотелось, но мало кому удается жить в соответствии со своими желаниями.

А пока что моя задача — сделать все возможное, чтобы облегчить добычу пригодного к употреблению железа».

Эндер остался с командой железоискателей еще на день, но уже было ясно, что Лутон вполне держит ситуацию под контролем. Все теперь считали, что поняли, каким образом жукеры извлекали следы железа из окружавшего ясли камня, и другие команды приступили к поискам — не залежей железной руды, но мест, где фрагментарное железо находилось близко к поверхности.

— Придется заново изобрести выплавку чугуна, — сказал Лутон, — и потребуется куда больше труда, чтобы добыть сколько-нибудь пригодное количество железа. Но если это смогли они, значит сумеем и мы.

Эндер не стал с ним спорить, хотя был убежден, что всегда найдется нечто такое, на что были способны жукеры, но не способны люди, — например, использовать для извлечения железа собственных младенцев. Люди добивались бы

той же цели иными средствами — хотя бы потому, что человеческие младенцы не годились для работы, а люди пока не умели манипулировать генами столь же искусно, как жукеры. Честно говоря, Эндер сомневался, что у людей вообще когда-либо возникло бы подобное желание.

Поскольку королевы ульев воспринимали все живое как продолжение себя, они могли трансформировать других существ и даже собственных детенышей с тем же безразличием, с каким люди подстригают ногти, расчесывают волосы, делают татуировки и пирсинг или уродуют ступни маленьких девочек, чтобы те стали подобны цветкам лотоса. Разница заключалась в том, что королевы ульев проделывали это ради полезной цели, а не ради украшения или демонстрации богатства и отваги.

Когда людям нужно было что-то сделать, они создавали для этого орудия, а не новый вид, что работало ничуть не хуже: когда пользователь орудия умирал, само оно оставалось и им могли пользоваться другие.

Эндер не сомневался, что подобная система намного лучше. По крайней мере — человечнее.

Месяц спустя команда Лутона вернулась в столицу. В их честь было устроено торжество,

включавшее в качестве угощения горы булочек Одры, а также новые овощи, содержавшие витамины, которых недоставало в местной флоре. Многие шутили, что ботаники наконец создали овощи, которые на вкус еще хуже, чем местные растения, так что жалоб от детей за столом теперь станет еще больше.

— Просто надо лучше воспитывать детей, — отвечали ботаники.

Но во время торжества люди то и дело вставали и шли туда, где были сложены слитки чистого железа. Они дотрагивались до них — и даже ласково поглаживали, — а затем молча возвращались к своим делам. Все знали: для процветания колонии железо важно не меньше, чем витаминные растения.

Был уже поздний вечер, когда к Эндеру пришла Клара.

— Я перевязала трубы, — с ходу заявила она. — И больше не забеременею.

— Рад, что ты решила проблему способом, который позволяет тебе остаться с нами, — серьезно кивнул Эндер. — Нам бы очень тебя не хватало. Лутон говорит, что ты проделала немалую работу, чтобы приспособить к нашим условиям жукерские методы выплавки железа.

— У меня неплохо получается, — кивнула Клара. — И мне этого вполне хватает для счастья.

Естественно, оставалось под вопросом, хватает ли ей счастья в жизни, но Эндер решил, что, возможно, Клара из тех, кто способен найти счастье где угодно, а если найти его окажется непросто, создаст его сама для себя и других.

Прошел еще месяц, прежде чем Эндеру наконец представился шанс встретиться наедине с Ройо. Ясно было, что Ройо не горит желанием с ним общаться, всем своим видом демонстрируя неприкрытую враждебность. Так что Эндер сразу перешел к делу.

— Как я понимаю, ты отрезал себе яйца? — спросил он.

— Нет, всего лишь проделал обратимую процедуру, — ответил Ройо. — Я возвращаюсь обратно на Землю. К тому времени, когда я там окажусь, возможно, уже изобретут безопасный способ генетически модифицировать половые клетки — все сразу, прямо на месте. Может, там я смогу жить нормальной жизнью.

— А Клара? — спросил Эндер.

— Полюблю кого-нибудь еще, — мрачно буркнул Ройо.

В своем возрасте Эндрю Виггин понятия не

имел, что такое любовь, так что не стал высказываться по этому поводу. Однако он не мог не отметить для себя, что Ройо, похоже, нисколько не волновало, влюбится ли в кого-нибудь еще Клара.

На этом все и закончилось. Кризис, который мог бы расколоть колонию, в итоге разрешили сами носители гена бессонницы. Естественно, Эндер время от времени вспоминал о Ройо и Кларе, размышляя: «Что я такого сделал или сказал, чтобы предотвратить катастрофу? Да и вообще, не был ли я просто наблюдателем, который задавал вопросы и высказывал мнение, как и в отношении всего железоискательского проекта? Я обладал всеми полномочиями губернатора и вместе с тем не имел никакой реальной власти над конечным результатом».

Когда к Земле уходил очередной корабль, Ройо так и не подал заявку на перелет. Эндер подумал было послать ему напоминание о том, что, если он хочет вернуться на Землю, ему следует заявить о своем желании до определенной даты. Но в итоге Эндер так и не сделал этого, поскольку ни для кого в колонии не было секретом, что корабль ждет на орбите — так что если Ройо все еще хотел улететь, никакие напоминания бы ему

не потребовались.

Собственно, получив напоминание от Эндера, Ройо мог бы решить, что его гонят, — а это было далеко от правды. Ройо почти полгода ходил мрачный, но потом увлекся другим проектом и, похоже, завязал роман с его руководительницей. Так или иначе, Эндер полагал, что для колонии будет только лучше, если Ройо останется и если тот будет считать, что этого хотят все остальные.

Поэтому лучшей политикой было молчание. Ройо так и не вернул себе способность иметь детей даже после того, как женился. Его жена не забеременела, и с точки зрения генетического закона в колонии Эндера не было никаких нарушений. На этом полномочия Эндера заканчивались, и на эту тему он больше никогда ни с кем не говорил.

«Что, если бы я нарушил ради них закон? — думал Эндер. — Ради любви, которая довольно быстро прошла у обоих, я подорвал бы свой авторитет губернатора. Сентиментальное желание помочь истинной любви ценой общего блага стало бы с моей стороны полным провалом. И даже если бы я это сделал, с проблемой так или иначе все равно пришлось бы разбираться следующему правительству. Я поступил так, как поступил,

что оказалось даже к лучшему и никому особо не повредило. Могу поставить себе четверку с плюсом.

Пусть теперь делают что хотят, — решил Эндер. — Моя задача — лишь указать на последствия, если они вдруг подумают, что может случиться иначе. Но дальше — не вмешиваться, и пусть люди сами решают, насколько они хотят быть счастливы. А когда я покину колонию, с моими возможными ошибками может разобраться и следующий губернатор. Времени все равно на все не хватит — по-моему, это настолько очевидно, что только такому мальчишке, как я, пришлось этому учиться».

К концу губернаторского срока Эндера в колонии уже производили приличное количество стали. Пока ее еще не хватало, чтобы сделать грузовик или трактор, но прогресс был налицо. Колония вполне могла процветать, пока этого хотели ее обитатели. Таково было наследие Эндера.

И этого более чем достаточно.

Тюрьма Мэйзера

Паршивая работа — служить последней надеждой человечества.

Да, платили за нее очень даже неплохо, но все деньги копились в банке на Земле, поскольку здесь некуда было ходить за покупками.

Собственно, для ходьбы тут вообще не было места. Когда официальная программа тренировок состоит только в том, что твои мышцы стимулируют электротоком во время сна, а потом тебя крутят в центрифуге, пока не растворятся кости, — ждать от жизни особо нечего.

Мэйзеру Рэкхему казалось, будто он наказан за то, что выиграл последнюю войну.

Разгромив вторгшихся жукеров, Международный флот воспользовался трофейными технологиями и построил целую армаду, оснащенную двигателями, позволяющими развивать субсветовую скорость, которая двинулась к родной планете жукеров и их колониям.

Если бы Мэйзер оказался на одном из этих кораблей, там были бы другие люди: пилоты истребителей, команда, технический персонал. Приматы с лицами, руками, голосами, запахами

— а больше ему и не требовалось.

Но ему предстояла куда более важная миссия. Он должен был одновременно командовать атаками всех флотилий на все планеты жукеров — а это означало, что ему пришлось остаться в Солнечной системе, связываясь со всеми флотилиями по ансиблю.

Что ж, прекрасно. Вполне непыльная работенка — он был уже достаточно стар, чтобы ей порадоваться.

За исключением одной мелочи.

Поскольку скорость космических полетов могла лишь приблизиться к тремстам миллионам метров в секунду, но никогда их не достигала, флотилиям требовались многие годы, чтобы добраться до цели. И, проводя все эти десятилетия в штаб-квартире Международного флота, Мэйзер становился бы все старше и дряхлее — как физически, так и умственно.

В итоге, чтобы сохранить его достаточно молодым, его поместили в околосветовой курьерский корабль и отправили в лишенный какого-либо смысла полет. В некой случайной точке космоса ему было предписано замедлиться, совершить разворот и вернуться с той же скоростью на Землю, прибыв домой всего за несколько лет до того,

как флотилии прибудут на место и разразится ад. За время полета он постарел бы не больше чем на пять лет, хотя на Земле прошли бы десятилетия.

Много же будет от него пользы как от командующего, если в полете он сойдет с ума.

Конечно, в бортовой базе данных имелось множество книг — целые миллионы. А по ансиблю ему присылали сообщения о новых книгах — он мог попросить любую из них и получить ее всего через несколько мгновений.

Чего ему недоставало, так это общения.

Он пытался общаться. В конце концов, чем отличался ансибль от обычной электронной почты? Проблема заключалась в разнице во времени. Ему казалось, будто он отправляет сообщение и немедленно получает ответ. Но для человека на другом конце сообщение Мэйзера растягивалось на несколько дней, приходя небольшими фрагментами.

Получив сообщение целиком, адресат мог сразу же написать ответ. Но чтобы его мог принять ансибль на кораблике Мэйзера, текст точно так же передавался по кусочкам.

В итоге оказывалось, что для человека, с которым общался Мэйзер, между частями разговора проходило по многу дней — как будто беседуешь

с кошмарным заикой, от которого можно уйти на неделю, пожить своей жизнью, а потом вернуться к тому моменту, когда он наконец выдаст все, что собирался сказать.

Некоторые пытались общаться с ним, но теперь, когда Мэйзер приближался к точке, где он должен был начать замедляться, чтобы развернуть корабль, его связь со штабом флота на астероиде Эрос в основном ограничивалась запросами книг, голограмм и фильмов, а также ежедневным сообщением-сигналом о том, что он все еще жив.

Мэйзер мог бы просто автоматизировать передачу сигнала — ему вполне хватало знаний, чтобы обойти защиту и перепрограммировать бортовой компьютер. Однако он каждый день вручную составлял новое сообщение, хотя и знал, что в штабе на него едва бросят взгляд. С тем же успехом он мог быть мертв — еще до его возвращения все получатели этих сообщений уйдут в отставку или вообще умрут.

Естественно, проблема одиночества ни для кого не была сюрпризом. Мэйзеру даже предлагали послать вместе с ним кого-то еще, но он сразу высказался против: ему казалось глупым и жестоким сообщать кому-то, что тот настолько

бесполезен для Флота и вообще для войны, что его можно отправить вместе с Мэйзером в бесцельный полет лишь ради того, чтобы подержать за руку.

«И что будет написано у вас на плакатах к вербовочной кампании следующего года? — спросил тогда Мэйзер. — Вступайте во Флот и проведите несколько лет в роли оплачиваемого компаньона для стареющего космического капитана?»

Да, для Мэйзера должно было пройти лишь несколько лет. Одиночество его не пугало, и он был уверен, что справится.

Однако он не учел того, сколь долгими могут оказаться два года одиночного заключения. Именно так поступали с непокорными заключенными: подвергали самому тяжкому из возможных наказаний. Воистину, провести долгое время в одиночестве — куда хуже, чем находиться в обществе самых злобных преступников, известных человечеству.

«Мы эволюционировали как социальные существа, — думал Мэйзер. — Жукеры, в силу своего коллективного разума, никогда не бывают одиноки, так что они могут без проблем совершать подобные путешествия. Для человека же это настоящая пытка».

И само собой, никуда не девался вопрос остававшейся на Земле семьи. Но об этом он предпочитал не думать. Он пожертвовал своей семьей так же, как и любой другой, кто отправился на войну с жукерами. Независимо от того, победят они или проиграют, никто из них никогда больше не увидит родных. По крайней мере, в этом он ничем не отличался от тех, кем ему предстояло командовать.

Реальную же проблему по-настоящему понимал только сам Мэйзер. И заключалась она в том, что он понятия не имел, как будет спасать человечество, когда вернется.

Похоже, этого не понимал никто. Он пытался объяснять, что не так уж и хорош, что он победил в том решающем бою[30] лишь благодаря везению и нет никаких причин полагать, будто он сможет повторить то же самое еще раз. Вышестоящие офицеры соглашались, что, возможно, он прав, и обещали набрать и подготовить в его отсутствие новых офицеров, пытаясь найти командира получше. Но на случай, если таковых не найдется,

---

[30] Примечания: 30

В Битве при астероидах Рэкхем догадался, на каком корабле жукеров находится Королева, и атаковал его. Гибель Королевы привела к гибели всего флота Вторжения, обеспечив победу во Второй войне с жукерами.

Мэйзер оставался тем самым героем, кто выпустил единственную ракету, положившую конец прошлой войне. В него верили — даже если сам он не верил в себя.

Естественно, зная военных, Мэйзер понимал, что их поиски нового командира ни к чему не приведут. Серьезно они могли к этому отнестись лишь в том случае, если бы не верили, что их козырь в рукаве — Мэйзер Рэкхем.

Усевшись в тесном пространстве за пилотским креслом, Мэйзер вытянул левую ногу и закинул ее за голову. Не каждый в его возрасте был способен на такое, и уж точно не каждый маори с их традиционным телосложением. Конечно, он был маори только наполовину, но это вовсе не значило, что европейцы отличались столь выдающейся гибкостью.

— Входящее сообщение, — послышалось из динамика на пульте.

— Слушаю, — ответил Мэйзер. — Воспроизведи голосом.

— Мужским или женским? — спросил компьютер.

— Какая разница?

— Мужским или женским? — повторил компьютер.

— На твой выбор, — ответил Мэйзер.

Компьютер зачитал ему сообщение женским голосом:

— Адмирал Рэкхем, меня зовут Хайрам Графф. Меня назначили руководить набором в Боевую школу — первый этап нашей программы обучения одаренных молодых офицеров. Моя задача — обшарить Землю в поисках того, кто смог бы возглавить наши силы во время предстоящего конфликта вместо вас. Все, кого я пытаюсь спрашивать, отвечают, что критерий прост: найди второго Мэйзера Рэкхема.

Мэйзер обнаружил, что его заинтересовали слова этого типа. Похоже, ему в самом деле искали замену и этот человек отвечал за поиски подходящего кандидата. Женский голос в данном случае звучал издевательски и неуважительно.

— Мужской голос, — сказал Мэйзер.

Голос тотчас же сменился звучным баритоном:

— Проблема в том, адмирал, что, когда я задаю конкретный вопрос, какие именно ваши черты мне следует искать в новобранцах, никто не может толком ответить. Единственный вывод, который я смог сделать, — в новом командире им требуются черты победителя. Но все мои попытки объяснить, что этого мало, ни к чему не

приводят. И потому я обращаюсь за помощью к вам. Вы не хуже меня знаете, что ваша победа была одержана в том числе благодаря определенному везению. Но в то же время вы увидели нечто такое, чего не мог увидеть никто другой, и нанесли удар — вопреки приказу — в самый идеальный момент, когда Королева оказалась наиболее уязвима. Отвага, смелость, самоотверженность — возможно, мы и сумеем определить подобные черты. Но как нам проверить кого-то на способность видеть больше других?

Есть и социальная составляющая, — продолжил голос. — Члены вашей команды в достаточной степени вам доверяли, чтобы подчиниться вашим приказам и полностью вверить вам свою карьеру, если не жизнь. Ваш список взысканий за нарушение субординации также свидетельствует, что вы постоянно критиковали некомпетентных командиров. Так что вы наверняка четко представляете, каким НЕ должен быть ваш преемник.

Соответственно, я получил разрешение воспользоваться ансиблем, чтобы расспросить вас о качествах, которые нам следует искать — или избегать — у возможных претендентов. Надеюсь, данный проект покажется вам интереснее, чем

ваше нынешнее времяпровождение в космосе. Я с нетерпением жду ответа.

Мэйзер вздохнул. Этот самый Графф вел себя в точности так, как следовало вести себя офицеру, которому поручили найти ему замену. Но Мэйзер достаточно хорошо знал военную бюрократию, чтобы понять: Граффа прожуют и выплюнут, как только он всерьез попытается чего-то добиться. Получить разрешение на связь по ансиблю со старикашкой, который, по сути, уже мертвец, — не такое уж сложное дело.

— Каково звание отправителя? — спросил Мэйзер.

— Лейтенант, — ответил компьютер.

Несчастный лейтенант Графф явно недооценивал тот ужас, который некомпетентные офицеры испытывали перед молодыми, умными и энергичными энтузиастами.

По крайней мере, ответить имело смысл.

— Передай, — велел Мэйзер. — Уважаемый лейтенант Графф, прошу прощения за время, потраченное вами на ожидание этого сообщения… Нет, сотри. Незачем тратить еще больше времени на бессмысленную болтовню.

С другой стороны, попытка отредактировать сообщение тоже отняла бы время.

Вздохнув, Мэйзер принял обычную позу и подошел к пульту.

— Напечатаю сам, — сказал он. — Так будет быстрее.

На экране, на фоне сообщения Граффа, виднелись только что продиктованные им слова. Выведя исходное сообщение на передний план, он перечитал его, а затем вернулся к своему собственному.

«Я не специалист в определении лидерских качеств. Судя по вашему сообщению, вы уже думали на этот счет больше, чем я. Могу лишь надеяться, что ваше предприятие завершится успехом, поскольку освободит меня от бремени командования по возвращении. Но больше ничем помочь не могу».

Он хотел было добавить: «Даже Бог вам не поможет», но решил — пусть парень сам узнает, что такое реальный мир, без мрачных и бесполезных предупреждений Мэйзера. Так что вместо этого он лишь сказал: «Отправить», и компьютер ответил:

— Сообщение отправлено по ансиблю.

«Собственно, и все», — подумал Мэйзер.

Ответ пришел через три с лишним часа. Сколько там прошло на Земле — месяц?

— От кого? — буркнул Рэкхем, заранее зная ответ. Значит, парень не особо торопился. Хватило ли ему времени понять, насколько невыполнима его задача? Вряд ли.

Мэйзер сидел на унитазе — к счастью, стандартной химической модели. Хвала гравитационной технологии жукеров! Он был одним из немногих еще остававшихся на флоте, кто помнил времена, когда на космических кораблях использовались туалеты с воздушным отсосом, которые половину времени не работали. То была эпоха, когда капитанов порой увольняли со службы за перерасход топлива, если они разгоняли корабль лишь ради того, чтобы облегчиться при относительно нормальной силе тяжести.

— От лейтенанта Хайрама Граффа.

А теперь еще и этот назойливый Графф, который раздражал его, пожалуй, даже больше, чем туалеты для невесомости.

— Сотри.

— Мне не разрешено стирать переданные по ансиблю сообщения, — бесстрастно ответил компьютер женским голосом. Естественно, голос всегда звучал бесстрастно, но иногда эта бесстрастность всерьез досаждала. «Я мог бы заставить тебя его стереть, — подумал Мэй-

зер, — если бы решил потратить время и силы на корректировку программы». Но вслух он говорить этого не стал, не желая рисковать, что сработает какая-нибудь программная защита.

— Прочитай.

— Мужским голосом?

— Женским, — огрызнулся Мэйзер.

— Адмирал Рэкхем, не уверен, что вы понимаете всю серьезность нашего положения. У нас есть два варианта: либо мы находим лучшего из возможных командующих в нашей войне против жукеров, либо этим командующим станете вы. Так что либо вы поможете нам определить наиболее вероятные черты идеального командира, либо вся ответственность ляжет на вас.

— Это я как раз понимаю, глупыш, — сказал Мэйзер. — Я это понимал еще до того, как ты родился.

— Хотите записать ваше замечание в качестве ответа? — спросил компьютер.

— Читай дальше и не обращай внимания на мое ворчание.

Компьютер вернулся к сообщению от лейтенанта Граффа:

— Я нашел ваших жену и детей. Они в добром здравии и, возможно, были бы рады пообщаться с

вами по ансиблю, если у вас есть такое желание. Мое предложение — не взятка за сотрудничество, но лишь напоминание, что на кону стоит нечто большее, чем назойливость выскочки-лейтенанта, который донимает адмирала и героя войны, совершающего путешествие в будущее.

— Можно подумать, я нуждаюсь в твоих напоминаниях! — рявкнул Мэйзер.

— Хотите записать ваше замечание в качестве…

— Хочу, чтобы ты заткнулся и оставил меня в…

— Ответа? — закончил компьютер, не обращая внимания на его ворчание.

— Ладно, мир! — вздохнул Мэйзер. — Записывай ответ: я разведен, и моя бывшая жена и дети давно живут без меня. Для них я умер, и весьма мерзко с твоей стороны пытаться поднять меня из могилы, чтобы вновь обременить их жизнь. И если я говорю, что мне нечего сказать насчет командирских качеств, то только потому, что действительно не знаю ответа, который мог бы тебе помочь. Понимаю твое желание найти мне замену, но за все время моей службы я не видел ни одного командира, способного нам пригодиться. Так что разбирайся сам, а я даже понятия не имею. — На мгновение он дал волю

своему гневу. — И оставь в покое моих родных, презренный… — Но все же решил пожалеть несчастного. — Сотри все после «оставь в покое моих родных».

— Воспроизвести текст?

— Я на унитазе!

Не восприняв данные слова в качестве ответа, компьютер повторил вопрос еще раз.

— Нет. Просто отправь. Не хочу, чтобы лейтенант Графф ждал лишний час или сутки лишь для того, чтобы я мог превратить свое письмо в школьное сочинение на пятерку.

Но вопрос Граффа продолжал его мучить. Какие качества следовало искать в командире?

А есть ли, собственно, разница? Как только будет составлен список таких качеств, на все готовые карьеристы немедленно сообразят, как притвориться, будто обладают ими, и все вернется к тому же, с чего начиналось: лучшие бюрократы на вершине любой военной иерархии, а все по-настоящему умные лидеры либо отправлены в отставку, либо деморализованы.

«Точно так же, как был деморализован я, — подумал Мэйзер, — когда пилотировал едва вооруженный грузовой корабль в задних эшелонах нашего строя. Возможно, десятки других

видели то же, что и я, — уязвимые места в строю жукеров, — но они давно уже оставили службу. Единственная причина, по которой я там оказался, заключалась в том, что я просто не мог себе позволить уйти, не выслужив пенсию. И мне пришлось мириться с недоброжелателями-командирами, готовыми наказывать меня уже за то, что я лучший офицер, чем они сами когда-либо были. Я стал объектом насмешек и презрения, и в итоге мне пришлось пилотировать корабль, вооруженный лишь двумя тихоходными ракетами.

Как оказалось, хватило бы и одной.

Но кто мог предположить, что я там окажусь, увижу то, что увидел, и совершу карьерное самоубийство, выпустив ракеты вопреки приказу, — а потом выяснится, что я был прав? Какое испытание может выявить подобное? С тем же успехом можно прибегнуть к молитве: либо Господь заботится о человечестве, либо ему все равно. Если не все равно, значит мы выживем, несмотря на собственную глупость. Если нет, значит нет. В этой вселенной любая попытка заранее определить черты великих командиров обречена на провал».

— Входящее видео, — сообщил компьютер.

Мэйзер взглянул на экран, где он успел набро-

сать:

«Безрассудство.

Интуиция (попробуй проверь, молокосос!).

Терпимость к идиотизму вышестоящих.

Крайнее чувство персональной ответственности».

«Ну да, — усмехнулся Мэйзер. — Тот самый список, который, как надеется Графф, я ему пришлю».

А теперь этот мальчишка посылал ему видео. Кто мог такое санкционировать?

Но возникшая в пространстве над экраном голографическая голова вовсе не принадлежала ретивому молодому лейтенанту. Это была молодая женщина со светлыми, как у матери, волосами, и лишь едва заметными чертами внешности ее отца-маори. Но эта малость делала ее только прекраснее.

— Стоп, — сказал Мэйзер.

— От меня требуется показывать вам…

— Это личное. Вмешательство в личную жизнь.

— …все сообщения по ансиблю.

— Позже.

— Видео имеет высший приоритет. Ширина канала, достаточная для передачи видео, исполь-

зуется только…

— Ладно, воспроизведи, — сдался Мэйзер.

— Папа, — произнесла голографическая женщина.

Мэйзер отвел взгляд, машинально пряча лицо, хотя видеть она его, естественно, не могла. Когда он в последний раз видел свою дочь Пай Махутангу, той было пять лет и больше всего она любила лазить по деревьям. Ей часто снились кошмары, но, поскольку ее отец постоянно находился на службе, отогнать дурные сны было некому.

— Я привела с собой твоих внуков, — говорила она. — Паху Ранги пока не нашел женщину, которая согласилась бы родить ему детей. — Она шаловливо улыбнулась кому-то за кадром. Ее брат, сын Мэйзера, был зачат во время его последнего отпуска перед решающей битвой. — Мы рассказали про тебя детям. Знаю, увидеть всех одновременно ты не можешь, но если каждый из них на пару секунд войдет в кадр вместе со мной… Однако мне сказали, что, возможно, ты не будешь им рад. Даже если это в самом деле так, папа, я все равно знаю, что ты хотел бы увидеть своих внуков. Когда ты вернешься, они будут еще живы. Может, буду жива даже я. Прошу тебя, не прячься от нас. Мы знаем, что, когда ты развелся

с мамой, ты поступил так ради нее — и ради нас. Мы знаем, что ты никогда не переставал нас любить. Видишь? Это Кахуи Кура и Пао Пао Те Ранги. У них также есть английские имена, Мирт и Глэд, но они гордятся тем, что они дети маори — благодаря тебе. Но твой внук Мэйзер Така Ахо Говарт настаивает на имени, которое носил… носишь ты. Что же касается малыша Струана Маэроэро — он сам решит, когда станет старше. — Она вздохнула. — Скорее всего, это наш последний ребенок — если суд Новой Зеландии поддержит законы Гегемонии о рождаемости[31].

Пока каждый из детей появлялся в кадре — кто-то робко, кто-то отважно, — Мэйзер пытался ощутить к ним хоть какие-то чувства. Сперва, слегка смущаясь, в кадр вошли две его внучки. Затем — названный в его честь мальчик. И наконец — младенец, которого кто-то держал на руках.

Они были для него чужаками, которые сами станут родителями еще до того, как он сможет встретиться с ними вживую. А может, даже дедушками или бабушками.

---

[31] Примечания: 31

Авторское противоречие. Закон о контроле над рождаемостью был принят гораздо раньше — когда нужно было экономить ресурсы и строить Международный флот для Второй войны с жукерами. Хотя можно предположить, что Новая Зеландия присоединилась к этой демографической программе позже остальных стран. *(Примеч. ред.)*

«Какой в этом смысл? — подумал он. — Я сказал твоей матери, что мы умерли друг для друга и ко мне следует относиться как к жертве войны, даже если в бумагах говорится о разводе, а не о гибели в бою. Она настолько на меня разозлилась, что заявила: мол, лучше бы я и в самом деле умер. Детям она тоже собиралась сказать, что я умер или просто бросил их без всяких причин, чтобы те меня возненавидели.

А теперь оказывается, что она превратила мой уход в сентиментальное воспоминание о жертве, принесенной Богу и стране. Или, по крайней мере, планете и человечеству».

Мэйзер с трудом заставил себя не думать о том, что, возможно, она его простила. Именно ей пришлось воспитывать детей, и его никак не касалось, что она решила сказать им про него — лишь бы эти слова помогли ей растить детей без отца.

Он женился и завел детей уже в среднем возрасте, поскольку опасался обзаводиться семьей, зная, что ему предстоят отлучки на долгие годы. Потом он встретил Ким, и от всех разумных доводов не осталось и следа. Он хотел, чтобы у них были дети — или так хотела его ДНК, — даже если он не сможет принять участия в их воспитании.

Ему хотелось, чтобы у Пай Махутанги и Паху Ранги была стабильная и полная возможностей жизнь, и он остался на службе, чтобы заработать денег на их обучение.

Потом он сражался ради их безопасности, но собирался уйти в отставку, когда война закончится, и наконец вернуться домой к семье, пока дети еще достаточно малы, чтобы с радостью встретить отца. А потом получил то самое назначение.

«Почему вы не могли решить по-другому, сволочи? — думал он. — Найти мне замену, а потом отпустить меня домой, где меня встретили бы как героя. А после я удалился бы на покой в Крайстчерче, слушая звон колоколов и зная, что Бог по-прежнему на небе и с миром все в порядке. Вы могли позволить мне остаться дома с семьей и воспитывать детей, так что я сумел бы отговорить Пай называть своего первого сына в мою честь.

Я мог бы помочь вам с любыми советами и обучением — наверняка в куда большем объеме, чем смогли бы вы сами, — а потом покинуть флот и жить нормальной жизнью. Но нет — мне пришлось все бросить и болтаться в этой унылой жестянке, пока вы пребывали в нерешительности».

Мэйзер заметил, что Пай замолчала и лицо ее застыло неподвижно.

— Ты остановил воспроизведение? — спросил он у компьютера.

— Вы отвлеклись, — ответил тот. — Это визуальная передача по ансиблю, и от вас требуется…

— Уже смотрю, — сказал Мэйзер.

Пай снова заговорила, и видео пришло в движение.

— Им пришлось замедлить картинку, чтобы переслать ее тебе. Но про разницу во времени ты и сам знаешь. К тому же канал связи стоит дорого, так что, пожалуй, буду заканчивать. Я написала тебе письмо, и дети тоже. А Паху клянется, что когда-нибудь научится читать и писать. — Она снова рассмеялась, глядя на кого-то за кадром. Наверняка на его сына, которого он никогда не видел. Тот находился где-то совсем рядом, но в кадре не появлялся. Похоже, кто-то решил, что Мэйзеру не следует видеть сына. Графф? Или так захотела Ким? Или сам Паху? — Мама тоже тебе написала целую кучу писем, но сама не пришла — ей не хочется, чтобы ты видел ее старой. Но она все равно красавица, папа, даже красивее, чем раньше, хоть и поседела, — и она все так же тебя любит. Она хочет, чтобы ты запомнил

ее молодой. Однажды она сказала мне: «Я никогда не отличалась красотой. А когда встретила мужчину, который считал иначе, вышла за него замуж вопреки всем его возражениям».

Она настолько точно подражала матери, что у Мэйзера на мгновение перехватило дыхание. Неужели Ким отказалась прийти лишь из-за дурацкого комплекса насчет своей внешности? Как будто это его хоть когда-нибудь волновало!

Хотя — на самом деле волновало. Ее старость в очередной раз подтвердила бы, что она со всей определенностью умрет до его возвращения на Землю. А значит, он никогда не сможет по-настоящему вернуться домой — такого места для него попросту не существовало.

— Я люблю тебя, папа, — говорила Пай. — Не только потому, что ты спас мир. Конечно, мы всегда будем чтить твой подвиг, но мы любим тебя за то, что ты принес столько счастья маме. Она много нам о тебе рассказывала — как будто мы знали тебя лично. Иногда у нас бывали в гостях твои старые друзья, и тогда становилось ясно, что мама вовсе не преувеличивала — или не больше, чем преувеличивали они сами, — рассмеялась она. — Ты действительно стал частью нашей жизни. Может, мы для тебя и чужие, но ты для

нас — нет.

Картинка замерцала, а когда восстановилась снова, выражение лица Пай изменилось. Фрагмент видео явно был вырезан, — возможно, она не хотела, чтобы он видел ее плачущей. Но он знал, что она плакала, поскольку точно такое выражение лица бывало у нее в детстве, когда она собиралась залиться слезами. Для него с тех пор прошло не так уж много времени, и он очень хорошо это помнил.

— На это сообщение можешь не отвечать, — сказала она. — Лейтенант Графф предупредил, что оно может тебе не понравиться и ты можешь вообще отказаться его смотреть. Мы не хотим осложнять твое путешествие, но, папа, когда ты вернешься домой — когда вернешься к нам, — у тебя будет дом. Ты навсегда останешься в наших сердцах. Даже если меня уже не будет и тебя встретят только наши дети, мы примем тебя с распростертыми объятиями. Не героя-победителя, а вернувшегося домой отца и деда, какими бы старыми ни стали к тому времени мы сами. Я люблю тебя. Как и все мы. — Она помедлила и добавила, словно в последний момент: — Пожалуйста, прочитай наши письма.

— У меня для вас письма, — сообщил компью-

тер, когда голограмма погасла.

— Сохрани их, — ответил Мэйзер. — Доберусь до них позже.

— У вас есть право послать ответное видео, — сказал компьютер.

— Этого не будет, — возразил Мэйзер, но тут же подумал, что он мог бы сказать, если бы вдруг передумал и все же решился. Произнести героическую речь о благородном самопожертвовании? Или извиниться за то, что согласился отправиться в этот полет?

Он никогда не позволил бы им увидеть его лицо — иначе бы Ким поняла, что он нисколько не изменился, а этого нельзя было допустить.

Мэйзер решил, что прочитает письма и ответит на них. Долг перед семьей оставался таковым, даже если виной тому был некий сующий нос не в свое дело лейтенант.

— Первое письмо — тому негодяю Граффу. Оно очень короткое: «Пошел на хрен, ушлепок». Подпись — «с уважением».

— Хрен — название растения. Слово «ушлепок» отсутствует в моих базах данных. Сообщение невозможно сформулировать без дополнительных пояснений. Вы имели в виду: «Уходи отсюда, урод»?

— «Ушлепка» я придумал сам, но слово превосходное, так что его и используй. И не могу поверить, что в твоей базе данных нет выражения «пошел на хрен».

— Я замечаю у вас стрессовое состояние, — сказал компьютер. — Не хотите принять легкое успокоительное?

— Стресс вызван тем, что ты вынудил меня просмотреть сообщение, которое я не хотел видеть. Так что ты и есть причина моего стресса. Дай мне успокоиться.

— Входящее сообщение.

Мэйзер почувствовал, как уровень его стресса поднимается еще выше. Вздохнув, он откинулся на спинку кресла.

— Прочитай. От Граффа, да? Для этого ушлепка всегда используй мужской голос.

— Адмирал Рэкхем, прошу прощения за вторжение, — баритоном произнес компьютер. — Как только я затронул вопрос о возможном сеансе связи с вашими родными, мое начальство тут же ухватилось за эту идею, хотя я предупреждал их, что вряд ли от этого будет польза без вашего предварительного согласия. Тем не менее идея полностью принадлежит мне, и я несу за это полную ответственность, но в том, что никто не

стал ждать разрешения с вашей стороны, моей вины нет. Впрочем, подобный исход вполне предсказуем, это армия. Любую дурацкую идею они готовы сделать основой своей политики, а любую достаточно разумную воспринимают как угрозу, которую следует уничтожить, — зато если она сработает, они с радостью заявят о полном к ней доверии. Знакомо?

«Умный парень, — подумал Мэйзер. — Пытается перевести мой гнев на МФ и стать моим другом».

— Однако было решено переслать вам только те письма, которые вы сочли бы ободряющими. Вами, можно сказать, управляют, адмирал Рэкхем. Но если хотите получить все письма, я постараюсь, чтобы у вас сложилось общее представление о положении дел. Вряд ли вас это обрадует, но, по крайней мере, вы будете знать, что я не пытаюсь вами манипулировать.

— Ну да, конечно, — усмехнулся Мэйзер.

— Или, по крайней мере, не пытаюсь вас обмануть, — продолжал компьютер. — Я пытаюсь убедить вас, завоевав ваше доверие, а затем заручиться вашей помощью. Я не стану ни лгать, ни утаивать информацию, чтобы ввести вас в заблуждение. Только скажите: вы хотите получить

все письма или вас удовлетворит удобная версия жизни вашей семьи?

Мэйзер понял, что Графф победил, — у него не оставалось иного выхода, кроме как ответить, затребовав все пропущенные письма. А потом он оказался бы в долгу перед этим ушлепком, несмотря на всю свою злость.

Настоящий же вопрос заключался в том, не было ли все это постановкой. Не сам ли Графф задержал отправку неудобных писем, чтобы затем заработать очки в глазах Мэйзера?

Или Графф шел на определенный риск, обманув систему, чтобы переслать ему полный комплект писем? А может, Графф, простой лейтенант, все же обладал некоторой властью, позволявшей ему безнаказанно игнорировать распоряжения начальства?

— Не посылай сообщение «пошел на хрен», — сказал компьютеру Мэйзер.

— Оно уже отправлено. Прием подтвержден.

— Собственно, я только рад, — ответил Мэйзер. — Следующее сообщение: «Высылай письма, ушлепок».

Ответ пришел через несколько минут, и на этот раз писем оказалось намного больше. Поскольку делать теперь было все равно нечего, Мэйзер

открыл их и начал читать в том порядке, в каком они отправлялись. Соответственно, это означало, что первая сотня писем — от Ким.

Содержание первых писем было вполне предсказуемым, но боль от их чтения не становилась меньше. Ким выплескивала всю свою обиду и злость, тоску и негодование. Она пыталась ранить его обличительными речами, или чувством вины, или мучая его сексуальными воспоминаниями. Возможно, этим она мучила саму себя.

Ее письма, даже полные злости, напоминали о том, чего он лишился, о той жизни, которая была у него когда-то. Характер Ким и прежде не отличался мягкостью — у Мэйзера до сих пор остались нанесенные ею душевные шрамы. Но теперь он чувствовал, что ему крайне не хватает ее.

Слова Ким причиняли боль и невыносимые муки, повергали в тоску. Время от времени он переставал читать и слушал музыку, стихи или просто гудение и щелчки аппаратуры. Казавшийся неподвижным корабль мчал сквозь космос, как заверяли Мэйзера физики, подобно волне, хотя сам он не замечал, что какой-либо из находившихся внутри корабля предметов вдруг лишился присущей ему твердости — за исключением, естественно, самого Мэйзера. Одно лишь

слово могло его полностью уничтожить, а другое — затем восстановить.

«Я был прав, что женился на ней, — снова и снова думал он, читая письма. — И совершил ошибку, когда от нее ушел. Я обманул ее, себя и собственных детей — ради чего? Чтобы оказаться взаперти в космосе, пока она будет стареть, а потом умрет, — а затем вернуться и смотреть, как какой-то молодой умник занимает свое законное место командующего всеми флотами, маяча у него за спиной, словно реликт древней войны, живший по другим принципам?» Вместо того чтобы ему возвратиться домой в мешке для трупов и быть похороненным родными, постареет и умрет его семья, а он… Он вернется все еще молодым. Молодым и совершенно одиноким, не имеющим никакой цели, кроме такой мелочи, как спасение человечества, — да и это уже никак не будет от него зависеть.

Постепенно письма Ким становились все спокойнее, превратившись в ежемесячный отчет о жизни семьи — как будто они стали для нее чем-то вроде дневника, где она постоянно задавала себе вопрос, правильно ли воспитывает детей — слишком строго, слишком требовательно, слишком снисходительно. Если ее решения

могли привести не к тому результату или имели не те мотивы, она тут же задумывалась, не следовало ли ей поступить иначе. И это тоже была та самая женщина, которую он знал, любил и всегда поддерживал.

Как она смогла держаться без него? Наверное, вспоминала их давние разговоры или воображала новые, то и дело вставляя в письма его реплики: «Я знаю, ты бы сказал, что я поступила правильно… что у меня не было выбора… конечно, ты бы сказал… ты всегда мне говорил… я до сих пор поступаю по-прежнему…»

Так вдова говорила бы о своем умершем муже.

«Но вдовы могут и дальше любить своих мужей, — подумал он. — Все-таки она меня простила».

Наконец в письме, написанном относительно недавно — на прошлой неделе или полгода назад, — она сказала об этом прямо: «Надеюсь, ты простил меня за то, что я так на тебя злилась после развода. Знаю, у тебя не было иного выбора, кроме как уйти, и ты пытался милосердно оборвать все связи, чтобы я смогла жить дальше своей жизнью. И я продолжаю ею жить, как ты и говорил. Прошу тебя, давай простим друг друга».

Слова ее обрушились на него подобно трех-

кратной перегрузке. Он судорожно вздохнул, не в силах сдержать рыдания. И тут же озабоченно вмешался компьютер:

— Что случилось? Похоже, вам требуется успокоительное.

— Я читаю письмо от жены, — ответил Мэйзер. — Все в порядке. Никакого успокоительного не нужно.

Но на самом деле все было далеко не в порядке: он знал то, чего не могли знать Графф и МФ, пропуская это сообщение. Графф все-таки солгал ему, утаив информацию.

Ибо Мэйзер сказал жене, что она должна не просто жить дальше своей жизнью, но и снова выйти замуж.

Именно это она пыталась ему сообщить. Кто-то запретил его родным говорить и писать о том, что Ким вышла замуж за другого и, вероятно, родила еще детей. Он догадался сам, потому что ничего другого она иметь в виду не могла, когда писала, что продолжает жить своей жизнью. Как он и хотел. Это стало ключевым моментом их спора. Она настаивала на том, что развод имеет смысл только в случае, если бы она собиралась снова выйти замуж, а он говорил, что, естественно, речь не идет о том, чтобы делать это прямо сейчас,

но когда она наконец поймет, что при ее жизни он никогда не вернется, ей не придется писать и просить его о разводе — все будет уже решено, и она сможет жить дальше, зная, что уже получила его согласие. Тогда Ким влепила ему пощечину и разрыдалась, повторяя, что он столь плохо думает о ней и ее любви к нему, если решил, будто она способна забыть его и выйти замуж за другого…

Но она все-таки вышла замуж, и мысль об этом разбила его сердце. Да, Мэйзер сам настаивал на разводе — но он поверил ей. Поверил, что она никогда и никого больше не полюбит.

И тем не менее она полюбила другого. Мэйзер отсутствовал всего год, а она…

Нет, он отсутствовал уже три десятилетия. Возможно, ей потребовалось десять лет, чтобы найти другого мужчину. Возможно…

— Я доложу о вашей физической реакции, — сказал компьютер.

— Поступай как хочешь, — огрызнулся Мэйзер. — Что они со мной сделают, отправят в госпиталь? Ах да, знаю: можно ведь отменить миссию!

Рявкнув на компьютер, он, однако, несколько успокоился и почувствовал себя лучше. Хотя мысли его далеко опережали слова, которые он

читал, Мэйзер прочел все остальные письма, замечая в них скрытые намеки — множество необъясненных упоминаний слова «мы» и производных от него. Она хотела, чтобы он понял.

— Отправь сообщение Граффу. Скажи ему, что он нарушил собственное слово, едва успев его дать.

Ответ пришел мгновение спустя.

«Думаете, я не знаю в точности, что посылал?»

Знал ли Графф? Или только теперь понял, что Ким все-таки удалось сообщить то, что она хотела, и делал вид, будто знал все с самого начала?

От Граффа пришло следующее сообщение:

«Я только что узнал от вашего компьютера о вашей острой эмоциональной реакции на письма. Мне крайне жаль, что так случилось. Наверняка нелегко жить в присутствии компьютера, который сообщает нам обо всех ваших действиях, а затем команда психиатров ломает головы над тем, как реагировать, чтобы получить желаемый результат. По моему личному мнению, если мы намерены вверить человеку будущее человечества, возможно, следовало бы рассказать ему все, что нам известно, и говорить с ним как со взрослым. Но мои собственные письма проходят через комиссию тех же психиатров. К примеру, они

позволили мне рассказать вам о них в надежде, что вы станете больше мне доверять, зная, что мне не нравится то, что они делают. Более того, они позволяют мне обо всем этом рассказывать, пытаясь построить доверие на повторяющихся признаниях в обмане и лжи. Уверен, это тоже работает. И вряд ли в этом письме вы сумеете найти какие-либо тайные намеки».

«Какую игру он ведет? — подумал Мэйзер. — Что в его письмах действительно правда?» Комиссия психиатров выглядела вполне разумно. Военный подход — найти способ обнулить собственные активы, так что они окажутся бесполезны еще до того, как их начнут использовать. Но если Графф в самом деле позволил проскользнуть признанию Ким в повторном замужестве, зная, что психиатры его не заметят, — значило ли это, что он на стороне Мэйзера? Или просто лучше психиатров сообразил, как им манипулировать?

«Вряд ли в этом письме вы сумеете найти какие-либо тайные намеки», — писал Графф. Значило ли это, что таковые действительно имелись? Мэйзер перечитал письмо еще раз, и теперь одна из фраз обрела иной возможный смысл. «Жить в присутствии компьютера, который сообщает нам обо всех ваших действиях». Сперва он понял

это как «сообщает обо всем, что вы делаете». Но что, если понимать следовало более буквально?

Это могло означать, что они обнаружили его вмешательство в программу компьютера. Соответственно, получали объяснение и комиссия психиатров, и внезапная срочность с поисками дублера.

Итак, шило вылезло из мешка. Вряд ли Мэйзеру признаются, что им известно о сделанных им изменениях в программе: его считают неустойчивой личностью, способной на безумные поступки, и ни за что не поверят, что с ним можно говорить в открытую.

Нужно было как-то объяснить им, что он вовсе не безумен. Требовалось получить контроль над ситуацией, а значит, поверить, что Графф действительно тот, за кого себя выдает: союзник, прилагающий все усилия для поиска лучшего из возможных командующих для МФ, когда настанет час последней битвы.

Мэйзер посмотрел в зеркало, размышляя, стоит ли привести себя в порядок. Многие безумцы тщетно пытались выглядеть более здраво, одеваясь подобно обычным людям. Но опять-таки у него жутко спутались волосы, и он постоянно ходил голым. По крайней мере, стоило помыться

и стать больше похожим на того, к кому военные могли бы относиться с уважением.

Покончив с гигиеническими процедурами, он развернул кресло и велел компьютеру начать запись видео для последующей передачи. Однако он подозревал, что редактировать видео не имеет смысла — компьютер передал бы необработанную запись, поскольку явно успел доложить, что его перепрограммировали.

— У меня есть основания полагать, что вам уже известно о внесенных мной в программу бортового компьютера изменениях. Вероятно, мне удалось вывести из-под вашего контроля навигационную систему компьютера, но я не смог помешать ему доложить вам о данном факте. Из чего следует, что вы действительно хотели, чтобы эта жестянка стала тюрьмой, хотя и не слишком преуспели.

Так что теперь я скажу вам ровно то, что вам следует знать. Вы — или ваши предшественники — отказались поверить мне, когда я говорил, что не подхожу для того, чтобы командовать Международным флотом во время завершающей кампании. Мне ответили, что будут искать подходящую замену, но я не настолько глуп. Я знал, что любые поиски станут формальными или ил-

люзорными. Вы сделали ставку на меня. Но мне также известно, как работает военная машина. Те, кто принимал решение положиться на меня, к моему возвращению давно ушли бы в отставку. И чем ближе мое возвращение, тем больше новых бюрократов будут в страхе ожидать его. Вернувшись, я оказался бы во главе совершенно недееспособной военной организации, главная цель которой — не позволить мне предпринять хоть что-то, что могло бы стоить кому-то места. В итоге я лишился бы любой власти, даже если бы остался в качестве номинальной фигуры. И все пилоты, которые пожертвовали всем, что знали и любили на Земле, отправившись на битву с жукерами в их космосе, оказались бы под властью обычной банды карьеристов-бюрократов.

Чтобы избавиться от балласта, всегда требуется полгода войны и несколько ужасающих поражений. Но в будущей войне у нас не будет для этого времени, точно так же как не было и в предыдущей. Однажды мой отказ подчиниться приказу внезапно положил войне конец. Однако если на этот раз мы проиграем хоть одно сражение — мы проиграем войну. Второго шанса не будет, и права на ошибку у нас нет. Мы не можем позволить себе тратить время на то, чтобы избавиться от

вас — идиотов, которые сейчас смотрят на меня, идиотов, готовых уничтожить человечество ради сохранения своих жалких бюрократических должностей.

Я перепрограммировал навигационную программу корабля, получив над ним полный контроль. Вам не отменить мое решение. А решение мое таково: я не вернусь. Я не стану замедляться и разворачиваться. Я полечу дальше.

Мой план прост. Поскольку вы уже не сможете рассчитывать на меня как на вашего будущего командующего, у вас не останется иного выбора, кроме как искать нового. Не делать вид, но искать по-настоящему.

Впрочем, думаю, что об этом моем плане вы уже догадались — иначе я не начал бы получать сообщения от лейтенанта Граффа. Так что теперь моя проблема — попытаться понять, что вы замышляете. Предполагаю, что у Граффа есть подготовка психиатра. Возможно, он работает аналитиком в разведке. Скорее всего, он действительно весьма умен, прозорлив и добился выдающихся результатов в… своей области. И вы решили посмотреть, сумеет ли он вернуть меня на прежние рельсы. Вот только он как раз из тех, кто повергает вас в ужас. Он умнее вас, и вам приходится удерживать

его от любых поступков, которые могут показаться вам опасными. А поскольку вас пугает все, что может дать хоть какой-то результат, главной его задачей стало сообразить, как наладить честное общение между нами, минуя вас.

Так что теперь мы оказались в своего рода тупике. В данный момент вся власть в ваших руках. И вариантов у вас только два.

Первый вариант — крайне тяжкий. От него у вас побегут мурашки по коже, а кто-то даже отправится домой и уляжется на трое суток в позу эмбриона, засунув большой палец в рот. Но никаких переговоров не будет. Вы должны дать лейтенанту Граффу реальную власть — не высокое звание и бюрократическую должность, но настоящие полномочия. Он должен получить все, чего пожелает, ибо дело его жизни состоит в том, чтобы найти лучшего командующего, который решит судьбу человечества.

Сперва он должен выяснить, как определить тех, кто обладает наилучшим потенциалом. Вы окажете ему любую помощь, о какой бы он ни попросил — к кому бы он ни обращался, независимо от звания, подготовки или от того, насколько их любит или ненавидит какой-нибудь адмиральствующий идиот.

Следующая задача Граффа — понять, каким образом обучать найденных им кандидатов. Опять-таки вы должны исполнять любые его желания, несмотря на все затраты и трудности, без согласия каких бы то ни было комиссий. Весь персонал МФ и все правительство — слуги Граффа, которые вправе лишь просить его разъяснить тот или иной приказ.

Я требую, чтобы Графф занимался исключительно поиском и подготовкой моего преемника на роль боевого командира Международного флота. Если он начнет строить бюрократическое царство — иными словами, если он окажется очередным идиотом, — я об этом узнаю и прекращу с ним общаться.

В обмен на то, что вы дадите Граффу эти полномочия, могу обещать, что как только я пойму, что он действительно их имеет и правильно использует, то немедленно разверну корабль и вернусь домой на несколько лет раньше, чем предполагалось по плану. Я буду участвовать в подготовке и обучении вашего командующего. Я оценю работу Граффа и помогу выбрать среди потенциальных кандидатов, если их окажется больше одного.

Все это время Графф будет постоянно общаться со мной по ансиблю, так что все его действия

будут совершаться после консультаций со мной и с моего одобрения. Таким образом, посредством Граффа я стану руководить поисками нашего военного лидера.

Но если вы поведете себя как те идиоты, что возглавляли флот во время войны, которую выиграл я, и попытаетесь темнить, изворачиваться, тянуть время, манипулировать и лгать, препятствуя мне и Граффу, я никогда не разверну корабль. Я просто улечу в космическую бездну, и наша кампания потерпит поражение. Жукеры вернутся на Землю и на этот раз доведут дело до конца. А я на этом корабле стану последним из оставшихся в живых людей. Но вина не будет лежать на мне — она будет на вас, поскольку именно вам не хватило приличий и разума, чтобы отойти в сторону и дать возможность действовать тем, кто действительно знает, как спасти человечество.

Думать можете сколько хотите — времени у меня предостаточно. Но имейте в виду: всех, кто попытается взять ситуацию под контроль и организовать некие комиссии для изучения вашей реакции на мое видео, следует немедленно гнать из МФ как можно дальше. Именно они — настоящие пособники жукеров, по чьей

вине можем погибнуть мы все. Я уже назначил единственного возможного руководителя данной программы — лейтенанта Граффа. Никаких компромиссов. Никаких маневров. Сделайте его капитаном, дайте ему больше полномочий, чем кому-либо другому из ныне живущих, будьте готовы исполнить любой его приказ и не мешайте нам работать.

Верю ли я, что вы действительно так поступите? Нет. Именно потому я перепрограммировал свой корабль. Не забывайте, что именно я спас человечество, и удалось мне это потому, что я сумел в точности понять, как работает военная машина жукеров, и найти их слабое место. Точно так же я понял, как работает человеческая военная машина. Мне известно ее слабое место, но я знаю, как это исправить. Собственно, я только что об этом рассказал. Либо вы сделаете так, либо нет. А теперь решайте и не беспокойте меня больше, пока не примете правильное решение.

Вновь повернувшись к пульту, Мэйзер набрал команды «сохранить» и «отправить».

Убедившись, что сообщение отослано, он вернулся в спальную зону, снова размышляя о Ким, Пай и Паху, о своих внуках, о новом муже своей жены и о детях, которые могли у них появиться.

Но он гнал прочь любые мысли о возвращении на Землю, чтобы увидеть своих детей взрослыми и попытаться найти свое место среди них, как если бы он был все еще жив и как если бы на Земле еще оставались те, кого он знал и любил.

Ответ пришел только через двенадцать часов. Мэйзер с улыбкой представил, какая там шла борьба. Люди сражались за свои посты, заполняли отчеты с доказательствами того, что Мэйзер обезумел и его не следует слушать, пытались нейтрализовать Граффа, или подлизываться к нему, или назначать себя его непосредственными руководителями, или старались придумать, как одурачить Мэйзера, сделав вид, будто подчинились ему, хотя делать этого вовсе не собирались.

Ответил ему непосредственно Графф — в видеоформате. Мэйзера обрадовало, что, хотя Графф и в самом деле был молод, форма на нем выглядела достаточно небрежно, свидетельствуя, что подобающая офицеру внешность не имеет для него особого значения. Форму украшали капитанские нашивки, а на губах играла легкая улыбка, хотя он изо всех сил пытался сохранить серьезное выражение лица.

— И снова, адмирал Рэкхем, имея в своем арсенале лишь одно орудие, вы точно знали, куда

его нацелить.

— В первый раз у меня было две ракеты, — заметил Рэкхем.

— Хотите, чтобы я записал… — начал компьютер.

— Заткнись и воспроизводи дальше, — прорычал Мэйзер.

— Вам следует знать, что ваша бывшая жена, Ким Арнсбрах Рэкхем Саммерс — да, она сохранила вашу фамилию как часть своего официального имени, — сыграла в случившемся немалую роль. Ибо как только у кого-то возникал план одурачить вас и меня, убедив, будто мы намерены подчиняться вашим приказам, я при всех интересовался ее мнением. И когда кто-то говорил: «Мы заставим адмирала Рэкхема поверить…», она просто смеялась, на чем все обсуждение и заканчивалось.

Не знаю, как долго это продлится, но в данный момент МФ, похоже, готов полностью вам подчиниться. Вам также следует знать, что не обошлось без почти двух сотен досрочных отставок и почти тысячи переназначений, включая сорок офицеров высшего ранга. Вам до сих пор не откажешь в умении устраивать взрывы на ровном месте.

Мне уже кое-что известно насчет отбора и обу-

чения, и в последующие несколько лет мы с вами постоянно будем беседовать об этом. Но у меня нет возможности ждать, пока мы все полностью обсудим, — просто потому, что нельзя терять время, а временная задержка добавляет к нашим беседам многие недели.

Если вдруг что-то пойдет не так — скажите, и я все исправлю. Я никогда не стану заявлять, что мы уже сделали то-то и то-то, поскольку сами решили, что так будет лучше. Вы сами увидите, что не ошиблись, доверив мне эту задачу.

Меня удивляет лишь одно: как вы решились мне поверить? Изначально в нашем общении было полно лжи — иначе я вообще не смог бы вам писать. Я не знал вас и не имел понятия, как сообщить вам правду в обход одобрявших каждое мое слово комиссий. Хуже всего то, что на самом деле я прекрасно умею вести бюрократические игры — иначе я не смог бы общаться непосредственно с вами.

Так что теперь, когда никто уже не цензурирует нашу переписку, позвольте сказать вам, что я действительно считаю главной своей задачей поиск подходящей замены на роль командующего Международным флотом. Но потом, когда мы это сделаем — знаю, это под большим вопросом, — у

меня есть свои планы.

Да, естественно, крайне важно победить в данной конкретной войне против данного конкретного врага. Но мне хотелось бы побеждать во всех будущих войнах единственным возможным способом — выведя человечество за пределы единственной планеты и единственной звездной системы. Жукеры уже это поняли: нужно распространяться как можно дальше, пока раса не станет полностью неуничтожимой.

Надеюсь, у них это не получится. Надеюсь, мы сумеем уничтожить их столь тщательно, что они не смогут бросить нам вызов в течение тысячи лет. Но к концу этой тысячи лет, когда очередной флот жукеров явится, чтобы отомстить, мне хотелось бы, чтобы они обнаружили, что человечество распространилось по тысяче планет и найти нас всех им никогда не удастся.

Возможно, я строю чересчур большие планы, адмирал Рэкхем. Но каковы бы ни были мои далеко идущие цели, можно с уверенностью сказать одно: если у нас не будет надлежащего командующего, если мы не победим в этой войне, все остальное уже не имеет никакого значения. И этот командующий — вы, сэр. Не боевой командир, но тот, кто нашел способ заставить армию

измениться, чтобы найти подходящего боевого командира, не тратя жизни бесчисленных солдат в бессмысленных поражениях.

Сэр, я больше не стану затрагивать эту тему, но за последние несколько недель я близко познакомился с вашей семьей. Теперь я знаю, от чего вам пришлось отказаться, чтобы занять свое нынешнее положение. И я обещаю вам, сэр, что сделаю все возможное, чтобы жертвы, на которые пришлось пойти им и вам, того стоили.

Графф отдал честь, и его голографическое изображение исчезло.

И хотя никто не мог его видеть, Мэйзер Рэкхем отсалютовал ему в ответ.

Красавчик

Вряд ли хоть кто-то из родителей мечтает уничтожить своей любовью собственное дитя — и тем не менее находится немало тех, кто чересчур близко подходит к опасной грани. Многим детям удается избежать разрушения личности лишь потому, что они сами не верят в тот культ, объектом которого стали для своих родителей. «Если я — бог, — думают они, — значит никаких богов вообще не существует, а если и есть, то они слабы и немощны».

Короче говоря, их спасает собственный депрессивный настрой. Они — атеисты, отрицающие собственную божественность.

А уж когда родители назвали тебя Бонито — Красавчик, с самого начала ясно, что хорошего ждать не приходится. Хотя остается шанс, что тебя назвали в честь разновидности тунца. Но когда тебя балуют, лелеют и обожают, вскоре умрут последние сомнения в том, что это скорее тунца назвали в твою честь.

В соборе Толедо его окрестили именем Томас Бенедито Бонито де Мадрид и Валенсия.

— Союз двух городов! — провозгласил его отец,

хотя все знали, что два города в имени — знак низкого, а вовсе не высокого происхождения.

Имена ничего не значили, кроме того, что твоими предками стали мясник из Мадрида и сборщица апельсинов из Валенсии, перебравшиеся в другое место и ставшие известными по месту их рождения. Вот если бы предки были властителями тех городов…

Но на самом деле Амаро, отца Бонито, не особо волновала собственная родословная. Ему вполне хватало того, что он может называть Испанию своей родиной.

— Мы — народ, когда-то завоеванный исламом. И тем не менее мы изгнали завоевателей, — часто говорил он. — Взгляните на другие страны, которые когда-то были цивилизованнее нас, — Египет, Малую Азию, Финикию! Явились арабы со своим черным каменным богом, который, как они заявляли, вовсе не идол, — и что произошло? Египет стал настолько мусульманским, что теперь они сами называют себя арабами и забыли собственный язык. То же случилось с сирийцами, ливанцами, древним Карфагеном, Лидией и Фригией, Понтом и Македонией! Они сдались. Они обратились в иную веру. — Эту фразу он всегда произносил с таким отвращением, словно

наглотался грязи. — Но мы, испанцы, отступили в Пиренеи — в Наварру, Арагон, Галисию. В горах им до нас было не добраться. И постепенно, год за годом, город за городом, селение за селением, сад за садом, мы отвоевали свою землю. В тысяча четыреста девяносто втором году мы изгнали из Испании последних мавров, очистив испанскую цивилизацию, а затем двинулись за ее пределы, завоевав мир!

Чтобы подразнить отца, друзья напоминали ему, что Колумб был итальянцем.

— Да, но ему пришлось приехать в Испанию, чтобы он смог осуществить свою чертову мечту! Не будь испанских денег и испанских кораблей, он никогда не смог бы отправиться на Запад, и все мы знаем, что прокладывали курс к новым землям именно испанские моряки. Именно испанцы побеждали миллионные армии отрядами в десяток бойцов!

— И что же случилось? — спрашивали его смельчаки. — Почему Испания рухнула с той вершины?

— Испания никуда не рухнула. Испании просто трагически не повезло, и ее захватили иноземные короли, младшие родственники жалких Габсбургов. Австрийцы! Немцы! Ради чего они пролили

кровь и растратили сокровища Испании? Ради династических войн! Ради бессмысленных ссор в Нидерландах! Если бы не они — мы бы уже завоевали Китай. Китай жил бы куда лучше, если бы говорил по-испански, как Перу и Мексика. У них был бы алфавит, и они ели бы вилками! Они молились бы богу на кресте!

— Но ведь ты же сам не молишься богу на кресте?

— Si, pero yo lo respecto! Yo lo adoro! Es muerto, pero es verdaderamente mi redentor ainda lo mismo![32] — Стоило Амаро де Мадриду заговорить о религии, и он уже не мог остановиться. — У людей должен быть бог, иначе они сделают себе богов из чего угодно. Взгляните на защитников окружающей среды, которые служат богине Гее, принося на компостную кучу ее алтаря процветание мира! Христос — хороший бог, он несет мир людям, но безжалостен к их врагам.

Когда Амаро хотел кого-то в чем-то убедить, спорить с ним не имело смысла, поскольку он был адвокатом — скорее даже поэтом с адвокатской лицензией. Его выступления в суде стали легендой. Люди приходили на утомительные судебные

---

[32] Примечания: 32

Да, но я его уважаю! Я ему поклоняюсь! Он мертв, но он все равно мой истинный спаситель! *(исп.)*

процессы лишь ради того, чтобы его послушать. Не только другие адвокаты, но и романтически настроенные граждане, и женщины, очарованные его пылкими речами. В словах Амаро звучали мудрость и здравомыслие, достаточные для того, чтобы он стал знаменитостью в Толедо и чтобы его дом всегда был полон желающих завязать с ним беседу.

Именно на его коленях сидел Бонито, с широко раскрытыми глазами слушая паломников, пришедших в живой храм утраченной религии испанского патриотизма. Лишь со временем мальчик начал понимать, что его отец — не только самый ярый, но и единственный ее последователь.

Не считая, естественно, самого Бонито — чрезвычайно умного ребенка, научившегося говорить в годовалом возрасте. Амаро мог поклясться, что его сын понимал каждое сказанное слово еще до того, как тому исполнилось полтора года — может, и не каждое, но близко к тому. И, как это обычно бывало, быстро разошлись слухи о малыше, который, слушая своего умного отца, не просто ошеломлен его словами, но, похоже, еще и осознаёт их.

Так что еще до того, как Бонито отметил свой

второй день рождения, к ним пришли из Международного флота, чтобы провести свои тесты.

— Хотите украсть у меня сына? Украсть его у Испании?

Молодой офицер терпеливо заметил, что Испания, по сути, является частью человечества и что все человечество ищет среди своих детей самые выдающиеся военные умы, чтобы те возглавили борьбу за выживание против жукеров, чудовищной расы, которая прилетела два поколения назад, истребляя людей словно плесень, пока их не уничтожили великие герои.

— Еще немного, и все было бы кончено, — сказал офицер. — Что, если ваш сын — новый Мэйзер Рэкхем, а вы его не отпустите? Думаете, жукеры остановятся у испанских границ?

— Мы поступим так же, как поступали всегда, — ответил Амаро. — Укроемся в наших горных крепостях, а потом вернемся, отвоевывая Землю город за городом, селение за селением, пока…

Но молодой офицер изучал историю и лишь улыбнулся в ответ:

— Мавры захватили испанские селения и правили ими. Жукеры попросту сровняют их с землей — что вы тогда сможете отвоевать? В Испании оставались христиане, которых освободили ваши

предки. Собираетесь обратить жукеров в свою веру, чтобы те восстали против королев и присоединились к вашей борьбе? С тем же успехом можно пытаться убедить человеческие руки взбунтоваться против мозга.

Амаро лишь рассмеялся:

— Я знаю многих, против кого взбунтовались собственные руки — да и другие части тела тоже!

Будучи адвокатом, Амаро был далеко не глуп и понимал всю тщетность попыток сопротивляться МФ. Осознавал он и великую честь иметь сына, которого Флот хотел у него забрать. Собственно, жалуясь всем на тиранию «интернационалистов — похитителей детей», он на самом деле по-своему хвастался, что породил возможного спасителя мира. Крошечный мигающий монитор, вживленный в позвоночник его сына у основания черепа, стал для отца чем-то вроде божественного знака.

А затем Амаро начал окружать сына губительной любовью.

Мальчику, которого мир хотел забрать у Амаро, ничего не запрещалось. Как только он научился ходить и пользоваться туалетом, перестав быть обузой, он не отходил от отца ни на шаг. А когда Амаро был дома, маленькому Бонито позволя-

лись любые капризы.

— Мальчику хочется полазить по деревьям — почему бы ему не разрешить?

— Но он же совсем малыш и забирается так высоко. Что, если он упадет?

— Мальчишки и лазают, и падают. Думаешь, мой Бонито недостаточно для этого крепок? Как он иначе чему-то научится?

Когда Бонито отказывался идти спать или выключать свет, поскольку ему хотелось почитать в кровати, Амаро говорил жене:

— Ты что, хочешь задавить в нем гения? Если его ум активнее ночью, то пытаться его ограничивать — примерно то же самое, что требовать от совы охотиться только днем!

А когда Бонито требовал сладостей, Амаро обеспечивал в доме их неограниченный запас, говоря:

— Ему самому рано или поздно надоест.

Но все это далеко не всегда приводило к результатам, каких можно было ожидать, — ибо Бонито, сам того не сознавая, стремился спастись от отцовской любви. Слушая отца и понимая намного больше, чем догадывался Амаро, Бонито сообразил, что отец ждет именно того, чтобы сладости ему надоели, — и больше их не просил. Коробки

с конфетами лежали нетронутыми, и в конце концов их пожертвовали местному приюту.

Точно так же Бонито преднамеренно падал с деревьев — сперва с нижних веток, потом со все более высоких, учась преодолевать страх высоты и избегать синяков. Затем он признался самому себе, что ночной образ жизни не для него: прочитанное в полудреме плохо запоминается наутро, зато прочитанное днем после хорошего сна надолго остается в памяти.

Фактически Бонито был прирожденным учеником, и даже если бы его наставник ничему его не учил, Бонито все равно учился бы сам. Он слышал все — даже то, что не произносилось вслух.

Когда Бонито исполнилось пять, он наконец осознал, что у него есть мать.

Нет, конечно, он знал ее и раньше, прибегая к ней со своими царапинами или когда ему хотелось есть. Всю свою жизнь он ощущал ласку ее рук и слышал ее мягкий голос. Она была для него как воздух. Отец был ослепительным солнцем в ярко-голубом небе, а мать — землей под ногами. От нее исходило все, но Бонито не видел ее, настолько был ослеплен.

Но однажды Бонито переключил внимание со знакомой проповеди отца на одного из гостей,

пришедших его послушать. Мать принесла поднос простой еды — нарезанные фрукты и сырые овощи. Но к ним добавилась тарелка сладкого апельсинового печенья, которое она иногда пекла, и Бонито случайно заметил, как гость взял печенье, отломил кусочек и положил в рот.

Внезапно он перестал кивать в такт словам отца — и жевать тоже. На мгновение Бонито показалось, будто тот собирается вынуть кусочек печенья изо рта, но на самом деле гость наслаждался угощением. Подняв брови, он взглянул на печенье в своей руке и с благоговейным видом положил в рот еще кусочек.

Бонито наблюдал за выражением его лица. Экстаз? Нет, скорее простое удовольствие.

А затем гость покинул собравшихся вокруг отца обожателей и направился в кухню. Бонито последовал за ним, услышав:

— Сеньора, могу я взять с собой вашего печенья?

Мать залилась румянцем и застенчиво улыбнулась:

— Вам понравилось?

— Не стану наносить вам оскорбление, прося рецепт, — ответил гость. — Я знаю, что состав этого печенья невозможно описать словами. Но

прошу вас, позвольте мне взять немного с собой, чтобы съесть у себя в саду и поделиться с женой.

Охотно завернув большую часть оставшегося печенья, мать отдала его гостю, который поклонился, беря пакет.

— Вы тайное сокровище этого дома, — сказал он.

При этих словах взгляд матери похолодел, и Бонито сразу же сообразил, что гость пересек некую невидимую черту. Тот тоже это понял.

— Сеньора, я вовсе не пытаюсь с вами флиртовать. Я говорю от чистого сердца. То, что говорит ваш муж, я могу прочитать или услышать от других. Но то, что делаете вы, я могу получить только из ваших рук.

Снова поклонившись, он вышел.

Бонито знал, что апельсиновое печенье вкусное, но только теперь понял: оно вкусное настолько, что его ценят даже незнакомые люди.

Когда гость ушел, мать начала негромко напевать себе под нос. Бонито вернулся в гостиную, успев увидеть, как гость быстро попрощался с отцом и поспешно удалился, сжимая в руках пакет с печеньем.

Бонито даже позавидовал незнакомцу — это печенье весь следующий день мог бы есть он сам.

Но отчасти он и гордился матерью, чего раньше никогда не случалось. Он инстинктивно понимал, что должен гордиться отцом, и чувство это только усиливалось, когда гости поворачивались к нему, прощаясь с отцом, и говорили что-то вроде: «Тебе так повезло, что ты живешь в доме этого великого человека», или не столь прямо: «Ты живешь там, где бьется сердце Испании». Речь, однако, всегда шла об отце.

Но не в этот раз.

Так Бонито начал осознавать, что у него есть мать. Он замечал, как много ей приходится трудиться, чтобы отец мог жить своей жизнью, как она общается с торговцами, с садовником и служанкой, помогавшей ей на кухне, как делает покупки на рынке, как любезно разговаривает с соседями. Весь мир приходил в их дом, чтобы встретиться с отцом; мать выходила к гостям и благословляла их своей добротой и заботой. Отец говорил — мать слушала. Отцом восхищались — мать любили, ей доверяли и нуждались в ней.

Отец не сразу заметил, что Бонито уже не всегда с ним и порой тому просто не хочется никуда идти.

— Ну конечно, — рассмеялся он. — В суде тебе наверняка скучно!

Однако Бонито почувствовал, что отец слегка разочарован, и ему даже стало немного жаль его. Но ему не меньше нравилось ходить с матерью, ибо теперь он понимал, что та — настоящий мастер своего дела.

Отец выступал перед заполненными людьми залами, полностью занимая их внимание и вызывая у них радость, волнение, а иногда и гнев. Мать разговаривала только с одним человеком зараз, и они расставались довольными друг другом, пусть и на время.

— Чем ты сегодня занимался? — спросил отец.

Бонито совершил ошибку, ответив во всех подробностях:

— Мы с мамой ходили на рынок и зашли к госпоже Феррейре, той даме из Португалии. Ее дочь чем-то ее очень расстроила, но мама сумела ей объяснить, что та все-таки поступает вполне благоразумно. Потом мы вернулись домой, и мама с Нитой приготовили лапшу для супа, а я помогал просеивать муку, потому что у меня это очень хорошо получается и нисколько не утомляет. Потом я пел ей песни, пока она заполняла счета. У меня очень приятный голос, папа.

— Знаю, — кивнул отец, но все же озадаченно посмотрел на сына. — Сегодня у меня было очень

важное дело. Я смог вернуть бедной семье землю, которую несправедливо забрал банк из-за того, что банкиры не проявляют к беднякам той терпимости, которую они проявляют к богачам. Я потребовал от шестерых богачей дать свидетельские показания о полученных ими от банка услугах — превышении кредита и отсрочках выплат. И дело даже не дошло до суда — банкиры пошли на уступки, вернув землю и простив просроченные проценты.

— Поздравляю, папа.

— Но, Бонито, ты не увидел всего этого. Ты остался дома, а потом ходил за покупками, слушал сплетни, сеял муку и пел песни вместе с мамой.

Бонито не понял, что имел в виду отец, пока не сообразил, что и Амаро точно так же не понял его самого. Отец просто завидовал, что Бонито решил провести день с матерью.

— Завтра я пойду с тобой, папа.

— Завтра суббота, а великое дело слушалось сегодня. И ты его пропустил.

Бонито чувствовал, что крайне расстроил отца, но ведь он был так счастлив, что провел весь день с мамой!

— Прости, папа, — заплакал он. — Больше не

буду. Никогда.

— Нет-нет, ты можешь проводить время с кем хочешь. — Отец взял его на руки и прижал к себе. — Я вовсе не хотел доводить тебя до слез, мой Бонито, мой красавчик. Простишь своего папу?

Конечно, Бонито его простил, но после этого уже не оставался дома с матерью, по крайней мере, надолго. Все свое время он посвящал отцу, и Амаро, похоже, пребывал на седьмом небе от счастья и гордости. Мама ничего на этот счет не говорила, во всяком случае, прямо. Лишь однажды она заметила:

— Сегодня я платила по счетам, и мне показалось, будто я слышу, как ты поешь мне песенку, мой красавчик. Знаешь, как я была рада?

Она улыбнулась и обняла его, но Бонито не почувствовал ее обиды, лишь грусть и любовь. И он знал, что отец нуждается в нем намного больше, чем мать.

Бонито наконец понял, какой властью обладает в доме. Его внимание было наградой, и когда он даровал его, это значило весьма многое для отца — и лишь чуть меньше для матери. Но имелась и обратная сторона: Бонито чувствовал себя слегка уязвленным из-за того, что мать обходилась без него куда легче, чем отец.

Бонито знал, что отношения в их семье преисполнены любви, и все же мать с отцом, сами того не осознавая, умудрялись причинять друг другу боль.

«Лишь я один об этом задумываюсь, — понял Бонито. — Я вижу то, чего не видит никто из моих родителей. — Мысль эта пугала и вместе с тем приводила в трепет. — Я истинный властелин этого дома. Я единственный, кто все понимает».

Он никому не мог рассказать об этом, но написал на листке бумаги, который тут же порвал и запихнул на дно кухонного ведра, под апельсиновую кожуру и мясные обрезки.

Однако Бонито забыл, что на самом деле никогда не бывает один: он носил на затылке монитор Международного флота, крошечный передатчик, свидетельствовавший о том, что он принадлежит к числу избранных, за которыми постоянно наблюдают и поведение которых постоянно оценивают. Монитор, соединенный с его нервными центрами. Люди из Боевой школы видели его глазами, слышали его ушами. И они прочитали то, что он написал.

Вскоре после того, как Бонито записал свои мысли и тут же порвал написанное, вернулся молодой офицер.

— Мне нужно поговорить с юным Бонито. Наедине.

Отец попытался было возражать, но после ушел на работу без сына. Мать была занята кухонными делами, — казалось, она больше обычного гремела сковородками, кастрюльками и ножами, но шум этот успокаивающе действовал на Бонито, смотревшего на человека, которого он с трудом мог вспомнить.

— Бонито, — мягко сказал офицер. — Вчера ты кое-что написал.

— Я забыл, что вы можете все видеть, — покраснев от стыда, ответил мальчик.

— Мы решили, что для тебя будет важно узнать две вещи. Первое: ты прав. Ты в самом деле истинный властелин этого дома. Но есть и второе: ты единственный ребенок, так что тебе неоткуда было узнать, что в любой здоровой семье истинными правителями всегда являются дети.

— Правят отцы, — возразил Бонито. — А матери главные, когда отцов нет дома.

— Да, внешне все выглядит именно так, — ответил офицер. — Но ты должен понимать, что все, что они делают, они делают ради тебя — даже амбиции отца вызваны тем, что для него важнее всего возвыситься в глазах сына. Он сам этого не

подозревает, но ты это знаешь. — (Бонито кивнул.) — Дети правят в любом доме, но не так, как им, возможно, хотелось бы. Хорошие родители пытаются помочь своим детям, но не всегда к их удовольствию, поскольку порой ребенок нуждается в том, что для него неприятно. Жестокие родители завидуют власти своих детей и восстают против нее, нанося им непоправимый вред. Но твои родители не жестоки.

— Я знаю. — Он что, настолько глуп?

— В таком случае я рассказал тебе все, что собирался рассказать.

— Не все, — возразил Бонито.

— Вот как?

— Почему все именно так?

Молодой офицер довольно улыбнулся. «Нет ли у меня власти и над ним?» — подумал мальчик.

— Человечество смогло выжить, — сказал офицер, — благодаря тому, что родители желают лучшего своим детям. Без этого они страдают. Ничто не радует их больше, чем улыбка или смех ребенка, и ничто не тревожит их сильнее отчаянного детского плача. Бездетные часто не понимают, чего им не хватает. Но это прекрасно понимают родители, чьи дети выросли.

— Когда вы заберете меня в Боевую школу, —

кивнул Бонито, — мои родители будут очень страдать.

— Если заберем, — мягко ответил офицер.

— Вам лучше оставить меня здесь, — улыбнулся Бонито. — Я нужен моей семье.

— Ты можешь править в этом доме, Бонито, но ты не правишь Международным флотом. И твоя улыбка ничего мне не говорит. Но когда придет время, выбирать тебе.

— В таком случае я уже выбрал. Я никуда не полечу.

— Когда придет время, — повторил офицер и ушел.

Бонито понял, что его оценивают, и важная часть этой оценки — то, как он поступит с полученной от офицера информацией. В Боевой школе из детей готовили военных командиров, а это значило, что весьма важно было понять, как Бонито распорядится тем влиянием, которое, как выяснилось, он оказывает на своих родителей.

«Смогу ли я помочь им стать счастливыми? — подумал он. — Что это вообще значит — быть счастливым? Мама помогает мне и папе, постоянно делая что-то для нас. Счастлива ли она? Или она лишь надеется, что мы в ответ будем делать что-то для нее и тогда она будет счастлива? Папа

любит говорить о своих мечтах насчет Испании. Значит ли это, что для счастья ему нужно, чтобы эти мечты и в самом деле стали реальностью? Или он счастлив уже тем, что у него есть повод поспорить? И не важно даже, если он проиграет в споре? Будет ли он рад, если я приму его цель как свою собственную, или увидит во мне соперника?»

Не так-то просто нести ответственность за счастье других.

И Бонито впервые всерьез занялся изучением собственных родителей, а также того, чего они хотели и в чем нуждались для счастья.

Изучение подразумевало знакомство с материалом. Ему требовалось узнать больше, и он начал устраивать родителям неформальные интервью, расспрашивая об их детстве, о том, как они познакомились, обо всем, что приходило ему в голову. Они с удовольствием отвечали на вопросы, хотя часто пытались увильнуть, не объясняя всего до конца. Но сам факт, что они избегали определенных тем, позволял ему понять их еще лучше.

Но чем больше он узнавал, тем сложнее ему было во всем разобраться. Слишком уж непростыми существами оказались люди. Взрослые совершали множество лишенных какого-либо смысла

поступков, а воспоминания их порой казались чересчур невероятными, так что Бонито не мог понять, лгут ли они, или их просто подводит память. И уж точно мать и отец не рассказывали одну и ту же историю одинаково: отец в своей версии всегда был героем, а мать — страдающей жертвой. Хотя в остальном истории ничем не отличались друг от друга, не считая того, что мать никогда не воспринимала отца как своего спасителя, а в рассказах отца мать никогда не играла важной роли.

Бонито начал задумываться, любят ли родители друг друга на самом деле, а если нет, то почему они вообще поженились. Мысль эта беспокоила настолько, что мать, заметив состояние сына, пыталась расспрашивать его, но у Бонито хватало ума ничего не объяснять. Впрочем, вряд ли у него нашлись бы для этого подходящие слова.

Он понимал, что на нем лежит чересчур большая для ребенка ответственность. Как он мог сделать своих родителей счастливыми? Он никак не мог помочь им в том, в чем они нуждались. Единственное, что от него зависело, — то, как он к ним относится. В конце концов — не потому, что отчаялся, а просто потому, что сдался, — он прекратил попытки разобраться в их поведении и

отношениях, более не рассчитывая, будто может что-то изменить. Если его неудача означала, что МФ не заберет его в космос, — что ж, прекрасно. Лететь он все равно не хотел.

Но он продолжал кое-что подмечать, задавать вопросы и пытаться понять, что к чему. Именно поэтому он заметил определенную закономерность в жизни отца: по разным дням, но не реже раза в неделю, у того бывали некие встречи, на которые он не пытался брать с собой Бонито и даже отказывал, если мальчик об этом просил. До начала своего исследовательского проекта Бонито никогда об этом не задумывался — ему даже не хотелось бывать везде, где бывал отец, в основном потому, что зачастую это оказывалось крайне скучно.

Однако теперь он намного лучше разбирался в делах отца, чтобы понять, что тот никогда не скрывал от Бонито свою обычную работу. Да, естественно, он встречался с клиентами наедине — вряд ли им захотелось бы, чтобы рядом находился все слышащий ребенок, — но и не скрывал ни от кого этих встреч. Иногда на подобных мероприятиях вела протокол секретарша, и Бонито сидел в ее кабинете, читая или рисуя, пока отец не закончит.

Тайные же встречи всегда происходили за пределами конторы и в нерабочие часы. Иногда они включали в себя долгий обеденный перерыв, и секретарша уводила Бонито домой, чтобы мать могла его покормить. Порой встречи происходили вечерами, после того как отец приводил Бонито домой.

Обычно отец любил рассказывать обо всем, чем занимается, особенно когда ему удавалось кого-то разозлить, поставить на место или вызвать всеобщий смех. Но про свои тайные встречи он никогда не распространялся, ссылаясь на то, что они скучные, бессмысленные, утомительные и он терпеть их не может.

Тем не менее, отправляясь на такую встречу, отец ничем не выказывал неудовольствия. Он ждал ее чуть ли не с нетерпением, то и дело поглядывая на часы, а потом извинялся и быстро уходил.

В течение многих месяцев это не особо беспокоило мальчика, — в конце концов, он отказался от идеи взять на себя ответственность за счастье родителей, так что можно было не спешить и разобраться со всем позже. Но проблема сама по себе никуда не девалась, и наконец он понял, в чем дело.

Отец участвовал в заговоре. Он встречался с людьми, которые занимались чем-то опасным или незаконным. Неужели он планировал свергнуть испанское правительство? Устроить революцию? Но с кем он мог встречаться в Толедо? Толедо не принадлежал к числу городов, где жили богачи — те обитали в Мадриде и Барселоне. Эти города родители часто упоминали, но редко посещали. Встречи почти никогда не длились больше полутора часов, и уж точно никогда — больше трех, так что они явно проходили где-то неподалеку.

Как мог шестилетний мальчик — ибо Бонито уже исполнилось шесть — выяснить, чем занимается его отец? Теперь, когда он узнал о существовании загадки, ему обязательно требовалось найти ответ. Возможно, отец выполнял некую секретную работу для правительства — может, даже для МФ. Или же он участвовал в каком-то опасном судебном деле, и его могли убить, и он мог проводить деловые встречи лишь втайне.

Однажды такая возможность представилась. Отец несколько раз поглядывал на часы, не говоря ни слова, а потом ушел на обед на несколько минут раньше, попросив секретаршу отвести

Бонито домой. Секретарша, похоже, согласилась даже с радостью, но у нее хватало дел, и ей явно не хотелось бросать незавершенную работу.

— Я могу пойти домой и сам, — сказал Бонито. — Мне, вообще-то, уже шесть лет.

— Ты умный мальчик и, конечно, найдешь дорогу, — ответила она. — Но порой с детьми, которые гуляют одни, случаются всякие неприятности.

— Только не со мной, — заявил Бонито.

— Уверен? — весело спросила она.

Бонито повернулся и продемонстрировал монитор на затылке.

— За мной наблюдают.

— Ах да, — кивнула секретарша, будто полностью об этом забыла. — Что ж, полагаю, тебе и впрямь ничего не угрожает. И все же, думаю, будет лучше, если ты…

Прежде чем она успела договорить: «подождешь, пока я закончу», Бонито был уже за дверью.

— Не беспокойтесь, ничего со мной не случится! — на ходу крикнул он.

Он увидел отца, который поспешно, но все же не очень быстро шагал по улице. Хорошо, что отец шел пешком, а не взял такси и не вызвал

машину — тогда Бонито не смог бы за ним проследить. Теперь же Бонито мог спокойно гулять, разглядывая витрины, как и подобает мальчишке, но при этом не терять отца из виду.

Отец вошел в дверь между магазинами — из тех, за которыми скрываются лестницы, ведущие в офисы на первом этаже и квартиры наверху. Когда Бонито подбежал к двери, та уже закрылась, и открыть ее мог только кто-то изнутри, нажав кнопку. Отца нигде не было видно.

Возле кнопок на стене имелись таблички. На некоторых были написаны названия фирм, а не номера квартир. Но вряд ли отец решил сделать маникюр и уж точно не собирался узнать будущее у астролога-хироманта.

И, если подумать, отец даже не ждал внизу, пока ему кто-нибудь откроет. Вместо этого он какое-то время возился с дверной ручкой…

У отца были ключи. Ну да, конечно — он открыл дверь ключом, никому не звоня.

Зачем отцу вторая контора? Или вторая квартира? Бонито никак не мог этого понять. В итоге, вернувшись домой, он спросил об этом у матери.

У нее сделался такой вид, будто он вонзил нож ей в сердце. И тем не менее она отказалась что-либо объяснять.

После обеда мать ушла к себе в комнату, и Бонито услышал, что она плачет.

«Я причинил ей горе, — подумал он. — Мне не следовало идти за отцом».

Потом мама вышла из комнаты с покрасневшими от слез глазами, держа в руках записку. Положив сложенный листок бумаги с написанным на нем именем отца на кухонный стол, она посадила Бонито в машину, которую почти никогда не водила, и поехала на вокзал. Мама оставила автомобиль на парковке, а потом они сели в поезд и поехали к бабушке, маминой матери, которая жила в двух часах езды в маленьком городке посреди апельсиновых рощ — те не особо плодоносили, но, как всегда говорила бабушка, ее потребности были невелики, а зять достаточно щедр.

Мать отправила Бонито на задний двор, а потом, рыдая, начала что-то рассказывать бабушке. Бонито пытался слушать, но когда они заметили, что он подобрался слишком близко к окну, то ушли в комнату наверху, где он никак не мог их услышать, не выдавая себя.

Однако постепенно он все же понял, что произошло и что он натворил.

Из обрывков слов и фраз, которые ему удалось

подслушать, стало ясно, что есть некая «она», с которой у отца «роман», и мать в ужасе оттого, что у Амаро даже есть ключ, так что теперь она не знает, как сумеет это вынести и сможет ли вообще с ним оставаться. А бабушка все повторяла:

— Тихо, тихо, так устроен мир, женщины страдают, пока мужчины развлекаются, у тебя есть сын, и вряд ли стоит рассчитывать, что здоровый мужик не станет искать удовольствий на стороне, одной женщины ему недостаточно…

А когда мать снова увидели Бонито, сидевшего прямо под окном, к которому она подошла подышать воздухом, то пришла в ярость.

— Что ты слышал?

— Ничего, — ответил Бонито.

— Если ты не слышишь даже того, что говорят рядом с тобой, придется отвести тебя к доктору, чтобы воткнул тебе иголки в уши. Так что ты слышал?

— Прости, что я рассказал тебе про папу! Я не хочу переезжать сюда! Бабушка плохо готовит!

При этих его словах мать рассмеялась сквозь слезы, а бабушка всерьез обиделась. Потом мать пообещала Бонито, что они не переедут к бабушке насовсем, а просто побудут у нее в гостях еще несколько дней. Они ничего с собой не взяли, но

в доме нашлась одежда от предыдущих визитов, которую Бонито смог на себя натянуть, хотя и успел подрасти.

В тот же вечер приехал отец, и бабушка отослала его прочь. Сперва он разозлился, но бабушка негромко ему сказала что-то, после чего отец замолчал и уехал.

На следующий день он вернулся с цветами. Бонито видел, как мать с отцом о чем-то разговаривали в дверях, после чего она отказалась принять цветы, и отец, бросив их на землю, снова уехал. Мать растоптала один цветок, но потом подобрала остальные и долго над ними плакала, а бабушка все повторяла: «Я же тебе говорила — это ничего не значит. Я тебе говорила, он не хочет тебя потерять».

Домой они вернулись лишь через неделю, и мать с отцом почти не разговаривали ни о чем, кроме домашних дел. Теперь отец перестал брать Бонито с собой.

Сперва мальчик злился на мать, но в ответ на прямой вопрос та ответила, что ничего не запрещала отцу.

— Ему просто стыдно перед тобой, — сказала она.

— За что? — снова спросил Бонито.

— Он все равно любит тебя по-прежнему. — Мать так и не ответила на его вопрос, а это значило, что ответ крайне важен. Отцу было из-за чего-то стыдно перед Бонито. Или мать все же из лучших намерений солгала и отец в самом деле сердился на шпионившего за ним сына?

В течение многих дней и недель Бонито не мог понять, в чем дело, но потом ему вдруг все стало ясно. Тогда он уже учился в школе, и какой-то мальчик на перемене рассказывал анекдоты, в том числе про мужчину, который делал что-то плохое с женщиной, которая не была его женой, и до Бонито внезапно дошло, что именно это делал его отец с какой-то другой женщиной, не его матерью. Реакция мальчишек была вполне естественной — мужчины обычно смеются над подобным, считая, что умный всегда найдет способ солгать жене и заняться чем-то неподобающим с чужой женщиной. В конце анекдота обманутыми оказались обе женщины, и мальчишки смеялись так, будто это был некий триумф в войне между постоянно лгущими друг другу полами.

«Но мама не такая, — подумал Бонито. — Она не лжет папе. Когда к ней подходит какой-то мужчина и пытается с ней заигрывать, она отсы-

лает его прочь — как случилось с тем, которому понравилось ее печенье».

Последний фрагмент головоломки встал на место, когда они снова побывали в гостях у бабушки — на этот раз недолго — и та, посмотрев на Бонито, со вздохом сказала:

— Из тебя вырастет всего лишь еще один мужчина. — (Как будто в слове hombre[33] было что-то ругательное.) — Мужчины не знают, что такое честь.

«Но я не стану таким, как папа, — подумал Бонито. — Я не разобью маме сердце».

Но откуда он мог это знать? В любом случае речь шла не о мамином сердце, а о сердце той, на ком он рано или поздно женится: и откуда ему было знать, что он в самом деле не такой, как отец?

Человек без чести.

Случившееся изменило все, отравив его своим ядом.

Когда за несколько дней до его седьмого дня рождения за ним пришли, чтобы снять монитор, а потом спросили, хочет ли он отправиться в Боевую школу, он ответил:

---

[33] Примечания: 33
Мужчина *(исп.)*.

— Да.

Ренегат

К удивлению Дабита Очоа, Говорящий от Имени Мертвых прибыл достаточно быстро. Вероятно, он уже находился на пути к Каталонии по каким-то своим, никак Дабита не касающимся, делам. Тем не менее Дабит являлся проконсулом Звездного конгресса — по сути, губернатором колонии, — так что касаться его должно было все, происходящее на планете.

Он собирался встретить челнок с говорящим еще до того, как решил проявить к гостю уважение. Достаточно хорошо зная себя, он понимал, что отчасти им движет бюрократическое негодование и страх перед появлением в колонии человека со своими секретами. Человека, находящегося под куда более мощной защитой Конгресса или Флота, нежели сам Дабит. Впрочем, губернатор старался не думать об этом, загоняя такие мысли в самый дальний уголок разума.

Имелись, однако, и иные причины, которые не требовалось скрывать от других. Наиболее очевидная из них заключалась в том, что говорящего вызвал сам Дабит Очоа. Конечно, его интересовал не этот конкретный говорящий: на вызов всегда

прибывал тот из них, кто оказывался ближе других. Наверняка он даже не догадывался, какую честь ему оказывают такой встречей.

Дабит решил прийти без явной охраны: к чему демонстрировать шаткое положение законного правительства колонии Таррагона? В ближайшее время он собирался рассказать говорящему о зреющем недовольстве, которое должно было сойти на нет с его прибытием. Пока же в десяти метрах от губернатора маячили двое морпехов в штатском — на случай возможных чрезвычайных ситуаций.

Сперва Дабит не сообразил, что ничем не выделяющийся молодой человек с единственным чемоданом и есть говорящий, особенно если учесть, что его сопровождала женщина того же возраста — лет двадцати пяти? — о которой в полученном по ансиблю сообщении даже не упоминалось. Жена? Странствующим говорящим было непросто завести семью — Дабит читал об их полумонашеском образе жизни еще до того, как решился пригласить одного из них на планету Каталония, и знал, что большинство из них женились, лишь когда прекращали странствовать и поселялись на давно цивилизованной планете, где хватало работы, но дети могли расти

и учиться в стабильном окружении.

Убедившись, что других кандидатов среди пассажиров челнока нет, Дабит направился к юноше, подняв сжатый кулак в приветственном жесте Исследовательской службы. Заметив его, молодой человек слегка улыбнулся и кивнул, но кулак поднимать не стал, давая понять, что протокол ему известен. Говорящие по определению не считались частью МФ, ИС, Министерства по делам колоний или любой иной организации. Никаких салютов, никаких поклонов, никакого соблюдения местных обычаев, если только они не совпадали с их личными.

В данном случае, похоже, таковым являлось рукопожатие, поскольку говорящий протянул подошедшему Дабиту ладонь. Лишь когда они пожали друг другу руки, Дабит понял, что этот молодой человек ему знаком — хотя вряд ли он мог быть настолько молод.

— Я вас знаю, — сказал Дабит, не осмеливаясь произнести имя, хотя ему никогда не приходилось сомневаться в собственной памяти.

— Правда? — спросил говорящий.

— Мы в свое время общались по ансиблю, — кивнул Дабит.

— Удивительно. Вероятно, это было еще до того

как вы прибыли на Каталонию, губернатор Очоа, поскольку ваша просьба прислать говорящего стала первым сообщением, которое я когда-либо получал с этой планеты.

Дабит принял к сведению, что говорящий направлялся на Каталонию еще до того, как получил приглашение. Зачем же в таком случае он сюда летел?

В разговор включилась женщина, тоже обменявшись с ним рукопожатием:

— Меня зовут Валентина, — сказала она. — Я его старшая сестра, а иногда и совесть.

— Последнее мне требуется редко, — заметил говорящий, вызвав у Валентины усмешку.

— Я историк, — продолжила она. — У меня высший допуск от Министерства колоний и МФ, так что буду рада, если мне дадут доступ ко всем документам колонии Таррагона.

— Вряд ли историку покажется занимательной скучная жизнь нашей маленькой колонии, — улыбнулся Дабит. — Большинство исследователей интересуется нашей предшественницей, разбойничьей колонией Фанси, еще в те времена, когда эта планета называлась Уида.

— Верно, но ко мне это не относится. Про Фанси уже написан десяток неплохих работ. Меня инте-

ресует Таррагона, и в частности — Кеннет Аргон.

Дабит в очередной раз не сумел скрыть удивления.

— Мисс… доктор? Профессор?.. Валентина, вам наверняка известно, что Кеннета Аргона нет в живых.

— Поскольку меня пригласили говорить по поводу его смерти, — заметил ее брат, — вряд ли от нее ускользнул этот факт.

— Кен написал крайне мало, — сказал Дабит. — Удивлен, что вы считаете его достойным упоминания в своих трудах. Ибо — прошу простить, если ошибаюсь, — мне кажется, что вы уже направлялись сюда из-за Кеннета Аргона еще до того, как я попросил кого-нибудь выступить на его похоронах.

— Совершенно верно, — весело улыбнулась Валентина. — Да, я решила, что он, возможно, достоин биографии. Увы, ее намного проще было бы составить при его жизни. И мой брат со мной согласился, поскольку Каталония — уединенная и странная планета, на ней не будет недостатка в мертвецах, жизнь которых он мог бы изучать, чтобы говорить от их имени.

— Уединенная настолько, что Говорящие от Имени Мертвых до сих пор ни разу здесь не бы-

вали, — сказал Дабит. — Но — хватит развлекать местное население. Возле терминала ждет машина на воздушной подушке. Самое удобное средство транспорта в нашей довольно-таки спартанской колонии.

— Может, она и спартанская, — заметила Валентина, — но я надеюсь, что у вас тут есть магазины. Я путешествую без багажа, предпочитаю покупать одежду на месте, чтобы не выделяться на улицах.

— У нас есть несколько магазинов, но они продают одежду для рабочих. Может, вам это и понравилось бы, но с вашей речью и профессией, доктор Валентина, вы будете выглядеть в ней несколько неуместно. С вашими деньгами и статусом вам следует одеваться в соответствии со своим положением здесь, в Таррагоне.

— Надеюсь, речь все же не о форменной одежде? — спросил говорящий.

— Здесь везде ходят в форме, — ответил Дабит. — На всех уровнях общества, и больше всего требований предъявляется к одежде, которая притворяется не форменной.

— Хорошо подмечено, сэр, — рассмеялся говорящий.

Им потребовалось всего несколько секунд,

чтобы погрузиться в машину, поскольку у Валентины не было багажа, а говорящий не выпускал из рук свой единственный чемодан.

— Это дипломатическая почта, — с некоторым замешательством объяснил он. — Я должен все время держать ее при себе.

Естественно, Дабиту стало любопытно, с чего бы Говорящему от Имени Мертвых перевозить дипломатическую корреспонденцию и почему его чемодану предоставлена самая высокая защита, какую только мог предложить Звездный конгресс. Но с другой стороны, если этот юноша был тем, кем считал его Дабит — а он наверняка был им, — все выглядело вполне объяснимо. Если Звездный конгресс и был обязан кому-то исключительными привилегиями, то именно этому на удивление молодому человеку.

— Я вас вспомнил, — сказал говорящий, когда машина тронулась с места. — Мы говорили по ансиблю, когда оба еще были детьми.

— Мы были очень юными, — покачал головой Дабит. — Но никак не детьми.

— Пожалуй, да, — улыбнулся говорящий. — Учитывая, какая ответственность на нас тогда лежала. К тому же мы были настолько изолированными от мира, что, по сути, оказались даже

младше, чем на самом деле, мало что зная о человеческом обществе за пределами Боевой школы.

— Нашу реальность формировали так, как им хотелось, — кивнул Дабит. — И мы принимали все решения в окружении созданной ими таинственности.

— Но теперь вы сами формируете реальность, — заметила Валентина.

— Дабит Очоа, — сказал говорящий. — Простите, что не узнал вас сразу. Но Очоа — не такая уж редкая фамилия, и я не помню, чтобы где-то упоминалось ваше имя.

— Оно действительно нигде не упоминалось, — ответил Дабит. — Но я надеюсь, что вы станете им пользоваться, обходясь без титула «губернатор» — как-никак главная моя цель состоит в том, чтобы поскорее избавиться от него.

— Понимаю ваши чувства, — кивнул говорящий. — Во время нашего прошлого разговора я направлялся к месту своего первого назначения на пост губернатора колонии.

— Помню, тогда я подумал о том, облегчит или усложнит вашу работу тот факт, что ваша репутация будет идти вразрез с вашим тогдашним возрастом, — заметил Дабит.

— Разве относительность не прекрасна? —

улыбнулась Валентина. — Мы все еще выглядим едва ли не детьми, поскольку последние пять веков в основном путешествовали с околосветовой скоростью и не позволили всей этой прорве лет оставить на нас чересчур заметный отпечаток.

— Судя по всему, я провел в реальном времени на поверхности планеты больше вас, — заметил Дабит. — И следы на моем лице вполне заметны.

— Полагаю, ваш абсолютный возраст — лет тридцать пять, — сказала Валентина. — Если вы старше, значит годы не так уж сильно вас потрепали.

— Вы почти правы, — ответил Дабит. — У меня репутация своего рода специалиста по решению различных вопросов, так что меня регулярно посылают в проблемные колонии.

— Но, полагаю, чтобы разобраться с проблемой, вам требуется куда больше времени, чем мне, чтобы выступить от имени мертвого.

— Надеюсь, — кивнул Дабит. — Поскольку я послал за говорящим, чтобы тот помог мне разобраться с проблемой Кеннета Аргона.

— Он мертв, но с ним до сих пор проблемы?

— Когда он был жив, моя задача заключалась в том, чтобы не давать ему провоцировать колонистов, потому что только по его вине Таррагона

до сих пор не получила постоянный статус, не говоря уже о независимости.

— И его смерть стала знаком того, что ваши усилия потерпели крах? — спросил говорящий.

— Даже это пока неизвестно, — ответил Дабит. — Возможно, есть опасности, которых я не мог предвидеть.

— Отчего он умер?

— Скоропостижно скончался. — Дабит пожал плечами. — Вам придется поговорить с врачом ИС, который также исполняет обязанности коронера.

— На чьей он стороне? — спросил говорящий.

— Именно этот вопрос мешает мне надлежащим образом оценить имеющуюся информацию.

— К любой информации следует относиться с осторожностью, — заметил говорящий.

— К любой, исходящей от других людей, — уточнил Дабит. — Мне приходится полагаться на собственные наблюдения и память.

— Считаете себя непогрешимым? — наклонив голову, спросила Валентина.

— Таковы мои наблюдения и воспоминания, — улыбнулся Дабит. — Или мне приходится считать их таковыми, ведь это все, что у меня есть. Однако

выводы, которые я делаю на их основе, далеки от непогрешимости. Я знаю, что у меня есть свои ограничения, как и у любого другого. И, как и любому другому, мне неизвестно, насколько далеко они простираются.

— Но вам приходится действовать так, как если бы вы это знали, — кивнул говорящий.

— Как мне к вам обращаться, сэр? — спросил Дабит. — Ни вы, ни доктор Валентина не позаботились дать мне какие-то указания на этот счет.

— Все мои работы публикуются под псевдонимом, — сказала Валентина. — Этот псевдоним получил немало почетных степеней на многих планетах, но лично у меня нет никаких дипломов или преподавательских должностей. Так что, пожалуй, меня вполне устроит, если вы будете называть меня Валентиной и представите другим как Валентину Виггин.

— Никогда не были замужем? — удивился Дабит.

— Весьма тактичный вопрос, — улыбнулась Валентина. — Я замужем за своей работой, и пока что меня это вполне устраивает.

— А вы, сэр? — обратился Дабит к говорящему.

— Эндрю Виггин, — ответил тот. — Некоторые называют нас «Говорящими», будто это какой-то

титул, но это не так. Я просто Эндрю Виггин, хотя если потребуется объяснить, кто я такой, нет никаких проблем в том, чтобы назвать меня «Эндрю Виггин, Говорящий от Имени Мертвых».

— Но не Эндер, — заметил Дабит.

— Прошу вас не упоминать это имя ни на публике, ни в личном общении, — ответил Эндрю. — Слишком уж многих оно приводит в замешательство.

— После войны миллионы детей были названы именем Эндер, — сказал Дабит. — Вы спасли человечество.

— А когда вышла «Королева», — добавила Валентина, — всем этим детям родители официально поменяли имя или они сменили его сами по достижении соответствующего возраста. Ибо Эндер Виггин печально прославился тем, что уничтожил прекрасную разумную расу, которая вовсе не собиралась снова на нас нападать.

Эндрю улыбнулся сестре, и та грустно улыбнулась в ответ.

— Какая ирония судьбы, что теперь ваша профессия названа в честь анонимного автора «Королевы», — заметил Дабит.

— Ирония в глазах смотрящего, — ответил Эндрю. — Та книга лишила меня имени и вполне

справедливо дала взамен новое. А теперь давайте перейдем к делу. Где мы будем жить?

Они обсудили, стоит ли им остановиться в полностью защищенном комплексе ИС, в казармах МФ или на гостевой квартире Министерства колоний. Валентина предлагала местный отель, но Дабиту пришлось наложить вето.

— Таррагона не получила постоянного статуса, — объяснил он. — Так что этот город остается единственным. Он занимает достаточно большую территорию, но гости из окрестных сельскохозяйственных поселений останавливаются у родственников или друзей, на постоялых дворах и в тавернах.

— Тоже вариант, — кивнула Валентина.

— Почему бы вам не решить после того, как вы столкнетесь с отношением местных жителей? — спросил Дабит. — Как только выяснится, что вы интересуетесь Кеннетом Аргоном, вам станет крайне неуютно в любом из неофициальных заведений. В основном потому, что, как мне кажется, вас просто никто туда не пустит.

— Что, если мы просто купим дом? — спросила Валентина.

— Здесь не покупают дома, — ответил Дабит. — Их просто никто не продает. Если кому-то нужен

дом, друзья помогают его построить. Друзей у вас нет, так что никакого дома вы не получите.

— В ваших словах столько доброжелательности, — заметила Валентина, — что они почти внушают оптимизм.

— Надеюсь, вы станете считать меня другом, но если вы успешно справитесь со своей задачей, то я справлюсь со своей и мы все как можно скорее покинем эту планету.

— Если только всем не понравится результат, — сказал Эндрю. — Настолько, что они даже станут уговаривать нас остаться.

— Никакой разумный результат вашей или моей работы никому понравиться не сможет, — ответил Дабит. — Постоянное местожительство вам могут предложить только в одном варианте — став частью здешней экосистемы в виде груды мяса на прокорм местной фауне.

— Погодите, — возразила Валентина. — Что, если наши результаты станут основой для рекомендации предоставить постоянный статус и независимость Таррагоне? Или всей Каталонии?

— Имеете в виду — если мы выясним, что Кен Аргон был сумасшедшим, и ниспровергнем все, что он проповедовал? — спросил Дабит. — Лично я полагаю, что именно так и будет, но — нет,

никто нас за это не полюбит. Все хотят независимости, чтобы получить возможность от нас избавиться. Им хочется, чтобы я носил титул наместника или посла — но еще больше они будут рады, если я стану бывшим губернатором и бывшим жителем планеты.

— То есть вам так и не удалось очаровать их сердца? — спросил Эндрю.

— Полагаю, вы прекрасно помните, что я с детства был лишен какого-либо очарования, — ответил Дабит.

— Вам тридцать пять. Ума вам не занимать. Наверняка вы прекрасно научились притворяться обычным парнем.

— Да, — кивнул Дабит. — Обычным парнем, лишенным очарования. Но мы уже приехали. По крайней мере, сегодня остановитесь в комплексе ИС. Я буду неподалеку, поскольку тоже там живу, и, возможно, мы сможем спланировать все наши дальнейшие действия. — Он повернулся к Валентине. — Наша библиотека и архивы располагаются на компьютерах ИС. Для безопасности.

— Резервные копии есть? — спросила Валентина.

— Они везде, — ответил Дабит. — По ансиблю. ИС не может рисковать сведениями об исследо-

ваниях и колонизации. Никакая катастрофа не может уничтожить собранные на любой планете знания.

— То есть я могу заниматься своими изысканиями из любой библиотеки любой планеты?

— С вашим допуском — с любой базы ИС. Публичные библиотеки ничего этого не получают, пока информация не устаревает и не становится безопасной.

— А что касается Каталонии… — начал Эндрю.

— Никакая информация ИС пока не устарела, — сказал Дабит.

— Что объясняет малое количество сведений о Кеннете Аргоне и его работе с льопами, — подтвердил Эндрю.

Дабит едва заметно кивнул.

— Да, льопы. Все в итоге сводится к ним.

— В ранних отчетах их сравнивали с гиенами, — сказала Валентина.

— Не слишком честное сравнение, — заметил Дабит.

— По отношению к кому? — усмехнулась Валентина. — К льопам или гиенам?

— Зависит от ваших предпочтений, — ответил

Дабит. — Гиены — чистые хищники[34]. Львы — всеядные, но зимой они охотятся. Не стаями, но вполне успешно. Судя по видео о гиенах, которые я смотрел, они заваливают животное и пожирают его внутренности, пока жертва еще жива и в сознании. Это непросто, если только не охотишься в стае, когда твои товарищи могут удерживать жертву неподвижно.

— Тогда как это делают львы? — спросила Валентина.

— У них вполне серьезные челюсти.

— А у гиен разве шутки ради?

— Длинные челюсти, — продолжал Дабит, — и массивные мышцы в точке их сочленения. Нижняя челюсть прочно прикреплена к плечам и грудине, так что работает только верхняя.

— А где мозг? — поинтересовался Эндрю.

— Сразу за сочленением челюстей. Часть в верхней челюсти, часть в нижней. Верхняя челюсть опускается, затем скользит вперед, потом назад — и голова или конечность падают наземь.

— Ужасно, — проговорил Эндрю.

— Зато эффективно, — заметила Валентина. — Эндрю слегка брезглив. Слишком мало животных

---

[34] Примечания: 34

Гиены всеядны. Растительная пища составляет до половины их рациона.

мучил в детстве.

— Почему Кеннет Аргон не подтвердил, что эти машины для убийства неразумны, и не позволил вещам идти своим чередом?

— Ему было их жаль, — ответил Дабит. — Не знаю почему, поскольку он ничего не объяснял. Но он говорил, что жалеет их.

— Потому что им ни разу не доводилось закусывать кем-то прямоходящим? — спросила Валентина.

— Дело на самом деле не в льопах, а в том, что все упускают из виду — думаю, включая самого Кена, хотя он наверняка об этом знал.

— В чем именно, Дабит? — спросила Валентина.

— В кошках, — ответил тот.

— Ах да — домашних питомцах, которых держали на пиратских кораблях?

— Кошки никакие не домашние питомцы, — возразил Дабит. — Они прирожденные убийцы, которые лишают льопов пищи.

— Домашние кошки охотятся на ту же добычу, что и льопы? — скептически спросил Эндрю.

— Они стали крупнее, но — нет, они охотятся на всякую мелочь. Другие мелкие хищники страдают от голода — ИС заведует четырьмя запо-

ведниками, и половина нашей работы состоит в том, чтобы держать домашних кошек подальше. Мы понятия не имеем, сколько видов уже потеряли. Насколько нам известно, удалось сохранить около тридцати.

— Я читала, будто колония платит за кошек премию, — сказала Валентина.

— Кошки плодятся быстрее, чем таррагонцы успевают их убивать, — ответил Дабит. — К тому же на каждого, кто приносит нам кошачьи головы ради премии, найдется другой, кто подкармливает кошек на заднем дворе. А если нам удается поймать их с поличным, они заявляют, будто подманивали кошек, чтобы убить и получить премию. И как нам опровергнуть их слова?

— Кошки истребляют мелких хищников, — сказал Эндрю. — Но вы говорите, что они отбирают добычу у львов?

— Они губят стадных животных, естественную добычу львов. Прыгают животным на спину и едут верхом, вонзив когти глубоко в хребет. Примерно в четверти случаев дело заканчивается повреждением спинного мозга, и животное падает замертво. Впрочем, намного чаще оно просто погибает от потери крови, или от изнеможения, или от того и другого сразу.

— То есть они все-таки охотятся на крупных животных? — спросил Эндрю.

— Охотятся, но не едят их. Просто убивают.

— Почему тогда львы не следуют за кошками, подъедая брошенную добычу?

— Львы не станут есть то, к чему притронулась кошка, — сказал Дабит.

— Они едят только то, что убили сами? — спросила Валентина.

— Нет, — ответил Дабит. — С падалью у них нет никаких проблем. За исключением той, которую убила кошка.

— То есть кошки едят мелкую добычу, вынуждая голодать своих мелких и средних конкурентов, — подытожила Валентина. — Крупную добычу они тоже убивают и бросают трупы гнить, но львы к ним не притрагиваются.

— У Кеннета Аргона не было никакой теории? — поинтересовался Эндрю.

— Насчет чего? Это не теория — это факт. Поскольку львы не едят добычу кошек, они практически единственные наземные дикие животные, которые не подвержены заражению токсоплазмой.

— Воздействующими на мозг простейшими, которые могут развиваться только во внутренно-

стях кошки, — подсказала Валентина.

— Она меня постоянно наставляет, — усмехнулся Эндрю. — Думает, будто я не помню.

— Вряд ли ты вообще об этом знал, — ответила Валентина. — Ты слишком долго не был на Земле.

— Это неизлечимо? — спросил Эндрю.

Дабит отрицательно покачал головой.

— У нас есть несколько лекарств, которые иногда помогают. Однако предохранение — лучшая политика. Могу вас заверить, что человеческое население Таррагоны полностью чисто в отношении токсоплазмы. Поскольку мы не держим в домах кошек, нам не приходится дышать их испражнениями, а мясо, которое мы едим, поступает с надежно защищенных ферм.

— Значит, кошки заражены токсоплазмой? — спросил Эндрю.

— Токсоплазма не убивает кошек и не причиняет им вреда, — ответил Дабит. — Да, она вынуждает их постоянно плодиться и непрерывно охотиться, но поскольку кошки занимаются примерно тем же и без всякой токсоплазмы, вряд ли они от этого особо страдают. Коты так просто счастливы от избытка партнерш.

— А как она влияет на других животных? — по-

интересовался Эндрю.

— Можно сказать, приводит их в упадок духа, — ответил Дабит. — Зараженные животные теряют всякий страх перед кошками или, по крайней мере, не особо пытаются спастись. Земные животные, вроде мышей и крыс, с легкостью попадаются кошкам в лапы.

— Никогда не слышал, чтобы земные инфекции одинаково действовали на инопланетные виды, — покачал головой Эндрю.

— Токсоплазма пробует разные варианты, но главный из них — изменения в поведении, которые помогают кошкам успешно охотиться, вследствие чего те едят зараженное мясо и заражаются сами, позволяя бактериям попасть в их внутренности, созреть и размножиться.

— Что насчет людей? — спросил Эндрю.

— У людей в основном возникает депрессия, зачастую приводящая к самоубийству, — ответил Дабит. — Особенно у беременных и только что родивших женщин.

— Не понимаю, чем это может помочь бактериям, — сказал Эндрю.

— Ничем, — ответила Валентина. — Но они этого не знают и действуют как обычно. Если бы жертв самоубийств отдавали на съедение

кошкам, тогда бы это точно помогло бактериям токсоплазмы. Но мы этого не делаем, так что…

Эндрю и Валентина замолчали. Эндрю закрыл глаза, и Дабит понял, что тот о чем-то думает, так что не стал ему мешать.

— Кто мог сказать льопам, чтобы они не ели кошачью добычу? — спросил Эндрю.

— В том-то и вопрос, — кивнул Дабит. — Думаю, именно потому Кен не стал подтверждать неразумность льопов: отказываясь подъедать добычу кошек, они обрекают себя на голодную смерть, но не рискуют возможностью заражения. Как они могли узнать? У них нет микроскопов, они не могут читать наши лабораторные отчеты, они не понимают разговорного английского. Вернее… гм… звездного общего.

— Мы все трое выросли в Америке, — сказала Валентина. — Так что для нас это английский.

— И вы не знаете, была ли у Кена какая-то теория насчет этого? — спросил Эндрю.

— Наверняка была, — ответил Дабит. — Просто мне он ничего не рассказывал.

— Значит, вы надеетесь, что мы с Валентиной выясним, в чем она заключалась?

— Надеюсь, вы выясните, что он был сумасшедшим, — ответил Дабит. — Тогда я смогу

пренебречь всеми его решениями, и пусть эта колония, население которой полностью чисто от заразы, сама решает, как ей жить дальше.

— Что, если мы найдем льопа, который свободно говорит на звездном общем, и он объяснит нам, что у льопов на самом деле высокоразвитая цивилизация, просто они не делают орудий и не строят зданий, поскольку с их лапами это не слишком удобно? И все их памятники хранятся в общей памяти племени?

Похоже, Эндрю говорил вполне серьезно. Дабит не знал, что ответить на столь невероятную гипотезу. Ему хотелось сказать: «Если никто этого не видел и не может об этом поведать, значит в лесу бесшумно упало дерево. С точки зрения ИС они разумны лишь в том случае, если ИС сможет подтвердить, что они способны говорить, создавать и помнить».

Королевы жукеров тоже не могли говорить с людьми — но в их разумности никогда не возникало сомнений, поскольку они создавали машины. В анонимной книге, автор которой подписался как Говорящий от Имени Мертвых, описывалась красота их расы и высказывалось сожаление по поводу миллионов людей, погибших из-за своего рода типографской ошибки.

Но Дабиту приходилось принимать решение в реальном мире.

Ему неплохо это удавалось — собственно, именно потому его и послали сюда разобраться с этим кошмаром. Но проблема выглядела неразрешимой, по крайней мере пока, и потому он вызвал Говорящего от Имени Мертвых, чтобы тот стал для него другой парой глаз, неофициальным лицом, которое тем не менее могло задавать вопросы. Но если тот собирался нести всякую гипотетическую чушь…

— ИС изучает льопов уже сто лет, — сказал Дабит. — Еще до того, как сюда разрешили прибыть колонистам.

— И что, ИС всегда и все замечает? — столь же бесстрастно произнес Эндрю. Вопрос, однако, звучал явно с иронией, так что, возможно, именно ее изображало абсолютно ничего не выражающее лицо Эндера Виггина.

— Я столь же скептически отношусь к бюрократии, что и вы, — ответил Дабит. — Но в ИС хватает опытных и компетентных ученых. Кен Аргон был одним из них. Я сам воспроизводил и проверял их результаты, а также отправлял на проверку за пределы планеты. Каким-то образом льопам удается избегать заражения, причем на

протяжении многих лет.

— Льопы избегали кошачьей добычи, еще когда здесь заправляли пираты? — спросила Валентина.

— Среди пиратов не было ученых, но на корабле поколений не выжить без хороших, наблюдательных и умелых специалистов, — сказал Дабит. — Именно они впервые заметили, что льопы не едят ничего убитого кошками.

— Так кто же убил Кена Аргона? — спросил Эндрю. — Не кошки, не льопы и никто из таррагонцев — иначе об этом говорилось бы в вашем отчете.

— В моем отчете говорилось, что у нас нет убедительных доказательств, — ответил Дабит, — но я не исключаю никого. Вероятнее всего, он вступил в контакт с каким-то пока неизвестным местным ядовитым существом, и яд оказался смертельным. Но вряд ли ИС захочет, чтобы в докладе упоминалось «неизвестное местное ядовитое существо». Я тоже этого не хочу.

— Никто из колонистов не разбирается в химии?

— Настолько хорошо — нет, — покачал головой Дабит. — Никто во всей ИС не смог опознать яд. Никто не в состоянии понять, как он был создан или как действует. Но в организме Кена его ока-

залось более чем достаточно, чтобы умереть в страшных муках, и все известные нам противоядия оказались бессильными.

— Получается, тот, чьей смерти хочет вся колония, действительно умирает, но от яда, который вряд ли мог изготовить или найти кто-либо из колонистов. — Теперь уже лицо Валентины обрело бесстрастное выражение. Возможно, оно было свойственно ей как историку, а может, она просто хотела сказать: «Неужели все и впрямь такие дураки?»

Ее замечание повисло в воздухе, поскольку Дабиту нечего было возразить или даже ответить на прямой намек, что Кен был убит.

— Я рад, что вы нас сюда позвали, — сказал Эндрю. — Потому что мы очень умные.

— Я тоже, — ответил Дабит.

— Знаю, — кивнул Эндрю. — Мы все можем предъявить результаты тестов.

Дабит покачал головой. Он имел в виду: «Я тоже рад», а не «Я тоже очень умен», но его неправильно поняли.

— Вы что, издеваетесь? — спросил он. — Я гордился своими результатами, когда мы впервые встретились!

— А теперь уже нет? — улыбнулся Эндрю.

— У меня был друг. Он объяснил мне, что тесты сами по себе ничего не значат, поскольку во время теста ты всегда знаешь, что среди ответов есть нужный. Даже если тест кажется безнадежным, всегда есть ответ: «Этого сделать нельзя». В реальном же мире никогда не знаешь, есть решение или нет, потому что никто специально не создавал проблему и не предлагал ее тебе, чтобы ты показал, насколько быстро соображаешь.

— И мы не можем предполагать, что имели в виду составители тестов, поскольку никаких составителей просто не было, — сказала Валентина.

— Ну… за исключением одного, — вздохнул Дабит.

— Кого? — спросила Валентина.

— За исключением Бога, — ответил Дабит и добавил, увидев ее удивленно поднятые брови: — Шучу.

— Предположим, это вопрос из тех, которые задал нам Бог, — сказала Валентина. — Хочет ли он, чтобы мы нашли ответ?

— Или — хочет ли он, чтобы мы нашли ответ, если мы его найдем, или не нашли, если не найдем? — проговорил Дабит. До чего же быстро богословские рассуждения превращаются

в дискуссию о количестве ангелов на кончике иглы! — Я упомянул Бога потому, что постоянно слышу от таррагонцев: «Кто знает, что угодно Богу?» Тут хватает истинно верующих.

— Католики?

— В поселении без постоянного статуса, ни одна религия не имеет официального признания, — ответил Дабит. — Но, естественно, Каталония была частью Испании[35] во времена инквизиции, и всех некатоликов истребили или изгнали еще в пятнадцатом веке.

Оба посмеялись над его шуткой, и Дабит явно был рад, что они не восприняли его слова всерьез.

— Интересно, — заметил Эндрю, — сможем ли мы что-то узнать, если отправимся поохотиться вместе с льопами?

— В основном они нас игнорируют, — сказал Дабит. — Так что это вполне безопасно, если им не мешать. Тогда вас могут слегка покусать.

— Слегка покусать? С их челюстями, способными перегрызть шею? — спросила Валентина.

— Они умеют отгрызать и кусочки помень-

[35] Примечания: 35

Испания как таковая появилась только в 1516 году. До того была династическая уния Арагона (в состав которого входила Каталония) и Кастилии.

ше, — ответил губернатор.

На этот раз никто не засмеялся.

— Шутка, — улыбнулся Дабит.

— Жду не дождусь, когда нам станет смешно, — фыркнула Валентина.

Идти вместе с Эндрю Виггином на охоту Дабит не захотел, поскольку сомневался, что льопы понимают разницу между экотуристом и добычей. В любом случае, что бы ни произошло с говорящим среди льопов, оно осталось бы зафиксированным камерами, которые расставил один из предшественников Кена Аргона в той лесистой местности, где приносила потомство и заботилась о детенышах ближайшая стая льопов. Кен называл эти места своей родиной — один из признаков того, что он постепенно превращался не то в туземца, не то в сумасшедшего. Тем не менее тысячи часов видеозаписей показывали Кена, который ходил среди льопов, разговаривал с ними, гладил их, и ни на одной из них не было видно каких-либо проявлений враждебности с их стороны. Большая часть видео, однако, оказалась стерта до прибытия Дабита — явное нарушение протокола и достаточный повод, чтобы немедленно уволить Кена, будь это целью прилета губернатора.

Кен так и не признался, что стер видео, хотя никогда этого и не отрицал, говоря что-то вроде: «Может, какое-нибудь периодическое короткое замыкание? Или атмосферные помехи на радиочастотах?» Да, естественно, могло быть и то и другое. Но Дабит велел специалистам проверить оба варианта, а также, что важнее, тщательно изучил стертые фрагменты. Точно утверждать было нельзя, но, похоже, все пробелы начинались и заканчивались кадрами, на которых ни Кена, ни льопов не было. И это притом, что с льопами Кен проводил значительную часть своего времени. У Дабита не было никаких сомнений, что Аргон приложил руку к этим утратам. А если сомнения и были, их окончательно развеяло то, что после прибытия Дабита все «короткие замыкания» и «атмосферные помехи» полностью прекратились.

«Похоже, мое влияние весьма благотворно, — не раз думал он. — Столько всего странного вдруг перестало происходить».

Может, все же стоило предложить Эндрю составить ему компанию? Но с другой стороны — что, если бы тот согласился? Кто знает, возможно, Эндрю захотел отправиться к льопам немедленно, именно потому что не сомневался: Дабит пой-

дет с ним. Тогда Валентина смогла бы заняться тем, что наверняка являлось реальной целью их прилета на Каталонию — разговорами с жителями Таррагоны о смерти Кена Аргона. Дабиту требовалось быть с ней, чтобы вовремя оборвать любые вопросы, которые могли бы привести к нежелательным последствиям.

— Естественно, никуда вы со мной не пойдете, — весело заявила Валентина. — Это расстроит все мои планы.

— Если вы спровоцируете новую волну беспорядков, это расстроит уже мои планы.

— Спасибо большое, что предупредили. Буду теперь изо всех сил удерживаться от провоцирования беспорядков. Никаких волн и цунами.

Дабит понимал, что она с ним забавляется, разыгрывая из себя умную мятежницу, обезоруживающую обаянием лишенного воображения болвана-бюрократа, вставшего на пути ее благородной цели. За время своих путешествий между планетами он достаточно насмотрелся популярных видео, чтобы распознать очевидные клише.

«Но я же вовсе не болван-бюрократ, — подумал он. — Да и воображение у меня есть — вот только хватит ли его, чтобы удержать ситуацию под контролем?»

Дабит едва не расхохотался, но сдержал порыв: двое офисных служащих, находившихся неподалеку, могли бы заинтересоваться причиной смеха, а чем меньше посторонние проявляли любопытство в отношении Дабита, тем лучше. На Таррагоне он изображал как раз болвана-бюрократа, не вызывая ничьих опасений. Понравиться он, естественно, никому не мог, поскольку представлял власть, не позволявшую колонии полноправно участвовать в Звездном конгрессе. Но, поскольку было весьма вероятно, что Кена Аргона убил кто-то из таррагонцев, Дабит считал разумным не провоцировать излишнюю враждебность и не способствовать собственному отстранению от власти.

Разве же не за этим его сюда отправили — чтобы отстранить от власти? Его начальство упоминало — а следовательно, настаивало, — что единственная задача ИС заключается в том, чтобы побыстрее разобраться с Каталонией. «Управлять колониями, кроме как на самых ранних стадиях, — не наше дело, но Министерству колоний Каталония не нужна, по крайней мере, пока не будет решен вопрос о разумности местных обитателей. Мы надеемся, что вы быстро с этим справитесь и что ваша рекомендация поз-

волит Таррагоне получить постоянный статус, а затем, как можно скорее, независимое членство в Конгрессе».

Насчет разгадки тайны смерти Кена Аргона ничего не говорилось, но пока та не получит своего объяснения, а преступники, если таковые имеются, не будут преданы суду, Таррагона была не готова занять свое место среди цивилизованных миров.

«Это до сих пор пиратская колония», — не раз думал Дабит. Хотя последние пираты покинули колонию Фанси за десятилетия до прибытия туда ИС, их наследие показалось каталонским поселенцам настолько привлекательным, что они переняли былую пиратскую таинственность. Туристы обычно прилетали сюда посмотреть на руины Фанси, и местные жители обеспечивали их достаточным количеством «артефактов» на продажу, именуя за глаза «пиратофилами».

Валентина отказалась взять с собой какие-либо записывающие устройства — по крайней мере, те, содержимое которых могли прочитать или скопировать люди Дабита. Поскольку Валентина была серьезным историком — правда, Дабита беспокоило, что она не назвала ему никаких своих научных трудов или имен, под которыми они

публиковались, — ей в любом случае требовались записи, чтобы иметь возможность привести их в качестве независимых источников. Тем не менее Дабит уже убедился, что, несмотря на его высшую степень допуска в ИС, файлы Эндрю и Валентины Виггин оставались для него закрытыми. Они были защищены властью, которая намного превосходила уровень Дабита, и вряд ли он мог рассчитывать на исключение.

С другой стороны — он ведь сам пригласил их сюда. С чего он решил, что в состоянии как-то влиять на поступки Говорящего от Имени Мертвых? Или его сестры — «всего лишь простой туристки»?

— Не стану навязывать вам свое общество, — сказал Дабит. — Наверняка вы полагаете, что в моем присутствии никто не захочет говорить с вами свободно. — (Валентина лишь молча улыбнулась.) — Но здешние улицы и дороги могут быть для вас опасны.

— В ваших криминальных сводках говорится о необычно большом количестве драк в барах, но преступность в отношении туристов равна нулю. Или эти данные неверны?

— Преступлений против туристов не бывает, поскольку таррагонцы не идиоты. Они знают, что

пиратофилы приносят немалый процент нашего внешнего дохода.

— Восемьдесят процентов — уж точно немало, — кивнула Валентина.

— Но как только вы начнете расспрашивать насчет Кена Аргона…

— Меня перестанут считать туристкой, — закончила она за него.

— Так что я пошлю с вами двоих телохранителей, — твердо сказал Дабит. — Вас я не спрашиваю, поэтому можете не убеждать меня, что они вам совершенно ни к чему. Эти люди будут с вами, и один из них будет стоять за дверью любого дома, который вы посетите, располагая всеми средствами, чтобы войти самому, если сочтет, что вам грозит опасность. Ни один замок в Каталонии его не задержит и тем более не остановит.

— А пока он будет ждать за дверью, готовый дунуть, плюнуть и разрушить дом, чем займется другой?

— Естественно, предастся молитвам и медитации, — ответил Дабит.

— Ладно, меня это никак не касается, — сказала Валентина. — Спасибо, что предупредили, и можно не тратить время на бессмысленные споры. Надо полагать, моих телохранителей снабдят

устройствами, записывающими любое сказанное слово?

— Поскольку их задача — обеспечивать вашу безопасность, у них будет все необходимое, чтобы оценить степень угрозы.

— То есть вы тоже будете нас слышать? — уточнила Валентина.

— Мне бы не хотелось нарушать ваше право на частную жизнь.

— Но разве оно есть у жителей колонии без постоянного статуса?

— Если необходимо прослушать разговоры кого-то из колонистов, у нас есть на это полное право без чьего-либо разрешения. Вернее, у меня есть все полномочия дать подобное разрешение.

— Знаете, Эндрю никогда не рассказывал мне про ваш с ним разговор по ансиблю. Это, наверное, было нечто выдающееся.

— Тогда я выступал в роли просителя, и мне требовался чей-то этический и практический совет. Я обратился за ним к Министерству колоний, и мне позволили поговорить по ансиблю с самым знаменитым изгнанником в истории человечества.

— То есть это не вы просили о разговоре с Эндером?

— Мне нужно было, чтобы Графф гарантировал безопасность моей матери и мне не приходилось бы постоянно опасаться, что ее убьют, если я не подчинюсь своим врагам.

— А Графф наверняка догадывался, чего вы хотите, и решил, что для вас будет лучше, если вы со всем разберетесь без его вмешательства, вот и отправил вас к Эндеру. А потом уже ничто не могло заставить его передумать.

— Столь многословно об этом никогда не говорилось.

— Но ведь вы поняли?

— Я понял после того, как Министерство колоний отказалось со мной общаться. Точно так же я понимаю, что вы с Эндрю ведете здесь какую-то свою игру и все, что вам от меня нужно, — чтобы я продолжал делать вид, что не знаю, будто вы вполне способны спровоцировать реальный мятеж.

— Каким образом? — спросила Валентина.

— Задавая вопросы о Кене Аргоне.

— Его настолько любили?

— Думаю, некоторые, а может, и многие знают, кто убил Кена. Даже если никто не знает точно, все полагают, что его, вероятно, отравил кто-то из колонистов.

— То есть, чтобы сотрудничать со мной, им придется предать кого-то из таррагонцев? — прямо спросила Валентина.

— Не обязательно. Если кто-то будет вам лгать или скрывать информацию, вы сумеете это понять. Повод для мятежа — вовсе не то, что вы можете выяснить, поскольку все знают, что выяснить вам ничего не удастся. Хватит самого факта ваших расспросов, чтобы у людей возникло чувство опасности. Они решат, будто вы облечены властными полномочиями.

— Ваши телохранители уж точно их в этом убедят.

— Поскольку у вас действительно есть властные полномочия — вы получили разрешение на посадку исключительно потому, что я нуждался в вашей помощи для решения загадки смерти Кена Аргона, — можно будет сделать логичный вывод, что ИС намного ближе к окончательному решению вопроса о будущем Таррагоны.

— Которое вполне может заключаться в том, что Каталония должна стать независимой планетой.

— Или получить постоянный статус. Или быть распущеной, а все колонисты — незамедлительно эвакуированы, при необходимости — с

применением силы.

— И они полагают, будто вам хочется последнего варианта?

— Им известно, что этого хотел Кен Аргон.

— Откуда?

— Потому что он всем об этом постоянно говорил. У льопов была цивилизация, прежде чем пришли люди и уничтожили ее.

— Цивилизация? У льопов? — недоверчиво переспросила Валентина.

— Хищники, грызущие кости и не имеющие больших пальцев, на Каталонии вполне могут сойти за цивилизацию, — сказал Дабит.

— У них даже языка нет.

— У жукеров его тоже не было.

— Похоже, и впрямь придется рассказать вам все, что удастся выяснить, — вздохнула Валентина.

— Безусловно, — согласился Дабит.

— Вы уверены, что получите всю информацию из ваших записей, — заметила Валентина. — Но в них не будет моих выводов.

— Именно потому я с нетерпением жду нашего следующего разговора, — улыбнулся Дабит и поднялся, завершая совещание. Хотя вряд ли это можно было назвать совещанием.

Но Валентина явно вела себя так, будто прекрасно понимала, в чем заключалась суть их беседы.

«Это не соперничество, — думал Дабит. — Я пригласил Говорящего от Имени Мертвых в надежде, что он сможет разглядеть то, чего не смог увидеть я. Значит, его успех — мой успех тоже».

«Это же Эндер Виггин», — прошептала часть его разума, отвечающая за правду.

«Да, я действительно с ним соперничаю. Я почти победил в себе инстинкт конкуренции — если бы не Эндер Виггин. Идиотский мир способен осыпать его оскорблениями из-за той дурацкой книги о Королеве жукеров, основанной… на чем? На гипотезе об уничтоженной инопланетной расе, появление которой стало худшей катастрофой за всю историю человечества. И из-за этого погублена репутация мальчика, который был лучшим из нас, лучшим из всех людей.

Я ненавижу его за то, что он оказался лучшим.

Ладно, я понимаю, что к чему, и мне позволены подобные мысли. Но, если подумать, я в то же время люблю его. Восхищаюсь им. Мечтаю когда-нибудь стать таким же героем, спасителем в безнадежном деле.

Может, для меня таким поступком станет решение проблем планеты Каталония, города

Таррагона или хотя бы Кеннета Аргона, который успел стать моим другом, прежде чем умереть. Где-то должен быть ответ, и ИС доверила мне его найти, чтобы колония могла двигаться дальше — к постоянному статусу или к изгнанию. Куда-нибудь».

Слушать аудиозапись расспросов Валентины было крайне скучно. Она выясняла то, что Дабит уже давно знал. Если же вдруг возникнет нечто неожиданное, ему мог об этом сообщить кто-нибудь из помощников.

Если Дабит намеревался внести свой вклад в это дело, то не мог просто перепоручить все дела Говорящему от Имени Мертвых и его сестре или собственной команде опытных наблюдателей, ученых и чиновников. Нужно было что-то делать самому — иначе он просто сошел бы с ума, пытаясь не видеть и не слышать других.

Хорошо, что он никогда не пытался всерьез готовить. Что он точно умел, так это следить за еще не закипевшими кастрюлями.

Кен Аргон. Все завязано на него одного. Те сводящие с ума пробелы в его записях… Чем он занимался?

Дабит открыл посмертный архив Аргона, собранный его командой. Все файлы были снабже-

ны пометками о времени и месте. Имелся также довольно длинный документ, перечислявший все пробелы в записях вместе с информацией из ежедневника Кена и его полевыми заметками, хотя бы частично заполнявшими периоды, в которые за ним нельзя было наблюдать.

В конце концов до Дабита дошло, насколько странно выглядит пробел в самом конце жизни Аргона. Ему всегда казалось подозрительным отсутствие именно этого фрагмента, но он считал это доказательством того, что Аргон действительно был убит — убийца наверняка отыскал и стер все соответствующие записи с камер. Из этого следовало, что убийца — кто-то из ИС, поскольку он сумел добраться до файлов, значит как минимум знал об их существовании.

Но подобные рассуждения вели в никуда. Теперь же Дабит понял, что не рассмотрел другие варианты. Не было ли иных причин, по которым записи о действиях Кена, приведших к его смерти, оказались уничтожены?

Нет — даже не так. Что, если никаких записей в эти периоды вообще не велось? Что, если он сумел заставить автоматическую записывающую систему время от времени его игнорировать?

Вместо того чтобы просматривать записи с

камер, Дабит начал исследовать управлявшую системой наблюдения программу, пытаясь разобраться в ее работе. Естественно, система сопротивлялась вторжению, постоянно предупреждая, что у него нет прав делать копии или вносить изменения в программное обеспечение. Наконец он снова зашел как администратор, но на этот раз потребовал чрезвычайные полномочия. Алгоритм безопасности запросил, в чем заключается чрезвычайная ситуация, поскольку намеревался отправить автоматический отчет по ансиблю, и Дабит вколотил ответ: «Кен Аргон умер, не попав на записи с камер. Мне нужно знать почему». Предупреждающие сообщения прекратились.

Вскоре Дабит сумел отыскать внесенные Кеном изменения. Прежде всего, тот отключил автоматическую систему предупреждения, так что после первого раза она уже не сообщала в штаб-квартиру, когда Кен входил в программу, чтобы ее изменить. Затем он сделал несколько простых модификаций, позволявших ему отключать или полностью уничтожать любую запись.

Намного позже было внесено еще одно изменение, последнее. Кен полностью заблокировал все камеры в одной из лабораторий ХИЖ — Хранили-

ща инопланетной жизни.

Именно там и обнаружили тело Кена — правда, в другой лаборатории.

Дабит вызвал видео, которое неоднократно просматривали как он сам, так и все расследовавшие гибель Кена: момент его смерти. Шатаясь, тот вышел из своего кабинета в общую зону — пустую, поскольку было около трех часов утра, — и тут же рухнул, словно его ноги превратились в кисель. Он лежал, издавая мучительные стоны и что-то бормоча, но никакой анализ ни звука, ни движений губ не мог воспроизвести что-либо членораздельное.

Кен вышел из своего кабинета. Дабит проверил — и убедился, что запись всего происходившего в кабинете полностью отсутствует.

Именно таково было последнее действие Кена: уничтожить записи с камер, в том числе и ту, на которой он стирает записи. Слишком уж рекурсивно.

Анализ яда показал, что Кен Аргон умер в невообразимых муках, но без каких-либо нарушений психики. Он оставался в здравом уме, несмотря на боль. Так что он зашел в свой кабинет явно не для того, чтобы стереть запись того, как он заходит в кабинет.

Что он пытался скрыть?

Дабит воспользовался программой глубокой диагностики, доступ к которой он получил, лишь заявив о чрезвычайной ситуации, чтобы отыскать автоматически сохраненные копии таблиц размещения файлов. Ему хотелось проверить, когда именно была уничтожена запись с камер, а потом выяснить, что еще было стерто примерно в то же самое время.

Но одним из пострадавших файлов оказалась та самая копия таблицы размещения, которую он искал. Как Кен сумел ее стереть? Диагностическая программа, которой пользовался Дабит, не давала ему права стирать резервные копии. Ничто не давало такого права.

Тем не менее это было свершившимся фактом.

Дабит написал короткий запрос в ИТДС — Информационно-техническую диагностическую службу: как могла быть стерта данная конкретная резервная копия таблицы размещения? Поскольку губернатор работал в чрезвычайном режиме, его вопрос имел высший приоритет — начальника ИТДС могли вызвать с любого совещания или поднять посреди ночи. Ничьего недовольства Дабит не опасался, поскольку исчезновение резервной копии диагностического файла должно

было вызвать в ИТДС даже большее замешательство, чем у него.

Пока же, однако, в распоряжении Дабита имелся лучший из всех диагностических инструментов: его собственный мозг, способный запомнить практически все — даже то, на что он не обращал особого внимания. Он переключился в режим, который сам называл календарным, воспроизводя в памяти события дней, предшествующих смерти Кена. Непростое для них время, поскольку оба понимали, что, хотя Кен все еще формально считался главой местной ИС, от которой зависело само присутствие людей на Каталонии, Дабита прислали именно для расследования его деятельности и теперь любое распоряжение или действие Кена могло быть отменено.

Почему Дабиту не сообщили, что Кен перевел систему в чрезвычайный режим?

Потому что Кен этого не делал. Хоть он и получил возможность изменять и удалять файлы, он не оставил никаких следов, так что сообщать оказалось просто нечего.

Что Кен так стремился утаить?

Наверняка собственные следы. Что бы он ни скрывал, ему пришлось приложить определенные усилия, чтобы скрыть сам этот факт.

Возможно, он даже надеялся, что внешне это будет выглядеть как сбой в работе системы, а не преднамеренное действие. Кто знает, возможно, ИТДС именно так и ответит Дабиту: сбой в системе, причина не установлена.

Губернатор почувствовал, как его охватывает волнение — не от осознания того, что разгадка совсем рядом, но скорее от радости, что удалось найти новый вопрос, который, возможно, приведет его к ответу на другой, самый важный: каким образом, когда и по чьей вине яд попал в тело Кена Аргона?

Он мысленно сопоставил два только что обнаруженных факта.

Кен скрывал те поступки, которые привели к его гибели, и продолжал их скрывать, даже когда уже стало ясно, что он умирает.

Кен относительно недавно отключил все камеры в третьей лаборатории ХИЖ.

Дабит задумался. Поскольку в третьей лаборатории ничего не записывалось, Кену нечего было оттуда стирать, если даже это имело какое-то значение в последние часы его жизни. С другой стороны, могло остаться видео выходящего из третьей лаборатории Кена, испытывавшего заметное недомогание от яда. Не было ли это еще

важнее? Настолько, что когда Кен понял, что отравлен, то не стал искать помощи, но, шатаясь, добрел до своего кабинета и потратил последние минуты жизни, чтобы стереть след, который мог бы привести в лабораторию?

Кто-то наверняка уже понял это. После смерти Кена какой-нибудь следователь вполне мог загрузить все записи с камер, пытаясь определить перемещения покойного. Трудно представить, что никто не предпринял подобных попыток, так что они, скорее всего, заметили и пробелы в записях.

Дабит вызвал необработанные данные проведенного коронером расследования. Там действительно оказался отчет о маршрутах Кена Аргона в предшествующие его смерти часы. Вот он выходит из своих комнат, затем пропуск в записи — и вот он появляется в общем зале, уже умирающий.

На этом все и остановилось. Никто — включая самого Дабита, в чем губернатор вынужден был признаться, — не стал задумываться, по какой причине отсутствует запись. Дабит оставил этот вопрос следователям за пределами планеты, имевшим диагностические инструменты, которые он мог бы получить, лишь затребовав

чрезвычайные полномочия. Теперь же он вспомнил, что задумывался, сообщат ли ему о том, что случилось с пропавшими записями, и если да, то когда.

Он вспомнил и то, что резервная копия записей была отправлена за пределы колонии, как и полагалось поступать с любой информацией с планет, официально находящихся в процессе изучения. Но это ускользнуло от его внимания. Он обманывал самого себя, сосредоточенно пытаясь искать в другом направлении, но, возможно, теперь ему помогло то, что он на время избавился от Говорящего от Имени Мертвых и его сестры-историка и посвятил все свое внимание поискам разгадки.

Вряд ли Кен мог представить, что его манипуляции с записями останутся незамеченными. Их обнаружили в первые же десять минут после того, как информация о гибели ученого дошла до штаб-квартиры ИС. Еще до того, как был проанализирован яд в его организме, — и даже до того, как стало известно, что это вообще яд, — отсутствующие записи должны были стать главной целью расследования. Если Кена действительно убили, следовало предположить, что убийца взломал компьютерную систему, тщательно скрывая следы.

«Я больше не верю, что его убили», — вдруг понял Дабит.

С того самого момента, когда он обнаружил, насколько тщательно была уничтожена запись последних минут жизни Кена, ему ни разу не пришло в голову, что стереть ее мог не Аргон, а кто-то другой. Это вовсе не означало, что Дабит был прав — он прекрасно понимал, что хотя подсознательно исключал возможность убийства, из этого никак не следовало, что смерть Кена на самом деле была естественной. Дабит с детства научился не доверять интуитивным предположениям, которые подсказывало ему подсознание, но пока что продолжал исходить из допущения, что Кен умер не от руки человека.

Но что бы ни стало причиной смерти Аргона, он в любом случае стремился скрыть эту причину от всех, кто неизбежно начал бы расследовать его гибель.

«Нет, — подумал Дабит. — Долой абстракции. Кен потратил последние мгновения жизни, чтобы скрыть причину своей смерти от меня. И только из-за моей невнимательности ему в течение многих месяцев удавалось водить меня за нос. Это вполне могло продолжаться вечно. Я вступил с ним в сговор, чтобы скрыть это от

самого себя».

Дабит просмотрел отчет об отсутствующих файлах, полученный намного позже. Как он и предполагал, причина не указывалась. Подозревался сбой местной системы, возможно вызванный чьими-то действиями неизвестной природы.

Других отчетов не было. Наверняка составитель отчета ожидал, что ему поручат продолжить работу и определить причину сбоя. Вероятно, без приказа у него не имелось полномочий на более глубокое расследование. Но приказ так и не поступил.

«Я мог отдать такой приказ, — подумал Дабит. — Но не придал этому значения. А чему я придаю значение сейчас?»

Еще не успев сформулировать вопрос, он заметил, что в отчете есть и вторая страница. Поскольку первая состояла всего из трех строчек текста без ссылки на дальнейшие материалы, Дабит мог десять раз видеть этот отчет, не замечая, что у него есть продолжение.

Он переключился на следующую страницу, и она оказалась полностью заполненной — не данными, которые было поручено искать, но скорее полным описанием того, чего найти не удалось.

«Ты оказался лучше меня, — мысленно похвалил Дабит неизвестного следователя. — Даже не имея приказа, ты задокументировал все пробелы в записях с камер. Мы не сумели отследить, когда они были уничтожены, но ты перечислил эти места и соответствующее стертым записям время».

Это уже был какой-то путь. Начальное время всех удаленных фрагментов совпадало с округлением с точностью до получаса, а конечное время сдвигалось каждый раз на минуту, вплоть до последнего, за несколько секунд до того, как умирающий Кен покинул свой кабинет.

Теперь стало ясно, когда были удалены записи. Каждый фрагмент имел одно и то же начальное время, заканчиваясь в тот самый момент, когда Кен его удалял.

Он мог удалить все сразу, и одинаковым для всех фрагментов было бы конечное время. Почему Кен этого не сделал? Очевидно, потому, что не знал, когда умрет. Он не знал, успеет ли завершить удаление информации. Если бы он начал отмечать все фрагменты, но умер, не успев закончить, информация бы не пропала и все его действия остались на экране. Файлы бы никуда не делись, и действия Кена вызвали бы особый интерес именно к тем записям, которые ему хо-

телось уничтожить.

Так что Кен удалял их по одной.

Сперва — наверняка самые важные. Так какая запись была стерта первой?

Коридор перед третьей и четвертой лабораториями. Затем — зал каталогов в ХИЖ. Затем входной вестибюль. Затем…

Кен стирал свой путь из третьей лаборатории.

Последние два фрагмента никак не были связаны с маршрутом от третьей лаборатории к кабинету Кена. Дабит вначале не мог понять, какое отношение они имеют ко всему остальному, но потом сообразил: Кен, вероятно, понял, что, удаляя записи, одновременно выдает себя, и начал стирать данные из других зон наблюдения в качестве отвлекающего маневра. Но затем боль стала настолько нестерпимой, что он сдался, чувствуя близкую смерть. Он сделал все, что мог. Отключив компьютер, Кен вышел из кабинета, а потом… Пытался ли он позвать на помощь? Нет. Он получил бы помощь гораздо быстрее, если бы позвонил кому-нибудь из кабинета. Кен просто хотел, чтобы его тело нашли.

Ему было нужно, чтобы яд успели обнаружить до того, как тот распадется. Он не пытался скрыть причину своей смерти — лишь способ, каким яд

попал в его организм.

Пора было выяснить, что находилось в третьей лаборатории.

Ответ был прост. Ничего.

Образцы инопланетной жизни сканировались всеми возможными способами, а затем данные передавались на серверы за пределами планеты. Ученые и студенты Ста миров изучали их, печатая трехмерные и двухмерные модели, анализируя химический состав, а затем составляя детальные отчеты. После того как каждый образец был просканирован и загружен, физический оригинал подлежал сожжению, если только ему не предназначалась иная судьба вроде «выпуска в дикую природу» (только для живых организмов) или «возврата в естественные условия».

Дабит видел, что большинство образцов предназначались именно для возвращения в естественные условия — иными словами, их вывозили за пределы комплекса и закапывали. В прежние времена некоторые живые образцы выпускали в дикую природу — включая и нескольких просканированных льопов. Дабит попытался представить, каким образом удавалось это проделывать на ранних этапах деятельности ИС. Откуда они знали, какие транквилизаторы и

в каких дозах подойдут льопам? И как другие члены стаи позволяли им забрать обездвиженных?

Дабит решил, что подумает над этим позже. Так или иначе, льопов возвращали на волю, вероятно, без особого для них вреда.

Что означал для льопов факт, что люди похитили нескольких из них, забрали, а потом вернули? Какой они могли сделать вывод?

Возможно, они усвоили единственный важный для них урок: люди могут обездвижить их, когда захотят, но не убьют, если ты сам к этому не принудишь.

Дабит сомневался, что прежняя пиратская колония поступала с льопами столь же мягкосердечно — в любом случае у ее обитателей не было соответствующего снаряжения. Возможно, первый урок для льопов стал кровавым: не пытайся нападать на людей. Ты можешь разорвать человека на куски, но только если подберешься достаточно близко, чего тебе никогда не удастся. Дабит вспомнил материалы, которые изучал, когда летел на Каталонию. Да, пираты даже называли это Войной с псами.

Каталонские первопоселенцы всему дали свои имена. «Льоп» было искаженным «лобо» — волк. Но пираты никогда не называли льопов волка-

ми, поскольку волками, кровавыми волками и космическими волками именовали их самих. Наверняка пираты гордились этими кличками, поэтому никак не могли назвать так своего единственного врага. Если пираты были волками, то эти инопланетные костогрызы стали для них псами.

Так что ко времени появления на планете ИС льопы наверняка научились рассматривать людей как угрозу, если не как добычу. Соответственно, обездвиживание, изучение и возврат льопов в природу могли стать сигналом к новым взаимоотношениям с людьми. Данная группа поселенцев оказалась не заинтересована в том, чтобы убивать.

Возможно, именно поэтому Эндрю Виггин мог невредимым сидеть среди льопов — по крайней мере, пока. Поэтому Кен Аргон мог жить с льопами в течение нескольких дней подряд, а дважды — даже по несколько недель.

Третья лаборатория была пуста. Все оставшиеся образцы хранились в холодильных шкафах второй, самой большой лаборатории. В первой же проводились крайне малочисленные текущие исследования — в ХИЖ оставались лишь один ксенолог и несколько специалистов, изучавших

новые образцы, которые могли появиться в процессе исследования планеты. Третья лаборатория не использовалась вообще.

Могла ли в третьей лаборатории остаться хоть какая-то информация о том, чем занимался Кен?

Дабит едва подавил желание пойти туда немедленно, чтобы удовлетворить свое любопытство. Но — нет, это было бы ошибкой. Со всей вероятностью, то, что убило Кена Аргона, находилось именно в третьей лаборатории. Возможно, кто-то устроил там ловушку. Возможно, некий инопланетный образец выпустил яд или яд содержался на его поверхности или в колючках. Возможно, что-то подмешали в воздух.

Наверняка кто-то регулярно убирал в лаборатории, и если бы это было небезопасно, вряд ли об этом стали бы молчать уборщики.

Разве что лаборатория считалась официально закрытой — то есть дверь была заперта, воздух не нагревался и не охлаждался и никто не заходил наводить порядок.

Нет. Быстрая проверка показала, что третья лаборатория подключена к системе воздухоснабжения, в ней поддерживается постоянная температура, работает водопровод, а счетчик показывал постоянный, хоть и небольшой, рас-

ход воды.

Дабит понял, что все-таки должен туда пойти. Но не в одиночку: чем бы ни занимался там Кен, оно могло продолжаться и дальше. Требовались свидетели на случай, если посещение третьей лаборатории закончится его смертью.

И, что самое важное, он понимал, что с Эндрю и Валентиной следует вести честную игру. Они втроем могли поделиться всем, что узнали сегодня, а затем вместе составить план действий. Если Дабит чему-то и научился в Боевой школе, так это тому, что умные люди работают сообща, объединяя все имеющиеся ресурсы — в том числе информацию.

Они вполне могли обсудить все за ужином.

К удивлению Дабита, ни от Эндрю, ни от Валентины, похоже, не удавалось добиться ничего существенного. Валентина рассказывала Эндрю о местной таррагонской моде, напоминавшей ей ожившую археологию — в продаже до сих пор имелась одежда в стиле прошлого века. Эндрю поделился своими наблюдениями за льопами, отметив, что во многом их социальная иерархия напоминает бабуинов: всем заправляют самки, а самцы — всего лишь «мальчики на побегушках», которых посылают на охоту за мясом, но во всем

остальном просто терпят.

«До чего же занимательно», — хотелось сказать Дабиту. Но он понимал, что, несмотря на комичный монолог Валентины и любительские естественно-научные изыскания Эндрю, оба внимательно следили, не насмехается ли он над ними. Если бы Дабиту в конце концов пришлось принять сложное или спорное решение относительно Каталонии, он мог воспользоваться их полной поддержкой, учитывая имевшийся у них допуск. Кто-то на высшем правительственном уровне явно воспринимал эту парочку весьма серьезно — пожалуй, серьезнее любого во всей ИС. Так что в случае их поддержки вся эта история могла и не разрушить его карьеру.

«Теперь я сам стал карьеристом, которых всегда их презирал, — мрачно подумал Дабит. — Но дело вовсе не в тщеславии. У меня уже есть работа, она мне нравится, — я решаю самые сложные проблемы, возникающие перед Исследовательской службой на новых или экзотических планетах. Если меня лишат этой работы после случившегося на Каталонии — что будет значить для меня вся оставшаяся жизнь? Да, возможно, я сумею найти женщину, которая вообразит, будто сможет со мной поладить, и мы воспитаем целый выводок

детей, хотя я никогда не мог себе представить, что когда-либо стану отцом. Для меня это уж точно окажется новой экзотической планетой, которую только предстоит исследовать».

— Кажется, мы его потеряли, — заметил Эндрю.

— Нет, — возразила Валентина. — Он в полном сознании.

— Но он нас не слушает, — сказал Эндрю.

— Я вас слушаю, — ответил Дабит. — Просто мне совершенно неинтересны ваши разговоры. Мне нужна ваша помощь, а вы просто болтаете о… о…

— О том, о чем только и стоит говорить за едой, — улыбнулась Валентина. — От серьезных разговоров бывает несварение желудка. Да вы и сами наверняка знаете, поскольку старше нас.

— У меня несварение от пустопорожних разговоров, — сказал Дабит. — Рад, что вас заинтересовала провинциальная мода и что вы нашли сходство в иерархическом поведении бабуинов и льопов. Воистину, вы способны найти повод развлечься даже в этом унылом городишке, на этой всесторонне изученной, но не используемой в полной мере планете.

— Что ж, — заметила Валентина. — Похоже,

кто-то рассчитывал на деловую встречу вместо ужина.

— Что вас интересует? — спросил Эндрю.

— Судя по всему, вам ничего не удалось добиться… — начал Дабит.

— Собственно, мы пока и не пытались ничего добиться, — сказала Валентина. — Я просто пыталась выяснить, насколько местные жители склонны к убийству. Если они убили одного администратора, то могут убить и другого. Не могу поручиться за истинность своих слов, но они вовсе не ненавидят вас, Дабит. И Кена Аргона они тоже по-настоящему не ненавидели. Они боялись его и считали сумасшедшим, но относились к нему вполне дружелюбно. Нет, я не встретила здесь ни убийц и никого, кто пытался бы найти убийству оправдание. Но я нашла немало тех, кто считал, будто Кеннета Аргона убил кто-то из тарагонцев, и потому их тревожит, что Говорящий от Имени Мертвых может раскрыть некую тайну. Они никогда не присутствовали при выступлениях говорящего, но читали о некоторых из них, включая несколько выступлений Эндрю, хотя сами об этом не знают. Они боятся, что после того, как Эндрю произнесет свою речь, у вас, Дабит, может возникнуть повод для эвакуации колонии.

— Им действительно настолько нравится здешняя жизнь? — спросил Эндрю.

— Это единственный мир, который они знают. Их деды и прадеды прилетели сюда с других планет — в основном с Земли, — но для них самих все это уже история. Это их дом, и они боятся его потерять из-за того, что какой-то идиот принял безмозглого опасного зверя за разумное существо.

— Мудро, ничего не скажешь, — кивнул Эндрю. — Но вопрос вовсе не в разумности.

— Каково ваше определение разумности? — мрачно усмехнулся Дабит.

— Нам оно ни к чему, — улыбнулся в ответ Эндрю. — Это вам решать.

Дабит недовольно поморщился:

— У ИС имеется шесть различных определений, причем все противоречат друг другу, а большинство — и самим себе.

— Тем не менее ИС каким-то образом принимает решение о наличии или отсутствии разумных видов на каждой заселенной нами планете, — сказала Валентина.

— Потому что мы пока что не нашли ни одного, — ответил Дабит.

— Хотите сказать, что существует некая пред-

взятость против того, чтобы объявить другой вид разумным? — спросила Валентина.

— Конечно есть, — кивнул Дабит. — Мы занимаемся колонизацией. Когда меня посылали сюда, то открыто заявили, что моя задача — сделать все возможное, чтобы Таррагона смогла получить постоянный статус. А это значит, что от меня требуется подтвердить, что, как бы ни были умны льопы, они не настолько умны, как хомо сапиенс и его друзья.

— Ладно, — сказал Эндрю. — Но для чего вам понадобились мы?

— Официально — чтобы помочь установить причину смерти Кена Аргона.

— Да бросьте, — усмехнулась Валентина. — У вас есть химические формулы нескольких различных ядов, обнаруженных в его теле.

Дабит закатил глаза.

— Он еще в состоянии закатывать глаза, — заметил Эндрю. — Еще не до конца повзрослел.

— Дабит Очоа, — сказала Валентина. — Вот что я выяснила. Жители Таррагоны не имеют никакого отношения к смерти Кена Аргона, но боятся, что кто-то из них все же может быть к ней причастен, и потому заняли глухую оборону, защищаясь от злобных бюрократов, которым

никогда не понять ни их самих, ни их жизнь. И я почти не сомневаюсь, что вы считаете так же.

— Рад, что мы пришли к одному и тому же выводу, — кивнул Дабит.

Валентина повернулась к брату:

— Эндрю, что ты узнал от льопов?

— Когда-то они умели то, что им теперь недоступно, — ответил Эндрю. — Но они об этом помнят. Они помнят, что когда-то были умнее и способнее нас.

Дабит удивленно поднял брови.

— До чего же вы безжалостный дознаватель, — усмехнулся Эндрю. — Но вы меня сломили, так что скажу вам, что я думаю. Я думаю, что льопы когда-то умели говорить.

На это Дабит уже промолчать не смог:

— Откуда вы можете знать, что некое существо умело говорить, причем когда-то?

— По тому, как они слушают. Самки, не самцы, и только пожилые. Они реагировали на мою речь и, как мне кажется, понимали ее, хотя я говорил на общем, а не на каталонском.

— Кен тоже говорил на общем, — заметил Дабит.

— Как и пираты, — кивнул Эндрю. — Но хватит и одного Кена. Будем считать, что он единствен-

ный человек, языку которого научились льопы. По пути сюда я просмотрел не меньше видеозаписей, чем вы, и должен отметить, что каждый раз, когда Кен находился в обществе льопов, он не прекращал говорить. И дело вовсе не в сентиментальности или очеловечивании инопланетного хищника. Мне показалось, что Кен поддерживал с ними разговор. И я сделал то же самое.

— Хотите сказать — они вам ответили?

— Кену они тоже не отвечали, — сказал Эндрю. — Дело не в ответах — дело в понимании. Я задавал им множество вопросов и рассказывал множество историй. Меня внимательно слушали — в смысле, взрослые самки, поскольку самцам и детенышам это быстро наскучило и они нас покинули.

— И они вам ни разу не угрожали?

— Давайте по порядку, — улыбнулся говорящий. — Мне стало ясно, что они понимают сложное повествование и, как и вы, порой мне не верят.

— Как они демонстрировали понимание? — спросил Дабит.

— Нет, они не моргали один раз вместо «да» и дважды вместо «нет», если вы об этом. Я не излагаю вам научно достоверную информацию.

Только собственное восприятие и выводы.

— Прошу прощения, — ответил губернатор. — Именно это мне от вас и нужно.

— И тем не менее нам до сих пор многое непонятно, — продолжил Эндрю. — Насчет Кена, насчет льопов, а больше всего насчет того, что, как считал Кен, он сумел узнать о них. Если Кен полагал, что льопы разумны или хотя бы потенциально разумны — ведь таков стандартный подход? — (Дабит кивнул.) — Если он объявил их разумными, то вопрос о постоянном статусе становится весьма спорным. Но, с другой стороны, он работал с ними несколько лет и наверняка знал о них намного больше, чем смог узнать я. Однако при этом он ведь так и не обнаружил у них разума? — (Дабит вновь согласился.) — Так что, даже если он до какой-то степени перенял их образ жизни, он все же не зашел настолько далеко, чтобы утратить способность оценивать уровень разума. Он вовсе не считал, что льопы в их нынешнем виде годятся в кандидаты на первый разумный вид после жукеров.

— В их нынешнем виде, — повторил Дабит.

— Думаю, Кену не давали покоя записки некоторых пиратов-колонистов, в которых говорилось, будто псы рассказывали им, где найти дичь, где

сажать растения, — не так уж много, к тому же под «рассказывали» могло иметься в виду «показывали».

— Даже наверняка имелось, — заметил Дабит.

— Но как считал сам Кен Аргон? — продолжал Эндрю. — Думаю, именно из-за этих пиратских записок он не мог оставить льопов в покое, пытаясь выяснить истинный смысл этих текстов. Нам льопы ничего не рассказывают и не показывают. Они ведут себя как стая гиен или волков — самцы заняты непрекращающейся игрой в «царя горы», а всем молчаливо заправляют самки. Добывают еду, кормят детенышей — и внимательно наблюдают за пытающимися досаждать им людьми.

— Ты наблюдал за ними всего один день, Эндрю, — усмехнулась Валентина, — и уже начал им досаждать? Они точно разумны.

Дабит не оценил ее юмора. Сама фраза «они разумны» приводила его в трепет. Хотя его задача заключалась в том, чтобы как можно скорее подтвердить постоянный статус для колонии Таррагона, он ничем не отличался от любого другого сотрудника ИС. Ему хотелось найти разумный вид, особенно нетехнологический, который не мог бы однажды прилететь на Землю и попытаться уничтожить человечество.

— В общем, я сделал несколько предварительных выводов, — сказал Эндрю. — А теперь предлагаю вам их опровергнуть, поскольку, как мне кажется, они на грани безумия, как и Кен Аргон.

— Это подразумевает, что кому-то известно, где проходит эта грань, — мрачно проговорил Дабит. — Я пытаюсь найти ее всю жизнь.

— Думаю, вы не раз пересекали ее туда и обратно, — улыбнулся Эндрю. — По крайней мере, так считал ваш отец.

Дабит резко взглянул на него:

— Если вы полагаете, будто вам известно, кем был мой отец, то вы утратили все мое доверие.

— То, что вам ничего не удалось выяснить, вовсе не означает, будто никто больше этого не знает, — сказала Валентина. — Жизнь не раз преподавала мне подобный урок, обычно при весьма щекотливых обстоятельствах. Но, думаю, Эндер затронул эту тему лишь для того, чтобы взволновать вас и отвлечь, считая, что так всем нам будет проще всерьез отнестись к его предложению.

— Какому предложению? — спросил Дабит, отметив, что Валентина назвала брата Эндером; возможно, она поступала так всякий раз, когда хотела его позлить.

— Я хочу увидеть третью лабораторию, — сказал Эндрю. — Но мне хотелось бы привести туда главную самку из местной стаи львопов.

— Дикого хищника, способного откусить все, что угодно, от пальца до головы, и от которого мы никак не сможем защититься? — спросил Дабит. — И вы считаете, что ничего плохого случиться не может?

— Она ничего никому не сделает, — ответил Эндрю.

— У вас что, заключен с ней договор? — поинтересовался Дабит. — Или устное соглашение? Одно тявканье означает «да»…

— Я нарисовал ей картинку, — сказал Эндрю, — а она нарисовала в ответ другую.

— Урок рисования, — усмехнулась Валентина.

— На земле, — продолжил говорящий. — Вероятно, камеры расположены не под тем углом, чтобы увидеть, чем мы занимались. Ее рисунки на удивление точны и детальны. Она уже не в первый раз общалась подобным образом.

— Ты сделал фотографии? — спросила Валентина.

Эндрю коснулся драгоценного камня на мочке уха.

— Наверняка они сделаны. Джейн отлично

умеет фиксировать.

— Она может нам их показать?

— Я не хочу, — ответил Эндрю.

— Потому что мы поймем, что это на самом деле не просто картинка? — спросила Валентина.

Дабит порадовался, что Валентина делает за него его работу.

— Потому что вы не согласитесь со мной насчет того, что она означает, — сказал Эндрю. — Но я все равно прав.

— И что же, по-нашему, она должна означать? — спросил Дабит.

— По-вашему она не означает ничего, — ответил Эндрю. — Но я думаю, что льопа нарисовала ее для Кена. Мне нужно посмотреть, что находится в третьей лаборатории, но я должен взять с собой льопу.

— Ты дал ей имя? — спросила Валентина. — Когда приводишь домой питомца и просишь мамочку, чтобы та разрешила тебе его оставить, звучит куда убедительнее, если ты уже как-то его назвал.

— У нее есть имя, — сказал Эндрю, а затем дважды коротко тявкнул, издал низкое рычание и дважды вздохнул.

— И как это записать? — поинтересовался Да-

бит, делая вид, будто берет карандаш.

— Она на него отзывается, и, кроме нее, больше никто, — ответил Эндрю. — Сегодня утром я ее позвал. Она пришла и поговорила со мной.

— Потому что вы назвали ее по имени? — спросил Дабит.

— Никто другой ее так не называл. По крайней мере, с тех пор, как умер Кен Аргон.

— Так что она нарисовала? — настаивал Дабит. — Не важно, согласимся мы с вами или нет. Если хотите получить доступ в третью лабораторию, с льопой или без нее, вам придется мне показать, что она там изобразила.

— Когда здесь впервые появились люди, — начал Эндрю, — как минимум некоторые льопы вступили в разговор с некоторыми из колонистов. Думаю, пиратов повергло в ужас, что льопы могут понимать и воспроизводить человеческую речь.

— Но они же этого не могут, — возразил Дабит.

— И тем не менее, — ответил Эндрю.

— Откуда вы знаете? — спросил Дабит. — Вряд ли в археологических данных сохранились устные разговоры.

— Все те же записки, — сказала Валентина.

— Не записки, — покачал головой Эндрю. — Достаточно того, что она меня понимала.

— Потому что ты умеешь читать язык тела льопов, — предположила Валентина.

— Пока я летел сюда, я изучал отчеты исследовательских групп о льопах, — сказал Эндрю. — Я знаю, что искать.

— Я много раз их читал, — ответил Дабит, — но все равно не знаю.

— Потому что отчеты писали люди из ИС, объяснявшие все свидетельства разумности как «примитивное звериное общение», — сказал Эндрю. — Тем не менее такие свидетельства есть. Льопы понимают человеческую речь.

— Потому что они ушли, когда кто-то произнес слово «образец»? — спросила Валентина.

— Да, — ответил Эндрю.

— Вы о чем? — не понял Дабит.

— Покажи ему, Джейн, — сказал Эндрю.

Включился голографический дисплей, и мгновение спустя на нем появились несколько о чем-то беседовавших членов исследовательской команды и два спокойно лежавших неподалеку льопа. Ничего было не разобрать, пока возглавлявшая группу женщина не сказала: «По протоколу мы должны исследовать несколько образцов и доложить о результатах». Два льопа тут же вскочили и покинули поле зрения.

— Совпадение, — сказал Дабит.

— Если бы зашла речь о вивисекции, — ответил Эндрю, — еще неизвестно, кто бы кому устроил вивисекцию.

— Твоя подружка Тяф-тяф-гррр тебя понимала?

— Я пытался писать на земле буквы.

— И она поправляла за тобой? — Валентина повернулась к Дабиту. — Эндрю порой пишет с дурацкими ошибками.

— Да, — кивнул Эндрю. — Но не так, как ты думаешь. Она помешала мне писать, перечеркнув буквы когтем, а потом, когда я попытался снова, оттолкнула мою палку.

— Художественная критика? — усмехнулась Валентина. — Или литературная?

— А потом она что-то нарисовала на том же клочке земли.

— Покажите, — сказал Дабит.

— Действуй, Джейн. — Эндрю слегка помедлил. — Без обработки, просто чистую картинку.

В голографическом поле появился горизонтальный участок земли. Дабит и Валентина встали, чтобы лучше видеть.

Льопа, судя по всему, рисовала одним когтем, поскольку линии были резкие и четкие. Но Дабиту изображение ничего не говорило.

— И что мы должны тут увидеть? — спросил он.

— Мне кажется, это колеса, — сказала Валентина. — Почтовый грузовик. Она жалуется, что им давно не доставляли писем.

— Ладно, Джейн, а теперь с обработкой.

Теперь некоторые линии на земле стали светлее. Возник странный рисунок четвероногого существа с челюстями аллигатора, но без всякой перспективы, полностью плоский, как будто все четыре ноги исходили прямо из туловища, а челюсти из шара на одном его конце.

— Интересно, какие еще картинки можно тут отыскать, выбирая нужные линии? — поинтересовалась Валентина.

— Мы с Джейн показали ей обработанную версию. Она согласилась.

На Дабита картинка произвела несколько большее впечатление, чем хотелось бы ему самому.

— Да, тут есть эти линии, — сказал он. — Но есть и множество других.

— Думаю, некоторые из них свидетельствуют о том, что ей не пришло в голову приподнять коготь, переходя от одной части картинки к другой, — ответил Эндрю.

— То есть побочные следы, — кивнул Дабит. —

И она нарисовала это после того, как помешала вам писать?

— Позвольте показать вам причину, по которой мне нужно попасть в третью лабораторию, — сказал Эндрю.

Круглая голова тотчас же подсветилась желтым вместе с отходящим от нее десятком побочных линий. Челюсти льопа, однако, не изменились.

— Я думала, это и есть голова, — сказала Валентина.

— Я до сих пор так считаю, — заметил Дабит.

— Возможно, — кивнул Эндрю. — Не знаю. Но я с самого начала собирался вам это показать, прежде чем мы пойдем в третью лабораторию.

— Зачем? — спросил Дабит.

— Потому что я спросил льопу, почему эта круглая штуковина не похожа на ее голову.

— И что она ответила? — шутливо поинтересовалась Валентина.

— Направилась в сторону комплекса ИС, — сказал Эндрю.

— Что ж, понятнее некуда, — усмехнулся Дабит.

— Все ее действия говорили о том, что она меня понимает и пытается общаться.

— И то, что она направилась к комплексу, озна-

чало…

— По мнению Эндрю, это значит, что та круглая штука находится внутри комплекса ИС, — подсказала Валентина.

— Эта круглая штука, — заметил Дабит, — либо изображение головы льопа, какой ее мог бы нарисовать ребенок, либо солнце с отходящими от него желтыми лучами.

— Смени цвет, Джейн, — велел Эндрю.

Желтый круг и отходящие от него отростки стали розовыми.

— Ну, теперь уж совсем тошнотворная картинка, — сказала Валентина. — Будто чей-то желудок.

— Или сердце с венами и артериями, — кивнул Дабит.

— Может, закончим игру в свободные ассоциации? — спросил Эндрю. — Так вы разрешите мне позвать льопу и провести ее внутрь?

— Мы никогда не допустим, чтобы инопланетное существо самостоятельно вошло в лабораторию ИС. Только если оно будет под воздействием транквилизаторов или обездвижено как-то иначе.

— Это запрещено?

— Кто бы сомневался, — сказала Валентина.

— Неявным образом, — ответил Дабит. — Нам говорили про необходимость обездвиживания, но не прямо…

— Вам ведь самому этого хочется, Дабит? — рассмеялась Валентина.

— Да, — ответил Дабит, не поняв причины ее смеха. — Это может положить конец моей карьере, а если льопа вдруг взбесится, то и нашим жизням. Но, как мне кажется, интерпретация рисунка, которую предложил Эндрю… само его существование…

— Все меняет? — спросила Валентина.

— Вызывает несколько необычную реакцию. — Дабит снова повернулся к Эндрю. — Думаете, она захочет пойти?

— Она продолжала идти в сторону комплекса, — ответил Эндрю. — И сейчас ждет снаружи. Но никто из других льопов за ней не последовал.

— И что?

— Она матриарх, — пояснил Виггин. — Куда бы она ни направлялась, за ней всегда следует вереница самок с детенышами.

— Мне как-то не приходило в голову поинтересоваться, — с явным любопытством заметила Валентина. — Льопы кормят своих детенышей молоком?

— У них нет ни молочных желез, ни сосков, — ответил Эндрю. — Однако некоторую добычу они заглатывают почти целиком, а потом, вернувшись к стае, отрыгивают ее для детенышей. Так же, как некоторые виды на Земле.

— Птицы? — спросила Валентина.

— И звери тоже. Например, некоторые псовые.

— Не знала, что у млекопитающих такое тоже бывает.

— Многим мужчинам трудно понять, что молочные железы — вовсе не главное счастье в жизни млекопитающих, — улыбнулся Эндрю.

— Да, — сказал Дабит. — Пожалуй, рискну. Но заходите с ней не через главный вход, а с южной стороны. Я открою грузовой въезд.

— Там есть камеры? — спросила Валентина.

— Чем вам не нравятся камеры? — поинтересовался Дабит.

— Я историк, — ответила Валентина. — И я как раз хочу, чтобы камеры были везде. Что, если у нас ничего не получится и в итоге мы превратимся в куски мяса, часть которых проглотит Тяф-тяф-гррр, чтобы потом отрыгнуть своим детенышам? Кто-то должен будет знать, какую глупость мы совершили.

— Все было бы намного проще, если бы Кен

ничего не стер, — сказал Эндрю.

— Возможно, Кен пытался помешать тому, что мы собираемся сделать.

— Он не стал приводить туда никого из тех, кого пираты называли псами, — сказала Валентина.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эндрю.

— Потому что он никого оттуда не выпускал. Камеры у дверей никто не трогал, и за то время, пока он стирал записи, ни одна из дверей не открывалась. Однако льопов внутри не было. Эрго.

— Сум, — сказал Эндрю.

— Ты постоянно забываешь про «когито», — заметила Валентина.

«Похоже, они готовы всю свою жизнь превратить в шутку», — подумал Дабит. Хотя, по крайней мере, сейчас он понял, что речь идет о знаменитом высказывании Декарта: «Cogito ergo sum» — «Мыслю, следовательно, существую».

— Идите за льопой, Эндрю, — сказал Дабит.

— Компания нужна? — спросила Валентина.

— Нет, — ответил Эндрю.

— А ошейник с поводком?

— Я просто скажу ей «рядом», и она пойдет со мной.

— Давайте пока откроем дверь для мальчика и его собаки, — сказала Валентина Дабиту.

Дабит не раз бывал среди льопов еще в те времена, когда на этом настаивал Кен Аргон, но в их присутствии ему всегда становилось не по себе. Особенно сейчас, поскольку Тяф-тяф-гррр вела себя совершенно не похоже на льопа — скорее как дрессированная собака, не сводившая взгляда с двери.

— Похоже, она думает, что это именно то место, — сказала Валентина.

— Может, она чует что-то такое, чего не чувствуем мы, — предположил Эндрю.

— Сейчас я открою дверь, — сообщил Дабит. — Кажется, впервые с тех пор, как сюда пришел перед смертью Кен.

— Стоило бы надеть костюмы химической защиты, — сказал Эндрю. — Но, боюсь, тогда наша четвероногая спутница перестанет нам доверять.

— Думаю, то, что убило Кена, не попало в атмосферу, — покачал головой Дабит. — Иначе бы он нас предупредил. Кен никогда не был негодяем и уж точно не оставил бы здесь ловушку для случайного визитера.

— Да уж, человек, только что получивший смертельную дозу инопланетного яда, всегда думает о благополучии других, — усмехнулась Валентина.

— Во времена Первой войны с жукерами люди вели себя вполне достойно, — заметил Эндрю. — Несмотря на то, что те уничтожали все живое своими дефолиантами.

— До чего же чудесные создания эти люди, — сказала Валентина.

— В общем, да, — улыбнулся Эндрю. — Естественно, не считая здесь присутствующих.

Дабит приложил ладонь к дверной панели, но ничего не произошло.

— Какое разочарование, — проговорила Валентина.

— У Кена не было полномочий блокировать мне доступ, — сказал Дабит. — Когда я прилетел на Каталонию, ИС перепрограммировала все под меня.

— Кен Аргон делал много такого, на что у него не было полномочий, — заметил Эндрю.

Протянув руку, он приложил к панели ладонь, и дверь открылась.

Дабит хотел было язвительно высказаться насчет того, что допуск Эндрю Виггина выше, чем у самого Господа, но тут в открытую дверь медленно вошла матриарх льопов.

Дабит последовал за ней. Эндрю слегка поотстал — возможно, его привел в замешательство

сам факт, что ему удалось во владениях Дабита открыть дверь, над которой тот оказался не властен.

В помещении не было заметно никаких признаков того, что здесь отравили человека. Не ошибся ли Дабит? Может, Кен, когда на него напали, работал где-то в другом месте?

— Никаких неприятных запахов и вообще ничего такого, — заметила вошедшая вместе с Эндрю Валентина.

— Ничего не опрокинуто, — добавил Эндрю. — Ничего не пролито, не разбито.

— Кен Аргон умер чистой смертью, — сказала Валентина.

— Когда он отсюда уходил, то мог еще не ощущать в полной мере действие яда, — проговорил Дабит. — Может, даже не понимал, что это смертельно.

— Или его отравили не здесь, — предположил Эндрю. — Такое впечатление, будто он прибирался. Вон, даже губка лежит.

— Круглая, бежевая и с отростками, — сказала Валентина.

— Как на той картинке, — сразу же понял Дабит.

Льопа уже направлялась в ту сторону — не

спеша, но очень уверенно. Дабит почти не сомневался, что именно за этим она и явилась. Именно об этом просила Говорящего от Имени Мертвых. Теперь картинка представлялась ему как изображение льопа с каким-то круглым паразитом на голове.

Когда голова льопы оказалась на уровне стола, она удивительно мягко взяла губку пастью и, закинув назад голову, проглотила.

— Ей что, просто хотелось пообедать? — тихо спросила Валентина.

Глаза льопы внезапно потемнели, а затем из ее ушей и ноздрей медленно потекла вязкая жидкость того же цвета, что и губка. Вопреки гравитации жидкость текла вверх, пока не покрыла полностью макушку хищницы, вскоре превратившись в шар с отверстиями для глаз, из которого торчали челюсти.

— Спасибо, — произнесла льопа, повернувшись к Эндрю. Голос был не человеческий, но и не компьютерный, и уж тем более не собачий. Слишком ровный для животного и слишком высокий для человека, отчего создавался почти комический эффект — будто собака говорит голосом маленького ребенка.

— Спасибо, — обратилась она к Дабиту, но ни

слова не сказала Валентине. Похоже, знала, кто тут принимает решения.

— Я говорю с… — Эндрю издал означавшие имя льопы звуки.

— Ты говоришь со мной, — сказала льопа. — Великой Матерью. Но теперь я снова обрела голос.

— У тебя раньше уже был этот… спутник? — спросил Эндрю.

— Я очень стара, — ответила она. — Еще с тех времен, когда голосом обладала каждая женщина.

— Но не самцы? — спросил Дабит.

Великая Мать не обращала на него внимания.

— Моя спутница умирает, — сказала она. — Ах. Ах-ах-ах. Мы слишком опоздали.

— Мы как раз вовремя, — возразил Эндрю. — Говори все, что можешь.

— Мы жили в обществе этих созданий десятки тысяч поколений. Тогда мы хранили нашу историю в песнях. Теперь я едва их помню, и у меня нет времени их петь, тем более на этом языке. Слишком сложно перевести.

— Почему твоя спутница умирает? — спросил Эндрю.

— Они все умерли. Все. Но ей так жаль, что Кен Аргон погиб. Она этого вовсе не хотела.

Дабит мог только предположить, что, соединившись с Великой Матерью, паразит каким-то образом узнал о смерти Кена. А может, и обо всем, что содержалось в мозгу льопы.

— Что она сделала?

— Она думала, что Кен Аргон хотел ее отравить. И отравила его самого.

— Она ядовитая? — спросил Эндрю.

— Только при необходимости. Он держал ее в банке и опрыскивал чем-то, от чего она очень страдала.

— Он работал над лекарством от кошачьего токсоплазмоза, — покачал головой Дабит.

— Знаю, — ответила Великая Мать. — Он мне говорил. Я знала, что он держит ее здесь. И он понимал, что если я с ней соединюсь, то заражусь, умру и, скорее всего, передам кошачью болезнь другим. Всей семье.

— Значит, он пытался излечить ее до того, как ты с ней соединишься? — сказал Эндрю.

Дабит поискал какие-нибудь записи. На столе лежал блокнот в окружении нескольких пузырьков с засохшими пятнами и осадком на дне. Возможно, в блокноте содержалась информация о том, что пытался сделать Кен. Например, разработанная им формула лекарства от токсоплазмоза.

Но страницы были пусты. Зная Кена, Дабит понял, что тот стал бы что-то записывать только в том случае, если бы лекарство сработало.

— Твоей спутнице было больно, когда Кен ее опрыскивал? — спросил Дабит.

— Похоже на смертные муки, — наконец ответила ему Великая Мать.

— Она и сейчас страдает? Не похоже, что она умирает.

— Боль прошла, — ответила Великая Мать. — Она страдала от голода и жажды, пытаясь понять, что убьет ее раньше. Сперва питательный раствор был очень насыщен, но в последние семнадцать дней она не получала ничего, кроме воды, да и той совсем немного.

— Никто не знал, что питательный раствор истощился, — сказал Дабит. — Никто не знал, что здесь есть что-то живое.

— Формула Кена сработала? — спросил Эндрю. — Удалось ее излечить?

— Нет, — ответила Великая Мать. — У нее нет никаких симптомов болезни, но внутри ее тела образовались пузырьки, которые теперь пробуждаются и распространяются по моему телу. Скоро я умру.

Только теперь Дабит понял, что льопа пришла

сюда если не собираясь умереть, то… то в надежде воссоединиться с дающим ей голос симбионтом, пусть даже ценой своей жизни.

— Вы можете записать мою песню? — спросила Великая Мать. — Мне бы хотелось спеть ее на нашем родном языке. Сперва я объясню значение нескольких слов, а потом вы сможете выучить остальные из песен, которые я спою перед смертью.

— Не могла бы ты рассказать нам… — начал Эндрю.

— Она последняя из себе подобных, — продолжала Великая Мать. — У нас никогда больше не будет голоса. О, Говорящий от Имени Мертвых, позволь мне воспеть мою собственную смерть, смерть моего народа!

— Мы немедленно отсюда уйдем, — сказал Дабит. — Все люди должны будут покинуть…

— Слишком поздно, — ответила Великая Мать. — Мы больше не разумны. Если хотите уйти — уходите. Но только после того, как перебьете всех кошек. Не оставляйте кошкам наш мир.

— Пой, — сказала Валентина, включая рекордер. — Это устройство будет слышать тебя и записывать в течение двадцати часов.

— Я умру намного раньше, — ответила Великая

Мать.

— Хочешь, чтобы мы остались? — спросила Валентина. — Чтобы тебе было кому петь?

— Нет, — сказала Великая Мать. — Я буду петь моему народу. Возьми эту запись и проиграй ее им. Проигрывай каждый день. Может, некоторые смогут понять даже без спутников. Может, некоторые выучат наш язык.

— Пойдем, — кивнул Эндрю, и Валентина тут же направилась к двери.

Дабит понимал, что им следует уйти, но все произошло так быстро, так невероятно, так внезапно… Ему хотелось узнать все до конца, но он знал, что у льопы нет времени отвечать на его вопросы. У нее все еще оставалась надежда — надежда, что ее песни смогут что-то пробудить в умах ее… ее народа. И как ему только пришло в голову пытаться помешать ей?

Льопа начала петь на языке, состоявшем из взвизгиваний и рычаний, вздохов и стонов, ритмом и тональностью напоминавшем музыку, хотя ничего подобного Дабит никогда прежде не слышал.

Эндрю взял его за руку и повел к выходу, а затем закрыл за ними дверь.

— Камеры выключены, — сказал Дабит. — Как

мы узнаем, когда она закончит?

— Вы что, не знаете, как быстро токсоплазмоз действует на живых существ этой планеты? — спросил Эндрю. — Об этом было в отчетах.

— Знаю, — кивнул Дабит. — Ей осталось всего несколько часов.

— А что потом? — спросила Валентина. — У них есть какой-то ритуал? Вроде похорон?

— Только не для тех, кто умер от кошачьей болезни, — ответил Эндрю. — Это тоже есть в отчетах. Они сторонятся умерших, опасаясь заразиться. И они не едят ничего, что умерло от токсоплазмоза.

— Нам следовало бы найти решение проблемы токсоплазмоза несколько столетий назад, — заметила Валентина.

— Мы нашли его, — ответил Дабит. — Брать кошек в космос считается тяжким преступлением.

— То есть сюда со своими кошками прибыла колония преступников? — спросила Валентина.

— Весьма вероятно, что именно так оно и было, — кивнул Дабит.

— Думаю, нужно найти какой-нибудь вирус, уничтожающий бактерии токсоплазмы, — предположила Валентина.

— Или вирус, который убивает только кошек, —

добавил Дабит. — Собственно, именно он нам и нужен — поскольку, даже помимо токсоплазмоза, кошки истребляют десятки видов мелких животных просто ради забавы.

— Сколько колонистов подхватило этого паразита? — спросил Эндрю.

— Мы проверяем всех каждые три месяца, — ответил Дабит. — Зараженных нет.

Эндрю и Валентина промолчали.

— Я воспользуюсь своими полномочиями, чтобы заставить всех пройти проверку у персонала ИС, а не у местных медиков, — сказал Дабит.

— Что, кто-то стал бы скрывать инфекцию? — спросила Валентина.

— Токсоплазмоз обычно не опасен для людей, — ответил Дабит. — Но он вызывает привязанность к кошкам.

— Люди все так же приносят кошачьи шкуры ради премии? — поинтересовался Эндрю.

— Постоянно, — сказал Дабит.

— Но бороться с ростом кошачьей популяции все равно не получается? — спросил Эндрю.

— Ничто не может за ним угнаться, — сказала Валентина.

— Как народ реагирует на решение отказать колонии в постоянном статусе? — продолжал

задавать вопросы Эндрю.

Дабиту не хотелось отвечать, но он посчитал себя обязанным сказать правду:

— Они получат постоянный статус. И мы будем прилагать все усилия, чтобы истребить кошек, а с ними, возможно, и токсоплазму. А льопы получат обширный заповедник, который всегда будет принадлежать только им.

— Пока Каталония не станет независимой планетой и не сможет принимать собственные законы, — уточнила Валентина.

— Возможно, — ответил Дабит. — Хотя я буду рекомендовать Звездному конгрессу не предоставлять независимость без твердых гарантий…

— Твердые гарантии ничего не будут стоить, как только новые власти решат, что льопы — опасные дикие звери, — сказала Валентина.

— Льопа нарисовала картинку, — напомнил Эндрю. — Она пришла сюда, чтобы найти свою спутницу. Она отдала свою жизнь ради своего народа. Как можно вообще говорить, будто льопы неразумны?

— Потому что они и в самом деле неразумны без своих спутников-симбионтов. А все симбионты погибли, — ответил Дабит. — Мы будем искать — может, найдутся и другие. Возможно, на каком-

нибудь острове. В этом нет ничего невозможного. Или какой-нибудь генетически близкий вид, который нам удастся изменить. Мы попытаемся. Но меня прислали сюда с четкими инструкциями.

— Доказать, что льопы неразумны, а Кен Аргон — сумасшедший, — покачала головой Валентина.

— Да, — кивнул Дабит.

— Думаю, вы вряд ли захотите, чтобы я говорил о Кене Аргоне, — сказал Эндрю.

— Захочу, — ответил Дабит. — Для меня. Для моей команды — по крайней мере, некоторых. Но не для народа Таррагоны.

— Некоторые могут и передумать, — заметила Валентина. — Если узнают правду.

— Нет, — покачал головой Дабит. — Они станут винить пиратов и кошек, не понимая, почему должны расплачиваться за их преступления. Все случилось еще до того, как мы сюда прилетели. Не мы принесли с собой эту заразу. Да, это и трагедия — но не повод отказываться от прекрасной планеты. Вот что они подумают. Кен Аргон для них — ренегат, предатель, враг.

Эндрю и Валентина одновременно кивнули, словно управляемые одним кукловодом марионетки.

— Я рад, что вы сюда прилетели, — продолжал Дабит. — Мне нужно было знать правду, даже понимая, какой результат желает получить ИС. Вскоре меня все равно заменят на кого-нибудь более лояльного. Возможно, он уже в пути.

— Да, — сказал Эндрю.

— Эндрю, вы в самом деле знаете, кем был мой отец? — печально улыбнулся Дабит.

Эндрю покачал головой, хотя Дабит не понял, что он имеет в виду — «Нет, не знаю» или «Нет, я вам не отвечу».

— Эндрю, — спросил Дабит, — разве Говорящие от Имени Мертвых когда-либо боялись сказать правду, даже если никто не желает ее слышать?

— Нет, — ответил Эндрю. — Но, Дабит, друг мой. Вы ведь пока что не мертвы.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Маленький поляк. *Перевод К. Плешкова* 7

Выскочка. *Перевод К. Плешкова* 50

Игра Эндера. *Перевод Б. Жужунавы* 88

Советник по инвестициям. *Перевод К. Плешкова* 140

ВОЙНА ДАРОВ *Перевод К. Плешкова*

1. Святой Ник 177

2. Чулок Эндера 188

3. Дьявольские вопросы 194

4. Канун Синтерклааса 201
5. День Синтерклааса 210
6. Священная война 216
7. Носки 225
8. Мир 233
9. Виггин 239
10. Милосердие 250
РАССКАЗЫ *Перевод К. Плешкова*
Подающий надежды юноша 255
Обманщик 279
Золотой жук 300
Губернатор Виггин 339
Тюрьма Мэйзера 370
Красавчик 399
Ренегат 418